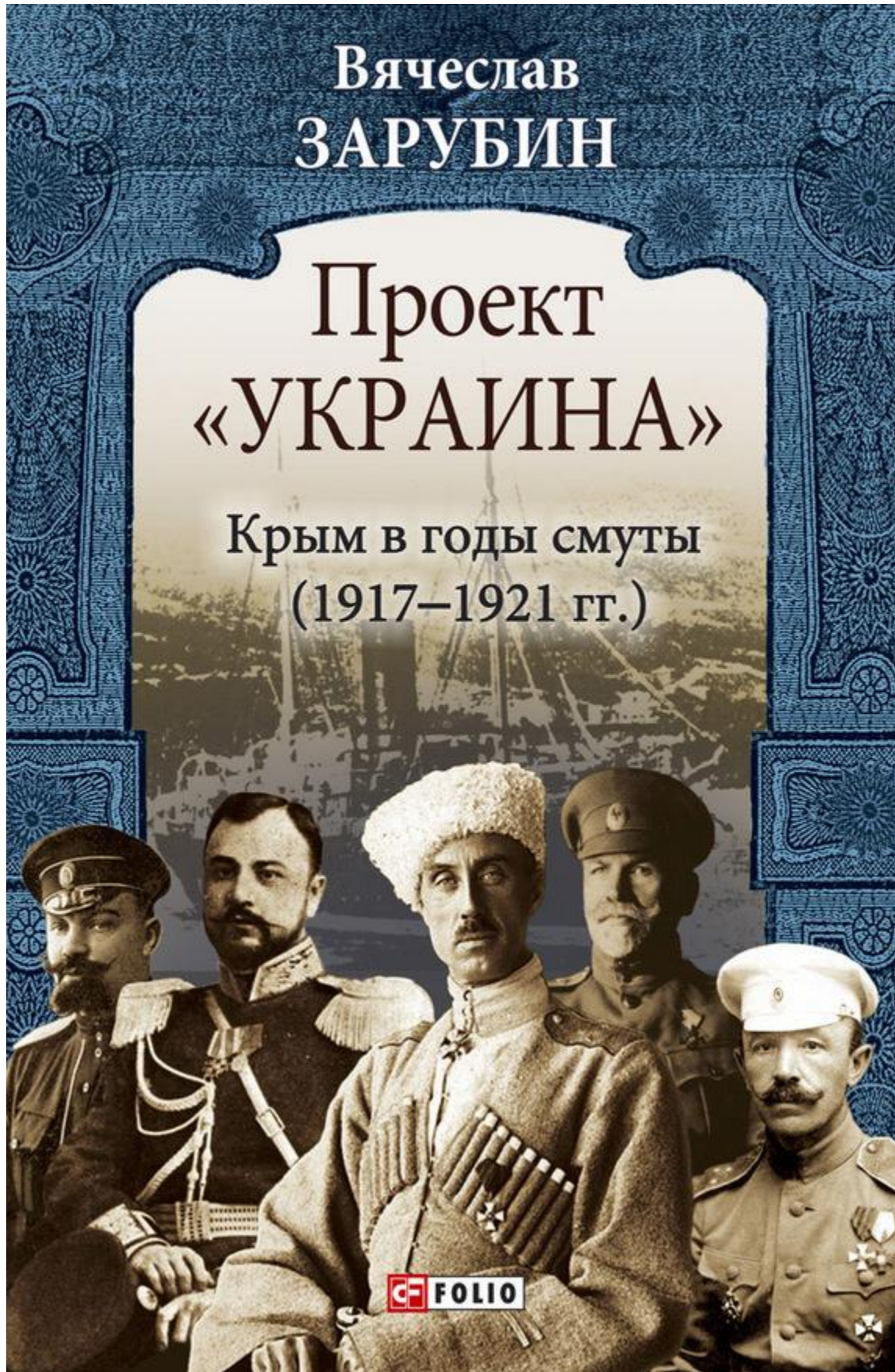

Вячеслав Георгиевич Зарубин
Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.)

Проект «Украина» –

*«Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917– 1921 гг.) / В. Зарубин; худож.-оформитель А. Д. Кононченко.»: Фолио; Харьков; 2013
ISBN 978-966-03-6091-4*

Аннотация

Эта книга посвящена событиям гражданской войны в Крыму. Используя архивные данные, воспоминания, многочисленную литературу, автор постарался нарисовать общую картину жизни полуострова тех лет. Особое внимание уделяется характеристике деятельности различных государственных образований, сменявших друг друга на протяжении короткого отрезка времени – Социалистической Советской Республики Тавриды, первого и второго Крымских краевых правительств, Крымской Социалистической Советской Республики, правительства Юга России, – а также непростым межнациональным отношениям в многоэтничном регионе. В книге нет мифов и домыслов, автор максимально объективно освещает историю Крыма в 1917–1921 гг., не замалчивая ее неприглядные моменты.

Вячеслав Зарубин

Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.)

Памяти моего брата Александра посвящаю

Предисловие

В 1997 году совместно с кандидатом исторических наук Александром Зарубиным нам удалось реализовать задуманный к 75-летию окончания гражданской войны в Крыму проект – выпустить в издательстве «Таврия» работу по ее истории, написанную на основе архивных материалов, периодики, мемуаров, многочисленной литературы¹. К сожалению, значительная часть полуторатысячного тиража этой книги погибла при пожаре, случившемся в октябре 2000 года в здании Крымского республиканского краеведческого музея. Правда, текст этого издания был размещен в Интернете, что позволило ознакомиться с ним значительному числу читателей, равно как и дать возможность многочисленной орде плагиаторов Крыма, Украины и России безбожно переписывать под своими фамилиями немалые из него части.

За более чем десятилетний срок, прошедший после выхода этой книги, в научный оборот было введено немало источников, опубликовано значительное количество литературы по данной проблематике. Все это вызвало настоятельную необходимость переиздания нашей работы с существенными дополнениями и исправлениями. Отдельные ее разделы в 2005–2007 годах печатались в журнале «Историческое наследие Крыма» (Симферополь).

В 2008 году в издательстве «АнтиквА» тиражом в 800 экземпляров вышло второе – существенно исправленное и дополненное издание нашей книги, по объему превышающее первое более чем в два раза². К сожалению, мой старший брат, идейный вдохновитель и ведущий соавтор, не дожил до этого дня. Он скончался в Кемерово 15 декабря 2003 года.

Настоящая работа, посвященная той же теме, несколько отличается от предыдущих. Значительно меньше стало сносок, теоретических выкладок, исправлены неизбежные погрешности и неточности, исключены некоторые пассажи, не касающиеся напрямую событий на полуострове.

Данная книга рассчитана на более широкий круг читателей, ее цель – дать цельное представление о событиях 1917–1921 годов в Крыму.

Автор выражает особую признательность сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (ГААРК), библиотеки Центрального музея Тавриды «Таврика»

им. А. Х. Стевена и отделу фондов этого музея, Республиканской универсальной научной библиотеке им. И. Я. Франко (Симферополь), Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург/Геттинген, Германия), издательства «Фолио», а также персонально А. Айсфельду (Геттинген, Германия), |И. В. Ачкинази| (Симферополь), Р. Н. Белоглазову (Симферополь – Киев), Т. Б. Быковой (Киев), М. В. Владимирскому (Москва), Д. Вежхосу (Варшава, Польша), С. А. Гвоздеву (Ярославль), А. Г. Герцену, Г. Н. Гржибовской, Л. В. Гурбовой, В. Н. Гурковичу, Л. М. Демидовой, протоиерею Н. Н. Доненко (Симферополь), А. В. Ефимову (Севастополь – Москва), С. А. Ефимову, Д. В. Журавлеву, А. А. Зарубиной (Симферополь), В. И. Кефели (Слиппери-Рок, США), С. В. Карпенко (Москва), М. Б. Кизилу (Симферополь – Тюбинген, Германия), В. В. Корнилову (Харьков), В. И. Королеву (Симферополь), С. В. Корновенко (Черкассы), Л. П. Кравцовой (Симферополь), В. В. Крестьянникову (Севастополь), Н. Н. Колесниковой (Симферополь), |В. П. Купченко| (Санкт-Петербург), Х. Кырымлы (Анкара, Турция), Я. В. Леонтьеву (Москва), Е. В. Мажаровой, Ю. М. Могаричеву, А. В. Мальгину (Симферополь), |С. Л. Новикову| (Ялта), В. Н. Прокопенкову (Севастополь), Д. А. Прохорову (Симферополь), С. С. Секиринскому (Москва), Д. В. Соколову, Н. М. Терещук (Севастополь), В. П. Федюку (Ярославль), С. Б. Филимонову, В. В. Харабуге, Л. Н. Храпуновой (Симферополь), В. П. Хрулевой (Санкт-Петербург), С. В. Ченныку (Симферополь), С. М. Червонной (Москва), Е. Н. Шурановой (Кемерово) и многим другим, без которых эта книга не увидела бы свет.

Глава I От Марта к Октябрю

Таврическая губерния складывалась из двух частей: Северной Таврии (Днепровский, Мелитопольский и Бердянский уезды), населенной преимущественно украинцами, и многонационального, многоконфессионального Крыма (Симферопольский, Ялтинский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский уезды). Статус градоначальств имели Керчь-Еникале и Севастополь – база Черноморского флота.

Территория губернии, по переписи населения 1897 года, составляла 53 053 кв. верст, население – 1 551 058 человек, из них городское – 282 654 человека, плотность населения – 27,2 человека на кв. версту (для сравнения соседние и географически близкие губернии и др. единицы: Екатеринославская (соответственно) 2 112 651; городское – 253 993; плотность – 37,9; Херсонская – 2 732 832; 795 377; 43,2)3. В 1917 году плотность увеличилась до 36 человек4.

В общей численности населения полуострова (по данным 1917 года) – 808 903 человека – русские и украинцы составляли 49,4 % (399 785 тысяч), крымские татары и турки – 26,8 % (216 968), евреи, включая крымчаков, – 8,4 % (68 159), немцы – 5,1 % (41 374), далее – греки, армяне, болгары, караимы и прочие, всего – 34 национальности5. С марта 1917 года в Крым возвращаются сосланные царским правительством в отдаленные губернии крымские татары – подданные воюющей с Россией Турции.

Прекрасный климат благоприятствовал развитию сельского хозяйства – основной отрасли крымской экономики – и связанных с ним перерабатывающих предприятий. Крестьянских хозяйств, по переписи 1917 года, насчитывалось 69 625 (64 945), 40 % из которых были безземельными. Лучше всего землей были обеспечены немецкие колонисты: безземельных практически нет. Хуже всех татары (многие из которых потеряли участки из-за отсутствия на них документов) – 65 % безземельных6, затем русские.

77,8 % крестьян были малоземельными (с наделами 10 и менее десятин). Земли

сосредоточивались в руках крупных владельцев: имеющих участки свыше 100 десятин (11,5 % хозяйств) принадлежало почти 90 % всей земли. Это способствовало широкому распространению аренды. Малоземельные как брали участки в аренду, так и сдавали их, уходя на заработки. Крепкие крестьяне прибегали к аренде с целью заработать и прикупить еще земли. Ежегодно в аренду сдавались свыше 25 тысяч десятин, из них большая часть – на условиях *скопщины*. Скопщики селились на владельческой земле и обязаны были отдавать собственнику десятую часть урожая (отсюда название «*десятинщики*»). Чем дальше, тем больше *скопщина* превращалась в самую настоящую обдираловку: добавлялись разные штрафы, отработки, отдавать же в качестве платы за землю в ряде случаев уже приходилось до половины урожая. Это усиливало и так высокую в Крыму степень социального расслоения на селе, что создавало почву для конфликтов.

Землеустроительная деятельность по реформе П. А. Столыпина в Таврической губернии в основном закончилась к 1914 году. Всего со времени издания закона 9 января 1906 года по 1 января 1915 года¹ в частную собственность было продано 19 293 десятины 1 192 домохозяевам, так что в 1917 году частновладельческих хозяйств насчитывалось 4810. Им принадлежало, согласно различным данным, от трети до половины всей земли (данные по С. А. Усову и П. Н. Надинскому).

Немалую площадь занимали казенные и удельные владения, а также *вакуфные* (вакуф – в мусульманском праве имущество, переданное государством или частным лицом на религиозные или благотворительные цели) земли. Впрочем, они со второй половины XIX века активно прибирались к рукам частными владельцами и казной. Последнее осуществлялось так называемой вакуфной комиссией, созданной в 1885 году. И если ко времени присоединения Крыма к Российской империи насчитывалось около 300 тысяч десятин вакуфных земель, то в 1918 году их осталось только 83 тысячи⁷.

Итак, в горах и предгорных районах полуострова преобладала крымско-татарская беднота, в центральной части – русские и украинские крестьяне-середняки, а ближе к северу – немецкие колонии, державшиеся на наемном труде и уже переходившие к интенсивному земледелию. Разница в средних размерах частного владения составляла: 15 десятин (Ялтинский уезд) – 1 000 (Перекопский и Евпаторийский)⁸.

К концу XIX века ведущую роль стало играть быстро растущее товарное производство зерна, вытесняя овцеводство и опережая по темпам развития такие традиционные отрасли, как виноградарство и садоводство. В 1913 году злаковыми было занято 664 074 десятины. Хлеб был главной статьей крымского экспорта. Перед войной через Феодосийский и Керченский порты ежегодно вывозилось 10–30 миллионов пудов зерна и муки.

За полтора с небольшим десятилетия увеличилась в два с лишним раза и составила в 1917 году 12 713 десятин площадь под садами. Практически весь урожай крымских садов поступал в распоряжение «москвичей», крупных купцов-фруктовщиков из столицы и других больших городов. Широкой популярностью пользовалась продукция симферопольских консервных фабрик – товариществ «Эйнем», А. И. Абрикосова, братьев Шишман, П. А. Коркунова. Что касается вина (а его в 1914 году было произведено 439 986 ведер), то заметный удар по экономике Крыма нанесло Временное правительство, запретив виноделие в марте 1917 года.

В годы войны расширяются площади под табаком (с 2155 десятин в 1914-м до 3204 в 1917 году)⁹. Папиросами в большом количестве снабжалась действующая армия. Высокая доходность табаководства и колоссальная арендная плата побуждали хозяев выжимать все соки

---

¹ Даты до 1 февраля 1918 года указаны по старому стилю.

из девушек-работниц, среди которых были и 10–13-летние девочки. Рабочий день в разгар сезона доходил нередко до 18–20 часов. Тяжесть труда батрачек и их незащищенность перед произволом хозяев стали общим популярным сюжетом в литературных произведениях того времени.

В эти годы функционировали 9 крупных заводов и фабрик с числом рабочих свыше 500 и 36 предприятий с персоналом в 100 и более человек. Так называемые «мастерские военного порта» Севастополя – морской, машиностроительный и электротехнический заводы – насчитывали 7000 рабочих, Керченский металлургический, к началу 1917 года, – 221510. Крупным предприятием был Феодосийский коммерческий порт. Война обогатила экономику полуострова еще одной отраслью – самолетостроением (завод А. А. Анатра в Симферополе, 700 рабочих; аэропланые мастерские (1-й Крымский завод аэропланов) В. Ф. Адаменко в Карасубазаре (ныне Белогорск). В Крыму значительная часть фабрично-заводского пролетариата была занята на кирпичных, пищевых и прочих фабричках с 11–12 работниками, которые, как и ремесленные мастерские, представляли собой костяк крымской промышленности.

Городское население сельскохозяйственного края быстро росло, опережая прирост численности сельских жителей, и к 1914 году достигло 45 % населения. За 1900–1914 годы горожан стало больше примерно на 70 тысяч¹¹. Жили они в Симферополе, Алуште (получила статус города в 1902 году), Балаклаве, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Керчи, Перекопе и Армянском Базаре (ныне г. Армянск), Севастополе, Старом Крыму, Феодосии, Ялте. Урбанизация, обычно несущая с собой нивелировку, не помешала сохранению каждым городом своего лица.

Крым в начале XX столетия находился на подъеме. Однако набиравшая темпы модернизация не выкорчевала докапиталистические элементы. Урбанизация не успела изменить аграрного характера экономики. Масса крымско-татарского населения, большей частью, если не считать Бахчисарая и Карасубазара, разбросанного по многочисленным горным деревенькам, продолжала существовать в патриархальном измерении. Национальные взаимоотношения, хотя и таили в себе пока незаметные зерна возможных, разжигаемых (дай им волю) политиками и подстегиваемых давними счетами конфликтов, были спокойными. Социальные противоречия, конечно, наличествовали, но замкнутость сельских населенных пунктов, отсутствие нормальной дорожной сети, преобладание ремесленных мастерских и мелких предприятий над крупными, политическая девственность населения сглаживали их. Радикальные взгляды не находили опоры: крымские жители предпочитали сложивший уклад жизни, стабильность, постепенность перемен. Уровень жизни, сравнительно с другими губерниями, благодаря климатическим условиям был более-менее приемлем. Серьезной питательной средой для многолетней вооруженной междоусобицы не было. Ее могли привести только извне.

Война заметно ухудшила экономическое положение Крыма. Цены росли – к 1917 году: на хлеб – более чем в 3 раза, мясо – в 4,5, масло – в 5, картофель – в 10, на обувь – более чем в 7 и т. д. Вскоре после начала боевых действий Крым стал заполняться беженцами из западных губерний; сюда же устремились армяне из Турции, спасаясь от резни. Обстановка обострялась, усиливались антивоенные настроения, активизировалось стачечное движение.

В условиях затянувшейся войны со всеми ее последствиями, роста всеобщего недовольства оживилось общественное движение. Однако никакого серьезного, оформленного политического движения мы, однако, в Крыму к 1917 году не видим.

Февральская (вернее, Февральско-мартовская) революция, смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом

или неприятием.

Исключительную роль играли события на флоте, ибо он был организацией общероссийской. Командующий флотом Черного моря (с 1916 года) вице-адмирал А. В. Колчак получил первое известие о событиях в столице, находясь на эскадренном миноносце в Батуме. Учитывая то определяющее обстоятельство, что Россия пребывала в состоянии войны, он направил секретное приказание коменданту Севастопольской крепости перекрыть почтовое и телеграфное сообщение Крыма с прочей Россией, а телеграммы и почту передавать только в штаб командующего флотом. Вскоре, по мере получения очередной информации, связь полуострова с центром была восстановлена.

Фактический начальник штаба флота в то время капитан 1-го ранга М. И. Смирнов вспоминал: «Опубликование первых известий не произвело заметного влияния на команды и на рабочих. Служба шла нормальным порядком, нигде никаких нарушений не происходило. Это явилось новым доказательством того, что революционной подготовки в районе Черного моря не было». Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Был опубликован приказ Петроградского совета № 1 и дублирующий его приказ военного и морского министра А. И. Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов (например, запрет ездить внутри трамвая, а также в 1-ми 2-м классах поездов, курить на улицах, посещать буфеты), титулование офицеров. Смягчались кары за дисциплинарные проступки.

Вскоре, однако, ситуация несколько изменилась. «...Пришли первые газеты из Петрограда и Москвы. Появилось много новых газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте. Во мгновение ока настроение команд изменилось. Начались митинги. Из щелей выползли преступные агитаторы»¹².

12 марта флот был приведен к присяге новой власти. Русские генералы и офицеры сделали свой выбор. Так же как и А. В. Колчак. Однако ненависть к офицерам, всяческому начальству и «буржуйам», что, подобно семенам, была посеяна в матросской массе условиями ее службы, помноженная на жажду «воли» и развал государства, очень скоро даст в Крыму ужасающие всходы.

Из весенних впечатлений прибывшего в Севастополь офицера: «Как всегда, везде встречались матросы, но большинство, однако, не отдавало честь, и только одиночные иногда подымали руку к фуражке. (...) На улицах не было городских – старых знакомых, которых так привык видеть на этой дороге и часто любоваться их выправкой. Вместо них ходили с винтовками какие-то оборванцы и зеленая молодежь – гимназисты лет пятнадцати, реалисты и вообще очень молодые люди. (...) Словом, Севастопольская милиция первых дней революции производила комичное и несерьезное впечатление.

Скоро я вошел в подъезд штаба... Уже в вестибюле я был поражен той картиной, которую увидел: масса солдат 5-го полка в расстегнутых шинелях и мундирах ходила, сидела и лежала на каменном полу. Никто не встал при моем приходе, везде была грязь, кожа семечек, какие-то объедки, окурки... Все эти люди громко говорили, спорили, горланили, были растрепаны и грязны. (...)

Было пусто и больно на душе, чувствовалось, что хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъем и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой»¹³.

Так начиналась новая эпоха. Наиболее прозорливые умы предвидели, что это будет эра

катастроф.

Верховная власть в губернии принадлежала теперь губ-комиссару, первоначально в лице бывшего председателя Губернской земской управы Я. Т. Харченко, уполномоченному «Хлебармии» по Таврической губернии, занимающейся поставками хлеба и фуража для армии. С мотивацией – правые взгляды и махинации с хлебом – он замещается распоряжением правительства от 27 марта членом конституционно-демократической партии, ялтинцем, кадетом Н. Н. Богдановым² с помощниками социал-демократами П. И. Бианки и П. С. Бобровским. На местах создается институт уездных комиссаров.

Опорой комиссара были комитеты общественной безопасности (общественные комитеты), возглавляемые в основном деятелями либерального толка. Самостоятельной властной роли комитеты не играли. Сохранились как органы управления городские думы и управы, губернское и уездные земства (решение Временного правительства о создании волостных земств фактически не было реализовано). В июне – июле, сентябре – октябре в них состоялись перевыборы.

Началось формирование профессиональных союзов. Они были весьма разнообразны. Так, первый профсоюз мусульман Симферопольского района, образованный в апреле 1917 года, объединял 63 музыканта¹⁴.

В марте 1917 года временные центральные бюро, затем – советы профсоюзов возникают в Симферополе и Севастополе. Возродившиеся в 1917 году фабрично-заводские комитеты – *фабзавкомы* (или, как они официально определялись, – низовые профсоюзные ячейки на предприятиях), своеобразные внутрифабричные общины, как и везде по стране, были более радикальными, чем собственно профсоюзы. На съезде фабзавкомов 12 октября было представлено 21 145 рабочих.

Профсоюзы же создавались и возглавлялись меньшевиками и предпочитали заниматься сугубо материальными проблемами.

За четыре месяца после Февраля было создано 255 профсоюзов, объединяемых по городам Центральными бюро, с численностью более 65 тысяч человек. В контакте с советами и соцпартиями профсоюзы добиваются весной сокращения рабочего дня до 8 часов примерно для 30 тысяч рабочих и служащих (данные по всей губернии)¹⁵.

Как и по всей стране, органы Временного правительства в губернии вынуждены были

---

² *Богданов Николай Николаевич* (1875–1930). Из обедневших дворян Рязанской губернии, помещик. Учился в Рижском политехническом институте, но курса не закончил. Как политически неблагонадежный выслан под надзор полиции в Раненбург Рязанской губернии (1897–1900). Член Раненбургской уездной и Рязанской губернской земских управ (1905), почетный мировой судья. Кадет, депутат II Государственной думы от Рязанской губернии (входил в Конституционно-демократическую фракцию, состоял в комиссии по народному образованию). Упомянут В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и силы революции». До переезда в Крым на жительство служил инспектором в Русском страховом обществе при правлении в Санкт-Петербурге. Семья с 1907 года жила в Алушке. В 1910 году купил два участка земли в Симеизе, где построил собственные дачи «Малый Богдан» и «Большой Богдан», председатель общества дачевладельцев Симеиза. В 1913 году избран гласным, а затем председателем Ялтинской земской управы. Председатель Таврической губернской земской управы. Член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) с 1916 года. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии, заведовал финансовой частью. Министр внутренних дел, а также первоначально военный и морской министр Крымского краевого правительства С. С. Крыма (1918–1919). После падения Краевого правительства выехал с семьей в Новороссийск и вновь вступил в Добровольческую армию, затем в армию А. В. Колчака. С мая 1919 года член Всероссийского национального центра. В ноябре 1920 года эмигрировал в Константинополь (Стамбул), в начале 1921 года перебрался в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Сторонник П. Н. Милокова. С 1923 года жил в Чехословакии. Являлся хранителем Русского заграничного исторического архива. Затем вместе с семьей переселился во Францию (Париж, курортное местечко Ла Фавьер). Масон, член ложи «Северная Звезда» (Париж). В 1947 году его супруга Софья Павловна и дочь Софья Николаевна вернулись на Родину. Посетив рязанскую землю, переехали в Крым и поселились в Симферополе у родственников по линии сводного брата Анатолия Петровича Шишкина.

сосуществовать с иными властными структурами. Первую скрипку среди них играло возрожденное детище 1905 года – советы и их исполнительные комитеты, которые оформились раньше партийных комитетов.

6 марта был создан Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК) Черноморского флота, который возглавил эсер К. В. Сафонов. Аналогичные комитеты создавались на кораблях, в каждой береговой части и в полку. Их задачами были: «1) поддержание дисциплины в частях; 2) заботы о продовольствии и обмундировании; 3) заботы о просвещении людей. Никакими оперативными и боевыми вопросами комитеты не имели права заниматься»¹⁶. А. В. Колчак утвердил принятое решение. 7–10 марта создаются совет рабочих и совет солдатских депутатов, объединившихся в совет солдатских и рабочих депутатов под руководством меньшевиков. 28 марта происходит слияние ЦВИК с советом рабочих и солдатских депутатов в Севастопольский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов..

Весной советы формируются во всех городах Крыма. Полоса организации Советов крестьянских депутатов, волостных и уездных, оказалась более растянутой: лето – осень 1917 года. Рядом с ними функционируют правительственные временные земельные комитеты. Повсеместного объединения городских и сельских советов в Крыму в течение 1917 года так и не произошло. Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, затем Ялтинский советы приступают к изданию своих печатных органов – «Известий».

О начальном периоде советского движения в Крыму после Февральской революции сохранились свидетельства участника событий, члена РСДРП (интернационалиста) И. Ф. Федосеева, впоследствии большевика. «...Первый Симферопольский Совет был организован по инициативе Симферопольской группы соц. – дем. Никакие другие политические партии в организации его участия не принимали»¹⁷. Выборы проходили по производственному принципу: один делегат от предприятий с количеством рабочих от 20 до 50 человек, по одному от 50 человек на более крупных предприятиях. Делегатами могли быть только работающие по найму, с 18 лет. Партийная комиссия по выборам, сетует Федосеев, не наметила кандидатов заранее, что при слабой сознательности и информированности рабочих было просчетом. Поэтому в число делегатов попали мастера, административный персонал и даже совладелец завода.

Первый пленум Симферопольского совета состоялся 9 марта 1917 года. В исполком были избраны 15 человек: 11 социал-демократов (двое из них назвали себя большевиками, ничем в дальнейшем себя в этом качестве не проявив), 3 эсера, 1 беспартийный. При исполкоме были созданы комиссии: секретариат, продовольственная, лекционно-агитационная, информационная, юридическая, военная, организационная, следственная. Возглавил исполком социал-демократ П. И. Новицкий, впоследствии – также председатель Таврического губисполкома. Эта процедура была характерна для всей Таврической губернии. Лидерство в советском движении на первых порах принадлежало меньшевикам. В крестьянских советах сильные позиции занимали эсеры.

10 мая съезд советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Ведомые меньшевиками советы встали на путь пресечения классовой розни, пытаясь закрепить мирный путь развития революции. Крымские советы заняли платформу полной поддержки Временного правительства, что продемонстрировали съезды 24 марта и 10 мая.

При этом национальный вопрос за весь 1917 год ни разу съездами советов не обсуждался

и, таким образом, был отдан на полный откуп самим национальным активистам. 30 марта исполком Симферопольского совета отклонил просьбу татар о предоставлении им мест в совете. По свидетельству И. Ф. Федосеева, Симферопольский совет «среди нацменьшинств определенной работы не вел. В своем составе представителей от нацменьшинств не имел... По существу, Совет был противником национальной автономии»¹⁸. На экстренном заседании Таврического совета 24 мая, посвященном решениям Всероссийского съезда советов, была принята следующая резолюция по национальному вопросу: «Признавая право каждой нации на самоопределение, Совет считает недопустимыми до созыва Учредительного собрания попытки отдельных национальностей разрешить самочинно национальный вопрос»¹⁹. «Отдельные национальности», однако, ждать Учредительного собрания не желали.

Февральская революция ознаменовала запрещение черносотенных организаций. Монархисты всех мастей мгновенно исчезли из поля зрения. В Крыму попытки их консолидации случались, но серьезного характера не носили. В марте 1917 года в Ялте, на даче вдовствующей императрицы Марии Федоровны, создана «партия 33-х» (число участников?). Об этой группе можно найти упоминания у разных исследователей, правда, и с разной хронологией. Специальная комиссия Временного правительства ликвидировала этот кружок. Летом в ряде районов Крыма появились листовки и воззвания монархической организации, выступавшей под лозунгом «Вперед за царя и святую Русь!». Возможно, это были осколки «партии 33-х».

Нами были обнаружены в архивах следы существования какой-то монархической группы под романтическим названием «Лига Красной Перчатки» (1 июня 1917 года), в отношении которой было даже возбуждено обвинение²⁰.

По Таврической губернии прокатилась волна арестов бывших агентов охранного отделения, провокаторов, а также черносотенцев и пр. Первоначально этим, во внесудебном порядке, занимались советы. После постановления Временного правительства от 16 июля 1917 года о неприкосновенности личности внесудебные аресты сменяет правовой подход.

Не вызвало никакого неудовольствия, напротив – источники отмечают сочувствие, прибытие в Крым с конца марта, по распоряжению Временного правительства, группы повергнутых Романовых. В имении «Ай-Тодор» расположились: вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал, организатор военной авиации России, великая княгиня Ольга Александровна и их родственники; в имении «Дюльбер» – великий князь Петр Николаевич с женой и детьми; в имении «Кореиз» – Юсуповы; в имении «Чаир» – бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с женой и детьми²¹. Выезды Романовым были запрещены, телефонная связь отсутствовала; они находились под постоянной охраной. 26 апреля, с распространением слухов о готовящемся заговоре монархистов, Севастопольский совет направил в Ялту специальную комиссию во главе с подполковником А. И. Верховским, будущим военным министром Временного правительства. В результате ссыльные подверглись бесцеремонному обыску, угрозам и тривиальному ограблению, что было покрыто Временным правительством.

В декабре, в период первой вспышки матросского террора, над Романовыми навис дамоклов меч расстрела, на чем настаивал Ялтинский совет и чему, не без труда, воспрепятствовал комиссар Севастопольского совета Ф. Л. Задорожный. Только в мае 1918 года, после германской оккупации, Романовы смогли вздохнуть свободно, впоследствии они покинули Крым, избежав тем самым участи родственников на Урале и в Петрограде.

Меньше повезло памятникам. 19 апреля толпа взяла в осаду памятник Александру III в Феодосии. Он был обклеен полотнищами с надписями «Позор Феодосии». 21 июня у памятника «снова собралась громадная толпа матросов и преображенцев и потребовала снять памятник».

Местный совет согласился, прося, однако, подождать конца «подготовительных работ». «Но матросы и солдаты... сами взялись за работу и сняли фигуру»²². Это произошло 22 июня. Более драматично события развивались в Бахчисарае. 3 июня сюда для поимки дезертиров были отправлены севастопольские матросы, 16-го – солдаты симферопольского гарнизона. Разбредясь по окрестностям, военные в ходе облав творили всевозможные бесчинства, учинили дебош в Бахчисарайском дворце, разрушив памятник 300-летия Дома Романовых, убили белобилетника Э. Бели. Председатель Бахчисарайского мусульманского бюро Б. Муртазаев с горечью констатировал: «Когда народ увидел, что солдаты, борющиеся за свободу, сами нарушают ее, то начали появляться возгласы: «Что дала нам свобода, братство и равенство; со стороны грубых полицейских и жандармских чиновников при старом режиме не встречали таких обращений». Невольно появилось сомнение, что в России существует свобода... В городе и окрестностях начались грабежи. Воры являются в военной форме, как бы посланные комитетом для обыска, и, расхитив все драгоценное, исчезают бесследно»²³. Газеты, остерегаясь дискредитации «революционного народа», предпочитали не афишировать подобные факты. А они, кстати, свидетельствовали о том, что солдатско-матросская масса, быстро разлагаясь в тыловых условиях и уверовав в полную свою безнаказанность, выходит из-под всякого контроля, даже собственных советов.

Впрочем, и крымско-татарские активисты приложили руку к уничтожению памятников. Ими был разрушен монумент Николаю II, снят орел с памятника в честь 300-летия Дома Романовых и срублены три каштановых дерева, посаженные в 1886 году императором Александром III, Марией Федоровной и наследником Николаем (Бахчисарай). Орел был снят под предлогом: «В восточной стороне не должно быть памяти о Европейском могуществе»²⁴. К слову, по инициативе смотрителя Бахчисарайского дворца-музея, члена Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), статского советника С. А. Плаксина в октябре 1920 года началось восстановление памятника 300-летию Дома Романовых.

Вторая половина марта – апрель 1917 года прошли в Крыму под знаком воодушевления и надежд на скорое светлое будущее. По крымским городам прошумели Праздники Свободы, демонстрирующее трогательное согласие всех и вся, во время которых «восторженные клики «ура» лились из многотысячных уст и потрясали воздух»²⁵. 10 марта, день похорон в Петрограде героев (жертв?) революции, был объявлен Днем «всемирного почитания». Даже в те экзотические уголки, где царствовали многовековые традиции, места, ранее предельно далекие от всякой политики, кроме местных интриг, проникала эта официализированная атмосфера «свободы». Вот корреспонденция из Бахчисарая: «Город постепенно, но вполне определенно меняет свою физиономию: прежняя апатия к общественным делам, которую так ярко проявляли граждане этого во многих отношениях своеобразного города, заменяется несомненным общественным подъемом. Охотно посещаются лекции и митинги, с жадностью прочитываются газеты, организуются политические партии и проч. Одним словом, Бахчисарай приобщается к общей работе и за короткое время достиг заметных результатов: прочитано около десяти лекций, организованы союзы учителей, рабочих, приказчиков, бюро мусульман, грандиозно прошел праздник 1 мая (18 апреля) и, наконец, 25 апреля образована здесь партия социалистов-революционеров...»²⁶.

Но не проходит и двух месяцев, как те же «Южные Ведомости» в весьма эмоциональном стиле (перепады настроения свойственны времени) формулируют нечто противоположное: «Наблюдавшийся недавно общественный подъем и оживление сменились упадком энергии, самодеятельности, общим равнодушием, доходящим местами до размеров самой безнадежной апатии.

Дух революционный испарился. Мы вступили в полосу мертвого штиля, несущего

гражданское небытие»²⁷.

Непосредственно после Февральской революции и буржуазные, и социалистические, и национальные организации всячески подчеркивали свое единство и лояльность Временному правительству. 17 марта под председательством

А. Я. Хаджи в Симферополе состоялось общее собрание партии кадетов. Оно высказалось за установление демократической республики и единодушные советы с Временным правительством до конца войны. Недвусмысленно о поддержке Временного правительства и его действий заявляли умеренные социалисты – эсеры и меньшевики (большевики в Крыму еще окончательно не отпочковались от единой РСДРП). Такую же линию проводили многочисленные национально-общественные и культурные организации: мусульманские исполкомы, еврейские и армянский города Ялта общинные комитеты, украинские громады и украинское культурно-просветительное общество «Просвита», эллинское и греческое, великороссов, немцев, караимское, болгарское, польское, литовское, эстонское, молдавское общества (и комитеты).

5 марта устами архиепископа Таврического Дмитрия Таврическая епархия поспешила заявить о полной лояльности новой власти, сменившей богопомазанного Государя.

Тем временем Крым удостоили чести посещения большие «демократические» особы. В мае в Ливадийском дворце начинает свой отдых прибывшая императорским поездом «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, ставшая, по воле пропагандистов, символом февральских перемен. 16 мая в Севастополе объявился А. Ф. Керенский. «Через сто лет после Великой французской революции, – вещал военный и морской министр, – Россия пережила такую же великую революцию, и мы теперь так же говорим: «свобода, братство и равенство», и равенство не только правовое, но и социальное (*рукоплескания*), мы объединимся в железные батальоны труда и пойдем завоевывать мир всему миру и все права человеку, которые ему принадлежат» (*продолжительные аплодисменты*)²⁸. Керенский побывал и на кораблях, где призывал моряков к продолжению войны и сохранению дисциплины во имя революции. О выступлениях министра перед военными М. И. Смирнов отозвался следующим образом: «Надо отдать справедливость, что его речи производили действие на матросов и вообще на людей малоразвитых и неспособных к самостоятельному и логическому мышлению. Но это действие через короткое время исчезало, так как слушатель *забывал* (курсив наш. – *Авт.*) содержание речи, потому что смысла в ней было мало, – был лишь фонтан трескучих фраз». А. В. Колчак, составивший свое нелицеприятное мнение о Временном правительстве в целом и о Керенском в частности ранее, высказался о последнем: «болтливый гимназист»²⁹.

Как раз во время визита Керенского возник инцидент вокруг помощника по хозяйственной части капитана над Севастопольским портом, генерал-майора Н. П. (А. Б.? в разных источниках фигурируют разные инициалы) Петрова, который якобы занимался спекуляцией с кожами поставляемого для флота скота. Центрисполком, вопреки решительному противодействию Колчака, вынес решение об аресте Петрова, что и было сделано (по мнению Керенского, арест был вызван отказом Петрова выполнять распоряжения ЦИК без подписи командующего флотом³⁰). Это был прецедент – первый случай ареста офицера матросами. Колчак тут же послал телеграммы на имя главы правительства князя Г. Е. Львова и Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, в которых заявил, что вследствие самочинных действий комитета, а также совета, не подчиняющихся его требованиям, он не может нести ответственность за Черноморский флот и просит отставки. Керенский первоначально занял сторону исполкома, выпренне провозглашая: «...В деле генерала Петрова ц. и. к. поднял свой престиж на новую, еще небывалую высоту. Я буду телеграфировать... Временному Правительству, что ц. и. к. достиг великого государственного понимания задач. Я приказал

отстранить генерала Петрова от служебных обязанностей и назначить следствие над ним»³¹. Однако правительство предпочло занять нейтральную позицию, результаты работы двух комиссий по этому делу обнародованы не были, Петрова освободили (и он продолжал службу до февраля 1918 года, что, возможно, доказывает его невиновность), а Керенский мгновенно изменил свое мнение. В своих мемуарах он сообщал: глава правительства князь Львов попросил его уладить конфликт, и он лично убеждал командующего, «что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройств, что положение его намного прочнее, чем он предполагает»³². В конце концов Колчак остался на своем посту. А фигура Керенского не могла не оставить всем своим поведением впечатления эфемерности, сиюминутности происходящего.

В конце мая прошли пере выборы Севастопольского совета. Новый состав отличался широким представительством солдат. Совет вел политику автономной, независимой от командующего флотом деятельности. Офицеры, в свою очередь, ввели практику закрытых собраний. Разлад и взаимное озлобление нарастали.

В начале июня в Севастополь прибыла делегация от Центрального комитета Балтийского флота (до этого на север была отправлена умеренно-оборонческая «Черноморская делегация» во главе с подполковником А. И. Верховским и восторженным эсером, в неловко сидящей на нем матросской форме, очень популярным некоторое время Федором Баткиным). Балтийцы произносили радикальные речи, электризуя обстановку. Они выступали против т. н. займа свободы и за опубликование тайных договоров прежнего правительства.

5 июня командование фактически утратило свои функции. Начались аресты офицеров. 6 июня делегатское собрание армии, флота и рабочих вынесло резолюцию об отстранении от должности Колчака и Смирнова. Последняя попытка вицеадмирала Колчака, обвиненного в «возбуждении матросских масс» своими действиями, повлиять на команды провалилась: на делегатском собрании 7 июня ему просто не дали слова. Началось разоружение офицеров. Некоторые из них, не желая разоружаться, застрелились. Далее, повествует Смирнов, вице-адмирал призвал офицеров не сопротивляться. «Затем адмирал приказал поставить команду «Георгия Победоносца» во фронт и сказал ей вдохновенную, патриотическую речь, в которой указал губительные для родины последствия поступков команд, разъяснил оскорбительность для офицеров отобрания от них оружия, сказал, что даже японцы не отобрали от него георгиевское оружие после сдачи Порт-Артура, а они, русские люди, с которыми он делил тягости и опасности войны, наносят ему такое оскорбление. Но он своего оружия им не отдаст»³³. После этого адмирал выбросил свою Георгиевскую саблю в море. Однако ни речь Колчака, ни его поступок впечатления на матросов не произвели.

Тем временем правительство отбило Колчаку телеграмму, в которой ему предписывалось сдать командование контрадмиралу В. К. Лукину и выехать в Петроград.

Колчак сдал дела Лукину, а его начальник штаба М. И. Смирнов – капитану I ранга А. С. Зарину. Ночью 9 июня они покинули Севастополь.

Отставка Колчака совпала с визитом в Севастополь американской военно-морской миссии во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном. Его речь на делегатском собрании, в которой американец призвал к продолжению совместной борьбы с Германией, встретила полное одобрение, после чего делегаты постановили: вернуть часть оружия офицерам, прекратить обыски и аресты и выполнять все распоряжения нового командующего Лукина. Это, однако, никак не означало приостановки дальнейшего разложения флота, уже потерявшего свою боеспособность.

Временное правительство, пытаясь хоть как-то повлиять на события в Севастополе,

выслало телеграмму с требованиями прекратить «анархию» и вернуть оружие офицерам. Судовые комитеты и команды, обсудив телеграмму, выразили лояльность Временному правительству, освободили арестованных офицеров, но сочли нужным выдавать оружие офицерам только одновременно с солдатами. На флот отправилась официальная комиссия под председательством товарища министра юстиции А. С. Зарудного и эсера И. И. Бунакова (Фондаминского), будущего комиссара флота. Комиссия сочла возможным возвращение Колчака на пост командующего флотом (другое дело, что флот и сам Колчак по разным мотивам придерживались противоположной точки зрения), чем ее функции и были исчерпаны.

Крупнейшей по численности и влиянию в Крыму, как и России в целом, в 1917 году была партия социалистов-революционеров (ПСР). В мае только севастопольская ее организация насчитывала 13 тысяч человек³⁴, а в октябре общая численность вышла на уровень 35 тысяч³⁵ по губернии и до 30 тысяч – в Севастополе³⁶. Состав партии: городские средние слои, моряки Черноморского флота, солдаты (работе в судовых, гарнизонных и прочих комитетах ПСР уделяла особое внимание), частично – рабочие и крестьяне. Областной комитет партии, воссозданный в апреле, возглавил И. П. Попов. Из партийных лидеров выделим А. С. Никонова, авторитетного члена ЦК ПСР И. И. Бунакова (Фондаминского), в 1917 году – генерального комиссара Временного правительства на Черноморском флоте, И. Ю. Баккала (Севастополь, впоследствии левый эсер), В. Д. Жирова, А. В. Фосса (оба – Симферополь). «Национальными отпочкованиями ПСР являлись организации украинских с.-р. в Симферополе, Феодосии и др. местах. По политическим убеждениям к партии социалистов-революционеров примыкали организации еврейской социалистической партии (СЕРП. – *Авт.*) в Севастополе, Керчи, Феодосии, армянской партии Дашнакцютун (Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта), крымско-татарской объединенной соцпартии»³⁷. С августа партия начинает терять свой прежний, «народный» ореол, ее ряды редуют (тем более, что прием был беспорядочный, а организация – рыхлой), однако до конца года эсеры продолжают лидировать среди крымских политических объединений благодаря если не активности, то численности. Осенью (а в Севастополе – в июне – августе) выделяется радикальное крыло, оформляясь (ноябрь – декабрь) в самостоятельную партию левых эсеров. Печатные органы (в рассматриваемый период): «Революционный Севастополь», «Вольный Юг» (Севастополь), «Земля и Воля» (Симферополь), впоследствии «Путь Борьбы» (Севастополь, 1918) левых эсеров.

В неонародническом спектре правее ПСР располагались либералы: народные социалисты (НС) и трудовики (700–900 человек). Среди лидеров – С. Я. Елпатьевский (Ялта), член ЦК партии НС, известный татарский общественный деятель К. Крымтаев, литератор К. А. Тренев, И. К. Кондорский. Народные социалисты играли видную роль в крымских кооперативах. Близка к народным социалистам была ежедневная газета, одно из ведущих печатных изданий Крыма, орган Таврической губернской земской управы «Южные Ведомости» и, в частности, ответственные ее редакторы А. Б. Дерман и А. П. Лурье (Лурия). Левонароднический фланг представляли максималисты, группа экстремистского толка.

Большим авторитетом еще с дореволюционных времен пользовалась на полуострове РСДРП. Сразу после Февраля в городах Крыма возрождаются социал-демократические организации. 9–10 апреля на конференции в Ялте был реанимирован Крымский союз РСДРП. В организационный комитет Союза вошли Н. Л. Канторович, В. И. Бианки, А. А. Иоффе, И. Ф. Федосеев, Г. Е. Бережани (член Симферопольского совета; в октябре вышел из организации «объединенцев» и вступил в «Единство»).

Крымских социал-демократов (меньшевиков) возглавляли крупные политические фигуры – организаторы, ораторы, публицисты. Помимо популярного П. И. Новицкого и названных выше, это были: В. А. Могилевский (председатель губкома РСДРП), профсоюзный деятель Е.

И. Либин, присланные центром партийцы со стажем А. Г. Галлоп и Н. А. Борисов, советский работник Е. И. Рабинович, Б. Я. Лейбман (присяжный поверенный). Костяк партии составляли квалифицированные рабочие, ремесленники. В армии и на флоте позиции меньшевиков были слабыми. Численность Союза к осени достигла 4500 человек³⁸ (другие данные – более 5000³⁹).

Крымский союз был объединенной организацией (меньшевики, бундовцы – на правах автономии, большевики, или, скорее, «ленинцы», под которыми неопределенно понимались противники войны и интернационалисты). В апреле начинают обособляться большевики. С сентября Союз разваливается. Размежевываются интернационалисты и оборонцы. Свои группы обозначают: РСДРП (объединенная) – «объединенцы» и социал-демократы (интернационалисты). Формируется крымский «филиал» плехановцев «Единство», партия, стоявшая на крайне правом фланге социал-демократии (группа во главе с П. С. Бобровским оформилась еще в апреле). Газета «Прибой» (Севастополь) выражала позиции более-менее ортодоксального меньшевизма.

«Съезживается» защищавший специфически еврейские интересы Бунд. К концу 1917 года в губернской организации меньшевиков осталось около тысячи членов.

Среди левых к концу года бесспорно доминировали большевики. А ведь весной их насчитывалось не более нескольких десятков человек. Первая самостоятельная большевистская группа, в виде фракции Севастопольского совета, сложилась в мае (руководитель – матрос С. Г. Сапронов, затем – И. А. Назукин, А. И. Калич, И. К. Ржанников, И. Н. Клепиков). Однако положение большевиков в общественно-политической и «народной» среде было незавидным. Их листовки и литературу союз печатников выпускать отказался. Флот их не признавал: дело доходило до разгрома клуба, избиений и сброса с кораблей, как это было с И. Финогеновым на эсминце «Гневный»⁴⁰. Связь с центром была чисто условной. Да и уровень образованности, подготовленности крымских большевиков оставлял желать лучшего.

В конце июня – июле, отражая растущее недовольство рабочих, создаются первые самостоятельные большевистские группы. С августа появляются большевистские фракции в советах. Так, в Севастопольском совете фракция насчитывала в это время 25 человек, сама же партия – 15041.

Размежевание с меньшевиками завершилось в октябре-ноябре, когда были избраны губернский комитет (2 октября) и парторганизатор (Ж. А. Миллер). Ряды большевиков укрепляются прибывшими в Крым представителями ЦК. Это: Н. И. Островская, Ю. П. Гавен³

---

³ Гавен (Дауман) Юрий Петрович (Ян Эрнестович) (1884–1936). Родился в окрестностях Риги, в крестьянской семье. Окончил церковноприходское училище. Поступил в Прибалтийскую учительскую семинарию, из которой в 1902 году был исключен за революционную деятельность. Учитель. Социал-демократ (член Латышской СДРП) с 1902 года. Профессиональный революционер. Активный участник революции 1905–1907 годов (отряды «лесных братьев»). На I (1906) и II (1907) съездах социал-демократии Латышского края избирался членом ЦК. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907) (под псевдонимом Доннер), где практически по всем вопросам голосовал вместе с большевиками. В 1907 году арестован, с 1909-го – на каторге в Вологодской губернии, с 1914-го – на поселении в Енисейском уезде. Освобожден Февральской революцией. В марте 1917 года избран председателем Минского совета. В сентябре – делегат Всероссийского Демократического совещания. С начала октября 1917-го – в Крыму (направлен ЦК РСДРП(б)). Член бюро Таврического губкома РСДРП(б), председатель Севастопольского ревкома (конец 1917-го – начало 1918 года), председатель Крымского ВРК (январь 1918 года), заместитель председателя Таврического ЦИК советов (весна 1918-го), нарком по военно-морским делам Республики Тавриды и др. После ее падения – в революционном штабе Кубано-Черноморской республики, затем в Москве. Один из организаторов крымского подполья. В период КССР председатель Областкама КП(б)У, нарком внутренних дел, председатель Совета обороны. Затем – снова в Москве. В 1920–1921 годах – член Крымревкома, в 1921–1923 годах – председатель КрымЦИКа, в начале 1920-х – председатель комиссии по борьбе с бандитизмом Крымской центральной республиканской комиссии помощи голодающим – КрымЦКпомгол. Отозван из Крыма в 1924 году как сочувствующий троцкистской оппозиции. Серьезно болел, постоянно лечился. До 1933 года – периодами на госслужбе, хозяйственной работе, затем – на пенсии. Автор мемуаров и исторических трудов. Арестован и расстрелян по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности и терроризме. Реабилитирован.

(вошли в Севастопольский совет), Н. А. Пожаров, Я. Ю. Тарвацкий, С. П. Новосельский. К моменту октябрьского переворота численность таврических большевиков достигла 1871 человека⁴² и продолжала, в отличие от прочих партий, расти. 19 декабря стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета» (с конца декабря – «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов»).

В это же время видную роль на арене политической борьбы начинают играть анархисты, партией себя, как известно, не считавшие. Группы анархистов действовали в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и др. Наиболее известная фигура среди них – севастопольский матрос А. В. Мокроусов. Галопирующее «полевение» масс осенью 1917 года обусловило резкое усиление влияния анархистов на Черноморском флоте. Достаточно сказать, что 30 августа на первом заседании Центрального комитета Черноморского флота (ЦК ЧФ, Центрофлот) его председателем был избран анархист Е. Н. Шелестун, вполне лояльный, надо сказать, большевикам. Н. И. Островская с тревогой сообщала в ЦК РСДРП(б) 30 сентября: «...За последнее время анархисты развелись, и за отсутствием наших выступлений их принимают за нас. Наши не отходят, но масса «левет» по-анархистски, при южном темпераменте и политической невоспитанности это может привести к хлопотам немалым и не вовремя, главное»⁴³.

Крымские конституционные демократы (КД) – партия народной свободы (сколько-нибудь заметные группировки правее их не прослеживаются) организовались, видимо, раньше всех. Организации КД возникают в Севастополе, Симферополе, Керчи, Ялте, Феодосии, Евпатории и др. Это была партия либерально настроенной, государственного мышления интеллигенции, считавшей императивом упрочение, но не видоизменение завоеваний Февральской революции. Активисты КД: Д. С. Пасманик, Н. Н. Богданов, С. С. Крым, В. К. Винберг. Социальный состав: в основном интеллигенция, были представлены и рабочие. Численность – до 2 тысяч⁴⁴. Печать: «Таврический Голос», «Ялтинский Голос»; в какой-то степени позиции КД отражал беспартийный либерально-социалистический «Крымский Вестник».

На многонациональном полуострове в 1917 году действуют около 30 национальных партий, движений и обществ (собственно партийных организаций и движений осенью – 23; из них 16 – социалистические, 13 – национальные; объединяли 55–60 тыс. человек, 4,5 % трудоспособного населения⁴⁵).

Позже создается Русская община (организатор и руководитель – П. И. Квит). Впоследствии она послала первых бойцов в формирующуюся Добровольческую армию⁴⁶. Некоторое время просуществовало также полуподпольное правое Великорусское вече.

В Севастополе формируется Украинский национальный комитет. В марте там же на арену выходят украинские эсеры (лидер – К. П. Величко, костяк – матросы ЧФ, призванные из малороссийских губерний). В апреле подобная организация возникла в Феодосии. Летом в Севастополе была создана организация УСДРП. Центральная Рада инициирует формирование весной – летом в Таврической губернии местных рад (Севастополь, Симферополь, Евпатория), украинских войсковых комитетов (Севастополь, Симферополь), громад (Севастополь, Симферополь, Евпатория, Ялта). В 1917 году все эти группы придерживались умеренно-социалистической ориентации. Их целью в это время была автономия Украины в составе демократической федеративной России.

Члены армянской партии Гнчак, действующей в Крыму с 1903 года, не смогли воссоздать самостоятельных организаций в Крыму после Февраля, а дашнаки сформировали подотделы в Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, объединившиеся осенью в Таврический союз, а также –

губернский комитет партии.

На выражение интересов еврейского населения полуострова претендовали: сионисты (Альгейм-Цион, входили в Сионистскую организацию России – СОР) (с национальной целью и программой воссоздания еврейского государства на территории Палестины, в связи с чем постулировалось неучастие во внутривнутриполитических российских коллизиях как чуждых евреям); Циери-Цион (Сионистская народная фракция, близкая по своим взглядам к кадетам, входила в СОР); Бунд (социал-демократы); Поалей-Цион (сионисты-социалисты); СЕРП (Социалистическая еврейская рабочая партия, неонародники); Мизрахи (федерация иудейского духовенства и близких к нему кругов, входила в СОР); впоследствии сионистское студенческое объединение Ферейн (входило в СОР).

Весной 1917 года была предпринята попытка создания Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения, идеологом которой стал С. С. Ельяшевич⁴⁷.

Совершенно особо, по нашему мнению, стоит вопрос о крымско-татарском национальном движении. «Татарские националисты перестали быть гонимыми революционерами, – писал хронологически первый исследователь национального движения крымских татар, участник революционных событий в Крыму, коммунист В. А. Елагин, – они превратились в национальных общественных деятелей, и перед ними встала гораздо более благодарная и многообещающая задача, чем организация движения в пользу Турции, связавшей свою судьбу с судьбой императорской Германии: задача мирного устройства самостоятельности Крыма в федеративной связи с революционной Россией»⁴⁸.

После Февральской революции была воссоздана группа социалистов-федералистов. Летом она образовала объединенную социалистическую татарскую партию, включившую в свою программу постулаты социалистов-революционеров вкупе с сугубо национальными требованиями.

12 марта под влиянием А. А. Боданинского состоялось общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества, создавшее временный мусульманский революционный комитет во главе с самим Боданинским, Ибраимом Фехми и Ибраимом Тарпи, претендовавшего на должность *муфтия* – духовного главы крымских мусульман.

15 марта в Симферополе на собрании крымско-татарских активистов выдвинут вопрос о ликвидации Мусульманского (Магометанского) Духовного правления и Вакуфной комиссии как органов, носящих «полицейско-охранительный характер». Было решено прекратить практику фактического назначения муфтия сверху. 17 марта, после торжественного богослужения во всех мечетях, тысячи татар Симферополя собрались на новом кладбище, где принесли присягу Временному правительству. 20 марта с фронта прибывают Ч. Челебиев⁴ и

---

⁴ Челебиев Челеби (Челебиджихан, Челебиджан Нуман (Номан) (1885–1918). Родился в д. Буюк-Сонак Перекопского уезда (на территории современного Джанкойского района, ныне не существует) в семье крупного землевладельца, имама мечети. Окончил медресе. Увлёкся социалистическими идеями и в 15-летнем возрасте покинул отчий дом. В национальном движении с 1906 года. Учился в Константинопольском университете (высшее юридическое и богословское образование), там же, в Турции, арестовывался за пропаганду революционных идей. В годы Первой мировой войны вольноопределяющийся на Румынском фронте. Поэт. В марте 1917 года на I крымско-татарском съезде избран муфтием – главой Таврического мусульманского духовного управления и председателем Мусульманского исполнительного комитета (Мусисполкома). Оборонец. Осудил выступление Л. Г. Корнилова, а затем и Октябрьский переворот 1917 года. Кандидат в члены Учредительного собрания от Таврической губернии. В декабре 1917-го избран главой Курултая (национального съезда), председателем Национального правительства (Совета директоров, Директории), директором юстиции. Возглавлял умеренное крыло «курултаевцев». 4 января 1918 года подал в отставку. 14 января был арестован. Доставлен в Севастополь и в числе прочих жертв развернувшегося террора расстрелян без суда 23 февраля 1918 года.

Дж. Сейдамет⁵.

25 марта в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма (от 1,5 тыс. до 2 тыс. делегатов, представлявших 12 организаций), родившее (Крымский) Временный Крымско-мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком) из 48 человек (был утвержден Временным правительством) под председательством Ч. Челебиева. В первый состав ЦК Мусисполкома вошли М. Д. Енилеев, Б. А. Меметов, М. Сыдкы-эфенди, А. Зекьяи (?), А. С.-А. Озенбашлы, А. Лятиф-эфенди⁴⁹.

Усилия Мусисполкома, как понимал их Ч. Челебиев с соратниками, должны были быть направлены на: «1) объединение крымско-татарского народа, организацию местных комитетов и подготовку татар к учредительному собранию, 2) реорганизацию духовного правления и управления вакуфами, 3) коренную реформу школьно-воспитательного дела крымских татар»⁵⁰. Была принята резолюция о переходе вакуфных имуществ и доходов с них в национальное достояние, послана приветственная телеграмма Временному правительству с выражением полной лояльности, произведен сбор пожертвований в фонд победы России в войне⁵¹.

Весной – летом возникло 124 региональных исполнительных комитета (городских, уездных, волостных). 80 % членов Мусисполкома были «объединенными социалистами»⁵². С 5 апреля фактически все дела крымских татар – культурные, религиозные, экономические, а затем и политические – переходят в ведение Мусисполкома.

По указанию Мусисполкома исполкомы на местах начали создавать комитеты женщин и молодежи. Кроме того, в Симферополе и Бахчисарае были организованы комитеты студентов и школьников. Одновременно Мусисполком открывал краткосрочные курсы по повышению квалификации татарских учителей и подготовке уездных и районных работников. В Симферополе открылись женская татарская гимназия и женский татарский техникум. Мусисполком за подписью Челебиева опубликовал воззвание о снятии чадры с татарок. Для всех учителей татарских школ вводились экзамены. С августа 1917 года Зинджирлы-медресе в Бахчисарае реорганизовано в педагогический институт⁵³.

Интеллектуальная крымско-татарская верхушка позаботилась об информационной основе

---

⁵ *Сейдамет (Кырымер) Джафер* (1889–1960). Родился в д. Кизилташ (ныне с. Краснокаменка) Ялтинского уезда в семье зажиточного крестьянина. Окончил гимназию, учился на юридических факультетах Константинопольского университета (1908–1910), Сорбонны (Париж), где в январе 1914 года ему было присвоено звание «бакалавра права Французской республики» по специальности «международное право», в Петербургском университете (1914). Автор книги «Угнетение татарского народа в 20 в.» (Стамбул, 1910), за которую выслан из Турции. В Париже посещал социалистические курсы Ж. Жореса. Накануне Первой мировой войны вернулся в Россию, закончил школу прапорщиков (1916), отправлен на фронт. Сотрудничал в «Терждимане». После Февральской революции один из ведущих организаторов национального движения. Член Мусульманского исполнительного комитета, председатель комиссии по вакуфным имуществам (с марта 1917 года). Оборонец. Временное правительство утвердило Сейдамета комиссаром по вакуфным имуществам (занимался передачей земель из рук духовенства крестьянам). Инициатор создания при Мусисполкоме военного комитета, перевода в Крым явочным порядком крымско-татарского батальона. Делегат Съезда Народов в Киеве. Бескомпромиссный противник советской власти. В 1917–1918 годах: член Курултая, национального правительства – Совета директоров (Директории) (военный и внешних дел «директор»), организатор Крымского революционного штаба, лидер «непримиримых»; депутат Учредительного собрания. Принимал активное участие в боевых действиях против севастопольских матросов (январь 1918 года). После поражения бежал в Турцию. В мае 1918 года вернулся в Крым; министр иностранных дел первого Крымского краевого правительства (май – сентябрь). Эволюционировал от признания права на полуостров всех национальностей Крыма до проектов создания, при поддержке Германии и Турции, государства по типу Крымского ханства. Однако в последнем, пытаясь, не имея на то полномочий, летом 1918 года добиться от Германии признания самостоятельности Крыма, потерпел полную неудачу. Из-за конфликта с русскими общественно-политическими силами подал в отставку с поста министра. В ноябре 1918 года безуспешно пытался наладить связь с А. И. Деникиным. Весной 1919 года устанавливает контакты с Польшей, информируя польское правительство о положении в Крыму и подробно освещая этапы развития крымско-татарского национального движения. Из Германии перебрался в Швейцарию (в Лозанне создает Крымско-татарское бюро), осел в Турции. Автор мемуаров.

движения. С июня выходят газеты: «Миллет» («Нация», на крымско-татарском языке); независимая (на крымско-татарском языке) «Къырым Оджагы» («Крымский Очаг»), отражающая линию оппозиционеров Мусисполкома, но вскоре закрывшаяся с продажей своей типографии газете «Миллет»; с июля – «Голос Татар» (на русском языке, орган левого крыла Мусисполкома). Продолжает издаваться газета «Енъи Терджиман» («Новый Переводчик»), основанная просветителем И. Гаспринским в 1883 году.

Лидерами Мусисполкома стали: Дж. Сейдамет, председатель Вакуфной комиссии; А. С. Айвазов; М. М. Кипчакский, С. Дж. Хаттат(ов), А. А. Боданинский и др. Бесспорным авторитетом для всех татар, вне различия взглядов, был Ч. Челебиев. Он становится во главе Духовного управления и демократическим путем избирается муфтием.

Взгляды Челебиева, судя по его публичным высказываниям, ограничивались на первых порах реализацией крымско-татарской культурно-национальной автономии в составе федеративной России. Но идеи турецкого патронажа в руководстве национального движения не надо сбрасывать со счетов. Вообще зигзагообразность политического поведения «курултаевцев», как окрестили их крымские газеты, относительно внешних, явных и возможных, покровителей стала их видовой чертой.

Мурзачество и архаичное духовенство, потерпев неудачу на собрании 25 марта, на какое-то время сумело консолидироваться и развернуть кампанию против демократов – «безбожников» и ревнителей женского равноправия. Но 24 июля их вождь, Ибраим-эфенди Тарпи, был исключен из Мусисполкома за интриги против Челебиева и попытки занять там главенствующее положение. Провалилась и его акция по созданию конкурентного татарского центра – Союза мусульман-ученых (*улемов*) – в начале сентября. Съезд духовенства был сорван татарской молодежью.

Несомненна социалистическая ориентация большинства «просветителей». Однако темен, да еще и запутан в советское время вопрос о возникновении и деятельности т. н. Национальной партии – Милли-фирка.

Советский историк А. К. Бочагов считал, что Милли-фирка сложилась в июле 1917 года, и ее руководящее ядро составили: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, А. Хильми, А. С.-А. Озенбашлы, А. С. Айвазов, Дж. Аблаев. Он же приводит текст второй редакции программы партии (1918? 1919?)⁵⁴. В архиве нами обнаружена машинописная копия редакции партийной программы, выпущенной в виде листовки типографией газеты «Миллет» в 1917 году⁵⁵, что и дало повод согласиться с хронологией Бочагова. Правда, современный крымско-татарский исследователь Р. И. Хаяли указывает, что это программа Татарской партии (объединенная социалистическая татарская партия), которую, по его мнению, нет оснований отождествлять с Милли-фирка и которая прекращает свое существование весной – летом 1918 года⁵⁶.

Но о создании Милли-фирки в 1917 году пишет и А. С. Айвазов, в публикации записок которого участвует Р. И. Хаяли. Нельзя исключать, что «Татарская партия» была одним из названий той же Милли-фирки на раннем этапе ее деятельности.

По словам Айвазова, программа Милли-фирки, которую отстаивали Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет, среди прочего поставлена на обсуждение и утверждение на Всекрымском татарском делегатском съезде (1–2 октября 1917 года). После двухчасового обсуждения она была единогласно принята⁵⁷.

Этот вариант программы был выдержан в общедемократическом духе с народническим замесом. Провозглашался суверенитет народа, отстаивались равенство всех перед законом, политические свободы, демократические выборы, отмена сословных различий, паспортов, неприкосновенность личности, жилища, писем, декларировались социализация фабрик и

заводов, ликвидация вакуфного землевладения и имущества в прежней, религиозной, форме. Был выдвинут лозунг: «Вся земля принадлежит общинам», по принципу: каждому земледельцу столько земли, сколько он может обработать без применения наемного труда. Оговаривались культурно-просветительские задачи (создание национальных форм на основе обязательного, всеобщего и бесплатного обучения, введение делопроизводства на родном языке). Выделим идею равноправия женщин и активного вовлечения их в общественно-политическую жизнь. В вопросе национально-государственного устройства Милли-фирка выступала за федеративную Россию, в которой «все языки должны быть равны», а Крыму отводилось место ее субъекта.

Второй вариант той же программы был гораздо более детализирован и не столь прямолинеен, как первый.

Если верить тюремным запискам Айвазова в застенках НКВД, агентом которого ему пришлось стать с 1930 года⁵⁸, Милли-фирка имела две программы – официальную и нелегальную. Вторая сводилась к восстановлению самостоятельности Крыма под протекторатом европейских великих держав. При этом не будем забывать о тех условиях, в каких создавались записки Айвазова.

По его же данным, на делегатском съезде перед голосованием по программе Милли-фирки Челебиев объявил: «Кто желает войти в партию «Милли-Фирки», прошу поднять руки». Все делегаты это и сделали. Далее Айвазов пишет: «Таким образом, все участники съезда, около 300 человек, считались вошедшими в партию. После этого лидерами «М. Ф.» Сейдаметовым и Челебиевым было предложено делегатам, что каждый может вербовать на местах в «М. Ф.» новых членов и организовывать ячейки «М. Ф.» в городах и деревнях».

Членских билетов и взносов не существовало. Объявившие себя членами считались членами Милли-фирки и регистрировались. При приеме в партию вербовщики не обращали никакого внимания на происхождение того или другого человека, принимались все без исключения. За это ратовал один из семи ярых националистов Озенбашлы Ахмед, который говорил: «Мы являемся татарами и мусульманами, а в Коране сказано: «Все мусульмане – братья, все татары – родные». Мусульманство нас объединяет Кораном – религией, а татарство – по расе и крови. Так что у нас не может быть классов»⁵⁹.

Позже у Милли-фирки, при всей ее условности как партии, появилась и организационная конструкция («Партийная инструкция» – устав), весьма жесткая, вступающая в откровенное противоречие с официальными демократическими программными установками⁶⁰. Бросается в глаза проводимый в ней строжайший, кастовый централизм.

Таким образом, народническая, социалистическая основа и, вместе с тем, беспрекословное подчинение центру; стремление к автономии (что, впрочем, на публике пока лицемерно отрицалось; но разве федеративность государственного устройства России изначально не предполагала создания автономий?), прорастающее в сферу политической и межнациональной борьбы, но пока еще не дошедшее до стадии государственного обособления; «непрестанные колебания... между Сциллой демократии и Харибдой большевизма»⁶¹ – таковы особенности национального движения крымских татар после Февральской революции.

Первым «смотром» национальных сил и возможностей, поводом для которого послужил конфликт Мусисполкома с органами Временного правительства, стали события июня– июля 1917 года. Их стержнем явилась проблема создания чисто этнических (равно – одноконфессиональных) военных соединений, убежденнейшим сторонником чего выступал Челебиев. С такой просьбой муфтий обратился к военному министру еще 17 мая, предложив перевести в Крым запасные тыловые части Крымского конного полка. В июне крымско-татарская делегация предприняла «разведывательную» миссию в Петроград, столкнувшись в столице с полным безразличием к своим нуждам. После этого, 18 июня,

началось сведение всех солдат-татар Крыма в единый комплекс.

Формирование сугубо национальных по составу военных единиц мотивировалось следующими обстоятельствами: необходимостью соблюдения мусульманских обрядов и обычаев, жизненно важных для крымского татарина (намаза, праздников, запрета на свинину и пр.), что невозможно в смешанных частях, ростом всевозможной уголовщины, пример украинцев.

Итак, хроника инцидента и связанных с ним событий.

4 июля. В связи с намерением властей включить 1-й крымско-татарский батальон в состав 32-го пехотного полка Мусисполком, ряд других организаций, солдаты-татары выражают ответное намерение оставить его в Крыму для защиты населения от произвола асоциальных элементов.

13 июля. Симферопольский Совет рабочих и солдатских депутатов (СРиСД), в лице помощника губкомиссара Временного правительства П. С. Бобровского, предлагает прокурору Симферопольского окружного суда возбудить уголовное дело против муфтия Челебиева, подстрекающего солдат-татар не отправляться на фронт. Челебиев отрицает обвинение.

23 июля Ч. Челебиев был арестован контрразведкой и увезен в Севастополь вместе с командиром татарского батальона прапорщиком Шабаровым.

Следует иметь в виду, что Челебиев действительно агитировал солдат расходиться по домам в связи с мусульманскими праздниками, и это вызвало неудовольствие Исполнительного бюро общественного губернского комитета при губкомиссаре и самого губкомиссара, кадета Н. Н. Богданова, настаивавшего на привлечении Челебиева к ответственности; но к аресту, уверял позже Богданов, он никакого отношения не имел. В то же время заявление (донос) в контрразведку с обвинениями Челебиева в сношениях с враждебным тогда России государством – Турцией – направила группа крымских татар-традиционалистов. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной ареста.

Известие о случившемся вызвало массовый (срежиссированный) взрыв возмущения крымских татар. На имя властей с мест сыплются телеграммы, пестрящие фразами: «первый народный Муфтий», «наш обожаемый Таврический Муфтий» (!) и т. п. Страсти разгораются нешуточные. На улицах Симферополя – у здания губернского правления, где идут бурные заседания всевозможных организаций, у тюрьмы, где, по слухам, содержится муфтий, – группируются возбужденные солдаты-татары, съезжающиеся со всех концов Крыма представители.

24 июля. С утра этого дня (и до 8 августа) в Таврической губернии запрещаются «всякого рода митинги, собрания, шествия и скопления народа»⁶². Днем контрразведка освобождает Челебиева и Шабарова. В Симферополе муфтия ожидала восторженная встреча. П. С. Бобровский и П. И. Новицкий съездили в Севастополь, где контрразведчики признали, что для ареста не было оснований.

Таким путем Челебиев приобрел ореол страдальца за народное дело, а кадеты в лице Н. Н. Богданова – статус врагов крымско-татарского народа. Мусисполком потребовал отставки губкомиссара, которая произошла, однако, только в ноябре.

Одним из определяющих ситуацию и в то же время чрезвычайно болезненным для Крыма оказался вопрос о его взаимоотношениях с Украиной. Центральная Рада, все более дистанцируясь от центра, проявляла в то же время и все большее желание втянуть в орбиту своей «самостийности» Крымский полуостров. Общественный комитет (с представительством от КД, ПСР, РСДРП), чьи решения являлись пожеланиями для губернского комиссара, учитывая активизацию Рады и гипотетическую вероятность отрыва от центральных районов, счел нужным постановить: «Признав невозможным включение той или иной местности в состав

какой-либо автономной территориальной единицы без ясно выраженного желания населения данной местности, обратить внимание временного правительства на то, что вопрос о включении Таврической губернии в состав автономной Украины не разрешен ни одной из общественных организаций губернии и что поэтому и разрешение его временным правительством преждевременно»⁶³.

Но украинский вопрос стал одним из тех многих вопросов, где Временное правительство продемонстрировало свое полное бессилие.

Однако рядовое население – с ухудшением своего положения, ростом неуверенности в наступающем и тревоги, стало – в значительной своей части – благоволить Украине, которая, казалось, несет спокойствие и сытость.

В июле губкомиссар Богданов получил телеграмму за подписью генерального секретаря Рады по внутренним делам

В. К. Винниченко с приглашением прибыть на «предварительное краевое Совещание» 25-го числа. В Крыму это было расценено как вмешательство в его внутренние дела. Бюро губернского комитета 14 июля, «обсудив вопрос и принимая во внимание, что Губернский Комиссар не получал от Временного Правительства никаких указаний на включение Таврической губ [ернии] в состав будущей Украины, что и по существу вопроса включение Таврической губернии, весьма пестрой по национальному составу, с меньшинством украинского населения, является нежелательным, что даже в северных уездах, где можно предполагать численное превосходство украинцев, вопрос этот не возникал или был решен отрицательно, постановило: представителей на краевое совещание от Таврической губернии не посылать»⁶⁴.

Политика Рады провоцирует ответную реакцию определенных кругов в Крыму. С августа все чаще звучат требования украинизации ЧФ. Делегация мусульман (Дж. Сейдамет и А. С.-А. Озенбашлы) «прощупывает» в июле Раду. Орган Мусисполкома сообщал: «Украинскую раду посетила депутация мусульман, обратившаяся с просьбой поддержать их (кого конкретно? – *Авт.*) стремление к установлению автономии Крыма. Мусульмане выражают пожелание о территориальном присоединении Крыма к Украине.

Мусульмане представили раде докладную записку, основные пункты которой: сконцентрирование всех мусульман-солдат, находящихся в Крыму и вне Крыма, – в Симферополе, образование из них отдельного войска; при штабе округа должен быть мусульманский комиссариат; командный состав должен состоять из мусульман, точно [так же] врачебный персонал в лечебных учреждениях; командир полка должен избираться *мусульманским исполнительным комитетом* (курсив наш. – *Авт.*)».

Генеральный секретариат, «обсудив домогательства мусульман... не согласился с некоторыми из них (любопытно, с какими согласился? – *Авт.*), признав вообще преждевременным предпринимать шаги перед центральным правительством до разрешения вопроса о территории Украины»⁶⁵.

15 апреля Временным правительством было издано постановление о выборах в городские думы. Гласных предназначалось избрать в 18 городах Таврической губернии. Это были первые в истории России массовые демократические выборы. Остановимся на некоторых особенностях избирательной кампании конца мая – июля.

Известная апатия населения, демагогия, навешивание ярлыков хотя и не приняло массового характера, но место, как говорится, имело. Силовые методы, которые были присущи «либеральным» и крымско-татарским землевладельцам, а также большевикам. Как муниципальные, так и земские выборы дали значительный перевес социалистам, а среди них – эсерам.

Экономика страны продолжала катиться в пропасть. В Крыму ее спад летом – осенью 1917 года принимает характер полного развала. Промышленное производство сворачивается. Рабочие, во имя которых будто бы совершалась революция, оказываются ненужными. Дороговизна, писали газеты, создавала «безотрадную картину нужды». Рука об руку с ней шел дефицит.

К октябрю рыночные цены достигли: пяти рублей за фунт масла, двух – за десяток яиц, четырех-пяти – за курицу или утку, шести – за фунт картофеля. «Но и по таким ценам очень трудно что-либо достать»⁶⁶, – грустно заключала газета.

Зарплата росла (например, у учителей на протяжении всего года – от 100 до 200 рублей в месяц, у рабочих – на 50–150%), однако никак не поспевала за ценами. Вместе с зарплатой, как водится, росла инфляция. В октябре она стала галопирующей. «Цены скачут уже не по дням, а по часам и минутам. Один и тот же кусок масла, доставленный на базар, в течение часа повышается в цене на 1 рубль за фунт»⁶⁷.

Если в довоенное время Таврическая губерния вывозила до 80 миллионов пудов хлеба в год, то в 1917-м имела к вывозу не более 20–25 миллионов (сказался и неурожай 1916 года)⁶⁸.

Правда, хлеб для обеспечения минимальных потребностей еще был. На конец августа было собрано 7,5 миллиона пудов, из них предназначалось к вывозу (фронт, центральные губернии) 3,269. Однако двукратное повышение цен на хлеб и хлебопродукты в начале сентября (с провозглашением России республикой, строго говоря, незаконным) усилило напряженность. Обостряла положение с хлебом не только спекуляция.

Чрезвычайно раздражала население неразбериха в деятельности самых разных лиц и организаций, заготовливающих хлеб. Торговцы противодействовали снижению цен, ссылаясь на всяческие трудности; деревне нужны были промышленные товары, а их катастрофически не хватало; хлебные северные уезды губернии тянулись к Украине.

Результаты не заставили себя ждать. 3–4 сентября «мучные беспорядки» охватили Керчь. Погромы базаров и лавок в августе – октябре прокатились чуть ли не по всем городам Крыма. В Бахчисарае население захватило продовольственную базу и поделило запасы. В 18–20 сентября, телеграфирует комиссару Евпатория, рабочие обыскивали дома торговцев и частновладельцев «целью обнаружения скрытых предметов первой необходимости точка Население города сильно раздражено эксцессов не было точка»⁷⁰. Солдаты не только не стали разгонять самоуправщиков, но сами приняли участие в обысках. Из Севастополя был вызван крейсер! Власти впервые решились на применение к недовольным серьезной военной силы. Военный отряд был послан и в Генчешек. Телеграммы комиссара в Петроград, лихорадочная деятельность его и его аппарата свидетельствуют о состоянии, близком к панике.

С начала мировой войны правительство приняло решение о введении в стране сухого закона. После Февраля оно было подтверждено, в том числе и в Крыму.

Все просьбы населения о введении хотя бы ограниченной продажи вина оставались безответными, хотя и подпольное производство спиртовых суррогатов, и черный рынок действовали всюду. Винных же складов наличествовало немало, что порождало и немалые соблазны. Последние, как и следовало ожидать, выплеснулись наружу. Произошло это в Феодосии 12 октября. Солдаты толпой ринулись к винным складам. Начался пьяный дебош, стрельба, грабежи. Город захлестнула вакханалия безвластия, длившаяся до 16 октября.

Об этих днях оставили свидетельства два поэта, ставшие свидетелями «праздника плоти», – М. И. Цветаева и (почти свидетель, Коктебель) М. А. Волошин.

Волошин (письмо Ю. Л. Оболенской 20 октября): «В Феодосии погромы, пьянство, разбивают погреба... До нас еще пока не дошло, хотя, рано или поздно, конечно, дойдет»⁷¹.

Цветаева (письмо 19 октября С. Я. Эфрону): «Все дни выпускают вино. Город насквозь

пропах. (...) У одного старика выпустили единственную бочку, к[отор]ую берег уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал...»⁷²

Власти поначалу были бессильны: часть военнотружущих никаких приказов не признавала. Войска были вызваны из Симферополя. Из Севастополя пришел крейсер. Наконец беспорядки были прекращены⁷³. Пресса сообщила: «Феодосия. Спокойствие в городе – полное. По настоянию солдат-украинцев, вынесших всю тяжесть охраны города, все вино, находящееся в городе, уничтожено совершенно. Вылито до 75 тыс. ведер на сумму до 1 % миллиона р.»⁷⁴.

В Евпаторийском уезде с очень высоким процентом безземельных началась самовольная заплата земли. Интересно, что к ней приступили скопщики-немцы, известные законопослушностью. Ну а дальше покатилося. Май – июль, имение графа Мордвинова, Улу-Сала (ныне с. Синапное Бахчисарайского района), Фоти-Сала (с. Голубинка Бахчисарайского района), Османская (Османчик? ныне с. Холодовка Судакского горсовета), Сейтлер (ныне п. Нижнегорский), Кикенеиз (ныне с. Оползневое Ялтинского горсовета) и т. д. Крестьяне прибирают пахотную землю, сенокосы, требуют прекратить помещичье расхищение лесов и сами начинают их расхищать. Привычным становится отказ от платы за аренду. Крестьяне вспоминают свое исконное средство борьбы – поджоги. В апреле подобные явления фиксируются в 4 уездах, в октябре – в 7 (из 8 в губернии); всего по Крыму с апреля по октябрь – 57 острых конфликтов⁷⁵. Но главное – кривая роста этих конфликтов непрерывно ползла вверх.

Население тем временем перебивалось, как могло. Попытки властей смягчить ситуацию введением норм отпуска товаров, твердых цен и карточек, борьбой со спекуляцией, созданием продовольственных комитетов, хозяйственной автаркией районов, их обособлением, сравнимым с введением таможен, – ничего не помогало. Рушилась система жизнеобеспечения!

Ни коллективные договоры, ни примирительные камеры, ни установки профсоюзных руководителей не могли сбить волну растущего забастовочного движения. Число стачек с июля по октябрь возросло в 1,5 раза (с 35 до 50), количество бастующих – в 2 раза (до 25 тысяч человек). Относительно численности трудоспособных – их было немного, что объясняется не только позицией умеренных лидеров профсоюзов, но и, по нашему мнению, самим характером экономики губернии – абсолютным преобладанием мелких предприятий.

Не мог не получить своего отзвука в Крыму, однако, достаточно неопределенного, вооруженный конфликт части петроградских большевиков и анархистов с властями в начале июля. Губкомиссар Н. Н. Богданов телеграфировал министру-председателю А. Ф. Керенскому, что хотя «в губернии накопилось... много недовольства в городах преимущественно на продовольственной почве, а в деревнях на почве недостатка и дороговизны предметов первой необходимости», проявляясь «глухим ропотом», «если бы и возникли на этой почве какие-нибудь эксцессы, то вряд ли бы они носили политический характер и прикрывались бы большевистскими лозунгами»⁷⁶.

Путчистов осудили практически все демократические организации полуострова. Ряд инцидентов (насилия над некоторыми большевиками, в том числе – будущим членом Таврического ЦИК и Совнаркома Республики Тавриды И. Финогеновым; разгром Севастопольского комитета РСДРП(б)) не привел, однако, к изгнанию большевиков из советов. Да и они сами, вопреки установкам В. И. Ленина и VI съезда, не сняли лозунга «Вся власть Советам!». Именно с августа этот призыв становится все более популярным. «Пора брать власть» – все чаще и чаще звучит на всевозможных съездах, причем не только из уст большевиков. 11 сентября ЦК ЧФ принимает резолюцию: «Центральный комитет Черноморского флота, выразитель воли команд флота и портов, обсудив вопрос о кризисе власти и опираясь на решение масс в лице Советов и комитетов Черноморского флота, представивших резолюцию команд по этому вопросу, находит, что выходом из создавшегося

гибельного для России и революции положения является немедленная передача власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁷⁷. Переход власти от Временного правительства и его производных типа Предпарламента к советам означал переход от демократии парламентской к демократии прямой.

Большевики и близкие к ним, пусть не идейно, а на словах, внедрялись в сильные и авторитетные общественные структуры: флотское самоуправление, советы, профсоюзы, фабзавкомы. Начали создавать свои боевые отряды. Разорвав с меньшевиками, подыскивали союзников (временных): а к осени, как символ радикализации настроений, подоспели новые политические игроки – левые эсеры. Налаживали контакт с центром, откуда вскоре начинают, по заданиям ЦК, «поступать» эмиссары. Почти не имея доступа к газетам (где их взгляды зачастую подавались ернически или карикатурно), крымские большевики брали свое листовками и устной агитацией.

12 октября в Симферополе прошла первая конференция большевиков. Она выдвинула кандидатом в Учредительное собрание Г. Я. Сокольникова, будущего наркома финансов СССР.

Все сильнее расходящиеся в разные стороны векторы деятельности крымских политических кругов на очень короткий срок сблизил «корниловский мятеж» конца августа. 30 августа для борьбы с правой опасностью был создан Объединенный комитет революционных организаций (просуществовал до

6 сентября). Властные структуры Крыма, включая губкомиссара и губисполком, земскую управу, советы, Мусисполком и др., продекларировали свое единство. 29 августа ими было принято воззвание, гласившее: «Граждане Государства Российского! Грозный час настал. Еще минута – и брат кинется на брата. Соберите все мужество, весь разум, напрягите всю совесть, всю любовь к Родине и Свободе и скажите себе твердо: У России нет и до Учредительного Собрания не может быть иной власти, кроме Временного правительства, созданного Революцией для проведения в жизнь воли революционного народа! Свержение Временного правительства повлечет за собою гражданскую войну, гибель Родины и Свободы. Довольно крови! (...)»⁷⁸. Мусисполком счел нужным принять и собственное воззвание, которое, однако, запоздало.

А 31 августа Петроградский СРиСД одобрил политическую резолюцию «О власти», внесенную большевиками и нацеливающую на переход власти в руки советов.

Зуд власти становится нестерпимым и у «вершителей судеб» отдельных народов России. 8–15 сентября в Киеве проходит т. н. Съезд народов, где за потоками высокопарной и пока еще общеобязательной словесной шелухи выпирает упомянутый выше зуд. Приглашение на съезд получили и крымские татары. На съезде от Мусисполкома присутствовали: Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, А. С.-А. Озенбашлы, С. И. Идрисов, Э. Шабарова и А. Исхакова. Будущий коммунист Идрисов тешил себя утопиями: «Россия может стать могущественной только тогда, когда все ее народы добровольно заключат союз»⁷⁹. Озенбашлы отдал должное конкретике: «Пусть знают все, что крымские татары не позволят никому установить какую бы то ни было гегемонию на Крымском полуострове. И на этот раз крымские татары уже не покинут своего края без упорной защиты своих прав и добытой свободы»⁸⁰.

В резолюциях съезда были зафиксированы положения о федеративном устройстве России, национально-персональной автономии (более широкое, чем национально-территориальная автономия, понятие, предполагавшее общественно-правовой статус представителей любого народа на всей территории страны), равноправии языков.

Не менее, если не более важные вопросы обсуждались в кулуарах съезда. Об этом поведал на делегатском съезде (собрании) крымских татар (1–2 октября) Ч. Челебиев. «...Пункт о форме правления в нашей стране... требует такой формы правления, при которой была бы

гарантирована наша самостоятельность как нации, конечно, за исключением вопросов внешней политики и военного. (...) Комитет наш нашел такое устройство [«автономное управление»] в Украине вполне отвечающим нашим интересам.

Но перед нами встает новый вопрос: о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады: «входит ли Крымский полуостров в пределы вашей территориальной автономии». (...) После десятидневного обсуждения на этом съезде народов, между прочим, была вынесена резолюция о том, что Крым принадлежит крымцам. На это я смотрю как на наш тактический успех, с чем они нас и поздравили, заявив: “можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится”»⁸¹.

Делегатский съезд принял решение созвать в ноябре *Курултай* (сейм, национальное учредительное собрание), который должен был решить вопрос о территориальной автономии Крыма и принять основные законы.

Вопрос о Курултае был поднят еще в конце августа. Получив приглашение на Съезд народов, Мусисполком ответил согласием, причем позиционировал себя для придания большей авторитетности как заместитель крымско-татарского Курултая. «Право на существование национального парламента татарские национал-демократы обосновывали, с одной стороны, давностью этого общественного установления, игравшего известную роль в общественно-политической жизни монголо-татар, а с другой стороны, зрелостью самосознания татарского народа»⁸². Вспомнили и о «государственной мудрости монголо-татар», и о том, что у них «было немислимо государство без Курултая и Курултай без государства», и даже о том, что Чингисхан испросил у Курултая согласия на свое верховное правление⁸³.

Кроме того, съезд занялся выборами кандидатов в Учредительное собрание. Избрали Дж. Сейдамета.

Мусисполком, получив политический карт-бланш, все настойчивее стремится к стягиванию в один кулак всех имевшихся в наличии крымско-татарских вооруженных сил, а именно – эскадронов Крымского конного полка. Для изучения вопроса в Симферополь прибыл начальник штаба Одесского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Маркс. Он пообещал перевести конный полк в Крым.

Главной же силой на полуострове был Черноморский флот. Визуально состояние флота была ужасающим. «Демократизация» перехлестнула все мыслимые границы. Новый командующий флотом, контр-адмирал А. В. Немитц, не контролировал подчиненных. Офицеры третировались, отстранялись от должностей, изгонялись, их помещения на судах захватывались матросами. «Корниловский мятеж», несмотря на то, что командующий подтвердил в приказе от 27 августа верность флота Временному правительству, усилил недоверие рядовой массы к офицерам. В октябре фиксируются первые случаи их избиения. Назревает волна мщения «за всё». «Матросы, съезжавшие на берег, ходили грязными, не соблю[да]ли формы одежды (смесь форменной одежды и штатской), многие матросы и солдаты под видом покупки товаров для своих частей занимались спекуляцией, несмотря на сухой закон, процветало пьянство. (...)...Стали нормой погромы садов, огородов и виноградников, которые не могли предотвратить и усиленные патрули, а внешний вид матросов не поддавался никакому описанию»⁸⁴. Но реально силовой потенциал флота был по крымским масштабам огромен. В Севастополе, на собственно флоте и в крепости, насчитывалось около 40 тысяч моряков⁸⁵.

Сухопутные части разложились раньше.

Временное правительство теряет в армии и на флоте остатки авторитета. Это рикошетом ударяет по партиям, его поддерживающим. Октябрьские выборы в Севастопольский совет лишили эсеров 63 мандатов; количество членов партии к этому времени сократилось вдвое. Резкое неприятие вызвало учреждение на флоте военно-революционных судов и введение

смертной казни в конце июля, каковую меру, однако, никто не осмелился бы применить. Разворачивается украинизация флота, которой, ввиду своего бессилия, вынуждено потворствовать Временное правительство. 1 ноября в Киеве создается Морская генеральная рада. В октябре, вопреки запрету Всероссийского Центрофлота, украинские флаги взвиваются над миноносцами «Завидный» и «Гаджибей» («Хаджибей»). Готовится украинизация крейсера «Память Меркурия». А над иными судами с середины сентября реют красные флаги. Лозунг «Вся власть Советам!» становится всеопределяющим.

Итак, к октябрю действующие лица занимают исходные позиции. «В Крыму, как и в других регионах бывшей Российской империи этот... разлом совершался в своем, неповторимом, но пролагавшем русла новым историческим течениям, варианте»⁸⁶. Органы Временного правительства, беспомощные, не оправдавшие надежд, теряют остатки власти.

Глава II

Начало братоубийственной бойни

После получения известий об октябрьских событиях в Петрограде утром 26 октября в Севастополе было созвано расширенное заседание исполкома совета при участии представителей профсоюзов, завкомов, корабельных и солдатских комитетов и городской думы. Тем временем Центральный комитет Черноморского флота организовал демонстрацию в поддержку свершившейся революции. Прервав заседание, эсеро-меньшевистский исполком принял весьма неожиданное решение о взятии власти в свои руки. В центр была послана телеграмма: «Петроград. Петроградскому Совету, Всероссийскому съезду Советов. Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждем дальнейших распоряжений. Севастополь»⁸⁷. На следующий день пленум совета подтвердил содержание приветственной телеграммы.

Командующий флотом контр-адмирал А. В. Немитц, опасаясь осложнений, приказал поддержать власть советов. (Он же отдал 30 октября приказ о сдаче всего огнестрельного оружия, которому матросы, естественно, не подчинились.) ЦК ЧФ обратился с приветствием к Петроградскому военно-революционному комитету.

Чем же объяснить такой зигзаг Севастопольского совета, сделанный вразрез с тактическими установками ПСР и РСДРП(об.)? Настроением рабочих и флота, бурными митингами и демонстрациями, общим полевением партийных организаций Крыма, а также, вероятно, расчетом, что II Всероссийский съезд советов пойдет на компромисс – создание однородного социалистического правительства. Когда же ситуация в столице и губернии прояснилась, исполком совета заявил о неприемлемости в переживаемый момент социалистической революции, непризнании, в принципе, советской власти как отражающей интересы только части населения, поставил под сомнение легитимность нового правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК), – избранного на II съезде. Свою резолюцию 26 октября совет характеризует теперь как имевшую «временный» характер и избирает тактику лавирования между противоборствующими сторонами.

Прочие советы, а также партии и общественные движения встретили октябрьские события в Петрограде крайне отрицательно. Они учитывали состояние умов крымского населения (исключая весомую часть флота, рабочих завода А. А. Анатра в Симферополе и Севастопольского морского завода), как огня страшившегося междоусобицы.

I Таврический губернский съезд профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Крыма 1 ноября принимает резолюцию о текущем моменте: «(...) Правительство

большевиков, созданное путем братоубийства и *гражданской войны* (курсив наш; термин уже входит в повседневный обиход. – *Авт.*), перед самыми выборами в Учредительное собрание... неспособно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии, является правительством одной политической партии и может держаться только террором и насилием. Власть должна перейти к однородному демократическому правительству, основанному на соглашении всех социалистических партий; гражданская война и кровопролитие должны быть немедленно прекращены, проклятая вражда внутри демократии должны быть окончена. (...)»⁸⁸.

Крымско-татарское руководство дополнило оценку событий практическими выводами: «...Разыгравшиеся в Петрограде кровавые события, парализовав силу существующей власти, открывают путь для анархии и гражданской войны, размер и губительные последствия которой теперь трудно представить. Искры петроградского пожара летят по всей стране и кое-где они попали на горючий материал». Чрезвычайное собрание представителей мусульманских революционно-демократических и военных организаций (числом 12) сочло необходимым создать исключительно из представителей революционно-демократических и социалистических организаций орган для поддержания порядка в крае и защиты революции, сформировать вооруженные отряды для защиты Симферополя (надо полагать, от черноморцев) и координирующий их деятельность Крымский революционный штаб (каковой и приступил к работе 31 октября).

О кадетях в документе сказано особо: «...Вплелись в демократию... и стараются не выпускать из своих рук руководство местной политической и общественной жизнью, давая проявлению последней желательное им направление и освещение. Взять для примера хотя бы кадета комиссара Богданова, который, игнорируя недоверие к нему населения и революционных организаций, продолжает творить на посту комиссара свое кадетское дело»⁸⁹. (Принято 28 октября.)

Итак, крымско-татарские активисты «объявили войну» на два фронта – против большевиков слева и против кадетов справа.

Резолюцию по поводу петроградских событий принимает собрание представителей общественных и революционных организаций: «Собрание осуждает попытку насильственного захвата власти со стороны большевиков Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Попытка эта является преступной авантюрой, могущей затормозить своевременный созыв Учредительного собрания»⁹⁰. Собрание избрало Губернский революционный комитет. 28 октября он был переименован в Губернский комитет спасения родины и революции.

Тем временем татары объявили войну ненавистному им Таврическому губернскому комиссару Н. Н. Богданову. Поскольку Комитет спасения не спешил удовлетворять требования татар о дезавуировании Богданова, они, вкупе с украинцами и севастопольскими матросами, покинули 29 октября заседание Комитета, после чего тот благополучно самоупразднился (6 ноября), уступив гегемонию Крымскому штабу. 4 ноября Богданов все-таки ушел в отставку, уступив место своему помощнику, правому социал-демократу П. И. Бианки. В губкомиссариат вошли также А. С.-А. Озенбашлы от татар и Близнюк от украинцев, последнего сменил В. И. Поливанов от земств.

В целом же октябрьские события в Петрограде сколько-нибудь заметной реакции в Крыму не вызвали.

«Еретически» прозвучало постановление Евпаторийского комитета большевиков (В. А. Елагин и другие): «Считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, так как большевики, не имея большинства в рабочем классе, едва ли сумеют удержать власть в своих

руках»⁹¹. Под давлением руководителей крымских большевиков Ж. А. Миллера и Ю. П. Гавена это постановление было отменено, а 5 ноября избран новый комитет.

Губисполком созывает Губернский съезд советов (Симферополь, 16–17 ноября), на котором из большевиков присутствовал только Миллер. (Большевики все более отстранялись от лагеря, считавшего себя демократическим.) Съезд 9 голосами против 7 объявил октябрьский переворот «преступной авантюрой», признал решения II съезда советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и национальных организаций» – «демократическому совещанию Тавриды»⁹². Таким образом, съезд призвал все небольшевистские силы к консолидации.

Приготовления к решительным действиям развернулись и в противоположном лагере. 6–10 ноября в крайне наэлектризованной атмосфере проходил 1-й Общечерноморский (Черноморский флотский) съезд, где большевики вместе с левыми и украинскими эсерами могли диктовать свои условия. Меньшевики и правые эсеры в конце концов покинули съезд. По просьбе представителя рабочих Ростова-на-Дону съезд постановил отправить им на помощь в борьбе с белоказаками

А. М. Каледина отряд матросов. Вооруженные отряды было решено послать также в Киев и на Кубань. Для большевиков имелся большой резон в этом решении: они получали в свое распоряжение «легитимные» вооруженные силы и возможность проверить их в практических действиях, дабы потом использовать в Крыму. Съезд одобрил украинизацию флота (при санкции на то Всероссийского Учредительного собрания; впрочем, она шла спонтанно и без всяких санкций), направил приветствия всем флотам и армиям революционной России, В. И. Ленину и СНК с обещанием поддержки Черноморским флотом, а также принял резолюцию «О текущем моменте», предложенную Ю. П. Гавеном: «(...) Черноморский флот считает вновь избранный съезд Советов ЦИК единственным источником власти... Съезд призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих Советов и поддерживать их в борьбе с контрреволюцией»⁹³.

Сместив на посту комиссара Черноморского флота эсера И. И. Бунакова-Фондаминского, съезд назначил на это место большевика В. В. Роменца.

Против решения съезда о посылке отрядов было командование Черноморского флота, однако его мнение игнорировалось. А Севастопольский совет только после ожесточенной полемики, благодаря альянсу большевиков и украинских эсеров (последние стремились поддержать Центральную Раду), 182 голосами «за» (89 – «против» и 28 – «воздержалось»), поддержал необходимость направления отрядов на Дон и в Киев.

На помощь ростовцам из Севастополя отплыла флотилия и выехал эшелон с матросами в количестве 2500 человек во главе с анархистом А. В. Мокроусовым. В конце ноября десант, отступив под натиском офицерских и казачьих частей, но обогатившись боевым опытом, возвратился обратно, став мощным фактором «углубления революции». Отряд численностью до 700 человек направился в Киев.

Позиция руководства и офицеров флота по поводу посылки отрядов была расценена как поддержка Каледина. С 15 ноября в Севастополе начались самочинные аресты офицеров матросами.

Большевики провели смотр своих сил на II Таврической губернской конференции 23–24 ноября. К тому времени их число достигло 1800 человек. Конференция приняла решения: 1) признать правильной политику ЦК РСДРП(б); 2) организовать отряды Красной гвардии; 3) поручить «тройке» – Ю. П. Гавен, Н. И. Островская, С. В. Констансов – подготовить издание партийного органа – «Таврической Правды». Разрабатывать план захвата власти участники

съезда считали несвоевременным⁹⁴ (пока).

20 ноября делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов собрались на Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений. Большевики и кадеты отсутствовали. После весьма дружелюбных дебатов участники съезда вынесли основную резолюцию: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть создано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов – путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, – в Таврической губернии учреждается орган управления губернией – Таврический губернский совет народных представителей (СНП. – *Авт.*) как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью».

Избран СНП в составе 48 членов (включая, помимо городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, национальные представительства в лице татар и украинцев – по три человека, великороссов – два, евреев и крымчаков – два, немцев – два, греков, армян, эстонцев – по одному⁹⁵) и президиум во главе с крестьянским делегатом И. И. Штваном, съезд под аплодисменты, здравицы и поцелуи 23 ноября завершился. Создание СНП было первой попыткой в истории Крыма XX века образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения.

СНП формально имел свои вооруженные силы в виде частей, подчинявшихся Крымскому революционному штабу – он же объединенный, или краевой, или Штаб крымских войск. Штаб подразделялся на отделы: политический, снабжения и интендантский, юридический, санитарно-ветеринарный, канцелярию военного директора – Дж. Сейдамета. Помощником Сейдамета, начальником политотдела стал полковник В. В. Макухин (Макуха) (расстрелян в январе 1918 года большевиками). Интересно, что должность командующего войсками предлагалась генерал-майору П. Н. Врангелю, пребывавшему тогда в Крыму. Тот вспоминал: «Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он видимо был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главоверх (Сейдамет. – *Авт.*), так же как и коллега его в Петербурге (Н. Н. Крыленко. – *Авт.*), мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом, я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях, я принять предлагаемую мне должность не могу»⁹⁶.

Костяк частей Штаба крымских войск составили 1-й и 2-й крымско-татарские полки (эскадронцы) и 1-й крымско-татарский полк свободы («Уриет»). Были здесь и русские офицеры и даже французы, включая летчиков под командой полковника Монтеро.

Несмотря на пессимистические свидетельства Врангеля, Крымский штаб представлял по тому времени сравнительно боеспособные части, что прошли Первую мировую войну, насчитывавшие от 2 до 5 тысяч человек.

Деятельность Совета оказалась, вопреки ожиданиям, вялой и бесцветной, никак не соответствующей переживаемому моменту. Он ограничился разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Участники СНП, отражая интересы стоявших за ним политических и национальных кругов, тянули одеяло каждый на себя и занялись собственными проектами. Все это было только на руку большевикам, которые вместе с другими крайне левыми СНП не признали, немедленно окрестив его «Советом народных предателей».

12–14 ноября проходили выборы в Учредительное собрание. Степень политизированности и уровень надежд на Учредительное собрание в Таврической губернии будем считать

средними: на участки явилось 54 % электората. Результаты выборов: из 555 851 (без Перекопского уезда и некоторых участков) ПСР получила 291 549 голосов, мусульмане – 64 880, украинские эсеры – 61 177, кадеты – 38 108, большевики – 31 154, русские немцы – 23 590, меньшевики – 14 693, евреи – 13 145, земельные собственники – 8022, народные социалисты – 4544, «Единство» – 2182, Поалей-Цион – 1712, бердянские крестьяне – 82597.

Согласно подсчетам В. И. Королева, среди политических партий эсеры уверенно заняли первое место (67,9 % голосов, в том числе украинские эсеры – 10,7 %), второе – кадеты (6,8 %), третье – большевики (5,5 %), четвертое – меньшевики (3,3 %), пятое – народные социалисты (0,8 %). По национальным спискам: крымско-татарский (11,9 %), немецкий (4,8 %), еврейский (2,4 %). 77,5 % голосов получили социалистические партии. «...Таврическая губерния (как и вся страна в целом) в роковом 1917 г. серьезно «заболела» социализмом и другого пути развития Российского государства не видела (курсив наш. – Авт.)»⁹⁸.

Членами Учредительного собрания были избраны:

С. А. Никонов, В. Т. Бакута, И. П. Попов, Н. И. Алясов, Р. Н. Толстов, С. С. Зак, Д. Г. Головки (ПСР), В. Н. Салтан (украинский эсер), Дж. Сейдамет (крымские татары).

Флот дал эсерам 22 200 голосов, большевикам – 10 800, украинским эсерам и другим – 19 500. Членами Учредительного собрания избираются эсер И. И. Бунаков (Фондаминский) (принял активное участие в работе собрания) и большевичка Н. И. Островская.

5 января в Петрограде Учредительное собрание было разогнано большевиками. Сильной реакции в стране, включая Крым, это не вызвало.

7 ноября Центральная Рада приняла III Универсал, в котором провозглашалась Украинская Народная Республика (УНР), но – в составе демократической Российской Федерации, которую еще только предстояло создать. В состав УНР были включены три северных уезда Таврической губернии «без Крыма» (так губерния разрывалась на две части). Вместе с тем Рада выражала притязания на Черноморский флот.

В том же месяце Центральная Рада довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму и поддерживает национальное движение крымских татар⁹⁹. Это усилило наметившееся с лета взаимопротивление украинского и татарского национальных движений.

В данной связи весьма любопытным будет достаточно циничное мнение Дж. Сейдамета по поводу Центральной Рады и ее политики: «Без сомнения, – писал он в своих мемуарах, – даже украинцам, с которыми мы поддерживали более или менее дружественные связи, полностью доверять было бы глупо. Вполне возможно, что они стремились ослабить нас, воспользовавшись нашим противостоянием с русскими, так как и от них, естественно, можно было ожидать появления желания взять власть в Крыму в свои руки. А поэтому идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции»¹⁰⁰.

Что касается крымских большевиков, то они в 1917–1918 годах не выработали более-менее логичной и привлекательной линии в национальном вопросе. По словам Ю. П. Гавена, сказанным тринадцать лет спустя: «Надо прямо сказать, что в период советской власти в Крыму в 1917 году мы не сумели правильно поставить и разрешить национальный вопрос.

Наши организации до захвата власти в городах были очень слабы; революционная деятельность и их влияние ограничивались почти исключительно узкой сферой городского пролетариата и, главным образом, флота. Горную, т. е. татарскую деревню мы тогда почти совсем не знали. Работников, более или менее видных большевиков, выросших в крымских условиях, у нас не было, за исключением Островской, выросшей в Крыму. Руководителями революционного движения были товарищи, приехавшие из других районов России...

Руководители крымской большевистской организации серьезно обратили внимание на национальный вопрос только тогда, когда татарский Курултай уже двинул против советов вооруженные эскадроны»¹⁰¹.

Выше уже говорилось, что на ноябрьском Общечерноморском съезде большевики выступили единым альянсом с украинскими эсерами, признав необходимость украинизации флота. Далее. На объединенном заседании Крымского революционного штаба с общественными организациями

15 ноября большевик Ж. А. Миллер «приветствует при рукоплесканиях украинцев и татар украинство, решившее национальный вопрос в духе революционного пролетариата, и призывает мусульман последовать этому примеру, объявив крымскую республику (курсив наш. – Авт.)»¹⁰². Правда, такие речи, мягко говоря, вряд ли соответствовали позиции, занятой II конференцией большевиков Таврической губернии, которая 24 ноября приняла резолюцию: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом... съезд (т. е. конференция. – Авт.) считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма»¹⁰³. Идея референдума, однако, промелькнув, исчезла.

10 декабря в Севастополь были доставлены тела 18 матросов, павших в сражениях под Белгородом, через день возвратились остатки первого Черноморского революционного отряда, разгромленного на Дону. Вина за неудачи была возложена на лейтенанта А. М. Скаловского, одного из четырех офицеров, бывших в отряде. Под Тихорецкой он был расстрелян матросами «Похороны матросов были колоссальной демонстрацией: убитых уложили в открытые гробы, не обмытых, в крови, с зияющими ранами. Процессию сопровождали все матросы, весь гарнизон, все оркестры и громадная толпа простонародия, всего тысяч сорок. Вся эта масса обошла город, часто останавливаясь при произнесении самых кровожадных речей, направленных против офицеров и интеллигенции. Толпа ревела, требовала немедленного избиения офицеров...»¹⁰⁴. После похорон мичман эскадренного миноносца «Фидониси» Н. Скородинский, только в июле 1917 года окончивший училище и направленный на Черноморский флот, лояльно относившийся к новой власти и пользовавшийся авторитетом своей команды, позволил себе публично усомниться в деятельности председателя Севастопольского комитета большевиков Н. И. Островской, после чего был тут же смертельно ранен матросом и скончался, не приходя в сознание, на следующий день в госпитале (по другой версии, Н. Скородинский 12 декабря на «Фидониси» был смертельно ранен кочегаром Коваленко за то, что тот сделал ему замечание за нерадивую службу¹⁰⁵). Гроб мичмана сопровождали на кладбище «более тысячи морских и сухопутных офицеров, печальных и мрачных, с опущенными головами», они «медленно двигались за гробом, без музыки, без певчих и без почетной полуроты...»¹⁰⁶. Никакого сочувствия «улицы» похороны мичмана не вызвали. Напротив, они сопровождались зловещими сентенциями: «Собаке собачья смерть», «Скоро всем конец». Эти мрачные кладбищенские действия стали прелюдией кровавых событий.

Представители прибывшего из-под Белгорода матросского отряда на заседании Севастопольского совета 12 декабря заявляют, что отряд не признает его авторитета и распоряжений, требуя в 24 часа очистить помещение исполкома, угрожая в противном случае разогнать совет силой.

В этот же день на созванном большевиками митинге принимается резолюция о немедленном переизбрании совета. Матросы-украинцы эсминцев «Жаркий» и «Зоркий» на своем митинге заявляют о непризнании Центральной Рады и поддержке советской власти на Украине, провозглашенной 12 декабря в Харькове на I Всеукраинском съезде советов, и

требуют отозвать своего представителя из Генеральной Морской Рады.

Фракция большевиков выходит из состава исполкома Севастопольского совета. Судовые команды выносят грозные резолюции: «Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции»; «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобрааны»¹⁰⁷. Масло в огонь подливали находившиеся в Севастополе кронштадцы.

Резня, каковую одни ждали с трепетом, другие накликивали, произошла 15–17 декабря. Внешним поводом послужили воспоминания о Морском суде 1905 и 1912 годов, где матросов, замешанных в восстаниях, приговаривали к расстрелу и каторге. Решено было убивать только участников этих судилищ. Однако террор обрушился на всех морских и некоторых сухопутных офицеров. Матросы миноносцев «Гаджибей» и «Фидониси» расстреляли своих офицеров на Малаховом кургане. По имеющимся сведениям, их было 32108.

Аресты офицеров происходили не только в Севастополе. По требованию команды подводной лодки «Тюлень» выдан ордер на арест в Сулине (Румыния) капитана 2-го ранга П. С. Бачманова, в Симферополе – капитана 2-го ранга

В. Д. Брода. 21 декабря были арестованы в Новороссийске и доставлены в Севастополь начальник 7-го отряда транспортов Транспортной флотилии контр-адмирал М. Г. Львов, флаг-офицер того же отряда старший лейтенант Б. Н. Черный и командир временного военного Новороссийского порта капитан 1-го ранга П. В. Верховский, в Трапезунде (Турция) по подозрению в погроме арестован прапорщик Л. С. Волосевич и т. д.¹⁰⁹

Тем временем СНК телеграфировал комиссару Черноморского флота В. В. Роменцу: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. (...) Переговоры вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещены»¹¹⁰. Очевидец свидетельствует: «В комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной стрельбы и крики. Мы бросились на балкон и совершенно определенно убедились, что стрельба идет во всех частях города... (...)»

Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы, голубчики»... кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы – словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна. (...)»

...Я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояло двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц – морские офицеры.

Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадном прыжке очутился в коридоре и упал около нас. За ним неслось несколько матросов – миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычанье матросов... Стало страшно...

Наконец я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

– Берите его, – проговорил он, обращаясь к матросам.

– Ишь ты – втикать думал...

– Берите и этого, – указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновение я

увидел бледные, помертвелые лица, еще момент, и в коридоре или на лестнице затрещали выстрелы... (...)»

Севастопольский Совет раб[очих]. деп[утатов]. умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом Совета, но Совет безмолвствовал: им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской вольницей.

И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на дне Южной бухты, Совет выразил «порицание» убийцам...

Всего погибло 128 отличных офицеров»¹¹¹.

И это была только репетиция. Именно в те дни в Севастополе родилось выражение «Варфоломеевские ночи», вскоре «принятое» всем Крымом. Так в ночь на 16 декабря в Севастополе победила «советская» власть.

Вполне вписываясь в тот контекст, в который была вброшена Россия Февральской революцией и воследовавшими событиями, Мусисполком выдвигает 3–4 ноября лозунг «Крым для крымцев», причем как стратегический. Опубликованное им «Воззвание» гласило: «Крымско-Мусульманский Исполнительный Комитет как выразитель воли крымских татар, не желая допустить в Крыму гегемонии какой-либо народности над другой. А также не допуская мысли о распространении власти какого-либо государства над Крымом, признает

«КРЫМ ДЛЯ КРЫМЦЕВ» и находит, что чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устройении судьбы своего Крыма и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым.

Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может разрешить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей».

3 ноября торжественно открылся Национальный татарский музей в Ханском дворце (Бахчисарай). Этот музей стал не только собственно национальной, религиозной святыней татар, но и, теперь, политической базой Мусисполкома-Курултая. В получившей широкую известность речи муфтия Ч. Челебиева на открытии музея проводилась та же идея единения всех крымчан для блага Крыма: «На Крымском полуострове имеются разных цветов и оттенков много прекрасных роз и цветов. Каждый из этих роз и цветов имеет особую свою красоту и свойственный ему приятный аромат. Задача Курултая собрать все эти дивные цветы в один букет. Татарский *Курултай* имеет в виду не одних лишь татар (курсив наш. – Авт.), его взоры обращены и к другим народностям, в течение веков живущим с татарами дружной братской жизнью. (...)

Татарский народ признавал, признает и всегда будет признавать права каждой национальности. Татарский Курултай наравне с чаяниями и идеями татар будет чтить также идеи и чаяния живущих с ними в Крыму и других народностей. Курултай будет приглашать эти народности к совместной работе и усилиям для достижения общих для всех благ»¹¹².

Итак, программа действий «курултаевцев» обогащается в ноябре новыми штрихами. Появляется знаменитый лозунг «Крым для крымцев». Причем «крымцы», вопреки традиции, фигурируют здесь как все крымчане, независимо от национальности. Но это понятие повисает в воздухе, поскольку ни этнически, ни юридически не определено. Будем считать, что подразумеваются потомственные жители Крыма.

Рада дает словесные заверения того, что на территорию Крыма (видимо, и в случае достижения полной независимости Украины) она претендовать не будет. Право управления полуостровом предоставлялось Киевом крымским татарам. Однако в случае формирования аппарата этого управления из его компетенции исключались дела внешние и военные, остававшиеся в ведении федеральных органов. Что касается большевиков, то «курултаевцы» придерживались тактики муфтия Челебиева: не смешивать петроградских и крымских

большевиков. Резко осудив октябрьский переворот, «курултаевцы» предпочитали в отношении местных большевиков придерживаться политики нейтралитета. Правда, политика эта дала трещину в декабре и ушла в небытие в январе.

26 ноября в зале Баб-и-Диван/Диван-и-Али (Зал суда) дворца-музея в Бахчисарае открылся Курултай, начавший работу как учредительное собрание крымско-татарского народа и продолживший ее как постоянно действующий орган – мусульманский парламент. Очевидец описывает: «Бахчисарай был разукрашен бесчисленными красными и голубыми флагами. На ханском дворце был вывешен национальный голубой флаг. В Бахчисарай прибыло более 10 тысяч татар и татарок из различных районов. По главной улице и при дворце охраняли порядок эскадроны, которые устроили парад депутатам (членам) Курултая»¹¹³. Делегаты прослушали богослужение и провели общую молитву в ханской мечети. Было решено, что «во дворце состоятся только первое и последнее заседания Курултая, чтобы избежать лишнего ущерба памятнику архитектуры. Над местом, предназначенным для Президиума курултая, были повешены три знамени: светло-голубое, зеленое и красное. Они последовательно символизировали нацию, религию и революцию. Под ними располагалась золотая тамга Гиреев – символ крымской независимости»¹¹⁴.

Создание Курултая объяснялось давностью традиций, политической зрелостью татар Крыма. При этом вспоминался Курултай 1206 года, провозгласивший Темучина великим ханом с титулом Чингисхан, указывалось на «государственную мудрость монголо-татар, которая красной нитью проходит через всю их историю»¹¹⁵.

Действительно, курултаи (курултаи) – своеобразные съезды правящего рода – были характерны для периода Чингисхана, «но с окончательным разделением империи монголов на самостоятельные во всех отношениях государства сведения о курултаях встречаются все реже и реже и наконец совсем исчезают из источников. Необходимость в этом институте, носившем в значительной степени догосударственный военно-демократический характер, отпадает с появлением наследственной монархии. В Монголии, где были более сильные кочевнические традиции, курултаи собирались вплоть до воцарения Хубилая...», однако в имеющихся источниках нет конкретных сведений об их проведении в Золотой Орде¹¹⁶ и в Крымском ханстве (XV–XVIII века), в котором существовал *Диван* (перс.) – государственный совет, орган исполнительной власти, включавший высших должностных лиц, представителей мусульманского духовенства и т. д. В случае чрезвычайных событий собирался великий *кенгеш* – общий совет ханства, куда входили высшая знать, постоянное войско и проч.¹¹⁷ Знаменем национального движения (с тех пор и до наших дней) стало «голубое знамя Чингиса» (кок-байрак).

В выборах делегатов Курултая приняло участие более 70 % татарского населения Крыма (по закону о выборах, разработанному Мусисполкомом, они проводились как всеобщие, прямые, равные при тайном голосовании и возрастном цензе в 20 лет), избрано – 76 (из них четыре женщины): от Симферополя – 19, Ялты – 24, Феодосии – 16, Евпатории – 11, Перекопа – 6. Буржуазия и рабочие представляли среди делегатов ничтожное меньшинство, подавляющее же большинство составляла молодая интеллигенция – *джадиды*. Одним из главных действующих лиц Курултая стал Челебиев, выступивший с речью в день открытия.

«Сегодня возрождается наша политическая жизнь, которая была прервана полтора века тому назад, – заявил муфтий. – Собравшийся в зале Верховного суда Курултай восстанавливает уничтоженную русским абсолютизмом татарскую национальную государственность. Татарская нация сегодня заново рождается. Раны, нанесенные гнетом и тиранией русского деспотизма, и по сей день кровоточат в нашей общественной жизни. (...)

Татарский народ, признавая равенство всех людей, в то же время рядом со знаменами

других наций поднял на Курултае свой собственный национальный флаг и будет отныне строить свою жизнь на основе собственной конституции по законам братства»¹¹⁸.

Курултай приветствовали: от православного населения Крыма, русских и греков – член городской управы Бахчисарая Хаджеватов; от иудеев – Амалинский; представитель Крымского конного полка; три члена Украинской Центральной Рады; персонально – Симон Петлюра; делегация матросов Черноморского флота; телеграммой – Украинский комитет в Севастополе¹¹⁹, а также латвийские организации, «было получено много приветствий и приветственных телеграмм от всех тюрко-татарских национальностей России».

В президиум Курултая были избраны Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, изменивший свою позицию А. Х. Хильми, Заредин Эфенди, Шефика Гаспринская (дочь И. Гаспринского) и А. С.-А. Озенбашлы. «После этого в саду ханского дворца состоялся парад эскадронцев в честь депутатов под руководством офицера Парпетова Рустема. Во время парада духовой оркестр играл исторический тамерлановский «долу» (марш)»¹²⁰.

Курултай заседал, с перерывами, 18 дней. «Бурность и страстность иного заседания курултая доходили до того, что казалось: вот-вот разойдутся все по домам, оставив без определенного решения дальнейшую судьбу пославшего их в Курултай народа»¹²¹. Что неудивительно, ибо в национальном движении к этому времени выделяются три крыла: левое, включая секретаря Курултая А. А. Боданинского, а также С. И. Идрисова, С. М. Меметова и др., считавшее необходимым создание властного органа из трех элементов: татарского парламента, СНП и большевиков; центр, представленный, не без оговорок, прежде всего муфтием Ч. Челебиевым, порой готовым идти на компромиссы с большевиками; праворадикалы во главе с Дж. Сейдаметом, непримиримым противником большевизма, получившим среди левых прозвище «второго Наполеона».

Сам Дж. Сейдамет дает несколько иную классификацию: правые – 8–9 депутатов из среды традиционалистского духовенства, левые (социалисты) – 11–13, прочие, огромное большинство, – центр. «Центр Курултая, – пишет Сейдамет в своих мемуарах, – был глубоко национальным; он базировался на историческом прошлом крымских тюрок и их национальной трагедии. Этот центр был инициатором созыва самого Курултая. Его стремлением было по возможности скорейшим образом превратить Крым в народную республику и образовать национальный парламент. Противовес этому составляла левая группа Курултая, образованная из духовных наследников крымско-тюркской молодежи периода революции 1905 года; она находилась под сильным влиянием русской революционной партии и ставила на первый план дело защиты революции и решение социальных проблем. Левая группа, которая была против отделения Крыма от остальной революционной России, возлагала свои надежды на Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было конституционным путем создать федеративное демократическое государство; поэтому она занимала негативную позицию по вопросу о созыве Учредительного собрания в Крыму. Центр же был того мнения, что большевики не допустят созыва Всероссийского Учредительного собрания, и выдвигал требования созыва Учредительного собрания в Крыму, которое он считал нужным провести даже в случае созыва Всероссийского Учредительного собрания, чтобы осуществить право крымского населения на самоопределение. При этом стремления центра были связаны с задачей отделения Крыма от России (курсив наш. – Авт.). Наконец, центр считал необходимым действовать заодно со всем мусульманско-тюркским населением России и выполнить решения Первого Всероссийского мусульманского съезда о территориальной автономии. Это также противоречило позиции левого крыла. Однако по вопросу о социальных и общественных реформах центр и левое крыло были совершенно едины и согласны друг с другом, даже центр проявлял большую радикальность, чем левое крыло...»¹²²

В последний день работы, 13 декабря, Курултай провозгласил Крымскую Демократическую Республику, утвердил ее Конституцию (Крымско-татарские основные законы), избрал руководство Курултая (члены президиума – А. С. Айвазов, А. Х. Хильми, Дж. Аблаев, секретари – С. О. Таракчи и А. А. Боданинский) и, сорока голосами против двадцати, Совет директоров (Директорию) – Национальное правительство (председатель и директор юстиции – Ч. Челебиев; директор внешних (в отношении иных национальностей. – *Авт.*) и военных дел – Дж. Сейдамет, директор финансов и вакуфов – С.-Дж. Хаттатов; директор по делам религии – Амет Шукри; директор народного просвещения – Ибраим Озен-башлы), а также обратился к населению Крыма с «Объявлением Крымско-татарского национального правительства». Его основное содержание: «Крымско-татарское национальное правительство заботится о счастье и спасении не одного только татарского народа; оно считает священной своей обязанностью защиту личной, имущественной безопасности и чести всех своих крымских соотечественников и защиту высоких лозунгов великой революции. (...)

...Отныне, воодушевляемые высокими и святыми чувствами братства и гражданства, не останавливаясь ни перед какими жертвами, крымские татары совместно с революционной демократией будут стремиться к недопущению всеразрушающего действия анархии, уже надвигающейся и на Крым и не щадящей на своем пути ни памятников старины, ни памятников искусства, ни храмов науки и культуры.

Крымско-татарское национальное правительство категорически и неуклонно решило поддерживать порядок и спокойствие на полуострове; оно решило положить предел царящим в крае голоду, финансовой разрухе, всевозможным захватам и уже показывающей свою голову анархии».

Парламент уполномочил правительство, которое с 14 декабря обосновалось в Симферополе, созвать Всекрымское Учредительное собрание в феврале 1918 года. Разгоревшаяся гражданская война не позволила это сделать ни в феврале, ни когда бы то ни было.

Дж. Сейдамет особо остановился на задачах Штаба крымских войск (куда, кстати, еще от Мусисполкома вошли И. Озенбашлы, А. А. Боданинский, А. Тулеев). Они ему виделись так: «Штаб крымских войск, являясь высшим краевым военным органом, ставит своей ближайшей задачей: путем организации военной силы края – организации национальных частей народов Крыма – установить правопорядок в крае, обеспечить спокойствие населения и довести его до Крымского Учредительного собрания»¹²³.

Утвержденная Курултаем конституция – Крымско-татарские основные законы – декретировала создание Крымской Демократической Республики, загнав, однако, это провозглашение в самый конец текста и сделав его как бы между прочим (статья 16). Здесь мы сталкиваемся с малопонятным противоречием. С одной стороны, конституция фактически декретировала создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что «форма правления Крымом может быть определена Крымским Учредительным собранием». Последнее упоминалось также в статьях 13 и 14. Это подметили современники, но вразумительного разъяснения Курултай так и не дал. Об автономии в составе Российской федерации конституция не упоминала.

В статье 1 говорилось, что Курултай признает «за всеми народностями право на полное самоопределение», и в статье 15: «судьба того или иного края может быть решена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами». Статья 2 постановила учредить постоянный парламент (Меджлис-и-Мебусан – Собрание депутатов), избираемый всем татарским населением на основе свободных, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Статья 17 отменяла титулы и сословные звания, а 18-я узаконивала

равенство мужчины и женщины¹²⁴.

При всей неполноте и противоречиях конституция, выработанная Курултаем, носила определенно демократический характер. Другой вопрос – что было подпочвой конституции? Результат движения по инерции – замах на государственность с этнической доминантой и благостными обещаниями-перспективами. Как откровенно заявил в интервью константинопольской газете «Ихдам» А. С. Айвазов в следующем году: «Наша... цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, *дать коренному населению господствующее положение* (курсив наш. – Авт.)»¹²⁵. Такие фигуры, как Сейдамет, Айвазов, да и сам Челебиев, видели в

Основных законах одну из «станций» на пути к татарской этнократии в Крыму.

Позднее, в эмиграции, Дж. Сейдамет оценит курултаевскую конституцию следующим образом: «...При изучении конституции крымских тюрок можно заметить, что в ней преобладает идея тюркской государственности, а не идея французской независимости или русского размаха. В нашей конституции идея истинной демократии (что следует понимать под «истинной демократией»? – *Авт.*) прослеживается гораздо больше, чем идея социальной революции и свободы. В этом историческом документе в довольно ясной форме проявилась способность всех тюрок к истинной государственности...»¹²⁶.

Этой подпочвы не заметили крымские демократы, благожелательно оценившие курултаевскую конституцию. На заседании Крымского комитета РСДРП (меньшевики) 19 декабря звучали такие речи: «Становиться в воинственную позу нам, с[оциал].-демократам не к лицу. Большинство народностей стремятся к децентрализации. Это все мелкобуржуазные по составу народности, и самое движение, конечно, не пролетарское, а мелкобуржуазное; но оно имеет здоровые корни... Татары стали на здоровую, общедемократическую точку зрения, *они не стремятся к п р е о б л а д а н и ю татарской народности* (курсив наш; ср. с высказыванием Айвазова. – *Авт.*). Конечно, объявление автономного национального правительства, обнародованное на днях, – политическая нелепость. Не нужно забывать, что татар всколыхнула анархия большевистская. Местный патриотизм толкает татар оберечь Крым от анархии – отсюда стремление захватить военную силу... Сейдаметов... настроен идеалистически, он искренний человек. Необходимо соглашение с татарами». И в постановлении: «Соглашение с татарской народностью необходимо, и если явится необходимость противодействия захватным стремлениям, то только идейные парламентские формы противодействия допустимы»¹²⁷.

Упоение фасадом при неумении заглянуть внутрь здания обнаружил и, казалось бы, такой опытный политик, как один из лидеров крымских кадетов, антагонистов национального движения, Д. С. Пасманик (впрочем, лучше говорить не о неумении, а о сознательном нежелании перед лицом грозной опасности – большевизма): «Как это случилось, что веками угнетенные татары дали чудный урок государственной мудрости русским гражданам, бывшим до революции единственными носителями русской государственности, это... вопрос, который заинтересует социологов и психологов. Но факт остается фактом.

И все нетатарские жители Крыма, которым дороги порядок и законность, равная для всех свобода и социальная справедливость, спокойное развитие экономических и духовных сил края, должны всеми силами поддержать стремление татар к государственному строительству. Поддерживая его, мы спасем Крым, а косвенно и всю Россию, от анархии и разложения. (...)

...Не задумывают ли татары отложение Крыма? Все официальные заявления (как можно политику безоговорочно верить словам других политиков? – *Авт.*) авторитетнейших представителей крымско-татарского населения, все его официальные документы и объявленные крымско-татарские основные законы свидетельствуют о том, что имеется в виду только одно:

оздоровление Крыма на благо всего крымского населения. Мы должны отнестись с полным и нераздельным доверием к татарам. Мы должны помнить: теперь перед нами только задача борьбы с анархией.

Мы поэтому думаем, что все действительно государственные элементы крымского населения поддержат всеми своими материальными и духовными силами мусульманскую организацию, содействующую устройению Крыма: этого требуют жизненные интересы Крыма и России. Только созидательной работой можно бороться с разрушительной анархией и губительной демагогией»¹²⁸.

Итак, в зависимости от подхода к вопросу о власти в Крыму концентрируются три социальные группы. «...Земцы и остальные русские (и не только. – *Авт.*) общественные и политические деятели стояли на почве признания правительства Керенского»; татарская группа, которая придерживалась платформы: «*Об ушедшем правительстве Керенского не жалеем, установившуюся советскую власть не приветствуем, самостоятельности Крыма добиваемся* (курсив наш. – *Авт.*)»; большевики¹²⁹. Соответственно, возникает сначала двое-, а затем и троевластие: СНП, Курултай – параллельные, парадоксально пересекавшиеся институты: члены Курултая входили в состав Совета – и леворадикальные Севастопольские совет и ревком. Приплюсуем продолжавшую действовать администрацию Временного правительства, прежде всего городские думы – реальную местную власть – и перед нами возникнет картина управленческого хаоса. 14 января 1918 года Севастопольский совет объявил о роспуске Совета народных представителей, из которого уже успели выйти социал-демократы во главе с П. И. Новицким.

Тем временем серьезные сдвиги происходят в политике соседней, чрезвычайно значимой в тот период для Крыма Украине. Действия Центральной Рады очень скоро начинают выходить за рамки двусмысленного III Универсала. В ноябре В. К. Винниченко в качестве генерального комиссара Украинской Народной Республики по внутренним делам объявил телеграммой бывшие органы Временного правительства в губернии, в том числе и губкомиссариат, подчиненными украинскому правительству (Генеральному секретариату)¹³⁰, за чем последовали многочисленные циркуляры Киева аналогичного характера, которые, впрочем, в Крыму игнорировались. Однако особенно привлекал Раду Черноморский флот.

Еще в октябре по поручению Центральной Рады Д. В. Антонович вел переговоры с командованием Черноморского флота, и уже 24 октября, по согласованию с Украинским Генеральным комитетом Рады, при штабе флота официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара Центральной Рады капитан 2-го ранга Е. Н. Акимов. 1 ноября в Киеве учреждена Морская Генеральная Рада, а 16 ноября приказом командующего флота создана комиссия по передаче комиссару Центральной Рады крейсера «Память Меркурия».

Хотя Севастопольский совет, сглаживая страсти, признал украинизацию флота на заседании 14 ноября, тогда же была вынесена симптоматичная резолюция: «Вражда между нами (русскими и украинцами. – *Авт.*) растет и грозит залить нас потоками братской крови... Наша дружба свята, вечно нерушима, мы братья по духу и крови». Подобные призывы, однако, тонули во взаимном недоверии.

Решение Рады о присоединении северных уездов Таврической губернии вызвало в Крыму всеобщее возмущение (исключая татар и большевиков). Кадеты, эсеры, меньшевики, еврейские партии, даже большинство делегатов от Северной Таврии на губернском съезде 20–23 ноября, протестуя против односторонней акции, ставили закономерный вопрос: а как же быть с волей народа, с правом на самоопределение, которым воспользовалась сама Рада, провозгласив независимость Украины? На упоминавшемся заседании 15 ноября эсер А. В. Либеров рассуждал: «...Вопрос об отношении к украинской республике нужно было направить... к тем

жителям северных уездов Таврии, которые в один день оказались «аннексированными» украинской республикой. Между тем, днепровский уездный съезд крестьянских депутатов отрицательно отнесся к центральной раде, мелитопольский – отказался обсудить этот вопрос, и только одна из 29 волостей мелитопольского уезда (Покровская) высказалась за признание центральной рады... Кто же имел право решить вопрос помимо самого населения?»¹³¹

В статье «Украинская Республика и Учредительное Собрание» член СЕРП И. Б. Яхинсон писал: «Положим, что каждая часть России может *самостоятельно*, не спрося других частей, соседних с ней, самоопределиться, т. е. установить свои географические, этнографические или исторические границы... Допустим. Но ведь это самоопределение должно быть актом *народной воли*, а не большей или меньшей, пусть и организованной, но все же *группы*, какой является малая рада. (...) Универсал об украинской республике, провозглашенный без ведома национальных меньшинств Украины, не может не вызвать среди них недовольства. (...) И ведь еще только начнутся разногласия по вопросу о границах Украины в тех губерниях, где украинцы не составляют абсолютного большинства. И кто будет разрешать эти споры о 3-х северных уездах Таврической губернии... и т. д.»¹³².

Губернский съезд советов в середине ноября высказался за проведение в северных уездах референдума по вопросу о присоединении к Украине¹³³. Время, однако, никак не благоприятствовало референдумам.

Наметившийся было союз большевиков и украинских эсеров был перечеркнут ультиматумом Совета Народных Комиссаров Центральной Раде 4 декабря, которой предъявлялось требование признания большевистской власти, начавшейся войной на территории Украины и провозглашением 12 декабря Украинской Советской Республики. В этом конфликте СНП занял нейтральную позицию, исключая большинство «курултаевцев», склонявшихся к совместной с Радой вооруженной борьбе с большевиками.

В час ночи 16 декабря в Севастополе на заседании, созванном Черноморским Центрофлотом, создается чрезвычайный орган – временный Военно-революционный комитет, заявивший о роспуске Севастопольского совета. Днем на объединенном заседании представителей судовых и береговых частей, президиума исполкома совета рабочих и военных депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избран Военно-революционный комитет третьего, большевистско-левоэсеровского призыва: 18 плюс 2. Его возглавил Ю. П. Гавен, заявивший, что он берет всю полноту власти в городе.

18 декабря был переизбран Севастопольский совет. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники, левые эсеры, – 86, меньшевики и эсеры – 94, которые 1 января вышли из состава исполкома (по другим данным: 89 эсеров, 35 большевиков и им сочувствующих, 6 меньшевиков, 6 польских социалистов, 50 беспартийных. В исполком совета избрано 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных 134). Большинство из 50 беспартийных шли с большевиками. Председателем нового исполкома стал Н. А. Пожаров. Одновременные выборы в ЦК ЧФ тоже дали преимущество большевикам и левым эсерам.

3 января 1918 года «...Исполнительный комитет обращается ко всем Советам Крымского полуострова с предложением немедленно приступить к образованию Красной гвардии для защиты завоеваний революции от посягательства контрреволюционеров, под каким бы флагом они не выступали»¹³⁵.

Флот и город-крепость переходят в руки большевиков. По словам Ю. П. Гавена, «Севастополь стал Кронштадтом Юга». Это был третий (см. выше) и, как показало самое ближайшее будущее, сильнейший и активнейший центр власти в Крыму. А ревкомы (ВРК), подменяя собою советы, распространяются по всему Крыму. Наконец 12 января создается Военно-революционный штаб, куда делегировали своих представителей ЦК ЧФ,

Севастопольский ВРК, исполком Севастопольского совета и главный заводской комитет. Штаб претендовал на ведущую роль в военных вопросах, но ввиду разнобоя мнений и позиций и отсутствия своего технического аппарата реально таковую осуществлять не мог.

Из конгломерата инстанций закономерно выдвинулся на первый план Черноморский Центрофлот, который более-менее реально и руководил боевыми действиями. Это был весьма оригинальный властный орган. Он «являл собой сочетание политического органа, построенного по образцу Советов (пленарные заседания, исполнительный комитет, действовавший в период между этими заседаниями, подотчетность Все-черноморским съездам) и одновременно органом руководства флотом (наличие собственного аппарата управления, включающего военно-морской или оперативный отдел). Кроме того, к услугам Центрофлота всегда был штаб флота и все его технические средства связи»¹³⁶.

Большевики пытались ввести разбушевавшийся поток ненависти и насилия хоть в какие-то рамки. Севастопольский ВРК постановил: обыски и аресты могут производиться только по ордерам, им выданным, а все задержанные будут находиться в его ведении; дела разбираются следственными комиссиями и решаются на открытых заседаниях ревтрибунала; самочинные отряды подчиняются распоряжениям ревкома, не желающие подчиняться – разоружаются; на всех судах и во всех воинских частях избираются корабельные и ротные комиссары. Матросам воспрещалось сходить на берег без ведома судовых комитетов. ВРК включил в свою компетенцию борьбу с контрреволюцией и контроль над командным составом флота, крепости, гарнизона, дальнейшее формирование Красной гвардии. Севастопольский комитет РСДРП(б) выпустил 17 декабря воззвание «Против самосудов!». В нем говорилось: «Гнев народный начинает выходить из своих берегов... Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы... Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом... и тогда голос народа станет законом для всех»¹³⁷.

Тем не менее, в ночь с 19 на 20 декабря было убито еще 7 человек. Среди них – о. Афанасий (М. К. Чефранов¹³⁸), с 1908 года – священник линкора «Георгий Победоносец».

В третьей декаде декабря 1917 года вновь обострился вопрос об украинизации флота: на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг, но в знак протеста против этого матросы – 300 русских и 400 украинцев – пригрозили покинуть корабль, команда которого состояла из 1220 человек. 23 декабря на заседании ЦК ЧФ решили созвать по данному поводу судовые и береговые комитеты. На следующий день собрание комитетов решает спустить с «Воли» украинский флаг и поднять красный.

Вскоре Центральная Рада через штаб Одесского военного округа объявила демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму.

Декабрь приносит первые факты столкновений между татарами и русскими в деревнях. В городах же вызывающе ведут себя татарские эскадронцы, начинающие представлять элементарную житейскую опасность для обывателя. Первое вооруженное столкновение между матросами и татарскими частями происходит в Александровске (Запорожье). Здесь 22 декабря развернулись бои между вторым маршевым эскадронам крымского резервного кавалерийского полка и отрядом матросов, которые пытались захватить город.

Ранее, 17 декабря, части Крымского штаба принесли присягу Национальному правительству. Церемония состоялась в Симферополе. Среди прочих крымско-татарских лидеров присутствовали Дж. Сейдамет и А. С. Айвазов. Сейдамет обратился к присутствующим с примечательной речью: «Впервые воины Крыма дают торжественный обет верности собственному народу, собственной родине и собственной Конституции.

Все прежние присяги вплоть до сегодняшнего дня приносились чужим властям, ибо Крым

после потери им независимости должен был служить русскому царскому правительству, приносить ему присягу и нести жертвы, нужные тиранам и империалистам. Впервые клянемся мы сегодня служить мусульманскому Крыму, собственному народу и защищать свою отчизну, клянемся в верности ее Конституции и в готовности пожертвовать собой во имя собственной нации. (...) В то время как Россия горит в огне анархии, крымские мусульмане сохраняют в Крыму покой и порядок и не забывают о своих обязанностях перед населением. (...) Татарский народ уже спасен, и он никогда не отдаст то, чего он достиг. (...) Какие бы изменения ни произошли в России, Крым и крымские мусульмане никогда не отступят с избранного и определенного их волей пути. Пусть услышит об этом весь Крым, вся Россия и даже весь мир. (...) Крымские татары не эгоистичны. Наши славные предки, не задумываясь, жертвовали собой в битвах за счастье других. Так и сегодня крымские татары будут стоять на страже безопасности не только собственного счастья и собственных интересов. Они защищают все население Крыма. Они думают о колыбели тюрко-татарского мира, о великом Туркестане, о Поволжье и мечтают принести и туда новую жизнь и воодушевление. (...) Никому не удастся перечеркнуть путь, предначертанный нашему народу его Конституцией. Пусть будет отсечена рука, которая на это поднимется»¹³⁹.

20 декабря Национальное правительство обратилось к войскам Крымского штаба с воззванием «К оружию!»¹⁴⁰.

Что же представляли из себя силы противников в декабре 1917 – январе 1918 года?

Крымский штаб. Кавалерийская бригада из двух полков, батарея из 4-х орудий (с запасом в 20 снарядов), мусульманский батальон, реорганизованный в полк пехоты. Последний стоял в Симферополе, включал четыре роты – около 700 солдат, а также, в качестве добровольцев, учащих татарской гимназии. Здесь же располагалась воинская часть из 2 тысяч (весьма условная цифра) русских офицеров. Однако после очередного конфликта «курултаевцев» с русской общественностью в начале января офицеры большей частью предпочли остаться в стороне.

Курултай мог располагать 6 тысячами «национальных» штыков и сабель. На местах имелись вооруженные отряды национальной милиции.

Севастопольский ВРК. Большая часть военных судов ЧФ с экипажами, крепостная артиллерия Севастополя, направленные в пехотную службу матросы и сама пехота, рабочие отряды – Красная гвардия. Превосходство над противником – в 7–8 раз.

Попытки «курултаевцев» найти союзников среди единомышленников оказались практически безрезультатными, что продемонстрировало уже отношение последних к Курултаю. Так, во второй половине декабря 1917 года через турецкого посла в Москве Галиба Кемалю Бея Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет передают одному из руководителей Турции Талаат Мехмеду-паше меморандум, в котором информируют турецкое правительство о национальном движении крымских татар, связях с Украиной и предлагают Турции свою помощь. Однако Талаат Мехмед-паша, не имея адекватного представления о ситуации в Крыму, крымско-татарский фактор, в том числе и на переговорах в Брест-Литовске, не использовал. Только спустя три месяца он с горечью признал свою ошибку, которая заключалась в том, что он считал крымско-татарское движение не более чем «маленькой группой воодушевленных молодых татарских идеалистов»¹⁴¹.

Крымский штаб издает один за другим приказы: об отправке частей в приморские города (что вызвало кровавое столкновение эскадронцев с рабочими на симферопольском вокзале), о разоружении Евпаторийского гарнизона (что резко усилило напряженность и в этом городе, и в Севастополе) и солдат некрымчан, отправляемых домой; о всеобщей мобилизации (которая никак не могла быть «всеобщей» из-за установки на национальный состав воинских частей). 26

декабря напряженность между Крымским штабом и Севастопольским ВРК усилилась еще более. ВРК потребовал разоружить служивших в штабе русских офицеров, на что глава правительства Ч. Челебиев ответил категорическим отказом.

Штаб, в лице полковника Е. И. Достовалова, разрабатывает план захвата Севастопольской крепости. П. Н. Врангель вспоминает: «Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствующими на совещании (видимо, 6 или 7 января 1918 года. – *Авт.*) военными лицами, в том числе и мною и начальником штаба Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр» (Дж. Сейдамет. – *Авт.*), выслушав присутствующих, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для проведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение»¹⁴².

План, как и предполагал Врангель, оказался нереальным. Но в знак протеста против этих замыслов из СНП вышли меньшевики. Эсеры, напротив, намерения одобрили. Кстати, на своем партийном съезде 5–6 января они высказались за вооруженную борьбу с большевиками.

Итак, примерно с середины декабря волна насилия разливается по городам Крыма. Только две партии не принимают участия в этой вакханалии. Это народные социалисты, партия ненасильственных действий, и меньшевики. Все остальные политические круги, в первую очередь большевики, левые эсеры и анархисты, а также доминирующая часть «татарской партии» и эсеры стояли за вооруженные действия.

В Крыму запылала гражданская война.

Глава III

Большевики захватывают власть

Для большевистских идеологов Крым являлся одной из пешек на магистральном пути к мировой революции, поэтому они оставались чуждыми крымско-татарскому населению. Так, одним из алгоритмов январских событий в Крыму стала, по словам советского исследователя и «еретического» большевика В. А. Елагина, «уродливая большевистско-татарская борьба», на время посеявшая отчуждение между советами (в какой-то степени, русским населением Крыма) – и татарами. «...Советская власть в Крыму с момента возникновения ее до момента гибели под натиском немцев, оставалась русской, говорила на чуждом для татар языке. Крымские большевики в 1918 году не смогли разрешить национального вопроса»¹⁴³.

Ю. П. Гавен спустя годы после событий, положивших начало гражданской войне в Крыму, обобщал: «...Главной ее (советской власти. – *Авт.*) опорой явились не столько крымский пролетариат, который постоянно колебался, сколько моряки Черноморского флота, вынесшие на своих плечах всю тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюцией»¹⁴⁴. Именно Черноморский флот – по сути, внешняя для Крыма сила – расставил точки над «i». 27 декабря управлением им по решению I Всероссийского съезда военного флота взял в свои руки Центральный комитет Черноморского флота. С 1 января 1918 года на основании декрета Совета народных комиссаров по флоту было объявлено об отмене звания офицера, ношении орденов, крестов и прочих знаков отличия.

Черноморский флот действовал по шаблону, но в высшей степени результативно. «...В Феодосию прибыл эсминец «Фидониси», в Керчь – сетевой заградитель «Аю-Даг» и тральщики, в Ялту – эсминцы «Гаджибей» и «Керчь», в Алушту – эсминец «Капитан Сакен», в Евпаторию – гидрокрейсер «Румыния», транспорт «Трувор», буксиры «Геркулес» и «Данай»»¹⁴⁵.

«Из Севастополя – этого сердца крымского большевизма, злокачественная кровь его

потекла вначале главным образом в четырех направлениях: на Юг – в Ялту, на Север – в Симферополь, на Запад – в Евпаторию и на Восток – в Феодосию»¹⁴⁶.

Начнем с центра – с Симферополя. Здесь была резиденция СНП, располагался Крымский штаб, непрерывно заседал Курултай. Левое его крыло, считая (в лице А. А. Боданинского) Крымский штаб средоточием контрреволюции, склонялось к соглашению с большевиками. Однако оно являлось крайне немногочисленным. Группа Дж. Сейдамета была на словах верна решениям ноября 1917-го и пока отрицала конструирование сугубо татарского органа крымской власти. Левых, однако, поддержал муфтий и председатель Директории (национального правительства) Ч. Челебиев. Появился проект организации крымской власти из татарского парламента, СНП и большевиков. Однако душевное состояние Челебиева в этой напряженной ситуации оставляло желать, видимо, много лучшего. 3 января 1918 года по распоряжению Челебиева был захвачен бывший губернский, а теперь так называемый Народный дом в Симферополе, в котором располагалось руководство некоторых профсоюзов, общественных рабочих организаций. По мнению же Челебиева, Народный дом должен был стать резиденцией Национального правительства.

Данная акция вызвала крайнее возмущение. Совет профсоюзов и исполком Симферопольского совета в ультимативной форме потребовали немедленно освободить Народный дом, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой. А Крымский штаб, не ожидая подобной реакции и пребывая в растерянности, свалил всю вину на Челебиева. На чрезвычайном заседании Курултая по факту захвата Челебиев, оправдываясь, квалифицировал отказ городской управы передать крымским татарам Народный дом как оскорбление их национального достоинства. Забыв о своих недавних призывах сделать Крым этакой второй многонациональной Швейцарией, Челебиев, пожалуй, первым из крымско-татарских лидеров открыто высказался за передачу всей полноты власти в Крыму Курултаю. Однако соратники муфтия на эту авантюру не пошли. Они отбросили предложения Челебиева как «ведущие к разрыву с краевой властью и другими народами Крыма»¹⁴⁷. Срочно прибывший с Южного берега Сейдамет настоял на том, чтобы эскадронцы покинули Народный дом, и дезавуировал Челебиева. 4 января тот подал в отставку. Пост председателя Совета директоров занял Сейдамет.

Большевик И. К. Фирдевс (Керимджанов) зримо рисует метания Челебиева тех дней. «Я застал его (Челебиева, посетив его дом. – *Авт.*) в полном состоянии медитации, отсутствия... воли... Я убедился, сказал он, что большевики и движения за Советскую власть представляют такую силу, которую никаким оружием нельзя усмирить». Он толковывал Фирдевсу: «Вы, большевики, – не власть, вы просто осуществляете требования масс»¹⁴⁸. Приведенные заметки Фирдевса датируются 4 апреля 1926 года, когда он, как личный недруг И. В. Сталина, уже пребывал в опале, и нам нет основания им не доверять. Тем более, что эти воспоминания подтверждаются другими источниками.

8–10 января муфтий бросается из одного угла в другой, противоположный. То он заявляет, что с целью прекращения кровопролития нужно пойти на компромисс: создание органа власти, включающего по 10 представителей от СНП, большевиков и татар. В союзе с большевиками «нет ничего противоестественного», – старается Челебиев убедить аудиторию, а потом вдруг настаивает: «Если же эта идея не может быть осуществлена, то власть в крае по праву принадлежит татарам, тем более, что, кроме единственной реальной силы, которую в данную минуту представляют татары, никакой другой силы в крае нет»¹⁴⁹ (желаемое за действительное. – *Авт.*).

Тем временем идут переговоры, на которых Курултай представляли близкий к большевикам С. И. Идрисов, а также У. А. Боданинский и М. Д. Енилеев, а противоположную

сторону – И. К. Фирдевс и Ж. А. Миллер. Суть большевистских предложений: неприкосновенность Курултая, сохранение татарских воинских подразделений, известная национальная автономия, пропорциональное представительство татар на съезде советов – в обмен на: лояльный нейтралитет в отношении советской власти, отказ от сотрудничества с контрреволюцией и борьба с ней, выборность командного состава. Возможно, Курултай и согласился бы большинством голосов на такой вариант, учитывая бесхребетность «болота», если бы не полная неуступчивость его правого крыла, а также правоэсеровской фракции в СНП. Предельно жесткую линию отстаивали Дж. Сейдамет, А. С. Айвазов и их сторонники. 43 голосами против 12 Курултай принимает решение об организации краевой власти по соглашению с СНП без большевиков¹⁵⁰. Тем самым и тот и другой органы подписали себе смертный приговор. Распоряжениями Севастопольского ревкома СНП был распущен 14-го, Курултай – 16–17 января. Никакие переговоры, по нашему мнению, уже не могли переломить ход событий. Железная логика гражданской войны вступила в свои права. Слово взял «товарищ Маузер».

Вооруженные столкновения в Евпатории начались еще в 20-х числах декабря, когда Крымский штаб сделал попытку разоружить евпаторийский гарнизон. СНП, желая решить дело мирно, вынес резолюцию о прекращении вывоза оружия из Евпатории, что никакого впечатления на Крымский штаб, проводивший уже собственную политику, не произвело. Евпаторийский комитет большевиков обратился за помощью к севастопольцам с просьбой изъять оружие у Крымского штаба и вернуть обратно, а заодно и убрать с должности начальника гарнизона полковника А. Н. Выгран.

26 декабря Севастопольский ревком послал телеграмму Национальному правительству, требуя прекратить разоружение, возврата оружия солдатам и создания русско-татарского трибунала для выявления виновных в насилиях. Последовала отповедь Дж. Сейдамета, заявившего, что никакого разоружения не было, а была обычная перевозка оружия из одного склада в другой, что Севастопольский ВРК провоцирует гражданскую войну и что Крымский штаб даст отпор провокаторам.

Офицеров в Евпатории было человек 150, сведенных в дружину¹⁵¹. Вряд ли можно назвать ее контрреволюционной организацией, скорее, это была, на тот момент, организация самозащиты. Ведущую роль в ней играл штабс-капитан Новицкий, как и Выгран, вернувшийся с фронта, лицо частное.

Большой шум вызвало зверское убийство (живым закопан в песок) 13 января 1918 года председателя Евпаторийского совета большевика Д. Л. Караева. Было расстреляно и несколько арестованных красногвардейцев.

14 января к Евпатории подошли два военных корабля Черноморского флота – гидрокрейсер «Румыния» и транспорт «Трувор». На следующий день утром город был подвержен обстрелу орудий «Румынии», затем на берег высадился десант из Севастополя (до 1500 матросов и рабочих севастопольского порта). Впрочем, обстановку в городе уже в значительной степени контролировали местные большевики. 16-го был сформирован ВРК. Матросы арестовали Новицкого, многих офицеров, у станции Сарабуз (ныне Остряково) был взят в плен Выгран. Начались обыски и аресты. Арестовывали не только офицеров, но представителей имущих классов и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров.

Евпаторийский рейд стал местом жестоких казней, совершавшихся по март включительно. В. А. Елагин вспоминал, что против диких крайностей террора пытались протестовать Ю. П. Гавен и Н. А. Пожаров (а также сам Елагин, Фирдевс). Однако, по инициативе Ж. А. Миллера, евпаторийских работников – председателя ревкома и комитета РСДРП(б) Н. М. Демьшева, его помощника, левого эсера Кебабьянца (так у В. Елагина;

согласно архивным источникам – Х. Г. Кебабчианца), а также получивших печальную известность С. П. и А. П. Немичей, плюс моряков и городских маргиналов – город погружается в волны повальных арестов и расправ¹⁵². «...Все арестованные офицеры (всего 46 чел[овек].) со связанными руками были выстроены на борту транспорта, и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись.

Среди офицеров был мой (Кришевского. – *Авт.*) товарищ, полковник Сеславин (по другим данным, Константин Павлович Сеславин – подполковник. – *Авт.*), семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде. Его пощадили – когда он, будучи сброшен в воду не пошел сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову...»¹⁵³.

С июня 1918 года, при правительстве М. А. Сулькевича, Симферопольский окружной суд проводил многомесячное дознание, в ходе которого было установлено, в частности, что некий рыбак Павка с сообщниками-матросами устроил кровавую вакханалию на борту транспорта «Трувор» в ночь с 15 на 16 января. Свидетель показывал: «Ночью производились казни, и когда всех приговоренных выводили на палубу, то сперва связывали веревками руки и ноги, привязывали к ногам тяжести, а затем, перед тем, как убивать, какой-то человек в солдатской куртке, в рыбацких сапогах... («севастопольский рыбак Павка», не идентифицированный и не обнаруженный. – *Авт.*) кинжалом у жертвы отрезал нос, уши и половой член. Затем жертву пристреливали и бросали в воду»¹⁵⁴.

Историк С. П. Мельгунов со ссылкой на слова очевидца сообщает о происходящем на «Труворе»: «Перед казнью, по распоряжению судебной комиссии, к открытому люку подходили матросы и по фамилии вызывали на палубу жертву. Вызванного под конвоем проводили через всю палубу мимо целого ряда вооруженных красноармейцев (правильно: красногвардейцев. – *Авт.*) и вели на так называемое «лобное место» (место казни). Тут жертву окружали со всех сторон вооруженные матросы, снимали с жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу, а затем отрезали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде жертву бросали в воду. После этого палубу смывали водой и таким образом удаляли следы крови. Казни продолжались целую ночь, и на каждую казнь уходило 15–20 минут. Во время казни с палубы в трюм доносились неистовые крики, и для того, чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» пускал в ход машины и как бы уходил от берегов Евпатории в море»¹⁵⁵.

Находка тела Караева с многочисленными ранами настолько накалила страсти, что 16 января толпа едва не растерзала всех заключенных в местной тюрьме. Затем начались зверские убийства: не только на кораблях, но и на улицах, за городом. «...Двух офицеров сварили в котле машинного отделения, а одного офицера (по данной версии – Новицкого. – *Авт.*) сожгли, заставив при этом другого, его товарища, смотреть на горящий живой факел, и от этого страшного, мучительного зрелища он сошел с ума.

Вообще большевизм здесь вылился в форму не только классовой, но и *личной мести* (курсив наш. – *Авт.*).

– Вот этот обижал, убить его!

– Вон тот плохо принимал, долой его!

– А этот строго взыскивал городские сборы, расстрелять, на мушку его!»¹⁵⁶

Выграна расстреляли на палубе гидрокрейсера «Румыния».

По данным С. П. Мельгунова, опиравшемся на материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, возможно завышенным, за три дня 15, 16 и 17 января на транспорте «Трувор» и на гидрокрейсере «Румыния» было убито и утоплено не менее 300

человек. Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что он «собственноручно бросил в море за борт 60 человек»¹⁵⁷. В числе казненных подполковники Н. В. Цвилленев и Е. А. Ясинский, помещик П. П. Бендебер, граф Н. В. Татищев, штабс-ротмистр Ф. Ф. Савенков, штабс-капитаны П. И. Комарницкий и Н. Р. Лихошерстов, полковник А. В. Севримович, жена инженера Мамай (по первому мужу Крицкая), подпоручики А. В. Гук и К. В. Хмельницкий, а также многие другие. Когда пришедшие палачи отправились обратно, их дело продолжили палачи местные.

Согласно материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков (от 24 июня 1919 года), в ночь на 24 января из евпаторийской тюрьмы были вывезены на автомобилях и расстреляны 9 человек, среди которых граф Н. В. Клеймихель, гимназист Евгений Капшевич, офицеры Борис и Алексей Самко, Александр Бржозовский. В ночь на 1 марта из Евпатории исчезло 30–40 человек – в основном представителей зажиточных слоев и 7–8 офицеров. Их тайно вывезли за город и расстреляли на берегу моря. Хотя решение о расправе принималось местными властями, в похищении людей обвинили анархистов. Позже «при раскопке могилы и при осмотре трупов оказалось, что тела убитых были зарыты в песке, в одной общей яме глубиной в один аршин. За небольшим исключением, тела были в одном нижнем белье и без ботинок. На телах в разных местах обнаружены колото-резаные раны. Были тела с отрубленными головами (у татарина помещика Абиль Керим Капари), с отрубленными пальцами (у помещика и общественного деятеля Арона Марковича Сарача), с отрубленным запястьем (у нотариуса Ивана Алексеевича Коптева), с разбитым совершенно черепом и выбитыми зубами (у помещика и благотворителя Эдуарда Ивановича Брауна). Было установлено, что перед расстрелом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стреляли в них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками. Зачастую расстреливаемый оказывался только раненым и падал, теряя сознание, но их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подтаскивании одного за ноги к общей яме он вскочил и побежал, но свалился заново сажень в двадцати, сраженный новой пулей».

25 июня 1918 года в 8 часов вечера на берег выбросило трупы казненных, производился их судебно-медицинский осмотр. Были зафиксированы случаи удушения, имелись тела с рваными ранами, с простреленными черепами (у графа В. Н. Мамуны), с отрубленными руками (у бывшего сыщика Евпаторийской полиции Абдувелли Нурмагон Оглу), с оторванными головами (у вольноопределяющегося М. И. Мельцера)¹⁵⁸. После этого и было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия выяснилось, что шофер Е. С. Синица пытался сфотографировать сцены, разыгрывавшиеся на борту «Трувора», но ему сделать это не позволили. Тем не менее, свидетелей облав, грабежей, убийств оказалось достаточно, и по делу о «массовых убийствах в г. Евпатория» было привлечено, в несколько этапов, 88 человек. Значительную их часть – преимущественно матросов и солдат – следствие в Крыму не обнаружило, некоторые же (С. П. Немич, А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), Х. Г. Кебабчианц, Н. М. Демышев, организатор убийств 1–2 марта, и др.) были заключены в евпаторийскую тюрьму, где содержались первоначально в весьма неплохих условиях, включая качественную еду, собственные постели, встречи с посетителями и пр.¹⁵⁹ Ночью 14 марта 1919 года арестованных, уже из симферопольской тюрьмы, куда их перевели, погрузили в вагоны; в ночь на 18 марта на полустанке Ойсул (с. Астанино Ленинского района, железнодорожная ветка Владиславовка – Керчь) вагоны отцепили. Затем белые открыли по ним огонь из пулеметов, после чего добились раненых. Среди казненных: Н. М. Демышев, С. П. и А. П. Немич, И. П. Матвеева (Немич), В. П. Гребенникова (Немич), В. Г. Матвеев – все большевики; расстреляно 19 человек. (Были среди убитых и люди, к евпаторийским событиям

совершенно не причастные, например Ф. В. Мурзак, участник восстания на броненосце «Потемкин»¹⁶⁰.) Акция проводилась в тайне, и демократическая общественность разразилась подозрениями и протестами.

Евпаторийская страница крымского террора оказалась, пожалуй, единственной, писавшейся открыто не только безымянными матросами и «рыбаками Павками», но и местной большевистско-левоэсеровской верхушкой.

Для большевиков всплеск террора не был неожиданностью. Мало того, они его давно обосновали теоретически. Отвергая (но порой применяя на практике) индивидуальный террор, оставив его эсерам и анархистам, большевики считали вполне оправданным, даже необходимым в период острого классового противоборства террор массовый. Еще в 1901 году В. И. Ульянов-Ленин писал: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это – одно из военных действий...»¹⁶¹. Не отказался Ленин от признания, при соответствующих условиях, террора и после окончания «военных действий» – гражданской войны.

Бывший член Севастопольского совета вспоминал год спустя: «...Когда на другой день после декабрьских ужасов в заседании совета военных и рабочих депутатов я спросил председателя (Н. А. Пожарова. – *Авт.*):

– Конец ли это?

Он сказал:

– Пока да, но вспышки еще будут»¹⁶².

И действительно, «вспышки» сопровождали весь январь, вылившись в трагедию 22–24 февраля.

Кто же был главным реализатором крымского террора? Квалифицированные рабочие держались в стороне, порой и противодействовали кровопролитию. Обычно пишут: матросы, но были и такие матросы, которые уберегли от гибели членов императорской фамилии, которые спасали офицеров. Другое дело – сам облик матросской среды успел основательно измениться за 1917 год. Внутри разложившегося, но технически боеспособного флота на иных кораблях складываются отношения, мало чем отличающиеся от типичных для уголовных шаек. Для Крыма с его особым жизненным укладом матросы, набранные по всей стране, лишенные корней, но сплоченные в касту, были чужды и страшны. Это остро ощущалось на кораблях. Любой люмпен или откровенный бандит мог, нацепив матросскую форму, свободно предаваться бесчинствам.

Были среди большевистско-левоэсеровско-анархистского руководства и убежденные, если не фанатичные, сторонники террора, такие как Ж. А. Миллер, Н. М. Демышев, Н. И. Островская, А. В. Мокроусов. Последний, уже после пролитой крови, на общем собрании советов Феодосии и уезда 12 марта цинично призывал «уничтожить всю буржуазию, не разбирая средств»¹⁶³.

Феодосия. Здесь шла своя жизнь. Все флаги в гости: «русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Констанцы, остатки сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...» (М. А. Волошин, 1 марта (16 февраля))¹⁶⁴. Город служил перевалочным пунктом для десятков тысяч солдат кавказских полков, возвращавшихся на родину и не признававших никаких властей. «Кавказцы» распродала на местном базаре все, что имели, в том числе и турчанок. Турчанки шли от 200 до 2000 рублей и всю раскупались татарами. «В Феодосии солдаты расположились, как у себя дома, заняв роскошные дачи на берегу. Я помню, как из дивной дачи Стам-боли выносили изящную мебель красного дерева, тут же ломали и жгли на кострах, где варили себе еду в котелках. Они проходили, как саранча, все покупая и все продавая, шумно,

пьяно и весело, но благодаря им – вооруженным до зубов и с артиллерией, в Феодосии было если и не спокойно, то все же – терпимо»¹⁶⁵.

Крымский штаб взял в Феодосии тот же курс, что и в Евпатории. Солдатам местного гарнизона было предложено разойтись по домам со сдачей оружия. Против увольнения солдаты не возражали, но только с оружием. 2 января прошел солдатский митинг, после чего были штурмом взяты склады и роздано оружие. Эскадронцы пытались противодействовать. М. А. Волошин в письме к А. М. Пешковскому 12 января: «...Кругом идет война между татарами и русскими»¹⁶⁶.

Крымский штаб, однако, послал в Феодосию из Джанкоя новые части эскадронцев. Тогда Феодосийский ревком, созданный 3 января, обратился за помощью в Севастополь. На феодосийский рейд прибыл эскадронец «Фидониси». Матросским десантом командовал А. В. Мокроусов. Было расстреляно несколько десятков офицеров (по Н. Кришевскому – 63), и эскадронцы, убоявшись матросов, отступили, не начиная сражения, к Старому Крыму. Отряд моряков и солдат двинулся на север, «освободить» Джанкой, по пути организуя сельские ревкомы.

В самом городе после одержанной победы происходит понятный сдвиг к радикализму. 26 января в Феодосии отряды Красной гвардии под руководством И. Ф. Федько и др. выступают против ревкома, обвиняя его в поддержке буржуазии и саботаже¹⁶⁷. Умеренный большевик врач С. В. Констансов смещен с поста председателя.

Керчь. На фоне свирепства матросов по всему Крыму город казался оазисом спокойствия и благополучия. В начале января большевики заняли крепость и 6-го числа сформировали ревком. Это мало что изменило: керченский большевизм, по словам Н. Кришевского, был «необычайным». Весь 1917 год город не ведал продовольственных затруднений, и только в январе керчанам пришлось перейти на черный хлеб и узнать, что такое очереди. Арестовали богатого помещика Глазунова, но, продержав пять дней в тюрьме, выпустили, оставив даже дорогое бриллиантовое кольцо. В городе спокойно проживал бывший министр финансов царского правительства П. Л. Барк – его никто не трогал. Пограничный отряд, в котором служил Н. Кришевский, не признал новую власть и, тем не менее, исправно получал деньги сначала от городской управы, затем – от совета: «на содержание части, не признающей большевиков и не входящей в Красную армию»¹⁶⁸. Изъятие у буржуазии «излишков» не получилось. Уже при Республике Тавриды объявили предприятия собственностью рабочих и приказчиков, но фабрика Месаксуди выбрала владельца своим комиссаром, а фамилии приказчиков на вывесках заведений ровным счетом ничего не значили. Так что местные обыватели воистину жили «под счастливой звездой». Это являлось заслугой известного в Керчи большевика М. П. Кристи, впоследствии руководившим Третьяковской галереей и Московским товариществом художников и сумевшим уцелеть в сталинских мясорубках.

Так что Керчь оказалась *единственным* крупным крымским городом, избежавшим в 1918 году кошмаров террора.

Самосудов, благодаря четкой позиции и настойчивости местных большевиков Тененбойма (Тоненбаума) и Футермана, удалось не допустить и в Алушке. Правда, на этой почве возник конфликт алушкинцев и воинственно настроенной Ялтинской коммуны, по поводу чего «Таврическая Правда» заметила: не «“копанием могилы” надо углублять русскую революцию, а «идейной борьбой», каковой вывод должны сделать для себя «товарищи, стоящие у власти... и допустившие в своих районах самосуды и Варфоломеевские ночи, а потом реагирующие на это заявлением, что они бессильны и не могут справиться со стихией разбушевавшихся масс»¹⁶⁹.

После падения Республики Тавриды пришедшее на время правительство М. А.

Сулькевича предприняло расследование происходившего в Крыму в первые месяцы 1918 года. Параллельно работала следственная комиссия Курултая. События изучала также «Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков» при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (1919), вскрытыми фактами и заключениями которой широко пользовался при написании мемуаров А. И. Деникин.

Источники представляют нам следующую картину южнобережных коллизий и трагедий.

Листовки и воззвания, издающиеся в Севастополе, подогревают страсти. Вот одна из них (Севастопольский ВРК, 9 января): «Товарищи матросы, солдаты и рабочие, организуйтесь и вооружайтесь все до одного! В опасности Севастополь, весь Крым. Нам грозит военная диктатура татар! Татарский народ, как и всякий народ, нам не враг. Но враги народа рисуют события в Севастополе в таком виде, чтобы натравить на нас татарский народ. Они изображают севастопольских матросов разбойниками, угрожающими жизни и спокойствию всего Крыма (что вполне соответствовало, как мы видели, истине. – *Авт.*). Наэлектризованные злостной агитацией темные татары-эскадронцы ведут себя в Симферополе, в Ялте и в других городах как завоеватели. На улицах там нередко происходят избиения нагайками, как при царском режиме. Эскадронцы в Симферополе проезжают по тротуарам, тесня толпу лошадьми, как царские жандармы, подслушивают, оглядывают каждого прохожего (и это соответствовало истине. – *Авт.*). Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады»170.

Вот что происходило в Ялте на переломе 1917–1918 годов словами пристрастного очевидца. Не признаются ни центральная, ни краевая, ни местная власти. Подобие порядка пытается поддерживать Крымский эскадрон. «Темные массы начали “леветь”» (любопытно: эскадронцы – «темные», массы – «темные». – *Авт.*). Растет большевистско-левоэсеровская опухоль. Многие из этих эсэров хорошо знакомы всей Ялте, как бывшие черносотенцы и члены «союза русского народа» и палаты архангела Михаила, которые готовы в любой момент поживиться чужим добром. Вся социология этих масс – очень простая: вырезать буржуев и поделить их имущество. Но сама по себе эта черносотенно-большевистская масса труслива. Все их надежды на севастопольских матросов, перед которыми, действительно, дрожат все мирные жители Ялты. В последнее время созданся новый элемент недовольных: в Ялте появляются первые признаки безработицы». (...)

И вот на Рождество в Ялту прибыли матросы и просто желающие развлечься в матросской форме (гарантирующей безнаказанность. – *Авт.*). Пошли обыски, из тюрьмы выпустили уголовных. «...Началась опасная агитация: “татары бьют русских”». В эскадронцев стреляли. (...)

«Пусть большевики, – заключает автор, – остаются тем, что они есть: зачинщиками братоубийства и гражданской войны. Но они не смеют углублять национальную рознь. Мусульманский эскадрон не против русских вообще, а лишь против захватчиков и сеятелей анархии, к какой бы национальности они не принадлежали.

Необходимо, чтобы все честные и сознательные граждане боролись всеми силами против злостной агитации, стремящейся к созданию национальной розни, которой не было в Крыму и быть не должно»171.

9–15 января курортная и лечебная Ялта становится ареной ожесточенных боев. «...Здесь, в мирной, спокойной Ялте, где преобладают приезжие, ищущие отдыха от всех мирских сует, – какой смысл имел «большевистский переворот»? (...) Это было просто ночное нападение вооруженной банды разбойников на мирно спавший город с целью грабежа (под громким именем «социализации»), продолжавшегося три месяца»172, – пишет, как он сам себя именовал – «литератор вне политики», подвергавшийся некогда репрессиям за участие в революции 1905

года.

В ночь на 9 января матросы прибывшего из Севастополя миноносца «Гаджибей» вступают в бой с эскадронцами. Корреспондент столичной газеты свидетельствует: 11 (на помощь «Гаджибею» подошли «Керчь» и «Дионисий». – *Авт.*) – 17 января город непрерывно обстреливался с моря. Было выпущено до 700 снарядов. «Пострадали лучшие гостиницы... много частных домов и магазинов. (...) Паника создалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены...

На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города». Ни большевики, ни эскадронцы не шли на перемирие. Ялта в конце концов была взята матросами. Оставшиеся в живых татары бежали в горы. «Начались аресты и расстрелы. Расстреляно множество офицеров. (...) Расстреляны также 2 сестры милосердия, перевязывавшие татар. Жертв насчитано около 200. (...)

Офицеры, побывавшие на войне, говорили, что ужасы Ялты – благодаря исключительно географическому положению ее и полной безопасности маленького города – превышают виденное и пережитое ими на фронте»¹⁷³.

Матросы и красногвардейцы могли лишить жизни и совершенно невиновных. «Некоторых они убивали на улицах, на глазах жителей, и тут же ограбляли трупы. На улице был убит прапорщик Петр Савченко, вышедший только что из обстреливаемого орудийным огнем санатория Александра III, где он находился на излечении; убил его матрос за то, что офицер не мог ответить, куда направлялись татарские эскадроны. Обворовав труп убитого, матрос приколот убитому погоны на грудь и стащил его затем на бойню»¹⁷⁴.

Часть эскадронцев осела в д. Никита (9 верст от Ялты). Отряд моряков, посланный в Никиту, был разбит, а Ялта – взята эскадронцами. Очередной обстрел заставил их все-таки отступить в горы. Оттуда делались вооруженные вылазки в город. Сдались эти отряды только после того, как в тыл им вышли красногвардейцы. По Н. Кришевскому, в Ялте было расстреляно 80 офицеров, и несколько отставных – в Алуште¹⁷⁵. «Ни для кого ведь не было секретом, что Ялта не только далека была от большевизма, но вообще тут всего можно было насчитать двух с половиной большевиков. (...) Процедура обращения и посвящения в большевизм (местных жителей. – *Авт.*) была несложной. Первые должны были вооружаться, стрелять и грабить, а вторые выдавать буржуев и офицеров»¹⁷⁶. «Подозрительных» вели разбираться. А разбирательство было коротким. Тут же, на ялтинском молу, убивали и бросали в море.

И сам автор – А. Набатов (Аполлон Борисович Водлингер), схваченный 14 января, пережил все ужасы, что только может пережить человек, которого ведут по знаменитой Набережной на мол – место казней. Его, как и некоторых других, спасло только появление в тот же день следственной комиссии.

Материалы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков свидетельствуют: «Всего в первые два-три дня по занятии Ялты было умерщвлено до ста офицеров, не принимавших никакого участия в гражданской войне, проживавших в Ялте для укрепления своего здоровья или лечившихся в местных лазаретах и санаториях». Досталось и ялтинским обывателям. «Достаточно было крикнуть из толпы, что стреляют из такого-то дома, чтобы красногвардейцы и матросы немедленного открывали огонь по окнам указанного помещения. По такому окрику были убиты домовладелец Константинов и его дочь. Не удовлетворившись пролитой неповинною кровью, убийцы разграбили квартирное имущество Константиновых и часть мебели отвезли в дар своему комиссару Биркенгофу».

16 января власть в Ялте оказалась в руках совета, который сформировал ВРК.

Одновременно с арестами и расстрелами в городе проходили повальные обыски. Под видом поиска спрятанного оружия шел самый неприкрытый грабеж.

Татарское население, спасаясь от артобстрела, бросает деревни Дерекоей и Ай-Василь (ныне входящие в территорию г. Ялты), уходя в Биюк-Озенбаш (теперь с. Счастливое Бахчисарайского района) и в горы. Их дома и имущество грабились аутскими греками¹⁷⁷ (Аутка – тогда село, сейчас – часть г. Ялта). Так на Крым обрушилось еще одно бедствие гражданской войны – межэтнические (под флером каковых зачастую скрывались бытовые, хозяйственные и т. п.) кровавые конфликты. Среди эскадронцев-татар усиливаются русо- и особенно грекофобские настроения и действия, среди матросов ЧФ, обывательских слоев населения, греческой диаспоры – антитатарские.

Очевидец и невольный участник ялтинских событий, едва не угодивший под расстрел, П. Н. Врангель вспоминал о тогдашнем состоянии матросов: кто-то, ворвавшись в дом, успокаивает барона: «...Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами». «Мы только с татарами воюем», – сказал другой, «Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...». Мемуарист комментирует: «Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала»¹⁷⁸.

Согласно имеющимся свидетельствам, большевиков поддерживала часть греческого населения – молодежь, в основном из района Балаклавы и Южного берега, – среди которого было немало рыбаков, лодочников, ремесленников, чернорабочих – «листригонов», воспетых А. И. Куприным. Большевицкая риторика удачно наложилась на эту местную социально-этническую и социально-конфессиональную (греки: православные – татары: мусульмане) почву. К тому же в национальных устремлениях крымских татар греческое население Крыма видело угрозу своему положению, имуществу и жизни. Один из свидетелей ялтинской трагедии, татарин из Дерекоей, позже показывал на следствии: среди матросов и красногвардейцев, участвовавших в погромах, были «ялтинские, балаклавские «босяки», аутские, балаклавские греки, были и жители Дерекоей – русские»¹⁷⁹. А привлеченный к следствию грек П. К. Харламбо из Ялты объяснял беспорядки побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам»¹⁸⁰.

Не фасадом ли являлись обвинения греков в большевизме? Или «эти обвинения лишь отражение старой национальной вражды между татарами и греками, возникшей на экономической почве (курсив наш. – Авт.)?» – задавался вопросом очевидец событий В. А. Оболенский. – Во всяком случае, пролитая татарская кровь (в январе 1918 года, во время обстрела Южного берега и высадки десантов с кораблей ЧФ. – Авт.) требовала отмщения, и через несколько дней настало время мести, мести национальной, самой страшной и бессмысленно жестокой»¹⁸¹.

Решающие события происходили в Севастополе и окрестностях. К началу января матросы Черноморского флота, среди которых добрую часть составляла, если можно так выразиться, матросская чернь, беспартийная, не желавшая никому подчиняться, – установили практически безраздельное господство в городе. В ходе боев 2–3 января эскадронцы, реквизировавшие в январе предназначенный городу скот и рискнув на ультиматум об экономической блокаде, были для начала отброшены от Севастополя.

Стычки и перестрелки становятся обыденным явлением. Одна из них переросла в бой у Камышловского моста 10–11 января. Целью Крымского штаба было захватить мост и отрезать Севастополь с севера. Силы были неравны: севастопольцы располагали только отрядом в 200 человек. Но 12 января, после призыва ревкома «Революционный Севастополь в опасности!» на станцию Сюрень (ныне Сирень) прибыл отряд из 800 человек с двумя орудиями и несколькими

пулеметами. Пополнения продолжали прибывать, и вскоре численность севастопольцев, противостоящих эскадронцам, достигает трех тысяч. Теперь уже они перешли в наступление. Матросы пошли в неудержимый истребительный рейд: Севастополь– Симферополь – Карасубазар.

12–13 января был взят Бахчисарай. Красные войска неумолимо двигались к Симферополю. Крымский штаб рассчитывал на столицу губернии, как на крепкий тыл. Неожиданно для «курултаевцев» восстали рабочие, основательно вооруженные и готовые к борьбе. 12 января на улицах Симферополя начались перестрелки.

В ночь на 13 января рабочие завода А. А. Анатра, где был создан ВРК, и железнодорожники захватили почту, телеграф и приступили к разоружению эскадронцев.

Очевидец событий уроженец Симферополя офицер В. В. Альмендингер, находившийся в здании Штаба крымских войск (офицерское собрание Крымского конного полка) вспоминал: «В зале, где были все отделы штаба, офицеров почти не было. Во дворе казармы начали собираться добровольцы – гимназисты и реалисты; им раздавались винтовки и указывалось, как нужно с ними обращаться. Появились сестры милосердия. Крымцы (эскадронцы. – *Авт.*) были куда-то посланы. Медленно проходило время. Были слышны одиночные выстрелы в городе, но никаких положительных сведений о положении в городе не было (...). После 12 часов, однако, начала быть заметной растерянность в штабе. Первое, что бросилось нам в глаза, – это полковник Достовалов, до сего времени щеголявший формой Генштаба полковника с аксельбантами, появился в штатском костюме коричневого цвета и весьма простого типа. Зал стал пустеть»¹⁸².

Другой свидетель пишет: «...Паника, возникшая без всякого повода, сама явилась поводом для выступления большевиков, которые воспользовались общим смятением, завладели оружием, а затем, придя вооруженными в казарму татарского пехотного полка, его обезоружили.

В пять часов дня (13 января. – *Авт.*) большевики без выстрела завладели всем городом до здания Штаба крымских войск включительно, несмотря на грозно расставленные вокруг него пулеметы. Сам штаб с Джафер Сейдаметовым во главе скрылся неизвестно куда»¹⁸³.

Путь на север был перекрыт: в Джанкое стоял отряд матросов. Джафер Сейдамет бежал через Украину в Константинополь, бросив подопечных на произвол судьбы. Последние, кто не был пленен или расстрелян, разбрелись кто куда. Ч. Челебиева арестовали.

14 января в Симферополе расположились черноморские моряки. В тот же день на улицах города можно было ознакомиться с содержанием расклеенной листовки-воззвания ревкома: «Товарищи! Не должно быть места национальной вражде. Татарский рабочий, крестьянин и солдат – такие же наши родные братья, как русский, еврей, немец и проч. Мы боремся против господства помещиков и капиталистов всех национальностей в союзе с трудящимися всех национальностей»¹⁸⁴. В этой операции, считает В. Е. Баранченко, «было убито не менее семисот офицеров»¹⁸⁵.

«С этого момента в Крыму воцарился большевизм в самой жестокой, разбойничье-кровавой форме, основанной на диком произволе местных властей, не поставленных хотя бы и большевистским, но все же – правительством, а выдвинутых толпой, как наиболее жестоких, безжалостных и наглых людей.

Во всех городах лилась кровь (были исключения; о них выше. – *Авт.*), свирепствовали банды матросов, шел повальный грабеж, словом, создалась та совершенно кошмарная обстановка потока и разграбления, когда обыватель стал объектом перманентного грабежа»¹⁸⁶.

За событиями в Крыму внимательно следила Центральная Рада. Как раз 13 января в Севастополь пришла телеграмма из Киева, в которой Рада предупреждала «организации и

начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями чужеземных держав, как с Россией, так и с другими, будут преследоваться отныне как государственная измена»¹⁸⁷. Ответ (Совета и Центрофлота) был ожидаемым: ЧФ и гарнизон признают только «реальную власть Республики Советов в лице СНК как единственную выразительницу воли трудового народа... Находя Киевскую Раду опаснейшим органом контрреволюции и врагом всего трудового народа Украины и России, Севастопольский Совет и Центрофлот, с негодованием отвергая великодержавные стремления и притязания Киевской рады, заявляют, что все ее приказы и предписания не признают и признаваться [они] не будут»¹⁸⁸.

После победы над эскадронцами в Севастополе вновь прокатилась волна арестов офицеров и всех, подозреваемых в сотрудничестве с Крымским штабом. По заявлениям братьев Тургаевых «о реакционном поведении» были арестованы члены Севастопольского мусульманского комитета Ш. А. Девятов, Умеров и главный мулла Черноморского флота (с 1915 года) И. З. Замалетдинов, но следствие доказало их невиновность, и 22 марта дело было прекращено. На линкоре «Свободная Россия» на основании слухов арестованы мичман Баранов и Гоц, однако вскоре освобождены «из-за недостаточности материалов для обвинения в контрреволюционной деятельности». За неявку по тревоге в ночь с 10 на 11 января на эсминце «Лейтенант Шестаков» арестовано четыре офицера, мичманы

С. Анненский и Н. Крестовоздвиженский были прощены, так как добровольцами отправились с красными отрядами для участия в боевых действиях, а капитан 2-го ранга Г. Ф. Гильдебрант и лейтенант Э. И. Страутинг были уволены «с лишением содержания». 17 января следственная комиссия рассмотрела дело о трех офицерах 33-го пехотного запасного полка по обвинению их в «контрреволюционном мусульманском движении», но признала их невиновными¹⁸⁹.

Попытки разобраться и установить действительную вину внушали надежду на лучшее. Однако надежды на милосердие и законность, пусть даже революционную, оказались тщетными.

По некоторым данным, установление советской (точнее – ревкомовской) власти обошлось Крыму в тысячу человек¹⁹⁰.

29 января СНК утвердил декрет о создании Рабоче-крестьянского Красного флота. На следующий день он был доведен до ЧФ. Но на Черном море дело шло к тому, что корабли имели шанс остаться вовсе без моряков. Кто воевал за пределами Крыма, кто погиб, кто дезертировал. Покинул боевой пост даже командующий, контр-адмирал А. В. Немитц.

В связи с демобилизацией старого флота на службе в Черноморском флоте (с береговыми частями) осталось 2294 офицера и 25 028 матросов и солдат. Численность флота сократилась в два раза. Недокомплект в команде на линкоре «Свободная Россия» составлял 450 человек, в Минной бригаде и бригаде подводного плавания – по 250 человек. Крейсера и береговые части почти полностью были укомплектованы матросами 1917 года призыва, вкусившими всю прелесть отсутствия военной дисциплины. Все это крайне затрудняло управление матросской массой. К тому же между большевиками и левыми эсерами в связи с подготовкой Брестского мира наметился серьезный разлад, что не могло не усугубить общей сумятицы.

На этом фоне активизировались анархистские группы, ставшие представлять реальную угрозу и для новой власти. В Сарабузе отряд Пискунова был готов взять «на мушку» местный ревком. Своими деяниями «прославился» отряд другого «морехода» – С. Г. Шмакова, кстати, начальника оперативной части Областного военно-революционного штаба (создан как ВРШ 12 января, областным стал несколькими днями позднее; иначе – Штаб по борьбе с контрреволюцией, возглавлялся Ю. П. Гавеном), исполкома Севастопольского совета, от

которого немало претерпели и сами коммунисты, впоследствии с трудом его разоружившие¹⁹¹.

Из хроники событий. О симферопольской трагедии января писали меньше, чем о ялтинской и евпаторийской. Но публицист А. Набатов заявил тему. «...Три имени, которых симферопольцы не могут произносить без проклятий. Это знаменитые товарищи Жан Миллер, Чистяков и Акимочкин. Своего рода тройка удалая, которая мчала Тавриду вниз по Салгиру в страшную пропасть... Вообще нам русским везет на тройки (! – Авт.)»¹⁹². 14 января убили Франца Францевича Шнейдера. Предприниматель и благотворитель. Городской гласный, сотрудник общества «Детская помощь», председатель санитарного попечительства. Жертвователю революционному Красному Кресту. В 1905 году был первым председателем на первом митинге в Симферополе¹⁹³. «Потом, когда эти господа узнали обо всем, что покойный делал здесь для беднейшего населения, они явились к гробу просить у трупа убитого Шнейдера прощения». Погиб выданный неким татаринном за 50 рублей бывший начальник Штаба крымских войск полковник В. В. Макухин, который скрывался под чужим именем и жил в Карасубазаре, «где ему, как талантливому оратору, удалось избавлять город от многих опасных эксцессов со стороны большевиков». У 70-летнего Масловского после 16 обысков нашли металлическую пепельницу в виде полушария. «Вишь, старый буржуй, у тебя значит бомбы!» Зверски убит на Севастопольском шоссе.

Арестован и расстрелян бывший издатель газеты «Таврический Голос» Н. Г. Зайцев¹⁹⁴.

«Сейчас же (после взятия Симферополя. – *Авт.*) началась расплата, начались расстрелы офицеров, которых убили свыше 100, и наиболее уважаемых граждан. Последних собрали в тюрьме и убили всех – свыше 60 человек на дворе тюрьмы»¹⁹⁵.

Отряд Шмакова в ночь на 24 февраля расстрелял в Симферополе 170 человек¹⁹⁶.

Общее число жертв в Симферополе доходило до 200 человек¹⁹⁷.

Очередным изобретением новой власти были т. н. контрибуции – определенные и немалые суммы, которые должны были выделить отдельные лица, группы «буржуев», целые города. Симферополь должен был выплатить 10 миллионов, Ялта – 20, Евпатория – 5. Матросы действовали подобно оккупантам на территории противника. В какой-то степени они таковыми и были. Стал практиковаться и институт заложников, обычно – родственников облагаемых.

Севастопольский РВК обложил крупную буржуазию города контрибуцией в десять миллионов. Сдать ее надлежало в кратчайший срок. Это вызвало ее (буржуазию) крайнее недовольство и сугубый фатализм. В случае невыполнения распоряжения, заявил Севастопольский совет, он за последствия не отвечает.

Кстати, о Севастопольском совете. Сам облик его сильно изменился с 1917 года. Верховодили там не то матросы, не то уголовники в матросской форме. Рабочих было мало. В условиях разрастающейся анархии 16 февраля фракции правых эсеров и социал-демократов-меньшевиков, не являвшиеся ранее за заседания Севастопольского совета, заявили о возвращении в его состав, но вряд ли они могли стабилизировать работу этого органа.

Приплюсуем сюда инерцию декабря-января (после первых расстрелов) и решающую «отмашку» Петрограда. 21 февраля Совет Народных Комиссаров издал в связи с германским нашествием, написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!» Декрет явочным порядком вводил смертную казнь, отмененную II Всероссийским съездом советов в октябре. Характерные выдержки: «Рабочие и крестьяне... должны мобилизовывать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. б) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся – расстреливать. (...) 8) Неприятельские агенты, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»¹⁹⁸. Довеском к ленинскому декрету стала телеграмма Черноморскому

Центрофлоту от члена коллегии Народного комиссариата по морским делам Ф. Ф. Раскольников, требовавшая «искать заговорщиков среди морских офицеров и немедленно задавить эту гидру»¹⁹⁹.

Декрет попал на подготовленную почву. Обстановка в городе была предельно напряжена. Здесь смешивались и тревожная близость к территории Войска Донского, где шли ожесточенные бои и где черноморцы уже вкусили гражданской войны; и кровожадные инстинкты, развязанные декабрьско-январскими пароксизмами насилия; и выплеснувшаяся ненависть к собственникам; и рискованный «Бюллетень мира», направленный против заключения Брестского мира, выпущенный эсерами и меньшевиками в захваченной в ночь на

21 февраля типографии большевистского органа «Таврической Правды», с призывом выступить против «предателей народа – комиссаров», после чего иные из них (инициаторов листовки) угодили за решетку (но не под расстрел), а большевики получили желанный повод утверждать, что в подполье зреет контрреволюционный заговор.

К этому времени и подоспел ленинский декрет, санкционировавший расстрелы. При обсуждении декрета в Севастопольском совете «меньшевистские и эсеровские лидеры (Н. Л. Канторович, С. Риш, Бируля и другие)... своими демагогическими речами и издевательством над принципами пролетарской революции довели матросскую массу до белого каления»²⁰⁰. 23 февраля матросы корабля «Борец за свободу», – сообщает газета, – наметили «ряд действий вплоть до поголовного истребления буржуазии»²⁰¹. Некоторые судовые комитеты горячо одобряли самые крайние шаги. Их собрание на упомянутом линкоре 21 февраля (есть данные и об общематросском митинге на линейном корабле «Воля») выбрало

25-членную комиссию во главе с анархистами председателем Центрофлота (с января 1918 года) С. И. Романовским, Басовым и одиозным С. Г. Шмаковым. Все происходило помимо ведома исполкома совета. ЦК ЧФ, чувствуя свое бессилие перед многотысячной, жаждущей крови толпой, не решаясь противостоять ей, пытался все-таки ввести террор хоть в какие-то рамки, а задним числом – осудил его.

Басов явился в совет, требуя автомобиля. Совет отказался это сделать. «Не хотите – не надо. Мы *сами это* (курсив наш. – *Авт.*) сделаем, а вас знать больше не хотим»²⁰², «время митингов прошло», – таков был ответ «масс». Вооруженная толпа в 2500–3000 человек, сначала собравшись на Каменной пристани, а затем, разбившись на отряды, под лозунгами «Смерть контрреволюции и буржуям!», «Да здравствует Социалистическая Революция!» двинулась в город. Обыскивать, грабить и убивать. Было примерно два-три часа ночи.

Все попытки большевиков Н. А. Пожарова, О. Х. Алексакиса, П. З. Марченко остановить перевозбужденное скопище окончились ничем. (Другое «высокое начальство» в Севастополе отсутствовало: Н. И. Островская уехала в Москву и не вернулась, В. Б. Спиро находился в Александровске, а Ю. П. Гавен – в Сарабузе и смог возвратиться только 25-го вечером). В эту ночь матросы утерли до 250 человек²⁰³.

С «классовым врагом» было все понятно. Враг он на то и враг, чтобы его уничтожить. 23 февраля некоторых из тех, кто не успел или не сумел выплатить полностью контрибуцию, сначала собрали в помещении совета. Люди ждали решения своей участи, отгоняя в мыслях самое страшное. И только «один из них – Феликс Иосифович Харченко – быстро сообразил создавшееся положение и сказал окружающим: “Жизнь кончена, нас сегодня расстреляют”...»²⁰⁴. Однако, как говорил на 2-м Общечерноморском съезде матрос Беляев, судя по всему – противник кровопролития, совет отказался содержать (а значит, и защищать) арестованных, тем самым расписавшись в своей беспомощности. Тогда арестованных начали группировать в Морском собрании. «Когда все люди были собраны в одной комнате, я [Беляев] посмотрел на них; там были и офицеры, и священник, и так, просто разные, кто попало. Там

были совсем старые больные старики. Половина матросов требовали уничтожить их. Была избрана комиссия [«организационно-сортировочный комитет»], куда попал и я. Я старался, чтобы люди шли через эту комнату. Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. (...) Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. Больше стоять было негде. Пришла шайка матросов и требовала отдачи. Я уговаривал, что это офицеры на выборных началах, доктора и старики. Ничего не слушали. Согласились вывезти из зала. А около 12 ч. ночи [24-го?] звонит телефон из городской больницы, меня спрашивают, что делать с 40 трупами, что возле больницы. И тогда я узнал, что всех поубивали. Я слышал, что в Стрелецкой бухте на пристани много убитых. Я обратился снова в Совет... Но все меры были бессильны, матросы разбились на отдельные кучки и убивали всех»²⁰⁵.

Той ночью убивали везде – на улицах, за городом, в тюрьмах. Город был оцеплен матросами, чтобы никто из «врагов» не смог уйти в безопасное место. «Нужно только вспомнить лужи крови на улицах, изуродованные трупы, подвозимые на автомобилях к баржам для погребения, бледных женщин с печатью смертельного отчаяния, мечущихся по улицам...» (...)

Мало в Севастополе семей, так или иначе не затронутых февральскими убийствами. Много погибло тогда людей, которые еще долгие годы могли бы приносить пользу родине.

Убийство – всегда преступление. Но эти убийства были дважды преступны, т. к. была пролита кровь ни в чем не повинных, незащитных людей...»²⁰⁶.

Палачи, что лишний раз доказывает просчитанность операции, прекрасно знали имена и местожительство намеченных жертв. Среди них были: предприниматель, купец 1-й гильдии А. Я. Гидалевич, известный просветительско-благотворительной деятельностью, введением охраны труда на производстве, и другие члены торгово-промышленного комитета Севастополя: Ф. И. Харченко, М. Е. Островерхов, Л. М. Шульман; М. А. Каган, «человек, который всю жизнь свою провел в упорном труде и нужде», а, став к старости обладателем «скромного достатка», жертвовал на просвещение, призрение сирот, инвалидов, бедных; общественный деятель Г. А. Бронштейн; Д. А. Побережский, поклонник лейтенанта П. П. Шмидта, считавший делом своей жизни увековечивание его памяти; военные всех рангов – от контр-адмиралов до мичманов, среди них: адмиралы С. Ф. Васильковский, Н. Г. Львов и Сакс, генерал-майоры И. И. Дефабр и К. Н. Попов, капитаны I ранга А. Г. фон Ризенкампф и А. А. Антонов, полковник Шперлинг, подполковник С. И. Жирар, лейтенант А. А. Томашевич, мичман Г. Е. Марков, поручик А. А. фон Ризенкампф, прапорщик, художник М. М. Казас, а также такие фигуры, как, например, Книжников, содержатель дома терпимости²⁰⁷. И множество других, «непросчитанных» заранее, а просто попавших под горячую руку. Весь многонациональный Крым – в этих именах. В феврале 1920 года по убиенным была отслужена панихида.

Уцелевший заключенный В. Л-рь стал очевидцем расправы над некоторыми «опасными преступниками» (ниже). Кстати, он, стремясь соблюсти объективность, отдает должное председателю трибунала (попасть под трибунал было в те дни – получить хоть мизерный, но шанс на спасение) матросу Я. А. Шашкову, благодаря «гуманности и корректности» которого были спасены некоторые офицеры. (Один штрих к деятельности Шашкова. Мичман Мертваго обвинялся в том, что произнес фразу: «Смотрите, чтобы не повторился вам 905 год». Подсудимый заявил, что этим высказыванием он хотел только предостеречь матросов от поспешных решений. Трибунал, «не видя точных доказательств к обвинению Мертваго в контрреволюции», постановил считать его оправданным²⁰⁸. Тогда подобное было редкостным исключением из правил.)

Приговаривали к тюремному заключению на срок от одного месяца до 16 лет. И к казни...

Среди заключенных севастопольской тюрьмы был и Ч. Челебиев, муфтий, бывший

председатель Национального правительства крымских татар.

Муфтий был взят у себя дома 14 января в Симферополе и доставлен в Севастополь. Здесь, в тюремной камере, с ним приватно беседовал имевший репутацию либерала председатель Севастопольского ревкома Ю. П. Гавен. Будущий историограф революционных событий в Крыму никогда ни словом не обмолвится о содержании этого разговора.

О последних часах жизни Челебиева и других схваченных сохранились свидетельства укрывшегося под псевдонимом упомянутого заключенного той же севастопольской тюрьмы, нашедшего в себе силы, будучи самым буквальным образом на краю смерти, по крупицам собирать информацию о том, что здесь происходило.

«В начале января, после «похода» на татар, после подавления татарской «контрреволюции», после «блестящих баталий» советского воинства, после разграбления крымских городов и сел, в тюрьму был заключен муфтий Челебиев. Сначала его посадили в общую камеру № 5, но на другой день по распоряжению советских владык его перевели в одиночную камеру № 26 как опасного контрреволюционера. (...)

В два часа ночи ворвалась в тюрьму первая банда матросов, предъявивших комиссару тюрьмы требование о выдаче, согласно списку, для расстрела пяти заключенных. Комиссар по телефону запросил совет, как ему быть, выдавать или нет.

Из совета ответили: выдавать, кого потребуют матросы. В предъявленном списке значились: муфтий Ч. Челебиев, контр-адмирал М. Л. Львов, капитан I ранга Ф. Ф. Карказ (лейтенант в 1906-м, участник суда над лейтенантом П. П. Шмидтом – и флот это помнил! – *Авт.*), капитан II ранга И. Г. Цвингман и бывший старший городовою севастопольской полиции Л. Сеница. Им связали руки... Взяли матросы и рабочего плотничной мастерской севастопольского порта Р.

Их повели... Никто из обреченных не просил пощады у своих палачей... Дорогой, до места убийства, в Карантинной балке, как передавал потом рабочий Р., убийцы истязали своих жертв: больного старика Карказа били прикладами и кулаками, Сеницу кололи штыками и били прикладами и глумились над всеми.

Их расстреляли в упор и уже мертвых били прикладами и камнями по головам. С убитых сняли верхнее платье, ботинки, кольца, кошельки...»

В четыре часа утра (на 23-е, как у Л-ря, или на 22-е, в числе 70 заключенных, как у Гавена209? – *Авт.*) вторая банда с ругательствами вытащила из камер, избивая, полковников Шперлинга и Яновского, прапорщиков Гаврилова и Кальбурса, поручика Доценко, капитана II ранга Вахтина, мичмана Целицо, севастопольских обывателей Шульмана (пробили голову), Шварцмана (сломали ребро) и Книжникова, инженера Шостака и матроса Блюмберга. Последним двум каким-то чудом удалось бежать (Блюмберг был, видимо, снова схвачен, ибо его имя фигурирует в списках казненных. – *Авт.*). «И эти обреченные пошли на свою Голгофу, не прося пощады у своих убийц, лишь у мичмана Целицо выкатились две слезинки – мальчик он еще был, вся жизнь его была еще впереди, да прапорщик Гаврилов о чем-то объяснялся с бандитами...

Их увели, а нам, оставшимся, сказали: «мы разберемся еще с вами»...

Минут через 15–20 глухо долетел в камеру звук нестройного залпа, затем несколько одиночных выстрелов, и все смолкло...

Мы ждем своей очереди... Тускло светит рассвет в переплетенные решеткой тюремные окна...

Тихо, тихо кругом...

Мы лежим на койках, и глаза наши обращены то к иконе, то на окно, где... медленно приближается рассвет; губы каждого невнятно шепчут: «Господи, спаси, защити, Ты

единственный наш защитник, единственная наша надежда»...

Как медленно, томительно медленно, приближался рассвет, минуты казались вечностью...

Что пережито было за это время – не в силах описать ни одно перо...

Но вот взошло солнце, ярко вспыхнули его лучи на оконных стеклах, и весело заиграли «зайчики» на стенах и потолке камеры...

Звякнули ключи, провизжал отпираемый замок, и этот звук, точно тупым ножом, резнул по сердцу – это отперли нашу камеру. Началась поверка. Мы вышли в коридор. Пустые и мрачные стояли те камеры, в которых еще вчера было так оживленно.

Казалось, незримый дух убитых витает в них. Из всех обитателей камер № 4 и № 5 чудом уцелели купец Л-в и два прапорщика – Ф. и К...

Мы обнялись, мы расцеловались, мы плакали...»210

Тела складывали на платформы, бросали в автомобили и свозили на Графскую пристань. Матросы не позволили родственникам похоронить убитых. На барже их вывозили в море и там, привязав груз, топили. Море все скроет... Но еще долго, в штормовые дни, трупы прибывало к берегу.

На следующее утро расстрелы повторились.

Были робкие попытки протеста отдельных членов совета и Центрофлота; встречаются смутные намеки на некую депешу из центра. На состоявшемся 27 февраля (по Ю. П. Гавену – 26-го) заседании II Общечерноморского съезда (присутствовали представители ЦК ЧФ, демократических организаций, партий, судовых и береговых комитетов) звучали характерные инфантильные речи. «Моряки, после горячих выступлений ряда ораторов, убедившись, что самосуды не укрепляют, а позорят революцию, чистосердечно признались, что они были введены в заблуждение. Врезалось в память выступление одного моряка, который со слезами на глазах дрожащим голосом заявил: – Мы виноваты, но клянусь честным словом моряка, что, когда я бросал в море офицеров и спекулянтов, я думал, что делаю хорошее дело. И мои товарищи, которые принимали участие в расстрелах, думали, что они поступают, как честные революционеры. Судите нас всех – или никого не судите. Мы все одинаково виноваты.

И собрание единодушно клялось в том, что впредь самосудов не будет». Воистину – дети: я не понимал – и делал плохо, теперь понимаю – и больше так делать не буду.

Съезд вынес резолюцию: «1) Заклеймить самым энергичным образом позорное выступление, бывшее в Севастополе в течение трех кошмарных ночей. 2) Немедленно создать комиссию из лиц собрания для установления степени виновности замешанных лиц и решить, как с ними быть... способствовать раскрытию гнусного дела, дабы этим показать пролетарию Западных государств, что Русские социалисты не палачи, подобно царским, имевшим место при кровавом Николае II»211.

Упоминание о «кровавом Николае II» звучит, разумеется, притянута за уши, но комиссия действительно была создана и начала свою работу. Уже ко 2 марта она представила список из 45 точно установленных казненных212. Однако, так как в эти дни создается Социалистическая Советская Республика Тавриды, ее (комиссии) работа, надо полагать, была сочтена несвоевременной. Во всяком случае, далее деятельность комиссии не прослеживается.

Моряки, ознакомившись с резолюцией съезда, поступили очень просто. С одной стороны, большинство их внешне осудило «контрреволюционные стихийные выступления». С другой (например, команда линкора «Свободная Россия»), верные корпоративной «этике», они заявляли, что «виноватых в этих событиях не должно быть, а если их будут предавать суду, мы выступим в их защиту». Понятно, каким образом. Ну а кое-кто, скажем, команда базы минной бригады, целиком оправдывая деяния убийц, вспоминал, что молодцы-балтийцы уничтожали «подспорье царизма» еще «в первые дни революции»213. Как следствие, наказания за кровавую

вакханалию никто не понес. Разве что отстранили от должности председателя Центрофлота С. И. Романовского. Председателем стал украинский эсер, юрист по профессии С. С. Кнорус, главным комиссаром флота – видный левый эсер В. Б. Спиро.

Расстрелы, по севастопольскому почину, прошли в феврале – начале марта и в других городах Крыма (Симферополе, Евпатории). «В Симферополе в ночь с 23 на 24 февраля матросы стоявшего здесь Севастопольского отряда, очевидно, извещенные о событиях в Севастополе, произвели аресты «лиц, принадлежащих к буржуазному классу». Наиболее известные своей контрреволюционной деятельностью лица были расстреляны»²¹⁴. Были казнены «буржуи», не внесшие контрибуцию. Вошедшие в раж матросы и красногвардейцы пытались кое-где разогнать местные советы и ревкомы, которые их не устраивали (Симферополь, Феодосия).

Вакханалию севастопольских убийств, длившуюся три страшных ночи/утра – с 22 по 24 февраля – прервали рабочие. «В этом царстве тьмы и зверства светлым лучом промелькнуло живое, гуманное участие севастопольских рабочих. Они своим энергичным, вооруженным вмешательством обуздали диких зверей и положили конец бессмысленной, бесчеловечной бойне. Зрелая политическая мысль и чувство любви к ближнему – кто бы он ни был – подсказали севастопольскому пролетариату благородную решимость. Твердыми, решительными действиями рабочие пресекли дальнейший разгул порочных страстей, и не будь их вмешательства, кто знает, сколько еще кровавых жертв поглотило бы Черное море»²¹⁵. Именно рабочие резко осудили совет с его бесхребетной политикой, потребовав перевыборов.

На вопрос о числе погибших в черные февральские дни архив бесстрастно отвечает: 600 человек²¹⁶. По Н. Кришевскому – 800²¹⁷. В. Лобыцын и В. Дедичев на основе архивных материалов («Список убитых большевиками офицеров Черноморского флота» из архива ВМФ) и публикации журнала «Возрождение» (№ 116 за август 1961 года) считают установленными 67 плюс 6 имен уничтоженных военных. Из них ЧФ представляли (включая отставных): 6 адмиралов, 5 генералов, 15 штаб- и 42 обер-офицера, 4 медика, 1 священник²¹⁸. Ввиду столь чудовищных профессиональных потерь ЧФ был не «приручен», а просто прекратил свое фактическое существование в качестве флота как цельной боевой единицы.

А утром 24 февраля пораженные жители Севастополя услышали... торжественную музыку. Играл оркестр. Матросы шли под знаменами стройными рядами. Грозными речами шумели митинги. «Более ужасных минут Севастополь не переживал. Перед этим шествием торжествующего убийцы, перед этими радостно громкими звуками победных маршей померкли ужасы ночи и заглохли выстрелы расстрелов, ибо здесь всенародно как бы узаконялось то, что было совершено 12 часов назад. Отнималось последнее утешение, что то злое дело было сделано кучкой преступников»²¹⁹.

На Графской пристани кто ликовал, кто трепетал от страха. Но голос правды все-таки прозвучал. «С балкона говорят комиссары казенные речи, сводящиеся к одному – «бей буржуев». Но вот выходит матрос, по-видимому, еврей, и обращается к многотысячной толпе. Сначала его слушают со вниманием и спокойно, но потом его слова вызывают бурю возмущений. Этот маленький человек осмеливается сказать свирепым матросам правду в глаза, убийства он называет убийствами, грабеж – грабежом»²²⁰. История сохранила имя храбреца: Розенцвейг, стекольщик из Симферополя, призванный в годы войны на флот. После своей самоубийственной речи ему удалось спастись. Он бежал в Румынию. Вернулся Розенцвейг в Крым только к 1919 году, выдав себя за военнопленного и проживая затем в полной нищете.

Крымский историк Ю. А. Катунин считает, что целенаправленной собственно антиправославной политики большевики в 1917–1918 годах, во всяком случае – в Крыму, не вели. «Анализируя события января – марта 1918 года, с большой натяжкой можно говорить о гонениях в Крыму в отношении церкви, как это утверждается в некоторых публикациях»²²¹.

Бесчинства в храмах и убийства священнослужителей были одной из составляющих разнузданности черни.

Хроника событий.

В ночь с 4 на 5 октября 1917 года ограблен и осквернен Александро-Невский собор Симферополя. Убит церковный сторож Ф. Рыжов. Похищены из кассы 700 рублей. Сброшены на пол дарохранильницы, Святые Дары рассыпаны. В ту же ночь преступники были арестованы²²². Спасаясь от неминуемой расправы, в декабре покидает Севастополь о. Роман (Р. И. Медведь), впоследствии много претерпевший от режима и в 2000 году причисленный к лику святых.

Выше уже сообщалось о расстреле матросами 19 декабря в Севастополе отца Афанасия (М. К. Чефранова) за то, что «напутствовал Св. Тайнами осужденных... на смерть военно-гражданской властью матросов»²²³ (по другим данным, его обвинили в нарушении тайны исповеди арестованных матросов «Очакова»²²⁴). 14 января – расстрелян священник Покровской церкви с. Саблы (ныне с. Партизанское Симферопольского района) отец Иоанн Угланский. Обвинений предъявлено не было. Почти две недели не разрешали похоронить тело. В тот же день был произведен обыск у архиепископа Симферопольского Димитрия. «Все взламывалось и вскрывалось. В архиерейскую церковь бандиты шли с папиросами в зубах, в шапках, штыком прокололи жертвенник и престол. В храме духовного училища взломали жертвенник... Епархиальный свечной завод был разгромлен, вино выпито и вылито. Всего убытка причинено больше чем на миллион рублей». «Удушен в своей квартире» о. Исаакий (Николай) Попов. Расстреляны о. Александр Русаневич, бывший Нижегородский архиепископ Иоаким Левицкий, проживавший в Ялте, служители Агафон Гарин и Александра Казанцева.

В двадцатых числах января весь городской и в некоторой степени сельский Крым становится «ревкомовским». Какими методами – мы постарались показать. Горные и предгорные местности с татарским населением продолжали жить своей жизнью, скрывая вооруженные отряды эскадронцев и русских офицеров.

Глава IV Республика Тавриды

Обстановка в Крыму в феврале – марте 1918 года отличалась исключительной напряженностью и неустойчивостью. Заключив 27 января договор с Центральной Радой, Германия приступила к фактической оккупации Украины, стремительно продвигая свои войска на юг. Над Крымом нависла угроза изоляции от центральных районов страны и захвата – вопреки Брестским договоренностям – частями германской армии.

По соглашению 29 марта с союзной Австро-Венгрией Германия включила Крым в зону своих интересов и как самоценную территорию, и как плацдарм для возможной экспансии на Восток. Развивались планы отрыва Крыма от России при использовании местного сепаратистского движения. Свои планы в отношении Крыма имела и Турция. И. К. Фирдевс вспоминал о переговорах «курултаевцев» с турецкой стороной, которая «хотела сохранить Крым и спасти от нашествия Германии, сохранить для себя под флагом татарской самостоятельности»²²⁵. Сил для этого у Турции, однако, не было. Не забываем и о позиции Украины. Крым, таким образом, продолжал оставаться объектом геополитических игр, усугублявших внутренние противоречия.

А ситуация на полуострове напоминала бурлящий котел. Центральная, большевистско-левоэсеровская, власть была до чрезвычайности условной. Многие районы

Крыма имели о ней самое смутное представление. Живший в Биюк-Ламбате

В. А. Оболенский пишет о «полной оторванности от всего остального мира». «Пойти или поехать в Ялту или Симферополь мы не могли, т. к. для этого нужны были пропуска, которые давались с трудом; газеты мы не получали, а если случайно попал в руки номер местных большевистских газет, то в нем мы находили лишь бесконечное количество «приказов», безграмотно-напыщенные статьи да сведения, которым не верили. (...) Питались мы исключительно слухами от редких прохожих или из Биюк-Ламбатских кофеен. Слухи эти касались преимущественно разных кровавых событий»²²⁶.

Белое офицерство и местная буржуазия; эмиссары Центральной Рады и татарские сепаратисты; сохранившие значительное влияние в среде рабочих и служащих, в частности – профсоюзах – меньшевики и пользовавшиеся поддержкой крестьянства правые эсеры; опиравшиеся на матросов анархисты и банды дезертиров, хозяйничавшие в крымских лесах, – все они имели свои, особые интересы и все, исключая разве что меньшевиков, признавали только власть силы. Активизация анархистов, угрожавшая остаткам общественного порядка, вынудила Симферопольский совет принять решение «изъять из регистрации партию анархистов (сами анархисты себя партией не считали. – *Авт.*)... не признающую Советской власти»²²⁷. Правда, в ряде других советов они добились своего представительства. Однако в конце марта в Феодосии, по воспоминаниям М. А. Волошина, безобразия в городе анархистов, число которых увеличилось за счет прибывших морем после падения 14 марта Одессы, завершились тем, что «сотня анархистов-практиков была вывезена под Джанкой и там расстреляна»²²⁸.

Севастополь, сыгравший решающую роль в установлении на полуострове власти крайне левых сил, сохранял первоначально в своих руках руководство краем. Губернский ревком в Симферополе не смог сразу охватить своим влиянием всю губернию, тем более что в Севастополе были сосредоточены главные военные силы. С целью ликвидации сложившегося «двоецентрия» 28 января (10 февраля) была созвана конференция военно-революционных комитетов, собравшая 44 делегата (из них 27 большевиков) с мест и объявившая себя Чрезвычайным съездом Советов рабочих и солдатских депутатов с участием представителей крестьянских депутатов и военно-революционных комитетов Таврической губернии. Большевик С. П. Новосельский заявил на съезде: «...Только тогда завоевания революции будут прочны, если одновременно, наряду с борьбой с контрреволюцией, мы начнем органическую творческую работу, претворяя обещания в жизнь, т. е. будем уплачивать выданные революцией векселя проведением в жизнь широких социальных реформ»²²⁹. Он же предложил образовать 14 комиссариатов.

По вопросу о власти съезд подтвердил роспуск Совета народных представителей и Курултая, упразднил городские думы и земства, заменив их советской системой, создал губернский исполнительный орган власти в лице Таврического центрального исполнительного комитета (ЦИК). В него вошли

10 большевиков и 4 левых эсера. Местопребыванием ЦИК и административным центром губернии после длительных дебатов 23 голосами против 20 (предпочитавших Севастополь; особенно рьяно на этом настаивал Ю. П. Гавен) был определен, по географическим и экономическим соображениям, Симферополь. Военный комиссариат оставался в Севастополе, но был обязан согласовывать свои действия с ЦИК. На деле же подобное решение привело к разного рода недоразумениям.

После обсуждения земельного вопроса на местах было предложено руководствоваться земельными законами и инструкциями, утвержденными III Всероссийским съездом Советов, применяя таковые к конкретным условиям.

Обсуждение острейшего продовольственного вопроса свелось к методам сбора в Крыму

хлеба и отправки его на север в промышленные районы и для армии. Съезд одобрил принятие решительных мер при хлебозаготовках, допуская реквизиции и использование вооруженной силы. 30 января (12 февраля) съезд завершил свою работу.

Избранный на съезде Таврический ЦИК под председательством Ж. А. Миллера создал комиссариаты по управлению и руководству отдельными отраслями хозяйственной и социально-культурной сферы. Таковыми стали комиссариаты земледелия, финансов, путей сообщения, юстиции, почты и телеграфа, труда, народного просвещения, социального обеспечения. Многонациональность края потребовала создание и комиссариата по национальным делам.

Став правящей партией, крымские большевики остро нуждались в укреплении и расширении своих рядов, разработке программы действий. Крупнейшая Севастопольская партийная организация насчитывала всего 400 человек, Симферопольская и Евпаторийская – по 200 с лишним, Керченская, Феодосийская и Ялтинская – в два раза меньше. В сельской местности большевики были совсем малочисленны. А в некоторых волостях они вообще отсутствовали. Партийные организации были слабо связаны между собой и часто действовали обособленно. Только с 24 января (6 февраля) в Севастополе в конфискованной типографии газеты «Крымский Вестник» стал выходить большевистский партийный орган «Таврическая Правда».

На III губернской конференции РСДРП(б) в Симферополе (2–5 марта) присутствовали 20 делегатов от 2300 членов партии. Были обсуждены отчетный доклад губернского комитета (Я. Ю. Тарвацкий), информационные доклады с мест, доклад редакции «Таврической Правды», вопросы взаимоотношений партийных организаций и советов, местных организаций и губкома, о Красной армии, отчеты членов партии, входящих в Таврический ЦИК и его комиссаров, намечены пути увеличения численности членов партии, улучшения партийного руководства советами и укрепления советского аппарата, решено перевести редакцию «Таврической Правды» в Симферополь (выполнено 6 марта). На конференции также развернулась борьба по вопросу об отношении к Брестскому миру, который предстояло решить VII экстренному съезду РКП(б). Часть делегатов (представители Евпаторийской парторганизации во главе с В. А. Елагиным, ответственный редактор «Таврической Правды» В. А. Кобылянский) выступила против заключения Брестского мира, но поддержки большинства не получила. В состав губернского комитета были избраны Я. Ю. Тарвацкий (председатель), В. А. Шаталов (казначей), А. И. Коляденко, Ж. А. Миллер, Ю. П. Гавен, С. П. Новосельский, Н. И. Пахомов и др.

Чтобы доминировать в политической жизни Крыма большевикам и их союзникам приходилось прилагать немалые усилия. 5–6 марта в Симферополе проходил 3-й губернский съезд профсоюзов и фабзавкомов. Большевики и левые эсеры, получившие только 53 голоса из более чем 200, создали отдельную фракцию, решив «потребовать обсуждения вопроса о признании Соввласти и в случае отклонения заявленного требования фракции немедленно покинуть съезд». Меншевики, чьи делегаты решительно преобладали, настаивали на снятии всех политических вопросов. Тогда левые оставили съезд и принялись за формирование Временного губернского совета профсоюзов на платформе советской власти. Съезд был распущен вооруженным отрядом. Повторялась история с Учредительным собранием. Меншевики создают свое профсоюзное руководство – Центральное бюро. Общегородское собрание рабочих и служащих Севастопольского порта резко осудило насилие, «которое было учинено 6 марта сего года в Симферополе над пролетарским съездом», подчеркнув, что «основной задачей съезда являются вопросы профессионального строительства, охрана труда...»²³⁰. Подобные акции, естественно, не прибавляли большевикам популярности в

рабочих кругах.

6 марта в Симферополе открылось совещание делегатов Таврического губернского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских, поселянских-мусульманских и батрацких депутатов, земельных и военно-революционных комитетов. Назначенный вначале на 3 марта, съезд был перенесен на 10 марта. Однако многие делегаты явились к ранее объявленному сроку. Большевики стремились открыть съезд позже, желая успеть обновить состав местных советов, потеснив при этом левых эсеров. Разумеется, последние на совещании делегатов выступили резко против, обвиняя Миллера и других большевиков – членов ЦИК в преступной небрежности по созыву съезда, высказывая сомнения в его законности. После бурных обсуждений было решено признать съезд законным, а обвинение в преступной небрежности снять.

7 марта левые эсеры, зная, что большинство прибывших делегатов принадлежит к числу большевиков, попытались сорвать открытие съезда, но большинство высказалось за его открытие в составе до 300 делегатов, среди них было 183 большевика, 90 левых эсеров, 29 беспартийных. Работой съезда руководил президиум в составе трех большевиков и двух левых эсеров. Впоследствии число делегатов все увеличивалось, и на завершающем этапе съезда их было до 700 человек, включая представителей Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов²³¹.

После двухдневной дискуссии съезд одобрил заключение Брестского мира, полагаясь на его надежность, поддержал советскую власть на Украине. Он воздержался от проведения в жизнь социализации земли и ее передела до получения полных статистических данных, однако передавал земли в распоряжение местных советов. То, что крестьяне уже успели поделить, объявлялось временными наделами. Такая осторожность, с одной стороны, предохраняла некоторые культурные имения от разорения, с другой – не могла устроить значительную часть крестьян. При рассмотрении тяжелейшего финансового вопроса съезд узаконил обложение буржуазии контрибуцией.

Съезд избрал ЦИК (12 большевиков и 8 левых эсеров) под председательством Ж. А. Миллера.

Национальный вопрос съездом не обсуждался, несмотря на создание комиссариата по делам национальностей. Во-первых, новое руководство было к этому совершенно не готово, а во-вторых, перед ним, как и перед большевистско-левоэсеровской коалиций в целом, стоял миф скорой мировой революции, сметающий национальные границы.

В работе съезда участвовало до 120 татар, предложивших ввести одного-двух своих представителей в состав ЦИК²³². Однако председатель съезда Н. И. Пахомов, если верить историку М. Л. Атласу, даже заявил: «национальным вопросам места быть не может»²³³. Правда, при этом избранный секретарем ЦИК Фирдевс сумел убедить татарскую группу поддержать большевистские резолюции²³⁴.

Съезд также принял резолюцию о подчинении штабов Красной армии и Красной гвардии советам и 10 марта завершил свою работу.

Несмотря на острые разногласия по вопросу о Брестском мире, левые эсеры вошли в руководящие и местные органы Крыма и работали рука об руку с большевиками.

19 марта на созванном в Севастополе по инициативе прибывшего из Москвы левого эсера В. Б. Спиро экстренном заседании Таврического ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени I губернского съезда советов, поименованного Учредительным, принимается декрет, которым провозглашается – в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов – Таврическая Республика советов рабочих,

солдатских и крестьянских депутатов. ЦИК также сформировал Совет Народных Комиссаров, который возглавил прибывший в Крым в марте по направлению ЦК РКП(б) партработник А. И. Слуцкий²³⁵. Во властные органы входили большевики Н. И. Пахомов (председатель исполкома Мелитопольского совета, стал членом ЦИК), Я. Ю. Тарвацкий (также член ЦИК), С. П. Новосельский, Ю. П. Гавен (член ЦИК), И. К. Фирдевс, левые эсеры И. Н. Семенов (заместитель председателя ЦИК, будущий большевик), С. С. Акимочкин, В. Гоголашвили и др.

Когда из Москвы вернулись А. И. Коляденко и С. П. Новосельский, ездившие в Совнарком Советской России за кредитами и получившие там соответствующие указания, в ночь с 21 на 22 марта Таврический ЦИК, подтвердив создание республики – теперь она была названа Социалистической Советской Республикой Тавриды (ССРТ), – ограничил ее территорию (с целью избежать осложнений с Германией и Украинской Народной Республикой) Крымским полуостровом. В дальнейшем, однако, руководители ССРТ подчеркивали принадлежность трех северных уездов республике.

О придании хотя бы вида законности при провозглашении Республики Тавриды, видимо, вообще не думали. Ее создавали с явными отступлениями от положений Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Ни Таврический ЦИК, ни Совнарком даже не ставили вопроса о флаге, гимне и гербе новоиспеченного образования. Не шла речь и о Конституции Республики Тавриды.

В литературе утвердилось одностороннее мнение о том, что решение о создании в Крыму республики было принято исключительно по инициативе центра. Действительно, ЦК РКП(б) рассматривал образование республики в Крыму как одно из звеньев в формировании единого фронта обороны Юга от кайзеровских агрессоров (об этом – решения ЦК большевиков и ЦИК Украинской Советской Республики, письмо В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе 14 марта и др.²³⁶). Однако, по мнению И. К. Фирдевса, идея создания республики на полуострове витала в воздухе. «Мы установили сепаратистский момент, – пишет он, – говорили, что Крым нужно сохранить как отдельную республику»²³⁷. Причем соображения в пользу республики на месте заметно расходились с замыслами центра. Если В. И. Ленин рассчитывал измотать германские части на Юге, то крымчане склонялись не столько к надеждам на оборону, сколько к поискам компромисса с противником, нейтралитета. А. И. Слуцкий говорил на делегатском собрании представителей береговых и судовых частей, мастерских Севастополя 17 апреля: «Мы определенно заявляем о том, что республика полуострова Крым не входит в территорию Украины... Броситься в войну мы не можем, так как Красная армия (в Крыму. – *Авт.*) превратилась в банду мародеров»²³⁸. Его поддержал Н. А. Пожаров. Мнение о никуда не годном состоянии красноармейских частей вполне разделяли и противники большевиков.

Среди крымских руководителей также существовало опасение, что полуостров может быть поглощен Украиной. Создание республики виделось как защита от данных поползновений. Как писал в связи с этим орган левых эсеров: «Это единственно правильный и единственно возможный выход из создавшегося положения вещей. (...)...Разноплеменный, богатый различными историческими метаморфозами Крым должен жить и развиваться своей самобытной жизнью»²³⁹.

В начале апреля 1918 года Слуцкий послал телеграмму в СНК РСФСР с просьбой срочно подтвердить, что «Крым к Украине не отходит»²⁴⁰. В ответ нарком по делам национальностей И. В. Сталин телеграфировал председателю Севастопольского совета, что слухи об отходе Крыма к Украине ложны, что, «по имеющемуся у нас документу германского правительства, ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии»²⁴¹. Понятно, что немцы просто вводили правительство Советской России в заблуждение, а Украина, имея такого сильного конкурента, как Германия, не в состоянии была

аннексировать Крым, хотя готова была помочь Германии в его захвате.

Точку в решении вопроса о республике поставили, по всей видимости, телеграфные переговоры А. И. Слуцкого и Ж. А. Миллера с наркомнацем Советской России И. В. Сталиным, о которых вспоминают И. К. Фирдевс и Ю. П. Гавен.

Фирдевс (1926): в ходе переговоров была дана санкция на создание крымской республики. «Больше ничего, никаких директив не было, и на основании этой директивы они (Слуцкий и Миллер. – *Авт.*) образовали республику... В этот момент политическая инициатива мест не стеснялась...»²⁴²(выделено нами. – *Авт.*). Он же (1935): «...Была ли санкция ЦК партии на политику правительства республики Тавриды?.. Тт. Миллер и Слуцкий вызывали т. Сталина к прямому проводу и получили от него предварительную санкцию в виде точной формулы: «Действуйте, как находите целесообразным, Вам на местах видней»²⁴³. Гавен (1934): «Эту ленту мне Слуцкий потом показывал. Это был краткий, категорический, гибкий ответ, и на этом мы базировались, как на официальном разрешении центра». Мемуарист резюмирует: «По местным условиям создание республики было необходимо»²⁴⁴. Пожалуй, только левый эсер В. Б. Спиро, ставший комиссаром Черноморского флота, всерьез верил в возможность защиты Крыма от германских войск, но, отозванный в апреле в Москву, назад в Крым он уже не вернулся.

По мнению Ю. В. Дубко, идея создания Республики Тавриды возникла в Москве сразу же после заключения Брестского мира и принадлежала лично В. И. Ленину. Она обсуждалась в узком кругу членов ЦК РКП(б) и представителей Донецко-Криворожской республики²⁴⁵ (Артем (Ф. А. Сергеев), И. И. Межлаук), с ней был знаком А. И. Слуцкий, но ее не довели до сведения крымских большевиков до приезда в Крым В. Б. Спиро, А. И. Коляденко и С. П. Новосельского²⁴⁶. Причем, «реализация права на самоопределение Крымом не была связана ни с национальным составом населения, ни с экономическими, культурными и др. особенностями региона, а явилась следствием военно-политических амбициозных замыслов Центра и лично В. И. Ленина использовать новую республику и Черноморский флот в интересах создания «единого фронта вооруженной борьбы на Юге». При этом «провозглашению республики была дана лишь внешняя легитимность. Преследовались тактические цели борьбы с вооруженными силами стран Четверного союза и Центральной Рады...»

В своей обстоятельной работе исследователь подчеркивает, что планы Ленина в отношении Крыма не полностью разделялись всеми, кому они были известны и которые на конференции в Екатеринославе (16 марта) представителей Советской Украины, Крыма (А. И. Слуцкий и член Таврического ЦИК С. В. Хацко) и, вероятно, Донецко-Криворожской республики, добились принятия решения о формальном сохранении нейтралитета Крыма при одновременном оказании скрытой помощи в сопротивлении германским войскам, формально не нарушая Брестского мира, что не могло понравиться Ленину. Правда, в третьей декаде марта, когда Ленин убедился, что Германия не остановится перед оккупацией полуострова, сам же дав ей повод для этого, используя матросские отряды в Северном Причерноморье, он более всего был озабочен сохранением Брестского мира, а также Черноморского флота для Советской России. Поэтому, как считает Ю. В. Дубко, «на первом плане реализации ленинского плана Республика Тавриды выступает *de jure* как самостоятельное государственное образование, являясь *de facto* автономией в составе Советской России, выполняющей все указания центра. На втором этапе, ввиду изменения первоначального замысла Ленина, ССРТ и Черноморскому флоту обеспечивается дипломатическая защита со стороны Москвы».

По мнению автора, «если в целом «ленинский план создания единого фронта борьбы с германским вторжением» с тем, чтобы выиграть время, втянуть германские войска в бои и дать им «увязнуть на Украине», строился на реальных расчетах, то в отношении Республики

Тавриды он являлся авантюрой»²⁴⁷.

Первоначально органы свежееиспеченной республики действовали в значительной степени стихийно, вразнобой, утопая во множестве мелких дел. Не было четкой структуры власти, налаженных информационных каналов. Судя по всему, Совет Народных Комиссаров Республики Тавриды не имел своего собственного рабочего аппарата – его полностью заменял народный комиссариат внутренних дел, ведавший всей организационной работой по руководству как комиссариатами, так и местными советами. Заседания Совнаркома проходили без соответствующей подготовки. Не на должном уровне была дисциплина самих наркомов и исполнительская дисциплина на местах. Правда, служащие прежних институтов власти, устрешенные как перспективой остаться без средств к существованию, так и вероятностью репрессий, за немногим исключением не стали на путь саботажа.

Советы функционировали в апреле во всех уездах Тавриды, однако их влияние распространялось в основном на русскоязычное население. В большинстве своем тем же крымским татарам или немцам новая власть была чужда и непонятна.

Ревкомы, как параллельная власть, были официально упразднены. Однако продолжал свою деятельность военно-революционный комитет в Севастополе, нет данных о ликвидации ревкомов и создании советов в ряде населенных пунктов Крыма, в Евпатории в апреле функционировал Революционный совет десяти.

Нарком внутренних дел С. П. Новосельский пытался внести порядок в системе нормотворчества местных советов, но те зачастую игнорировали его указания. При этом левые эсеры крайне болезненно воспринимали какое-либо вмешательство в деятельность органов власти на местах, поскольку их программа предусматривала автономию областей, общин и т. п.

29 марта Совнарком Республики Тавриды направил всем советам разъяснение по поводу разделения полномочий между Таврическим ЦИК и СНК: «Центральный Исполнительный Комитет является верховным контролирующим органом Советской власти, перед которым ответственен и которому подотчетен Совет Народных Комиссаров. Центральный Исполнительный Комитет является политическим руководителем всех Советов и организованных в них масс.

Совет Народных Комиссаров ведет всю работу по проведению в жизнь начал и задач социалистического строительства и представляет их себя рабоче-крестьянское Советское правительство Советской Социалистической Республики Тавриды».

При этом некоторые члены СНК одновременно являлись членами Таврического ЦИК. Таким образом, получалось, что они сами себе были подконтрольны и подотчетны.

Развернулась национализация типографий и всей системы распространения прессы. Газеты партий, признанных контрреволюционными, и независимые закрывались. (Некоторые органы меньшевистского направления – меньшевистский «Прибой», эсеровский «Вольный Юг» – продолжали выходить, хотя и с перерывами). 27 марта было создано бюро печати Республики Тавриды, входящее в структуру Совнаркома²⁴⁸. Появился орган, руководивший печатью, отбором информационных материалов, а практически ведавший цензурой.

Однако большевики так и не смогли максимально зажать идеологические скрепы. В советах витийствовали, находя понимание среди населения, меньшевики, эсеры; у самих большевиков не было полного единства: левые боролись с «правыми», сторонниками Брестского мира; рабочие все чаще проявляли недовольство, так как власть оказалась не в состоянии выполнить щедро раздававшиеся обещания, а профсоюзы отстаивали самостоятельность. Стремление к монополизации власти наталкивалось на упорное противодействие крымчан.

По свидетельству Ю. П. Гавена, Таврический ЦИК опирался, прежде всего, на рабочих

завода А. А. Анатра – первого в Крыму национализированного (еще 27 декабря (ст. стиля) 1917 года) предприятия. «Рабочие мелких предприятий и верхушки профсоюзов были под доминирующим влиянием меньшевиков...»²⁴⁹. Не мог служить надежной опорой большевикам и Черноморский флот, численность матросов которого после демобилизации резко уменьшилась.

Деятельность учреждений Республики Тавриды была подчинена коренной задаче, провозглашенной в первых декретах советской власти, – преобразованиям в духе казарменного военного коммунизма. Основным экономическим рычагом перехода к коммунизму мыслилась тотальная национализация. В течение февраля – апреля 1918 года в собственность республики перешли: железнодорожный транспорт, торговый флот, многие предприятия, банки, связь, внешняя торговля, леса, крупные имения, имущество церковных и религиозных общин(!), гостиницы, постоялые дворы, меблированные комнаты, театры, кинематографы, музыкальные предприятия, аптеки (вскоре денационализированы), отчасти – типографии. 12 апреля декретом Совнаркома все недра земли и моря: руды, соль, воды, нефтяные источники – объявляются достоянием всего народа и Республики Тавриды.

Неумение управлять, безделье и хищения приводили к развалу налаженного производства, привычного населению быта. Рука об руку с конфискацией шли контрибуции, в том числе и изъятие вкладов населения. В Феодосии в результате такой политики разорились знаменитые табачные предприниматели братья Стамболи, вследствие чего, пишет историк, одного из них парализовало, а второй заболел нервным расстройством. Подобное происходило по всему Крыму.

Радикализм некоторых местных руководителей не знал пределов. Так, Балаклавский совет – Балаклавская коммуна (председатель И. А. Назукин), – получив 24 марта телеграмму СНК Республики Тавриды о передаче в его распоряжение контрибуции с буржуазии, отбил следующий ответ: «Балаклавский Совет, в отличие от всех остальных Советов Тавриды, проводит в жизнь основной принцип социализма – уничтожение классовой структуры современного общества. Балаклава больше не знает эксплуататоров и эксплуатируемых. Местная буржуазия, благодаря целому ряду декретов Совета, как класс перестала существовать. Все частные хозяйские предприятия перешли и переходят в руки Совета. Балаклава с каждым днем все более и более принимает вид и характер социалистической коммуны». Балаклавский совет национализировал дома стоимостью свыше 20 тысяч рублей, рыбные заводы, объявил переход в свою собственность всего урожая 1918 года, объединил профсоюзы, артели и приступил к «коммунизации населения» уезда²⁵⁰.

Подлинным бичом Крыма была в 1918 году безработица. Нарком труда, рабочий-печатник Ф. Шиханович, со всей энергией взялся за ее искоренение. Он понимал, что помощь безработным и вовлечение их в сельскохозяйственный труд проблемы не решат. «...Не в общественных работах вижу я спасение от безработицы, а в поднятии промышленности и производительных сил вообще»²⁵¹, – разумно рассуждал он. Другое дело, что политика «кавалерийской атаки на капитал» не поднимала, а разрушала производительные силы, поэтому безработица продолжала расти, усиливая социальную напряженность.

28 марта специальным декретом, инициированным Шихановичем, упразднились фабричные инспекции. В этот же день Совнарком принимает декрет об организации центрального и местного комитетов по борьбе с безработицей. 2 апреля нарком труда издает приказ о порядке найма и увольнения рабочих и служащих, который теперь осуществлялся исключительно через фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. Профсоюзы обязаны тщательно следить за исполнением закона о 8-часовом рабочем дне, о воспрещении аккордных, сверхурочных и праздничных работ, выделив для этого особые контрольные комиссии. За

неисполнение данного приказа, распространяемого на все частные и государственные предприятия, виновные должны нести ответственность перед Военно-революционным судом²⁵². 16 апреля декретом СНК вводится рабочий контроль на мельницах.

Не бездействовал и народный комиссариат просвещения, хотя далеко не каждая его инициатива реализовывалась на практике. Своим распоряжением он потребовал во всех городах и селах организовать бесплатные вечерние классы и при них школы грамоты для популяризации научных знаний²⁵³. В Ялте был открыт «солдатский университет». 15 апреля наркомпрос издал декрет о введении новой орфографии и правописания во всех учреждениях и типографиях Республики Тавриды²⁵⁴. Предпринимались меры по охране на местах памятников археологии, культуры и искусства, сохранению музеев и библиотек, в том числе частных лиц. К этой деятельности привлекались не только органы просвещения. Так, 17 апреля наркомат внутренних дел отдает распоряжение Ялтинскому уездному совету организовать охрану библиотеки и коллекции известного ученого, краеведа, инженера

А. Л. Бертье-Делагарда²⁵⁵. Кстати, еще 5 марта М. А. Волошин в уездном совете рабочих, военных и крестьянских депутатов получает «Охранительное свидетельство» о неприкосновенности своего дома, а 8 марта – в уездной земельной управе мандат, удостоверяющий, что «усадебное место с садом, огородом и домом» в деревне Коктебель «остаются в пользовании» «поэта-художника»²⁵⁶.

С 1916 года в число наиострейших для населения вопросов стал выдвигаться продовольственный. Весной 1918-го Крым еще мог себя обеспечивать (карточная система действовала только в Севастополе). Тем более важной считалась задача поставок сельхозпродукции в центральные районы, на чем самым активным образом настаивала Москва, засыпая Симферополь телеграммами.

Сколько же хлеба было вывезено из Крыма? Ю. П. Гавен дает цифру 3,5 миллиона пудов (с середины января до середины апреля 1918 года)²⁵⁷. Современный исследователь – 5 миллионов пудов²⁵⁸. Реквизиции, сопровождавшие выполнение поставленной центром задачи, донельзя раздражали крестьянство. Справедливости ради отметим, что центр пытался вести натуральный продуктообмен с Тавридой. Но об его эквивалентности говорить не приходится. На съезде советов Таврической губернии сообщалось: на полуостров прибыло 14 вагонов мануфактуры и обуви. Как видим, цифровые показатели явно несопоставимы.

Выкачка продовольствия из Крыма неминуемо вела к серьезнейшему кризису. Наркомат земледелия пытался улучшить ситуацию. Чтобы снабдить крестьян семенным материалом для посева началось его изъятие у «кулаков». Однако их обложение дало приблизительно 600 пудов семян, чего явно было недостаточно. Для сохранения племенного скота Феодосийский совет запретил убой телят, не достигших двухлетнего возраста.

Попытка наркома по продовольствию левого эсера А. В. Столяра приостановить отгрузку хлеба для отправки на север для создания шестимесячного запаса в Тавриде привели к окрику наркома продовольствия РСФСР А. Д. Цюрупы с обвинением в «узком сепаратизме Крымской республики» и снятию Столяра с должности²⁵⁹, на которую 8 апреля был назначен большевик И. Ф. Федосеев, столяр по профессии.

Кризис коснулся и всей экономики края в целом. Были остановлены практически все крупные предприятия, в том числе Севастопольский морской завод и завод А. А. Анатра. Чтобы не допустить полного развала железнодорожного транспорта нарком путей сообщения левый эсер С. Коробцов 1 апреля внес на рассмотрение Совнаркома Республики Тавриды вопрос о диктатуре на железных дорогах. Для его решения традиционно создана комиссия, в которую, помимо самого Коробцова, вошли председатель СНК А. И. Слуцкий и нарком внутренних дел С. П. Новосельский, но до падения Республики Тавриды эту диктатуру так и не смогли

ввести²⁶⁰.

Из сказанного ясно, что реализация поставленных руководством республики целей сама по себе требовала укрепления репрессивного аппарата. К этому подталкивали террористические акты (в марте был убит начальник Симферопольского революционного штаба С. В. Хацко, в апреле – комиссар продовольствия Симферопольского совета П. Р. Глазьев). Нарком юстиции левый эсер В. Гоголашвили заявляет о ликвидации института мировых судей, на смену которым должны прийти избираемые – а на практике зачастую назначаемые, народные судьи. Советы получают право выдвигать комиссаров по судебным делам при местных судах. В их компетенцию входили: надзор за судебными учреждениями и местами заключения, право ареста, санкция на арест, надзор за следственными комиссиями при ревтрибуналах. Согласно декрету СНК и наркомюста, обвинение по делам о контрреволюции, саботаже, мародерстве и спекуляции должно было быть подготовлено не более чем за двое суток. Следствию, таким образом, предполагалось придать предельно упрощенный характер, что способствовало бы его все большему соскальзыванию на простор «революционной целесообразности», мало чем отличимой от террора.

Правда, Ю. В. Дубко справедливо отмечает, что соответствующий декрет наркома юстиции был проведен через Совнарком на вечернем заседании в ночь с 30 на 31 марта. Требовалось время на доведение его до сведения заинтересованных учреждений и местных властей. Между тем, в связи с вторжением на полуостров германских и украинских войск 20 апреля органы государственной власти и управления в Симферополе уже прекратили свою деятельность. Окружной суд в своем прежнем составе и институт мировых судей продолжали функционировать и после принятия декрета. Сам же В. Гоголашвили 29 марта вносит на рассмотрение Совнаркома вопрос об утверждении сметы в сумме 22 тыс. рублей для служащих Окружного суда, видимо, предполагая его дальнейшую деятельность. Не прекратили своей работы и мировые судьи. Только в середине апреля большевики предложили свой список кандидатов на должности мировых судей в Симферополе. Все судебские должности должны были занять большевики и лишь одну – левый эсер²⁶¹.

Еще в феврале был создан комиссариат тюрем. На мартовском губернском съезде приветствовалось, что комиссариат «сумел поставить дело так, что тюрьма представляет из себя не место наказания, а место признания своей виновности»²⁶². Что бы ни имели в виду авторы подобных заявлений, но ими, фактически, следователю давался карт-бланш на выколачивание «признания» любыми способами.

ЧК в Республике Тавриды не создавали. Вместо нее действовала следственная комиссия из пяти человек под председательством некоего Компанийца. Как вспоминал И. К. Фирдевс, тот впоследствии оказался провокатором и как будто был расстрелян в Ейске. Сам Фирдевс входил в состав данной комиссии до организации Трибунала во главе с Шаталовым, уходя, он поставил вопрос о снятии Компанийца с должности «по подозрению его в том, что он бывший жандармский офицер, что и оправдалось потом»²⁶³.

Судебные меры наказания, даже за малозначительные проступки, все чаще уступают место чрезвычайным. Все активнее выступает ревтрибунал, например, при наказаниях за продажу спиртного. Виноторговля приравнивается к контрреволюционной преступной деятельности, а ее клиенты – к пособникам классовых врагов (распоряжения наркома финансов А. И. Коляденко). И это в крае развитого виноделия, где торговля вином зачастую являлась основным доходом его производителя!

Сильный удар по престижу Таврического ЦИК нанесла политика, навязанная его председателем Ж. А. Миллером, который, как пишет Ю. П. Гавен, «разрешил отрядам производить самостоятельно (по усмотрению штабов) и помимо судебных органов обыски,

массовые изъятия ценностей, что влекло за собой разложение этих слабо дисциплинированных отрядов и озлобление среди населения»²⁶⁴.

Основным направлением деятельности Совнаркома Республики Тавриды было решение разного рода финансовых вопросов, прежде всего распределение кредитов. Отсутствие необходимых знаний и опыта у наркома финансов бывшего матроса А. И. Коляденко, правда, успевшего побывать губернским комиссаром финансов, да и у других наркомов, неумение найти выход из создавшегося положения приводили к тому, что эти вопросы занимали безумное количество времени и препятствовали разрешению других проблем. Следует иметь в виду, что Таврический ЦИК получил из Центра помощь в размере 49 млн рублей²⁶⁵.

Чтобы компенсировать работникам реальные потери в заработной плате, СНК Республики Тавриды, наркомат труда стали пересматривать должностные оклады, делали всякого рода надбавки, выдавали авансы, отпускали пособия. Это не могло не спровоцировать новых витков инфляции. С целью ее обуздания вводились фиксированные цены на товары, что способствовало созданию их дефицита.

Хотя в составе Совнаркома имелось два крымских татарина – И. К. Фирдевс (нарком иностранных дел и по делам национальностей) и И. С. Идрисов, его помощник, практически не уделялось места решению национальных проблем, в том числе и обострившегося крымско-татарского вопроса. Правда, наркомат включал комиссариат по крымско-мусульманским делам, но он лишь приступил к созданию подобных комиссариатов в городах, уездах и волостях, оказывал финансовую поддержку крымско-татарским учебным заведениям, пытался начать формирование интернациональных отрядов Красной армии. Наркомат предлагал переводить на татарский язык важнейшие декреты и приказы. Организовывались комиссариаты по армянским и польским делам. Последний возглавил «весьма солидный старый коммунист т. Бурхарт». В отношении других национальностей, проживающих на полуострове, каких-либо мер вообще не принималось. Фирдевс констатировал: «Работа среди национальных меньшинств почти отсутствовала. Большевиков из национальных меньшинств было крайне мало: чуть ли во всем Крыму было всего в организации один татарин...», т. е. сам Фирдевс²⁶⁶.

22 марта от имени Совнаркома и Таврического ЦИК правительства Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии были уведомлены о том, что «Таврическая Советская Республика принимает условия мирного договора, заключенного между правительствами центральных империй и Советом Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики»²⁶⁷. Державы Четверного союза, понимая бутафорский характер созданной республики, не вступали с ее руководством в переговоры, несмотря на наличие на территории полуострова австрийских военнопленных, порученных заботам наркомата иностранных дел и по делам национальностей, выдававшим германским, австро-венгерским и турецким подданным охранные удостоверения.

Как сообщала «Феодосийская Советская Газета», 10 марта²⁶⁸, еще до официального провозглашения Республики Тавриды, в Феодосию прибыла турецкая делегация.

М. А. Волошин с сарказмом описывает этот визит «турецкого посольства». Турки объявились на двух миноносцах с умирающими от голода русскими военнопленными. Местный совет устроил обед, «но не голодающим, а турецкому посольству». «Турки были корректны, в мундирах и орденах. Был произнесен ряд речей.

– ...Передайте вашей турецкой молодежи и всему турецкому пролетариату, что у нас социалистическая республика... (...).

Таких речей было произнесено 6–7. После каждой турецкое посольство вставало и отвечало одной и той же речью:

«Мы видим, слышим, воспринимаем. И с отменным удовольствием передадим обо всем, что мы видели и слышали, его Императорскому Величеству – Султану»²⁶⁹.

Страны Антанты сохранили консульства в Крыму, продолжавшие осуществлять свою деятельность. В феврале на полуостров прибыла, возможно, с разведывательными целями, английская миссия во главе с полковником Бейлем. Но крымские власти не вступали в переговоры с представителями Антанты²⁷⁰.

Украинская Народная Республика официально претендовала на северные уезды Таврической губернии без Крымского полуострова, но была крайне заинтересована в Черноморском флоте, активно проводя его украинизацию. Существование Республики Тавриды УНР игнорировалось. Телеграммы и письма, посылаемые ее властными структурами в Крым на украинском языке, адресовались «Губерніальному комісару на Таврії» (без указания фамилии), либо конкретным учреждениям. Зачастую эти послания носили достаточно странный характер. Так, отдел государственного коннозаводства Департамента сельского хозяйства Министерства земельных дел УНР 3 апреля требует от управляющего Государственной Таврической конюшней «негайно змінити усі надписи, котрі торкаються інституції, з руської на українську мову, а також рівночасно усе діловодство дорученої Вамінституції впровадити на українській мові». 16 апреля отдел православной церкви Департамента исповеданий Министерства внутренних дел УНР просит «Губерніального комісара на Таврії», «не втручаючись во внутрішнє життя православної церкви, пильно доглядати, аби духовенство виконувало розпорядження про поминання на службі Божій по церквам Держави та Влади української (а не Російської) (в документе подчеркнуто красным. – *Авт.*) . Про випадки, де в церквах не буде виконуватись це розпорядження, Департамент прохає негайно сповістити його»²⁷¹. Разумеется, внимания на подобные указания не обращалось, и они не исполнялись.

Правда, в середине апреля 1918 года в Симферополь был откомандирован чиновник для создания филиала Информационного бюро Министерства внутренних дел УНР, в функции которого входило ознакомление с политикой украинского правительства населения Крыма и проведение иных мероприятий, направленных на его сближение с властями Украины²⁷².

Не получили развития и отношения между Республикой Тавриды и Советской Украиной. В первых числах апреля 1918 года, когда Народный секретариат (правительство) Украины вынужден был переехать в Таганрог, у председателя ЦИК Советов Украины В. П. Затонского возникла идея создания «Южной Советской Федерации», в состав которой предполагалось включить Советскую Украину, Донскую, Кубанскую республики и Республику Тавриды. Это предложение не встретило поддержки ни И. В. Сталина, ни председателя СНК Советской Украины Н. А. Скрыпника. Позиция руководства Республики Тавриды по данному поводу не известна.

Интересно отметить, что в Республике Тавриды существовал институт гражданства. Наркомат иностранных дел и по делам национальностей установил порядок принятия этого гражданства иностранноподаными и выдавал соответствующие удостоверения²⁷³.

Уже на первом же заседании СНК Республики Тавриды был рассмотрен вопрос об организации военно-морского комиссариата. Этот коллегиальный орган, созданный декретом Совнаркома 26 марта, являлся продуктом компромисса между руководством республики и Центрофлотом. В него входили Ю. П. Гавен, Н. А. Пожаров, матрос А. П. Шерстобитов, левые эсеры В. Б. Спиро и Ермилов. Также в состав комиссариата был включен представитель Севастопольского порта, рабочие которого зачастую по ряду вопросов имели особое мнение, отличное от позиции Центрофлота. Фактически вооруженными силами Республики Тавриды одновременно руководили находившиеся в Севастополе военно-морской комиссариат, Центрофлот и военно-революционный штаб (преобразованный из Южного комитета защиты

социалистической революции), возглавляемый М. М. Богдановым. Важнейшие решения принимались на совместных заседаниях.

26 марта СНК Республики Тавриды принимает решение о том, чтобы местные советы срочно провели революционный призыв саперов и артиллеристов, объясняя его необходимостью обороны и сохранения нейтралитета, сделали разверстку 1000 лошадей и мобилизовали на оборонные работы 2 % буржуазии. На следующий день от имени СНК и Таврического ЦИК разослана соответствующая телеграмма местным советам, в которой подчеркивалось, что возраст представителей призываемой буржуазии должен быть от 18 до 30 лет, и направлять ее надобно в Чонгар. Инженерные части и лошадей необходимо доставлять в Севастополь. Съезд советов Балаклавы и окрестностей уже 28 марта одобрил эти меры, указав на необходимость привлечения буржуазии к рытью окопов без ограничений по возрасту и не двух процентов, а всех способных к земляным работам, а Ялтинский совет

29 марта, всецело поддерживая решения СНК, предложил мобилизовать в первую очередь буржуазию с 18 до 45 лет, но взять на учет всех, высылая мобилизованных по мере требований Совнаркома²⁷⁴. Подобные инициативы с мест открывали путь к поголовной мобилизации. Для многих больных и старых это означало верную смерть. К счастью, до такого безумия дело не дошло.

В Феодосии объявленная советом мобилизации на фронт буржуев (без различия возраста, включая учителей и гимназистов) привела к тому, что 18 апреля с акциями протеста выступили профсоюзы металлистов, фабричных и портовых рабочих, сапожников, инвалидов и др. Пришлось ее отменить²⁷⁵.

В целом руководство Республики Тавриды уделяло вопросам обороны полуострова недостаточное внимание. В этом вопросе не было единой точки зрения в областном комитете РКП(б) и СНК. По воспоминаниям И. К. Фирдева: «Тов. Новосельский, Слуцкий и некоторые другие товарищи говорили: «немцы подавятся и тем, что захватили, не могут добраться до Крыма». Многие думали, «что немцы или сами останутся, или их остановят, или, наконец, их армия разложится, пока она докатится до Крыма». Отсюда делались выводы о перенесении центра тяжести работы на организационные укрепления Сов-власти». Сам Фирдевс, Ж. А. Миллер и Я. Ю. Тарвацкий «легко допускали возможность занятия Крыма немцами и отсюда делали соответствующие выводы», но касались они не укрепления обороноспособности, а «правильно-организованной и своевременно подготовленной эвакуации»²⁷⁶. Даже когда германские войска находились у Перекопа прибывшие в Севастополь на совещание военно-морского комиссариата А. И. Слуцкий, С. П. Новосельский и И. К. Фирдевс питали надежды на выполнение Германией условий Брестского мира и доказывали бесполезность сопротивления с имеющимися ресурсами.

Однако военно-морской комиссариат, военно-революционный штаб и Центрофлот понимали опасность вторжения и, по мере сил, стремились принимать соответствующие меры. Позиция левых эсеров заключалась в лозунге – воевать до последней капли крови! Было бы чем.

Несмотря на демобилизацию флота, личный состав кораблей «первой линии» достигал всего 7–8 тысяч человек. Численность сухопутных сил доходила до 3,5–4 тыс. человек. Добавим к этому вооруженные силы, сформированные местными советами. По данным Ю. В. Дубко, всего в республике с учетом личного состава Черноморского флота в марте – апреле 1918 года были созданы отряды и части общей численностью до 30 тыс. человек²⁷⁷. Однако нам эта цифра кажется сильно завышенной. Сами крымские работники могли рассчитывать, по их мнению, на 2,5 тысячи боеспособных, на основании чего делали вывод о невозможности сопротивления оккупантам²⁷⁸, к тому же, судя по дальнейшим событиям, использовались

воинские части нерационально, да и боеспособность их в целом была не на самом высоком уровне.

В результате названных разногласий и общей неразберихи не подготовились, как следует, ни к обороне, ни к эвакуации.

Положение правительства Тавриды также крайне осложнилось неконтролируемостью ситуации в ряде районов полуострова. Германское наступление активизировало противников советской власти. В начале апреля, в ходе перевыборов, эсеры и меньшевики, пользуясь поддержкой недовольных рабочих, сумели завоевать большинство в Севастопольском совете. В ответ большевики, левые эсеры и польские социалисты сформировали чрезвычайный временный революционный совет. Результатом стало двоевластие. 12 апреля Центрофлот, возглавляемый эсером С. С. Кнорусом, сторонником украинизации, объявил город и флот на военном положении и взял власть в свои руки, дабы предотвратить военные столкновения. Повторные выборы большевики снова проиграли.

Меньшевики подчиняют себе и Евпаторийский совет. Здесь, а также в Симферополе возобновляют работу городские управы, отменяющие декреты Республики Тавриды. Большевики, стремительно терявшие авторитет и не имеющие массовой поддержки, уже ничего не могут с этим поделать.

Хотя и не в массовом количестве, как ранее, но продолжались бессудные расправы. Зачастую они сопровождались ограблением жертв. Так, в Ялте без какого-либо разбирательства были схвачены два торговца из крымских татар – Осман и Мустафа Велиевы. Их увезли на автомобилях в Ливадию и там, на шоссе, обобрали и убили. «Ограбленные были брошены в виноградники. У Османа Велиева оказалось несколько штыковых ран и была вырезана грудь, а у брата его Мустафы голова была раздроблена ударами приклада. Один из убийц, красноармеец Меркулов, на вопрос сестры убитых, где увезенные братья, ответил: «Мы их убили, как собак»²⁷⁹.

Понятно, что подобные акты не могли улучшить отношения крымско-татарского населения к большевикам. Конфликт между ними обострялся. Не было забыто январское кровопролитие. Вызывали отторжение огульная национализация, трансформация имений в совхозы, коммуны, артели, несмотря на желание крестьян разделить эту землю поровну, продовольственная диктатура, насильственные мобилизации и пр.

М. Хайретдинов после падения Республики Тавриды показывал следственной комиссии Курултая: «Большевики также хорошо знали, что их декреты не имели для татар особенного значения и не проводятся в жизнь. Кроме того, несмотря на упорные требования военных комиссаров, ни один татарин не записался в Красную армию и при мобилизации специалистов ни один татарин не пошел служить. Все эти обстоятельства давали большевикам чувствовать, что татары относятся к ним не только не сочувственно, но даже враждебно»²⁸⁰.

Ему вторит П. Н. Врангель: «Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореизе был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним»²⁸¹.

Межнациональные отношения на полуострове оставались сложными. Стычки продолжали сотрясать различные уголки Крыма. Вновь прокатились греческие и татарские погромы.

18–19 апреля началось германское вторжение в Крым. Никакого серьезного сопротивления на Перекопе встречено не было. Параллельно, стараясь опередить немцев, вела наступление Крымская группа войск УНР под общим командованием подполковника Петра Болбочана.

Стоило германским и украинским частям подойти к Перекопу, а советской власти – перейти к защите, как на побережье от Судака до Ялты и в горном Крыму, где подавляющую

часть населения составляли крымские татары, стычки стали перерастать в вооруженные выступления. В двадцатых числах апреля разгорается крымско-татарское восстание, которое сами участники называли «народной войной»²⁸².

Немцы, что бесспорно, были прекрасно осведомлены о деталях происходящего. Свою версию выдвигает В. А. Оболенский. «Ведь если немцы действительно в Симферополе, – рассуждал он, – то завтра или послезавтра они будут на Южном берегу и займут вообще весь Крым без сопротивления. Зачем же при таких условиях татарам было устраивать восстание, которое до прихода немцев могло стоить немалой крови?»

Впоследствии, познакомившись с политикой немцев в Крыму, я понял, что это восстание было делом рук немецкого штаба. Немцам, стремившимся создать из Крыма самостоятельное мусульманское государство (так ли? – *Авт.*), которое находилось бы в сфере их влияния, нужно было, чтобы татарское население проявило активность и якобы само освободило себя от «русского», т. е. большевистского ига. Из победоносного восстания, естественно, возникло бы татарское национальное правительство, и немцы делали бы вид, что лишь поддерживают власть, выдвинутую самим народом»²⁸³.

Восстание набирало силу. Центром его являлась Алушта, «где организовавшийся в ночь на 22 апреля мусульманский комитет фактически взял всю власть в свои руки»²⁸⁴. Председателем этого комитета избран М. Хайретдинов. Здесь же был организован штаб повстанцев во главе С. М. Муфти-заде. Восставшие утвердились в деревнях Кучук-Узень (ныне Малореченское), Шуме (Верхняя и Нижняя Кутузовка), Демерджи (Лучистое), Корбеке (Изобильное), Биюк-Ламбате (Малый Маяк) – все нынешнего Алуштинского горсовета. Вместе с проникшими на побережье украинскими военными они двинулись в сторону Ялты, занимая расположенные здесь населенные пункты (вплоть до Никиты и Массандры).

Показателен эпизод, имевший место в деревне Кизилташ (ныне Краснокаменка Ялтинского горсовета). Он расследовался после падения власти большевиков исполняющим обязанности судебного следователя И. А. Буниным. Числа 21–22 апреля в деревню прибыло «два автомобиля с вооруженными офицерами, украинцами и татарами. Они, обратившись к собравшимся, объявили им о занятии Симферополя германцами и убеждали их организовать отряды и наступать на Гурзуф и Ялту с целью свержения власти большевиков»²⁸⁵. На следующий день к Гурзуфу через Кизилташ проследовал украинско-татарский отряд численностью до 140 человек.

Повстанцы также контролировали деревни Коуш (Шелковичное, ныне не существует), Улу-Салу (Синапное), Шуру (Кудрино) нынешнего Бахчисарайского района. Антибольшевистские выступления произошли в Феодосии, Судаке, Старом Крыму и Карасубазаре. В трех последних городах повстанцам удалось захватить власть. Председатель Судакского ревкома Суворов был арестован и зверски замучен²⁸⁶. Движение охватило значительную территорию горного Крыма и южного побережья²⁸⁷.

Татары обрушили гнев не только на большевиков, но и на христианское население, с которым они отождествляли советскую власть.

Повстанцы как будто были неплохо организованы. По свидетельству Дж. Сейдамета, «вступив в Крым, немцы застали здесь не только татарские военные силы, которые почти всюду шли в авангарде немецкой армии против большевиков, но и татарские организации даже в маленьких деревушках, где их приветствовали национальными флагами»²⁸⁸.

После прорыва германскими и украинскими частями перекопских позиций руководство Республики Тавриды думало только о выезде из Крыма. 20 апреля началась суматошная эвакуация Симферополя. Часть руководства бежала на восток. Ей удалось спастись. Часть же направилась на юг с надеждой перебраться в Новороссийск. Оказавшись в Ялте, эта группа

созвонилась с Алуштой, откуда сообщили, что в городе якобы «тихо и спокойно». Направившиеся на автомобилях в сторону Феодосии члены руководства республики А. И. Слуцкий, Я. Ю. Тарвацкий, С. П. Новосельский, А. И. Коляденко, И. Финогенов, И. Н. Семенов, С. С. Акимочкин и два члена Севастопольского совета А. А. Бейм и Баранов были схвачены 21 апреля у Биюк-Ламбата повстанцами и отправлены в Алушту. 22 и 23 апреля во время допросов арестованные подверглись пыткам и издевательствам, после чего 24 апреля расстреляны в балке близ Алушты. В живых остались тяжелораненые Акимочкин и Семенов²⁸⁹.

Полностью сожжена греческая деревня «Актузой» (так в источнике), ее население, включая детей, вырезано. Это стало сигналом, «по которому началась резня греков, русских, армян и в других деревнях на территории восстания»²⁹⁰. «В деревнях Кучук-Узень, Алушта, Корбек, Б.-Ламбат, Коуш, Улу-Сала и многих других расстреливают и истязают десятки трудящихся русских, греков и т. д. В эти дни в алуштинской больнице была собрана целая коллекция отрезанных ушей, грудей, пальцев и пр.»²⁹¹. Заместитель председателя Таврического ЦИК И. Н. Семенов, чудом избежавший смерти во время расстрела, позже писал: «Ночью с 23 на 24 апреля русские, жившие в окрестностях Алушты, подверглись нападению со стороны татар; было вырезано несколько семейств, всего около 70 человек. Русские жители, пережившие ужасную ночь, к следующей ночи стали собираться группами и вооружаться, чтобы защититься в случае повторного нападения»²⁹².

Однако севастопольские матросы еще пытаются сопротивляться. Вокруг города создается кольцо обороны. Наступающих повстанцев остановили пулеметы у Массандры. Свою роль в провале наступления также сыграл и тот факт, что украинские офицеры, разгромившие в районе Алушты винный подвал, основательно нагрузились краденым вином. После чего они пытались участвовать в налете на Ялту, завершившимся захватом денег в имении Массандра, часть из которых увезли в Симферополь²⁹³.

В Ялту из Севастополя прибыл миноносец «Гаджибей» с десантным отрядом, который, включив в свой состав местных красногвардейцев, двинулся на Алушту. Как и в январе

1918 года, его поддержали греки. 23 апреля в 12 километрах от Ялты татарские повстанцы были разбиты. По словам М. Хайретдинова, «наш отряд, нигде не оказавший сопротивления, отступал до самой Алушты, оставляя на произвол большевиков все татарские деревни между этими городами»²⁹⁴.

Свидетельница Лидия Ломакина рассказывала упоминавшемуся следователю И. А. Бунину о событиях в Кизилташе: «...Подступив к деревне, красногвардейцы и греки поставили в разных пунктах на шоссе пулеметы и начали обстреливать деревню; одновременно с тем ими произведены были поджоги... в тот же день началась ловля татар красногвардейцами и греками и стрельба по ним; через два-три дня после того деревня была подожжена в центре... пожар распространился на всю так называемую Старо-Мечетную часть Кизилташа, в коей выгорело до 20 домов; пожаром уничтожено и все находившееся в них имущество». Население в страхе разбегалось. Свидетель констатировал, что «небольшая шайка красногвардейцев из греков г. Гурзуфа... терроризировала жителей деревни, производя убийства и расстрелы татар, поджоги их домов, разграбление имущества и прочие насилия...» В селении расстреляли 13 жителей. Их трупы были обнаружены в могилах и общих ямах обезображенными, «у некоторых... обрезаны уши и носы, разбиты прикладами головы...»; заметно было, что их избивали камнями²⁹⁵.

«В Гурзуфе было убито более 60 стариков-татар, трупы брошены незарытыми на дорогах, улицах, в виноградниках. Родственникам, решившимся разыскивать своих убитых близких, нередко приходилось прекращать поиски из-за угроз красноармейцев. Совершение погребений было опасным, не было пощады даже духовным лицам: в Гурзуфе и Никите были убиты во время погребального богослужения два муллы»²⁹⁶.

Подошедший к Алуште «Гаджибей» обрушил на город артиллерийский огонь (на обратном пути его обстрелу подверглись прибрежные селения). Повстанцы окончательно потеряли боевой дух и стали разбредаться. Их штаб распался, Муфти-заде спешно покинул город. Попытки Хайретдинова организовать оборону завершились провалом. 24 апреля красногвардейцы вошли в Алушту. Этот день, – пишет современник, – «является одним из печальнейших дней в истории уродливой большевистско-татарской борьбы. После обстрела Алушты артиллерийским огнем с миноносца разъяренные гибелью комиссаров (Республики Тавриды. – *Авт.*) матросы, сломав сопротивление восставших, ворвались в городок. Рассыпавшись в погоне за отступавшими по его узеньким улицам, они рубили без разбора всех попадавшихся им навстречу татар»²⁹⁷. Разгулялись дикие инстинкты. По словам очевидца, «когда здесь увидели те зверства, которые были проделаны националистами-татарами в ночь с 23 на 24 апреля, – все взялись за оружие, даже в санатории не осталось ни сестер, ни сиделок»²⁹⁸.

«Татарское население Алушты и окрестных деревень, побросав свои очаги, бежало в горы и скрывалось там вплоть до того момента, когда матросские отряды, прошедшие с боем почти до Симферополя, были оттянуты в Ялту, а Алушту 27 апреля занял эскадрон немецких улан», – продолжает В. А. Елагин²⁹⁹.

Теперь – свидетельства алуштинских татар. Группа красногвардейцев ворвалась в дом Бекира Мемедова, где пряталось несколько жителей, и потребовала выдачи якобы скрывавшихся в доме эскадронцев. «Им заявили, что никаких эскадронцев нет, после чего они сделали обыск. Один из красногвардейцев – грек, ругаясь, стоя у лестницы, сказал, что вы еще будете воевать 100 раз, но за каждого убитого грека убьем 100 татар – весь Гурзуф мы перебили и вас всех сейчас перережем». Семеро мужчин были уведены в неизвестном направлении, и больше их никто не видел³⁰⁰.

Согласно показаниям Хафиза Шамрата следственной комиссии Курултая, «всем раненым лазаретов в количестве 600 человек было роздано оружие и, кроме того, были вооружены все рабочие города и окрестностей. Они кричали: «давай татар!» (...) Греки вооруженными ходили по домам и уводили татар»³⁰¹.

По словам И. К. Фирдевса, «началась форменная война между татарами и уходящей Соввластью. Наши десантные части тогда дошли до самого Мамут-Султана (с. Доброе Симферопольского района) в 12 верстах от Симферополя»³⁰².

Антитатарские погромы зафиксированы также в Никите, Дерекое (ныне часть г. Ялты), Ялте, Алушке и более мелких поселках.

В Феодосии части красногвардейцев и матросов с помощью миноносцев «Фидониси», «Звонкий» и «Пронзительный» легко подавили татарское выступление. Отсюда два красногвардейских отряда были направлены в Судак. П. Новикову, командиру одного из них, удалось убедить восставших сложить оружие (пожалуй, единственный случай мирного разрешения ситуации во время этих кровавых событий). Однако виновные в убийстве Суворова были наказаны³⁰³. Большевики вновь завладели Старым Крымом и Карасубазаром. Из Бахчисарая на подавление повстанцев в окрестных селах

29 апреля также брошены красные части. В отдельных районах полуострова восстание продолжалось до 30 апреля, до окончательного падения Республики Тавриды.

Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, обобщив факты, собранные следственной комиссией Курултая (расследование в 1918 году проводило еще и Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича), летом 1919 года в Екатеринодаре сделала заключение: «За два-три дня апреля месяца убито мирных жителей более 200, уничтожено имущества, точно зарегистрированного, на 2 928 000 рублей. Общий же ущерб, причиненный

большевиками татарскому населению Алушты, Кизильташа, Дерекоя, Алупки, более мелких поселков, по приблизительному подсчету, превышает 8 000 000 рублей. Тысячи жителей оказались нищими»³⁰⁴. Однако отметим, что все эти расследования носили односторонний характер, не выявив целостной картины трагедии.

Этноконфессиональный конфликт же пока не завершился. С падением Республики Тавриды и оккупацией всего полуострова германскими войсками (украинские части по настоянию германского командования были выведены из Крыма) на малочисленных христиан селений Южного берега (в основном греков) обрушился настоящий террор.

В. А. Оболенский вспоминал: «Вечером мы смотрели на зарева вспыхнувших по всему южному берегу пожаров. Татары мстили греческому населению за кровь убитых братьев. Немало греков было убито в тот вечер, а все их усадьбы разграблены и сожжены. Когда через два дня я уехал в Ялту, то насчитал вдоль шоссе около десятка курящихся еще пожарищ. А по дорогам целой вереницей двигались фуры со всяким скарбом, с заплаканными женщинами и черноглазыми детьми. Коровы, привязанные сзади за рога, упирались и мычали, овцы пылили и испуганно, прижавшись друг к другу, жалобно блеяли...»³⁰⁵.

Весной – летом 1918 года татаро-греческий конфликт охватил весь Южный берег. В марте следующего года, после ходатайств властям от пострадавших греков, требовавших возмещения убытков, журналисты «Крымского Вестника» предприняли попытку разобраться в происшедшем. Столетиями татары и греки жили бок о бок, хотя и не без трений. Но «до сих пор Крым не знал национальной ненависти... И вдруг, словно по мановению волшебного жезла, все это моментально изменилось и на смену мирного сожительства явилась какая-то смертельная ненависть, не находящая ни примеров, ни причин»³⁰⁶.

Дело дошло до «священных» призывов к истреблению греков. «...Было уничтожено и захвачено татарами много греческих имуществ, и погибло несколько десятков греков, в том числе дряхлые старики и малые дети. (...) На всем побережье между Ялтой и Алуштой не осталось сейчас *ни одного греческого семейства*... (курсив наш. – Авт.)»³⁰⁷. «...Не уцелело ни одной табачной плантации греков, ни одного их дома – все подверглось разрушению»³⁰⁸.

Греки фактически изгонялись с Южного берега и части горного Крыма, их имущество грабилось. Семена вражды были посеяны надолго, и когда в Крыму высадились греческие войска (конец 1918-го – начало 1919 года) татары, не без оснований опасались репрессий, которые, впрочем, не последовали. В марте 1919 года поднимался вопрос о создании беспристрастной комиссии по выявлению всех обстоятельств происходящего, определению ущерба, нанесенного грекам, и его возмещению, но Крымское краевое правительство

С. С. Крыма (подробно о нем будет рассказано ниже) уклонилось от ее создания. Последствия этого этноконфессионального конфликта ощущались еще в начале 1920-х годов.

В период вторжения германских и украинских войск в степном Крыму на красные части нападают вооруженные отряды немцев-колонистов, снабжая наступающих сведениями разведывательного характера³⁰⁹. В Симферополе «стала сильно проявлять себя антисемитская агитация»³¹⁰.

Тем временем красные части предприняли известный контрудар в направлении Бахчисарай – Симферополь, несколько задержавший наступление противника. Но это уже не могло изменить ситуацию. Если Ю. П. Гавен и военно-морской комиссариат были сторонниками активного сопротивления, то в Севастопольском совете доминировали умеренные, считавшие оборону бессмысленной. 25 апреля Центрофлот телеграфировал Центральной Раде: «1) Немедленно заключить перемирие, для чего мы, получив ваше на то согласие, приложим все старания остановить все войска в тех пунктах, где они находятся; 2) Выслать делегатов, которые, сговорившись о продлении перемирия, немедленно начнут

выяснение всех спорных вопросов и предотвращение дальнейшего братоубийства. Мы просим дать ответ как можно скорее, ибо каждая минута уносит человеческие жертвы из-за того, что может быть покончено мирно»³¹¹.

В тот же день делегация севастопольцев отправилась в Симферополь, где заявила, что город сдается. Три дня продолжалась эвакуация, и два дня отступавшие по прибрежному шоссе и морю продвигались к Феодосии и Керчи и далее – на Кавказ. По пути они нещадно обстреливали татарские селения.

30 апреля – 1 мая, не встречая никакого сопротивления, оккупанты вошли в Севастополь.

История Республики Тавриды завершилась. Парадокс, но масса крымского населения ни сном ни духом не ведала, что живет в этой республике. Многие населенные пункты полуострова оказались практически оторванными от городских центров. Все знали только одно – в Севастополе и Симферополе большевики.

Судьба Черноморского флота до последнего момента оставалась неясной. Военный совет Советской Республики 25 марта 1918 года приказал эвакуировать его в Новороссийск. На флоте между тем шли непрерывные дебаты и развертывались коллизии, вдаваться в суть которых не входит в наши намерения.

В ночь с 29-го на 30 апреля ряд судов покинул Севастополь, направляясь в Новороссийск. 30 апреля под обстрелом противника ушло еще несколько кораблей. Суда, оставшиеся в Севастополе подняли украинские флаги. Попытки передать флот Центральной Раде при условии сохранения его боеспособности и демократических порядков, к чему готовы были и командующий контр-адмирал М. П. Саблин, и председатель Центрофлота С. С. Кнорус, были пресечены германским командованием. Над кораблями взвились военно-морские флаги Германии.

11 мая 1918 года Германия потребовала немедленного возвращения в Севастополь кораблей Черноморского флота, угрожая продолжить наступление. Протест В. И. Ленина успеха не возымел. Тогда 28 мая Ленин секретной директивой приказал М. П. Саблину эти суда затопить, но тот отказался и по вызову советского правительства отбыл в Москву. Советское руководство 12 июня дало открытым текстом радиотелеграмму в Новороссийск, предписывающую вернуть суда в Севастополь и сдать германскому командованию. 13 июня шифровкой за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова исполняющему обязанности начальника Морских сил Черного моря капитана 1-го ранга А. И. Тихменеву, командиру «Воли», приказывалось открытую радиотелеграмму не выполнять, корабли уничтожить, что и начали исполнять. Правда, часть судов под командованием Тихменева отправилась обратно.

Весна 1918 года стала очередным этапом гражданской войны в Крыму. Противоборствующие лагеря, имевшие в декабре 1917-го – январе 1918 года еще весьма расплывчатые очертания, теперь вырисовываются, обретая контуры, втягивая в себя тех, кто никогда не помышлял о войне либо политике.

Одно действующее лицо – флот – как политическая единица сходит со сцены. Его место вскоре займут (уже начинают занимать) другие.

А гражданская война будет теперь буйствовать в Крыму долгие месяцы, унося новые тысячи жизней.

Глава V

Первое Крымское краевое правительство: порядок на германских штыках

1 мая 1918 года германские войска завершили оккупацию Крыма. Объявив его население «туземцами», командующий оккупационными войсками на полуострове генерал от инфантерии Роберт фон Кош ввел военное положение. Грозные приказы неукоснительно выполнялись. Несколько смертных приговоров было приведено в исполнение, подвергались репрессиям большевики.

5 мая Р. Кош назначает губернатором Крыма генерал-майора барона Вильгельма фон Эглофштейна, командира 4-й Баварской кавалерийской дивизии. Германское командование в данный момент решает сделать ставку на местных немцев-колонистов. В Крым прибыл Фридрих фон Линдеквист, бывший германский министр колоний (1910–1911), развернувший вместе с протестантским пастором И. Винклером из Бессарабии среди них активную деятельность.

Еще до вторжения в Крым фон Линдеквист нарисовал первому генерал-квартирмейстеру Эриху Людендорфу, фактически военному руководителю Германии, радужную перспективу набора немецких колонистов «на службу Фатерланду». Винклер носился с концепцией немецкого колониального государства в Причерноморье, где, по его мнению, можно было сконцентрировать российских немцев. Людендорф вроде сразу не загорелся, но примерно в середине апреля 1918 года охарактеризовал Крым как территорию, «пригодную лучше всего для создания оплота немецких колонистов на Востоке». Крымскую колонию следовало бы тесно связать с Украиной, а Севастополь сделать «немецким Гибралтаром» на Черном море. Постепенно немецкий Крым, Украину и Грузию следовало, по плану Людендорфа, превратить в своего рода федерацию под эгидой Германии³¹².

7 мая в д. Бютень (ныне с. Ленинское Красногвардейского района) была созвана конференция немцев, на которую прибыло около 400 делегатов не только из Крыма, но из Мелитополя, Бердянска, Херсона, Одессы. Здесь же от крымских татар присутствовали азербайджанец Ю. Везиров и А. С-А. Озен-башлы. Председательствовал Винклер, с докладом выступил фон Линдеквист. Обсуждался вопрос о создании особой Черноморской области, включающей территорию, граничащую с северным побережьем Черного и Азовского морей, большинство которой должны составлять немцы. Было принято решение о создании в Крыму Союза немцев юга России, об установлении их контакта с Германией, о помощи ей продовольствием и подпиской на германский военный заем. В принятой резолюции подчеркивалось, «что немцы-колонисты приветствуют германскую армию, выражают благодарность за поддержку, что немецкие колонии просят распространить германскую власть на Крым, а если это окажется невозможным, то дать возможность переселиться (им. – *Авт.*) в Германию»³¹³. Германским командованием рассматривался и вопрос о выдвижении на пост генерал-губернатора крупного землевладельца Днепровского уезда В. Э. Фальц-Фейна, но тот отказался³¹⁴.

При этом следует иметь в виду, что позиция германского Министерства иностранных дел в отношении Крыма, которую разделял и германский посол в Киеве барон Филипп Альфонс Мумм фон Шварценштайн, заметно отличалась от позиции военных и Людендорфа в частности.

Лидеры крымско-татарского движения надеялись на поддержку Турции в создании на полуострове национальной государственности. Турецкие власти были готовы прислать дивизию для участия в оккупации Крыма. Это весьма не понравилось Германии, опасавшейся укрепления турецких позиций здесь и в Причерноморье. Для германских дипломатов было предпочтительнее создание независимого или автономного Крыма в союзе с Украиной при германском протекторате. Они также опасались возможного украинско-турецкого конфликта из-за Крыма³¹⁵.

Крымское население не могло, конечно, не смотреть косо на вчерашних врагов, сегодняшних оккупантов, но приветствовало – после всех пережитых ужасов – установившееся спокойствие, тем более что в повседневную жизнь, исключая введенную цензуру, вывоз ценностей и т. п., власти почти не вмешивались.

Князь В. А. Оболенский констатировал: «...под властью железной немецкой руки жизнь, взбудораженная революцией, начинала приходить в норму, население принялось за работу, стало платить налоги. Торговля налаживалась, цены росли умеренно»³¹⁶. «Прошло всего два месяца со времени немецкой оккупации, – продолжает он, – а внешняя сторона жизни уже наладилась совершенно. Незаметно было никаких следов анархии»³¹⁷.

Свои виды на Крым имело и руководство Украинской Народной Республики. Еще 14 февраля 1918 года на заседании Совета Министров УНР была определена возможность согласиться на заключение мира с Советской Россией при условии, что «Крым останется под влиянием Украины» и «весь флот (также и торговый) на Черном море принадлежит только Украине». Украинские политики открыто обосновывают необходимость присоединения Крыма к Украине: «Численность населения и простор татарской национальной территории такого рода, что крымско-татарская нация не может быть способной к созданию самостоятельной государственной организации и должна опереться на какое-нибудь сильнейшее государство, обеспечивши себе всю широту национальных прав и полноту национального развития.

Таким государством может быть только Украинское, с которым Крымский полуостров теснейше связан и территориально, и географически. Крымские татары, которым Украина не может запретить права на национальное самоопределение, могут быть спокойны, что Украинское государство создаст из крымской национальной территории государственный организм, связанный с Украиной в тесную федерацию.

Для такой федерации имеется, кроме политических, чисто экономические условия. Украина – страна хлебная с огромными промышленными возможностями в будущем, – крымский юг – это Ривьера, климатические станции, виноградные и фруктовые сады, которые, однако, без украинских промышленных изделий обойтись не смогут. Государственный симбиоз крымских татар и украинцев продиктован самой природой, и мы думаем, что эти резоны, как наиболее убедительные, примут во внимание татарские политики и создадут добро для родной страны – выгодное для украинцев и себя согласие»³¹⁸.

Правда, не афишируемые широко взгляды руководства УНР были несколько иными. Временный посол Украинской Народной Республики в Константинополе Михаил Левицкий, у секретаря которого перебивали корреспонденты всех турецких газет, получившие информацию по «крымскому вопросу», то есть о претензиях УНР на полуостров, был крайне обеспокоен тем, что «ни один из них в своих статьях не сообщил, что Украина считает Крым своей составной частью, будто Украина совсем отдельно отстоит от Крыма и им не интересуется». Он доводил до сведения министра иностранных дел в Киеве свою озабоченность действиями в столице Турции Дж. Сейдамета – «хлопца 21 года» (на самом деле в 1918 году тому исполнилось 29 лет), вхожего к турецким министрам, великому визирю Талаату Мехмед-паше. По словам посла, Сейдамет утверждал, что Центральная Рада дважды признавала независимость Крыма, а турецкие военные, по слухам, говорят об экспедиции в Крым, желая его занять «под видом помощи против большевиков, чтобы потом, оставшись, провести необходимую самоорганизацию мусульман».

Левицкий вынужден был на приеме у великого визиря заявить, «что наше Правительство смотрит на Крым как на часть Укр. Народ. Респ., в которой мусульманскому населению должны быть обеспечены все его национальные права», причем речь не идет о федерации, поскольку «мусульмане не проживают компактной массой и довольно перемешаны с нашим

(украинским –? – *Авт.*) населением, в большинстве уездов имеют значительное меньшинство... в связи с чем не могут быть выделены в отдельную территориальную единицу». Вопрос же о гарантиях национальным свободам «в ближайшее время будет решен в согласии с национальным крымским советом (Курултаем –? – *Авт.*), который соберется после очищения Крыма от большевиков».

Как сообщал посол, великий визирь уверил его, что турки не собираются оказывать военную помощь в борьбе с большевиками, а ограничатся политической помощью. После этой беседы тон в газетных статьях несколько изменился, «там начинают упоминать о заинтересованности Украины и Германии в Крыму». Правда, под влиянием Сейдамета продолжают писать о признании Украиной независимости Крыма, «но больше не пишут о протекторате Турции, надежды на обеспечение свободной жизни в Крыму возлагают уже на немцев, которые как союзники должны помочь их единоверцам»³¹⁹.

Представители украинского государства пытаются установить контроль и над флотом в Севастополе. Это порождает обоснованное беспокойство в Крыму, в том числе и среди крымских татар. Шуру (Совет) представителей мусульманских общественных организаций по освобождению Крыма (среди многих подписавших находим имена Х. С. Чапчакчи и командира 1-го Мусульманского корпуса генерал-лейтенанта Сулеймана (М. А.) Сулькевича^б) подчеркнул в своем заявлении, «что во имя священного права каждого народа России на самоопределение мы перед лицом всех народов протестуем против распространения власти Народной Украинской Республики (которая уже успела смениться гетманством. – *Авт.*) на территорию Крымской Республики (несуществующей. – *Авт.*), хотя бы в отдельных ее частях». Это заявление было вызвано апрельскими приказами 1, 2 и 3 назначенного правительством УНР комендантом Севастопольской крепости и временным командующим флотом атамана Н. Ф. Мисникова (капитан 2-го ранга), согласно которым, в частности, на всем флоте должны были быть подняты украинские флаги, как и в севастопольской крепости, а «всякое вооруженное против Народной Украинской Республики, ее власти и имущества выступление отдельных лиц и организаций» именовалось «разбойничьим»³²⁰. Однако ни украинские военные, ни украинский флот здесь не нужны были и германскому командованию.

Тем временем на полуострове сразу же после изгнания большевиков просыпается общественно-политическая жизнь.

27 апреля в Симферополе совещание общественных деятелей восстанавливает Таврический губернский комиссариат (П. И. Бианки, В. П. Поливанов, А. С.-А. Озенбашлы) и Совет представителей правительственных и общественных губернских учреждений и местных самоуправлений при нем. Совещание принимает воззвание к гражданам Таврической губернии, в котором на Совет возлагалось решение вопросов общего и делового характера. Совет

---

^б Сулькевич Мацей (Матвей) Александрович (Сулейман Сулькевич) (1865–1920). Родился в родовом поместье Кемейши Лидского повета Виленской губернии. Сын полковника гусарского полка, из знатного рода литовских татар, потомственных дворян Виленской губернии. Окончил Михайловский кадетский корпус в Воронеже (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886) и Николаевскую академию Генерального штаба (1894). С 1883 года в армии. Участник китайского похода 1900–1901 годов, русско-японской войны, Первой мировой войны. Генерал-майор (1910), генерал-лейтенант (1915). Службу в Русской армии завершил в начале 1918 года на посту командующего 1-м Мусульманским корпусом. Участник комиссии по подготовке празднования 50-летия Севастопольской обороны (1903). Член ТУАК с 1912 года. Предлагал увековечить в Крыму память русских воинов, отражавших турецкий десант в 1774 году, а также М. И. Кутузова. С июня по ноябрь 1918 года премьер-министр и одновременно министр внутренних, военных и морских дел в первом Крымском Краевом правительстве. После падения своего правительства в Крыму, с конца 1918 года, начальник генштаба армии Азербайджана. Один из инициаторов мира, подписанного между Азербайджаном и Грузией в июне 1919 года, и окончания войны с Добровольческой армией. 15 июля 1920 года расстрелян большевиками в бакинской тюрьме.

объявлялся временным, «призванным действовать впредь до окончательного выяснения положения края и первой возможности созыва представителей всего населения»³²¹. 6 мая Совет решил созвать 20 мая Общекрымский съезд городов и земств.

Германские власти отрицательно отнеслись к этой инициативе местных либералов. Съезд городов и земств не состоялся. Однако в Симферополе открылось Губернское земское собрание, которое приняло решение о передаче пяти из девяти мест в будущем правительстве губерньскому земскому собранию и председателем Губернской земской управы избрало кадета В. А. Оболенского.

21 апреля, в день занятия немецкими войсками Симферополя, образовалось Временное бюро татарского парламента (парламентское бюро) во главе с А. Х. Хильми, решившее взять на себя до созыва Курултая (парламента) управление национальными делами. Начались переговоры Бюро с германским командованием, вызвавшие недовольство левых курултаевцев; впрочем, открывшийся 10 мая Курултай продолжил эти переговоры.

На первом заседании Курултая присутствовали генерал Р. Кош и впервые возникший на крымской политической сцене генерал-лейтенант М. А. Сулькевич, выступивший с небольшой бессодержательной речью. Вступительное слово в качестве председателя Курултая произнес А. С. Айвазов, заявивший: «мы должны признать за всеми народностями право на участие в управлении краем. Только при этом условии можно будет создать правительство, которое будет свободно защищать интересы всех слоев населения без различия национальностей»³²².

11 мая на турецком военном корабле «Сакыз» вернулся бежавший из Крыма в январе Дж. Сейдамет (имевший, кстати, аудиенцию у Энвер-паши). А 16 мая Курултай ознакомился с его программным выступлением. После почти недельного пребывания в качестве «гостя» германского штаба в симферопольской гостинице «Европейская» без права выхода³²³, где ему, видимо, доходчиво объяснили, кто в доме хозяин, он в одночасье сменил протурецкую ориентацию на прогерманскую. По словам Сейдамета: «Есть одна великая личность, олицетворяющая собой Германию, великий гений германского народа... Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру, возвысивший ее в необычайную высь, есть не кто иной, как глава Великой Германии, Император Вильгельм, Творец величайшей силы и мощи. (...) Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма»³²⁴. Под «самостоятельностью» Сейдамет понимал возрожденное Крымское ханство, в чем, собственно, и состоял смысл его лакейских высказываний.

Такую же позицию вскоре заняли А. Х. Хильми и А. С. Айвазов. Позднее в своей записке, отметив, что татары – «наиболее старинные господа Крыма» и посему следует восстановить их «владычество», эти деятели выдвинули следующие пункты: «1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого крымского ханства у Германии, ее союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских; 4) водворение татарских правительственных чиновников и офицеров, проживающих в Турции, Добрудже и Болгарии, обратно в Крым; 5) обеспечение образования татарского войска для хранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение». Далее сообщалось, что «турецкий и мусульманский мир готовится к политическому союзу с Великой Германской Империей, своей спасительницей, принеся в жертву сотни тысяч людей, и в дальнейшем готовы принести жертвы в еще большем масштабе, чтобы укрепить навсегда достигнутое могущественное положение. В то время как Россия, его великий исторический враг, погибла и

дорога в Индию, свободная для Германии, поколебала твердыню Англию, мусульманский мир находит силу в твердой решимости тех магометан, которые в Крыму и на Кавказе в течение столетий были лишены чести иметь право умереть за свои стремления и надежды»³²⁵. В печати прогерманская ориентация обосновывалась более осторожно – необходимостью борьбы против большевиков и «английского империализма».

Эта записка, известная как «Отношение глав дирекции крымско-татарского национального совета № 37 (38?) от 21 июля 1918 года», была тайно передана занявшим вскоре высокий официальный пост Дж. Сейдаметом в Берлин, но осталась безответной.

На заседании Курултая 18 мая был утвержден итоговый документ, в котором тот объявлял себя временным крымским парламентом с инициативой формирования правительства. Премьер-министром единогласно был избран Дж. Сейдамет, получив соответствующий ярлык. Германское командование обещало сформированному в будущем под его руководством правительству финансовую и вооруженную поддержку, поставку необходимых материалов и машин из Германии³²⁶.

Однако решения Курултая не устраивали другие влиятельные политические круги на полуострове. По воспоминаниям

В. А. Оболенского, большинство крымских кадетов сошлось на следующей платформе: 1) Крым не является самостоятельным государством, это лишь часть России; 2) правительство (Крыма) должно отказаться от дипломатических сношений с иностранными государствами и собственными вооруженными силами; 3) во главе правительства может стоять лицо по взаимному соглашению (прежде всего с Курултаем), но только не Дж. Сейдамет. «Формируемое правительство должно считать себя властью лишь до свержения большевиков и образования всероссийского правительства. Все заботы его должны быть направлены на создание порядка и внутреннего благоустройства края»³²⁷.

В начале июня в Симферополе на квартире октябриста В. С. Налбандова состоялись переговоры между представителями Курултая и кадетами. Был намечен следующий состав правительства: от крымских татар – Дж. Аблаев (премьер-министр), Дж. Сейдамет, М. А. (Сулейман) Сулькевич; от немцев – В. С. Налбандов, Т. Г. Рапп или кадет Шредер, возможно, граф В. С. Татищев, от кадетов – С. С. Крым, В. В. Келлер (немец), В. Д. Набоков или В. А. Оболенский. Эта попытка оказалась мертворожденной. Кадеты не могли согласиться на самостоятельность Крыма, отделение его от России, ориентацию на Германию и Турцию. Сейдамету, на которого первоначально делала ставку и германская администрация, так и не удалось сформировать правительство. 5 июня Курултай ушел на каникулы.

Столь затянувшийся процесс политического «оформления» Крыма, в который ввязались все его активные слои, вызывал раздражение оккупационных властей «и угрозы передать Крым Украине, уже воинствующей и не скрывающей своих стремлений не только к самостоятельности, но и к украинизации, рассылающей свои приказания и циркуляры школам и учреждениям» (В. С. Налбандов)³²⁸.

После переворота П. П. Скоропадского (29 апреля) притязания Киева на Крым резко усиливаются. 7 мая на заседании Совета Министров Украинской Державы при рассмотрении вопроса о государственных границах особенно обращалось внимание на необходимость присоединения Крыма. Заслушав текст заявления гетмана о переговорах с германским послом в Киеве, было одобрено его намерение обратиться с письмом к последнему по поводу этого присоединения³²⁹.

В своих мемуарах Скоропадский вспоминал по поводу Крыма: «...планы немцев мне не известны, во всяком случае, при известной комбинации немцы не прочь там утвердиться. Турция с татарами тоже протягивает к Крыму руки. Украина же не может жить, не владея

Крымом, это будет какое-то туловище без ног. Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях, это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее будет зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас. Я решительно настаивал перед немцами о передаче Крыма на каких угодно условиях, конечно, принимая во внимание все экономические, национальные и религиозные интересы народонаселения. Немцы колебались, я настаивал самым решительным образом»³³⁰.

Гетман не скрывал своих намерений. «Особое значение для возрождения Украины, – писал он Мумму 10 мая, – имеет установление ее границ, особенно южной, и, таким образом, овладение Крымом. Присоединение Крыма имело бы то значение для Украинской Державы, что она была бы обеспечена продуктами первой необходимости, как соль, табак, вино и фрукты. (...) Владение Крымом дало бы еще и возможность сберечь на Украине много средств, организуя новые и отстраивая старые курорты. Кроме того, владея южным берегом Крыма, Украина получила бы такие природные порты, как Севастополь и Феодосия. Без Крыма Украина была отрезана от Черного моря, ибо она могла бы распоряжаться только одним портом в Николаеве, так как Одесса давно сильно перегружена. Таким образом, Украина без Крыма стать сильной державой не могла бы, особенно, с экономической стороны. Так неестественно отрезанная от моря Украина должна бы обязательно усиливать стремление к захвату этого морского побережья и, вместе с тем, обострились бы отношения с тем государством, которому было бы передано владение Крымом. Тем более что с этнографической стороны было бы неоправданным существование планируемого татарского государства, ибо татары составляют не более 14 % крымского населения»³³¹.

30 мая к Мумму с нотой обращается управляющий Министерством иностранных дел Украинской Державы Д. И. Дорошенко. Объясняя несоответствие нынешних требований Украины по «крымскому вопросу» решениям III Универсала УНР, он отмечал, что в ноябре 1917 года устанавливались только главные части территории Украины, имея в виду, что «те земли, в которых украинское население не имеет абсолютного большинства, присоединятся позднее». Кроме того, тогда Украинская Республика рассматривалась как федеративная часть России. Учитывая, что Всероссийская Федерация не состоялась, Украина стала независимым государством, а «украинские войска, с помощью дружеской нам германской армии захватили Крым в свои руки, встал вопрос о присоединении Крыма к Украинской Державе». «При этом, стоя на принципе самоопределения, не желая нарушить воли населения, в конце концов, понимая различные особенности жизни Крыма, Украинское правительство считает, что присоединение Крыма может состояться на автономных началах, в связи с чем будет разработан соответствующий проект; зная настроение значительного большинства населения Крыма (кто его опрашивал? – *Авт.*), имея в виду интересы этого населения и его давние связи с Украинским правительством (? – *Авт.*), не имеется сомнений, что воля населения Крыма может быть выражена (каким образом? – *Авт.*) только за соединение с Украиной».

Кроме того, претензии Украины на полуостров Дорошенко объяснял еще и нежеланием «иметь под рукой какой-нибудь Пьемонт для возрождения единой неделимой России» и невозможностью «оставить неизвестно в чьих руках Севастополь – эту базу для украинского флота и ключ для господства на Черном море»³³².

Тем временем германское руководство 5 июня останавливает свой выбор на фигуре Сулькевича. На следующий день он приступает к формированию кабинета. К 15 июня коалиционное правительство было в целом подобрано. Тем самым делался выбор в пользу стабильности на полуострове при опоре на разнонациональные цензовые элементы.

В результате в составе кабинета оказались: в качестве премьер-министра, министра внутренних, военных и морских дел М. А. Сулькевич (его товарищ (заместитель) – князь С. В. Горчаков, бывший Таврический вице-губернатор); министра иностранных дел – Дж. Сейдамет; министра финансов, промышленности, торговли и труда и временно управляющего министерством юстиции – граф В. С. Татищев; министра земледелия, краевых имуществ и снабжений – немецкий колонист Т. Г. Рапп; министра путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов – инженер, генерал-майор Л. Л. Фриман; краевого контролера и секретаря, временно управляющего министерством исповеданий и народного просвещения – полунемец-полуармянин В. С. Налбандов, кстати, один из деятельнейших членов правительства (с августа министром народного просвещения и исповеданий стал полковник П. Н. Соковнин). Следует заметить, что ряд правительственных лиц занимал настолько несхожие позиции, что распад кабинета становился не более чем делом времени.

Правительство не смогло сразу преступить к работе. Германское командование предложило ему ничего не говорить в готовящейся Декларации о сроках, на которое оно создается, снять вопросы о созыве Краевого сейма, должном создать легитимную власть, о позиции Украины, стремившейся включить полуостров в свой состав, исключить пункт, запрещающий вывоз из Крыма хлеба.

15 июня проект Декларации был отправлен в главную ставку германских войск в Киев на изучение. Ответа не было. К 20 июня министры потеряли всякое терпение, вручив Сулькевичу меморандум, в котором посчитали в таких условиях «возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной»³³³. Сулькевич по согласованию с германским штабом объявил о принятии на себя всей полноты власти в Крыму до окончания переговоров с германскими властями³³⁴.

Правда, через три дня ситуация изменилась. После переговоров министров с группой германских офицеров во главе с представителем штаба главнокомандующего в Киеве майором Фридрихом фон Брикманом и новым начальником штаба крымской группы германских войск фон Энгелином был согласован текст Декларации³³⁵.

На съезде земских гласных, открывшемся 9 августа, М. А. Сулькевич подтвердил краеугольный камень политики кабинета: «Правительство стоит твердо... на точке зрения независимости Крыма впредь до решения этого вопроса на мирной конференции»³³⁶. А в своем интервью во время пребывания в Ялте заявил: «На вопрос об украинско-крымских отношениях я могу ответить следующее.

Уже как командир мусульманского корпуса, с которым я спешил в Крым для борьбы с большевиками, я имел столкновение с бывшей украинской Радой. Меня с моими войсками задержали в Тирасполе, несмотря на то, что по Брестскому договору Крым оставался вне пределов новосозданной украинской республики. (...)...Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений, одинаково полезных и нужных как для Украины, так и для Крыма. После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как «губерниальному старосте», на украинском языке. Я ответил, что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке – на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, т. е. крымское министерство, послало своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери»³³⁷.

По словам же П. П. Скоропадского, в конце июня, «когда в один прекрасный день ко мне зашел Федор Андреевич Лизогуб (председатель Совета Министров Украинской Державы. –

Авт.) и заявил, что он получил телеграмму от генерала Сулькевича, объявляющего, что он стоит во главе правительства, и вместе с указанием, в очень дерзкой форме, что он украинского языка не понимает и впредь настаивает на том, чтобы к его правительству обращались на русском языке. Начало было плохое. Вся переписка и вообще все официальные сношения как с немцами, австрийцами, так и со всеми другими государствами и обывателями, с которыми в то время имела сношения, происходили на украинском языке. Нам отвечали на своем языке, это было так принято. На Украине официальным языком был украинский, и не генералу Сулькевичу было менять заведенный порядок. Через некоторое время мы узнали, что новое Крымское правительство повело новую политику, далеко не дружественную Украине, и преследовало цель образования самостоятельного государства, причем, все направление, как я только что сказал, явно дышало каким-то антагонизмом»³³⁸.

«...С 25 июня по 9 сентября, – пишет Налбандов, – мы не получили ни одного требования, предложения или запроса Украины – с нами просто не разговаривали и всеми мерами добивались лишь одного – покорения Крыма. (...) Требовалось одно – капитуляции без условий»³³⁹.

Еще 10 июня Сулькевич поручил штабс-капитану барону Шмидту фон дер Лауницу отправиться в Киев в качестве атташе вместе с полномочным представителем крымского правительства при правительстве Украинской Державы В. И. Коленским. Эта миссия, несмотря на благожелательную реакцию некоторых киевских министров, оказалась абсолютно безрезультатной. Дело дошло до пограничных конфликтов, таможенной войны и разрыва почтово-телеграфной связи между двумя, считавшими себя суверенными, образованиями, оккупированными одной страной.

7 июля Сулькевич утвердил подробнейшую инструкцию председателю Комиссии по проведению государственной границы между Крымом и Украиной и наказ дипломатическому агенту в Киеве. «При проведении этой границы, – говорилось в инструкции, – надлежит неукоснительно стремиться к полному удовлетворению исторических экономических и военных интересов Крыма», что расшифровывалось так: граница должна совпадать с южными границами материковых уездов Таврической губернии, но при обязательном сохранении за Крымом Чонгарского полуострова (с его соляными промыслами) и всей Арабатской стрелки³⁴⁰.

Краевому правительству было пока не известно (сказался разрыв телеграфного сообщения), что в 20-х числах июня украинские военнослужащие захватили часть стрелки (на 40 верст к югу от Геническа) с 9 деревнями, 2 хуторами и 4 соляными промыслами. Украинская комендатура на перешейке издала приказ о прохождении границы южнее Перекопа и направила сюда части варты (пограничной стражи). В самом городе Перекоп возникли две городских управы, причем украинская распорядилась выращенное местными крестьянами зерно после обмолота продать на Украине, а не в Крыму. Эти события происходили в июле 1918 года. Начались перестрелки между пограничниками обеих сторон, причем и та, и другая апеллировали к германскому командованию. Перекопский уездный начальник обратился 9 августа с рапортом в министерство внутренних дел Крыма: «Украинский Комендант был мною поставлен в известность, что с 5 августа въезд и выезд из Крыма запрещается и что границу Крыма Германское Командование считает проходящей на 8 в. севернее Перекопа»³⁴¹.

С другой стороны, правительство Скоропадского принимает все меры для установления экономической блокады Крыма. Губерниальный (губернский) староста Северной Таврии своим распоряжением от 21 июня запретил ввозить в Крым масло, яйца и другие продукты. 28 июня украинское правительство приказало реквизировать все товары, направляемые в Крым. В результате закрытия границ Крым лишился украинского хлеба, а Украина – крымских фруктов.

Это заметно ухудшило продовольственную ситуацию в Крыму. С 29 июня Симферопольская городская управа ввела карточки на хлеб (1 фунт в день на человека). Еще более тяжелое положение сложилось в Севастополе, который временами оказывался на грани голода.

В свою очередь Министерство иностранных дел Украинской Державы начало идеологическую обработку крымского населения в соответствующем духе. Были выделены средства на поддержку трех газет на полуострове, которые пропагандировали идею инкорпорации Крыма в состав Украины. Одну из этих газет вел киевский журналист Е. А. Ганейзер, перевозивший в Крым деньги на подобные издания и пытавшийся по просьбе В. С. Налбандова выполнять посредническую миссию в Киеве, привезя оттуда в качестве «частного проекта» документ о соединении Крыма с Украиной под управлением наместника гетмана, каковым мог стать Сулькевич, преобразовавший бы в этом случае свое правительство в Совет наместника, от чего Сулькевич отказался, хотя Краевое правительство было готово начать переговоры и пойти на ряд уступок³⁴². Это же министерство субсидировало украинские громады в Крыму и специально основанный для ведения на полуострове проукраинской пропаганды «Комитет Степной Украины». Все это, разумеется, не могло понравиться правительству Сулькевича, которое начало преследования украинофильских газет и украинских громад, запрещало принимать телеграммы из Украины на украинском языке³⁴³.

Впрочем, П. П. Скоропадский весьма скептически оценивал деятельность подопечных Д. И. Дорошенко: «...министерство иностранных дел повело за свой риск и страх довольно наивную украинскую агитацию, какие-то молодые люди в украинских костюмах в Ялте и в окрестных городках убеждали публику сделаться украинцами. Это не имело, конечно, успеха, но и никому не вредило»³⁴⁴.

28–29 августа состоялся краевой съезд представителей всех украинских национальных организаций и партий. На нем была избрана Крымская краевая рада, вступившая, правда, в оппозиционный гетману П. П. Скоропадскому Украинский Национальный Союз³⁴⁵.

Отметим официальные контакты крымских властей с представителем гетмана в Крыму контр-адмиралом В. Е. Клочковским, касавшиеся имущества флота и маяков, но они не привели к установлению официальных отношений между двумя правительствами³⁴⁶.

Вернемся, однако, к Декларации. В ее черновом варианте (18 июня) конфликт с Украиной был отражен с максимальной наглядностью: «Ввиду настойчивых посягательств Украины поглотить Крым, ничем с ней органически и исторически не связанный, Крымское Краевое Правительство ставит своей первой задачей как сохранение самостоятельности полуострова до решения международного положения его на мирной конференции, так и восстановление нарушенной законности и порядка». Провозглашался, несмотря на немецкую оккупацию, «строгий нейтралитет в отношении всех воюющих держав»³⁴⁷.

Если положения о конференции и нейтралитете вошли в окончательный текст, то фраза об Украине под нажимом оккупационных властей была изъята. Но идея самостоятельности Крыма со всей ее атрибутикой (хотя и «с согласия германского военного командования, оккупирующего Крым для восстановления спокойствия и порядка...»³⁴⁸) настойчиво проводилась от начала и до заключительных строк Декларации.

Только ночью 25 июня Декларация правительства, получившего название Крымского краевого, «К населению Крыма», наконец-то была утверждена.

В сфере политической Краевое правительство признавало целесообразность сохранения законоположений Российского государства, изданных до большевистского переворота, с оговоркой об их пересмотре в случае надобности. Предполагались выборы в органы местного самоуправления (но на цензовой и куриальной основе); выборы же демократического законодательного органа (Крымского учредительного собрания, Крымского сейма или

Крымского парламента) и создание ответственного министерства пока откладывались на неопределенный срок.

Действующие земские собрания всех уровней и городские думы объявлялись распущенными. Управы сохраняли свои полномочия до проведения новых выборов. Ограничивалась свобода печати и собраний, «временно» вводилась цензура (помимо оккупационной). Все общества, союзы, комитеты и партийные организации Крыма обязаны были в месячный срок представить свои уставы на утверждение в МВД.

Ставилась задача создания собственных вооруженных сил.

Вводилось гражданство Крыма, закрепленное специальными правилами от 11 сентября. Гражданином края, без различия национального и религиозного, мог стать любой, рожденный на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Приобрести же гражданство мог только приписанный к сословиям и обществам, служащий в государственном или общественном учреждении, проживающий в Крыму не менее трех лет и, наконец, обладающий судебной и нравственной непорочностью. Любой крымский мусульманин, где бы он ни проживал, при соответствующем ходатайстве имел право на гражданство Крыма. Предусматривалось и двойное гражданство³⁴⁹.

Такие, достаточно жесткие, условия были, судя по количеству заявлений, притягательными для очень многих. Положительный ответ получили, однако, далеко не все.

Государственным гербом Крыма становился по Декларации герб Таврической губернии (византийский орел с золотым восьмиконечным крестом на щите), флагом – голубое полотнище с гербом в верхнем углу древка (что, кстати, для крымских татар выглядело противоестественно: национальное голубое знамя («кок-байрак») как фон ненавистного им двуглавого орла, символа угнетения). Столицей объявлялся Симферополь. В ранг государственного языка был возведен русский, но с правом пользования на официальном уровне татарским и немецким.

Экономический раздел Декларации был скуден. Восстанавливалось право частной собственности с возвращением (или возмещением) конфискованного в дни большевистского правления. Вводилась свобода торговли (без права вывоза сельхозпродуктов, в первую очередь хлеба), но делался акцент на усиление борьбы со спекуляцией. В целях повышения результативности этой борьбы легализовалась торговля спиртным, запрещенная еще в марте 1917 года. Говорилось о развитии сети шоссейных и железных дорог, а также курортного дела, что в условиях военного времени было заведомо нереальным. Наконец, планировался выпуск собственных денежных знаков³⁵⁰.

В программе действий Краевого правительства на первое место вышли интересы помещиков и иных крупных собственников. Ни крестьянский, ни рабочий (оговаривалась только охрана труда без нанесения «ущерба производству»), ни национальные вопросы не удостоились разделов. Согласно нынешней терминологии, в Крыму установился авторитарный политический режим при рыночной экономике и с узкой социальной базой. Это и было залогом его скорого падения.

Что касается Германии, то она от официального признания созданного по ее же инициативе правительства воздержалась. Германские дипломаты, и Мумм в их числе, были не против передачи полуострова в состав Украинской Державы без всяких условий.

Кабинет Сулькевича находился под полным германским контролем. Стоило правительству опубликовать «Временные Правила о производстве выборов краевых и уездных гласных» от 15 июля без предварительного ознакомления командования с его текстом, как последовал окрик фон Энгелина, распорядившегося «в будущем, перед изданием важных постановлений, таковые, в главных чертах, сообщать генеральному командованию»³⁵¹.

В первой половине июля полуостров посетили германский посол в Киеве Мумм и командующий группой армий «Киев» генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, которые не соизволили встретиться с Сулькевичем и его министрами, ожидавшими высоких гостей. В полном составе министры отправились в германский штаб за объяснениями, вручив официальное письмо об отставке, написанное В. С. Налбандовым. Угроза отставки действия не возымела, министрам прямо заявили о возможности передачи Крыма под управление Украины. Пришлось собственное письмо отозвать и ограничиться устным заявлением. По поводу признания правительства Г. Кош ответил хладнокровно: «...Министерство может быть уверено в покровительстве Германских властей. Это будет Правительству, как высшему местному органу Управления Крымом, на мой взгляд, гораздо важнее и для населения, чем формальное признание. Отставка Министерства, могущая состояться вследствие того, что вышеуказанные обстоятельства не будут приняты во внимание в полной мере, может создать лишь положение, из которого Германское Командование вынуждено будет искать выход вероятно нежелательный для настоящего Правительства»³⁵².

При этом германское командование в Крыму, обеспокоенное возможностью падения Сулькевича, при поддержке Людендорфа позволило В. С. Татищеву и Дж. Сейдамету отбыть в Берлин в надежде добиться признания Краевого правительства со стороны Германии, получить заем в 50 млн марок и заключить торговое соглашение. МИД тут же рекомендовал послу Мумму постараться предотвратить эту поездку, но тот не имел возможности сие реализовать без одобрения Верховного командования.

Гетман П. П. Скоропадский в связи с предстоящим визитом крымской делегации в Берлин срочно направил туда председателя Совета Министров Украинской Державы Ф. А. Лизогуба.

По пути Татищев попытался провести в Киеве неофициальные переговоры со Скоропадским. Встреча была организована при посредничестве германской стороны. Гетман принял крымского министра под чужой фамилией и в сопровождении немецкого офицера, явно стеснявшего главу Украинской Державы. По словам Скоропадского, Татищев попытался взять официальный тон и добавил, что «он человек русский». В своих мемуарах гетман сообщает: «Я его вежливо перебил и сказал ему, что в таком случае я не знаю, почему он хотел меня видеть, раз он знает, что я не могу его принять официально. Встал и с графом простился. Я никогда не мог понять, что хотел Татищев»³⁵³.

Уже в Берлине Татищев 29 августа встретился с Лизогубом, сообщив ему, что готов к переговорам, но при условии признания Крыма автономным и немедленного прекращения экономической блокады. Лизогуб согласился передать данные предложения в Киев. Аналогичные предложения передавались Татищевым и германской стороне³⁵⁴.

Протест Советской России в связи с визитом крымской делегации в столицу Германии, сохранявшиеся подозрения германских властей в отношении турецких намерений на полуострове привели к провалу этой миссии³⁵⁵.

В своей внутренней политике Краевое правительство не отставало от положений Декларации.

В отношении должностных лиц, не выполняющих ее, возбуждалось уголовное преследование. Репрессивный акцент раздражал общественность. Но протесты или попытки протеста – Феодосийской и Симферопольской дум, Ялтинской городской управы – пресекались быстро и жестко. Губернский комиссариат был упразднен. Подверглись запрещению даже слова «губернский» и «таврический». Но Таврическая губернская земская управа продолжала действовать, не меняя названия, распространяя при этом свое влияние на материковые уезды, и даже сумела выбить у правительства субсидии. В Симферопольском, Евпаторийском и Перекопском уездах успели пройти выборы по Временным Правилам. Для управления уездами

на должности уездных комиссаров назначались наиболее доверенные офицеры, в том числе и из числа крымских татар³⁵⁶. В Севастопольском и Керчь-Еникальском градоначальствах распоряжались правительственные комиссары.

А в это время внутри кабинета нарастала политическая конфронтация. 11 сентября разразился правительственный кризис. В отставку подают С. В. Горчаков и В. С. Налбандов, 12 сентября – Т. Г. Рапп и П. Н. Соковнин, а по возвращению из Берлина (2 октября) и В. С. Татищев.

Версию раскола изложил в письмах Налбандову Татищев. Его неудовольствие вызвала сумма обстоятельств: «издание законов, явно нарушающих интересы наименее обеспеченной части населения», «полное безразличие к действительным нуждам населения», учреждение Правительствующего сената с назначением «в него лиц, не имеющих ничего общего с Крымом», наводнение администрации креатурами Сулькевича, «громадные» оклады содержания министров, наконец, отправка в Турцию, «без ведома и согласия» Совмина, дипломатического поверенного, аккредитованного при МИДе, – А. С. Айвазова³⁵⁷.

Воспоследовала министерская чехарда: министром юстиции стал А. М. Ахматович; министром снабжения – бывший уполномоченный по земледелию в Крыму Е. Молдавский; управляющим этого же министерства – член Феодосийской землеустроительной комиссии В. Л. Домброво; временно исполняющим обязанности министра земледелия и краевых имуществ – И. А. Богушевич; управляющим министерства финансов, торговли и промышленности – Д. И. Никифоров (по отъезду в Киев 2 октября его заменил управляющий казенной палатой А. П. Барт); краевым контролером – татарский общественный деятель М. М. Кипчакский; министром народного просвещения и исповеданий – бывший посол в Константинополе Н. В. Чарыков (по словам В. А. Оболенского, «добродушный старик, заблудившийся совершенно во всей политической путанице того времени»³⁵⁸); управделами (вместо краевого секретаря) – Н. А. Воейков. Чтобы обойти запрет германского командования на наличие Министерства иностранных дел в структуре Краевого правительства после отъезда Дж. Сейдамета, с 20 октября постановлением Совета Министров Краевого правительства Чарыкову предоставлялось право образовать временную комиссию по внешним сношениям. Постановлением правительства от 22 октября председатель этой комиссии получал право присутствовать в Совете Министров с правом решающего голоса.

Кабинет Сулькевича был вынужден постоянно держать в поле зрения национальные проблемы. 30 июля он уведомил Директорию о признании Краевым правительством культурно-национальной автономии крымских татар и заверил, что МВД не будет препятствовать утверждению уставов национально-общественных организаций. На следующий день уездным и окружным начальникам и начальникам городских полицейских отделений было приказано: «Ввиду происходивших случаев вмешательства чинов полиции в дела Крымскотатарской Национальной Директории, предписываю всем чинам полиции оказывать должностным лицам означенной Директории полное содействие по исполнению возложенных на них обязанностей»³⁵⁹.

В ноябре Д. И. Никифоров занимается составлением устава Татарского национального банка.

Немецким колонистам возвращались земли, конфискованные у них в Первую мировую войну. Их положение в период германской оккупации стало, естественно, вполне устойчивым.

Однако радикально-националистические элементы стремились к большему, что показывает хотя бы цитирувавшаяся выше «записка» Хильми – Айвазова – Сейдамета. Выехавший в Германию Сейдамет в Крым более не возвращался. Как оказалось, он втайне от кабинета вез с собой бумаги правой крымско-татарской группы и обращение за подписью трех

лиц, именовавших себя Центральным Управлением Германской связи Края. Последние – П. Штолль, А. Я. Нефф и Э. Штейнвальд, – от имени «немецкого населения» высказывали солидарность «с татарами в отношении об отделении полуострова от Великороссии и Украины и образовании из него особой государственной единицы», прося у Берлина «защиты и помощи»³⁶⁰.

Такие «дипломатические» маневры министра иностранных дел вызвали предельное возмущение пребывавшего там же, в Берлине, Татищева. Он пишет Налбандову, узнав о шагах Сейдамета, 2 сентября, что предъявление подобных бумаг «моим товарищем по кабинету, находящимся со мною в одной политической миссии, тайно от меня, создало здесь впечатление о полном отсутствии солидарности... членов Правительства и тем значительно подорвало авторитет его. (...) Такой образ действия Д. Сейдамета глубоко оскорбил меня, как русского человека, выставляя меня предателем своей родины; им я никогда не был и не буду». Подчеркнув постоянный «примирительный» характер своей позиции в правительстве, Татищев резюмировал несовместимость ее с «узкошовинистической политикой» Сулькевича и Сейдамета. Это послужило еще одной причиной его отставки³⁶¹.

В сентябре наметились позитивные – очень слабые – сдвиги в отношениях с Украиной. Прекратилось ожесточенное таможенное противостояние, действовала телеграфная связь, стали доходить письма. Правда, таможня под Мелитополем сохранилась.

Германская сторона, предпринявшая ряд усилий, для прекращения экономической блокады полуострова со стороны Украины, теперь настоятельно требовала создание союза Крыма с Украинской Державой. В случае отказа Сулькевича от проведения этого курса рассматривался вопрос о назначении вместо него премьер-министром В. С. Налбандова³⁶².

16 сентября Г. Кош в ультимативной форме передал Краевому правительству указания германского командования в

Киеве. Они заключались в следующем: Крымское правительство не является государственным, а именно краевым, без собственного министра иностранных дел и без права политических отношений с другими государствами; «политическое соединение Крыма с Украиной» возможно «на основах автономного внутреннего управления» Крыма, причем «норма соединения должна быть разработана совместно с представителями Украинского Правительства»; Краевое правительство должно состоять «на равных началах из русских, татар, немцев». Требовалось, чтобы ответ был дан до 17 часов. В 18 часов 15 минут того же дня на заседании Краевого правительства в присутствии представителя Германского имперского хозяйственного ведомства тайного советника Отто Видфельда, представителей Киевского военного округа германских войск майора фон Девица, капитана принца Рейса, капитана Зигмунта и лейтенанта Кумрова было решено поручить посредничество по организации переговоров с Украинской Державой Видфельду и Девицу, а также для участия в них сформировать крымскую делегацию.

17 сентября Совет Министров уведомил Г. Коша о том, что, хотя правительство в своей Декларации «объявило себя Краевым, а не Государственным», оно «поставило своей задачей сохранение самостоятельности Края до выяснения международного его положения»; «политическое соединение Крыма с Украиной» может быть установлено на «этих лишь основаниях», «такому соединению не противоречило бы общее Министерство Иностранных Дел с участием в нем Крыма и с представительством последнего в посольствах и консульствах Украины»; принцип пропорционального представительства русских, татар и немцев «всегда соблюдался и изменять его не предполагается Советом (Министров. – *Авт.*) и ныне».

26 сентября крымская делегация направилась в Киев. В нее вошли: А. М. Ахматович, председатель, Н. В. Чарыков (12 октября сменил отбывшего в Крым Ахматовича на посту

председателя), Л. Л. Фриман, В. Л. Домброво, позднее – Д. И. Никифоров; а также представители Курултая (Ю. Б. Везиров) и Центрального органа Союза крымских немцев (Т. Г. Рапп, А. Я. Нефф). Линия поведения делегации была санкционирована Сулькевичем и Краевым правительством.

Представительную украинскую делегацию возглавил Ф. А. Лизогуб. В ее состав также входили: военный министр А. Ф. Рогоза, министр иностранных дел Д. И. Дорошенко, министр финансов А. К. Ржепецкий, министр торговли и промышленности С. М. Гутник, министр внутренних дел И. А. Кистяковский, товарищ министра иностранных дел А. А. Палтов и представитель Морского министерства контрадмирал Н. И. Черниловский-Сокол. От германского командования присутствовал принц Генрих Рейс (убыл в отпуск после заседания 12 октября). Это свидетельствовало о высокой степени серьезности отношения сторон к переговорам, начавшимся 5 октября.

Они шли с большим напряжением, продемонстрировав два противостоящих направления. Если Симферополь предлагал начать работу с обсуждения экономических вопросов, то Киев настаивал на приоритете вопросов политических, подразумевая под последними присоединение Крыма к Украине с последствиями. Украинская делегация представила Главные основания соединения Крыма с Украиной из 19 пунктов. Суть их сводилась к следующему: «Крым соединяется с Украиной на правах автономного края под единой Верховной властью Его Светлости Пана Гетмана»; международные отношения, управление армией и флотом, законодательство, финансы находятся в ведении Украины (правда, Крым мог иметь собственные вооруженные силы); сферы местного самоуправления, торговли, промышленности и земледелия, народного просвещения, религиозная, национальная, здравоохранения, путей сообщения (кроме железных дорог), определение государственного языка подлежат ведению Крыма и на них «не распространяются общие законы Украинской Державы»; при гетмане состоит статс-секретарь по крымским делам, который назначается гетманом из числа трех кандидатов, предложенных Крымским правительством.

Как видим, Киев предлагал Крыму весьма широкую автономию. Однако крымская делегация, исходя из того, что «по отношению к Украине Крым совершенно независим и самостоятелен», расценила Основания не как «проект соединения», а как «проект порабощения». Принятие украинского проекта (особенно пунктов о признании верховной власти гетмана и передаче части крымской собственности Украине), подчеркнула делегация в своем отчете, повлекло бы «за собой такое изменение в политическом положении Крыма и (нанесло. – *Авт.*) такой ущерб его материальным интересам, что осуществить подобное изменение без ясно выраженной воли Крымского народа Делегация не считала себя правомочной».

Симферополь, отвергнув Основания, выдвинул контрпредложение крымской делегации, предлагая «установить с Украинской Державой федеративный союз» и заключить двусторонний договор. Делегация Украины проигнорировала этот документ и 10 октября прервала переговоры. Последнее совещание представителей (без Лизогуба) состоялось 12 октября, затем был заключен ряд частных соглашений. Встреча 16 октября уже не могла иметь никаких последствий: зашатались оба правительства.

Переговоры, таким образом, не привели к компромиссу. Положительный эффект имел, тем не менее, сам факт дипломатического контакта. Крымская делегация зафиксировала, что она «считает необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что при переговорах ее с Делегацией Украинского Правительства с полной определенностью выяснилось... Украина отнюдь не рассматривает Крым как свою принадлежность, а, напротив, считается с фактически существующим положением, в силу которого Крым является отдельным, независимым от

Украины самостоятельным краем»³⁶³.

И еще: 11 октября Сулькевич телеграфирует главе крымской делегации Ахматовичу: «...кордон, установленный Украинским Правительством на Арабатской стрелке в урочище Валок, снят, о чем сообщаю Вам для сведения»³⁶⁴.

Сулькевич неуклонно проводил политику суверенизации Крыма, чему служило формирование судебной системы и собственной армии.

Военная деятельность кабинета генерал-лейтенанта Сулькевича, по понятным причинам, отличалась исключительным напором и многообразием. Благодаря сохранившимся приказам военного министра Крымского краевого правительства³⁶⁵, она неплохо документирована. Быстро подбирается штат военного министерства, вводятся должности уездных военных начальников, на которые назначается немало татар. 24 июля помощником военного министра (то есть Сулькевича) с возложением непосредственного руководства военным министерством назначается генерал-майор А. С. Мильковский, 21 июля временно исполняющим обязанности товарища военного министра становится генерал-майор С. Л. Николаев. Заместителем военного министра по морским делам назначен контр-адмирал, бывший Севастопольский градоначальник С. И. Бурлей. Был сформирован Отдельный Крымский пограничный дивизион (командир которого, ротмистр Н. А. Арнольди, «за отличие по службе» постановлением Совмина от 15 июля получил звание подполковника³⁶⁶), 26 октября авансируется 400 тыс. рублей на приобретение обмундирования и обуви для его солдат³⁶⁷. Создана караульная команда при военном министерстве. Согласно постановлению правительства от 30 октября, при военном министре образован Военный совет в составе военного министра (председатель), товарища военного министра, начальника канцелярии, начальников отделов и юрисконсультанта, который должен был заниматься штатами, финансами, учреждением новых должностей или их замещениями и т. д. 4 ноября А. С. Мильковский утверждает положение об этом Совете.

Подчеркнуто особая политика проводится в отношении военнотатар. В частности, к военному министерству прикомандировываются мусульманские священнослужители, утверждается штат причта полковой мечети Крымского конного полка. Узакониваются офицерские звания, присвоенные его бойцам (эскадронцам) Дж. Сейдаметом еще в начале января 1918 года.

С целью укрепления дисциплины была отменена Декларация прав военнотатар и другие приказы Временного правительства (26 октября) и введены Временные правила о судах чести для офицеров бывшей Русской армии, находящихся на территории Крыма (12 ноября)³⁶⁸.

Учреждается даже специальная комиссия (председатель – начальник штаба подполковник В. И. Базаревич) для разработки формы крымских войск. Пока же разрешалось донашивать форму Русской армии, но с изменениями. По решению 16 октября для генералов, офицеров, врачей сохранялась кокарда овальная, но «с заменой двух черных ободков в середине – голубыми», такая же, но круглая, – для военных чиновников, для солдат – овальная, с «наружным ободком белым металлическим». Погонь, лишившись номеров и шифровки, приобрели отметку рода войск (у генералов и офицеров); для солдат вводились погонь алого цвета с синей выпушкой³⁶⁹.

31 июля самим Сулькевичем был составлен текст присяги на верность Крымскому краевому правительству. Он гласил: «Честью моею клянусь и торжественно перед всеми согражданами обещаюсь всемерно в своих суждениях и деяниях блюсти благо Крымского Края и повиноваться Крымскому Краевому Правительству не токмо за страх, но и за совесть, памятуя, что в исполнении этого моего обета лежит ныне залог сохранения достоинства и благополучия Края и личного благополучия его гражданина». Из министерства юстиции

поступили возражения: почему не упомянут Господь Бог? Сулькевич 14 августа поясняет: «...Я находил необходимым не придавать как самому тексту присяги, так и акту привода к ней граждан религиозного характера...»³⁷⁰, акцентируя тем самым светский характер создаваемой многоконфессиональной государственности.

Экономика Крыма, несмотря на экстремальность ситуации, сохраняла жизнеспособность. Правительство активизировало свою, вначале довольно беззубую, экономическую политику. Централизовав заготовку хлеба в руках Крымской краевой продовольственной управы, оно ввело твердые закупочные цены. Большие запасы зерна с вакуфных земель собрала в свои амбары Директория, настаивая на исключительном праве оказывать помощь нуждающимся крымским татарам без посредничества властей. Неплохим оказался урожай фруктов. Но таможенные свары на время существенно сбили цены: Крым затоварился.

В торгово-промышленной сфере правительство стало активно использовать политику налогов, акцизов, пошлин. Кабинет Сулькевича, избегая крупных реформ, в самой широкой степени использовал методы государственного регулирования экономики³⁷¹.

Ощущая острую нехватку наличности, правительство принимает 16 августа решение о выпуске обязательств на сумму до 20 миллионов рублей купюрами в 500, 1000 и 5000 рублей, которыми продовольственная управа расплачивалась за сданный хлеб. Совмин обещал погасить их начиная с 1 января 1919 года. В обращении они находились только при первом Краевом правительстве. Имели в Крыму хождение и краткосрочные обязательства Государственного казначейства России (1000 и 5000 рублей), равно как и бумаги Займа Свободы 1917 года, проштемпелеванные Крымским краевым банком. Предприятия и конторы выпускали свои бонны³⁷². А 9 сентября, подстегнутый отказом Берлина представить заем, Совмин поручил управляющему Минфином Д. И. Никифорову: «В спешном порядке и не позднее следующего заседания предоставить проект изготовления денежных знаков Крымского Краевого Правительства»³⁷³.

Инфляция, хотя и не достигнув пока в Крыму галопирующего уровня, сильно сказывалась на благосостоянии. Свидетельство тому – забастовки. Это благоприятствовало деятельности большевиков, находящихся в глубоком подполье, но и их зимне-весенние «опыты» были еще свежи в памяти крымского населения и не вызывали особого расположения.

Жителей полуострова не могло не раздражать стремление германского командования как можно больше вывезти из Крыма продовольствия и оборудования, необходимого для продолжения Германией военных действий. Забиралось все, что можно было забрать. Только из Севастопольского военного порта вывезено различных запасов на 2 миллиарда 550 миллионов рублей. В Германию переправлялось оборудование Симферопольского аэропланного завода А. А. Анатра, Керченского металлургического завода, готовые аэропланы и запасные части к ним, радиостанции, автомобили, телеграфное оборудование³⁷⁴. Отправлялось в Германию имущество бывших дворцов императорской фамилии на Южном берегу Крыма. Так, 30 июня 1918 года вахмистр Водрих, явившийся с группой солдат в имение Ливадия, приказал вывезти мебель из парадного кабинета Николая II и некоторые вещи, составляющие личную собственность императрицы Александры Федоровны. На протест заведующего дворцом Б. Б. Рудзинского вахмистром было заявлено, что ему поручено забрать обстановку, которую он сочтет подходящей. Среди изъятого оказались диван, кресло, стулья, столы, комод, вазы, персидские ковры, картины, в том числе две кисти И. К. Айвазовского³⁷⁵. С царской яхты «Алмаз» содрана вся обшивка, похищена мебель. Ценности Бахчисарайского ханского дворца расхищались офицерами 7-го егерского полка. Проследовавшие через Бахчисарай немецкие воинские части похитили разного дворцового имущества на сумму в 2785 рублей³⁷⁶.

Изъятие продовольствия вызвало рост цен на него.

Вернемся, однако, к внутренней политике Краевого правительства. Оно пыталось вводить компенсации, например, служащим (которые, тем не менее, в большинстве своем владели жалкое существование, причем при всех режимах), продовольственные пайки и другую помощь бедствующим категориям населения.

2 августа в Симферополе открылась биржа труда. Парадоксально, но обращались туда немногие. Безработица в Крыму, несмотря на перенасыщенность беженцами, не достигла масштабов: часть населения с приходом немцев подалась в Россию, часть – принялась торговать, чем попало, часть – была занята на полевых и садовых работах³⁷⁷. Немало безработных трудоустроили профсоюзы, руководимые по-прежнему меньшевиками. Но с ноября безработица стала расти.

Учитывая многолетние ходатайства общественности и значительное количество оказавшихся на полуострове деятелей науки, 30 августа Крымское краевое правительство принимает постановление «Об учреждении Таврического университета», в создании которого немаловажную роль сыграл С. С. Крым, были выделены средства на его устройство и содержание. Университет в присутствии Сулькевича и Коша торжественно открыт в здании Дворянского театра в Симферополе 14 октября. Первым его ректором стал доктор медицины, профессор Р. И. Гельвиг. Керченскому Кушниковскому девичьему институту Совет Министров ассигнует 62 тысячи 500 рублей³⁷⁸. 11 ноября правительство принимает постановление об учреждении для детей убитых и увечных воинов 400 стипендий Военного министерства для обучения в учебных заведениях Крыма³⁷⁹.

Выделяются средства на содержание музеев археологических раскопок в Херсонесе и Евпатории, музея обороны Севастополя, Карасубазарской мужской гимназии (за

1916–1917 годы), на ремонт Симферопольской татарской учительской школы. Принимаются меры по охране памятников старины. Несмотря на цензурные ограничения, выходят разнообразные периодические издания. Действовала Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК), членом которой с 1912 года являлся сам Сулькевич.

Однако следует иметь в виду, что далеко не все решения властей были реализованы.

Тем временем Германия, Австро-Венгрия и Турция стремительно катились к военному поражению и общественным потрясениям. Экономические показатели поползли вниз. Под боком действовала Добровольческая армия. Все эти разнородные факторы сильнейшим образом резонировали в крымской общественно-политической среде.

Журналисты не жалели самых темных красок, перечисляя грехи режима. «Все правление г. Сулькевича проникнуто антидемократическим духом, – настаивал один из них. – Первая конкретная ошибка заключается в роспуске городских дум и земских собраний, вторая – в полнейшей неорганизованности краевых финансов.

Если первая ошибка сразу поставила в оппозицию правительству широкие слои демократии, то вторая подорвала к нему доверие всего населения и, главным образом, буржуазии (на поддержку которой и рассчитывал Сулькевич! – *Авт.*).

Наконец, третья ошибка – неумение окружить себя подходящими помощниками. В каждом министерстве свили себе гнезда бывшие бюрократы, которые очень быстро «обюрократили» всю машину»³⁸⁰.

(Знали бы авторы, какое «житие» ждет их во время самое ближайшее...)

Сулькевич мог бы опираться на крымско-татарские структуры, что он отчасти и делал, но последние сами переживали не лучшие времена. Внутри их все более высвечивались различные социальные устремления, а программные обещания, прежде всего в аграрной сфере, оставались невыполненными. Это усиливало протест беднейшей части татарского крестьянства, несмотря на всю его забитость. Классовые конфликты разрывали народ на враждующие группы.

Имеются данные о деятельности в июле Татарской рабочей партии во главе с С. Карыковым.

Возобновивший после летнего перерыва заседания Курултай (1 сентября) погрузился в «вермишель» далеко не первостепенных вопросов: финансы, вакуфы и пр. Возмущенные левые – А. А. и У. А. Боданинские, С. М. Меметов, И. С. Идрисов и другие, – огласив красноречивую декларацию, выходят из Курултая. Осенью они вступили в РКП(б), создав мусульманскую секцию и встав на путь подпольной борьбы против белых и интервентов (исключая комиссара Бахчисарайского ханского дворца художника У. А. Боданинского).

13 сентября, во время кризиса в Краевом правительстве, Курултай счел нужным себя распустить «по случаю праздника курбан-байрам». Еще один удар нанесла капитуляция Германии и Турции, на которых возлагались столь большие надежды. Так, крымско-татарское движение, пережив свою золотую пору в 1917 году, практически сходит с авансцены.

Опять начинается таможенная война с Украиной. И опять крайним оказывается правительство Сулькевича, которое не сумело воспользоваться передышкой во время переговоров и не сделало запасов.

15 октября в Гаспре (имении графини С. В. Паниной) состоялось совещание кадетских лидеров совместно с представителями промышленников П. П. Рябушинским и Д. В. Сироткиным, на котором набрасывается программа действий будущего правительства: возрождение единой России, которое должно идти только снизу, от самоуправлений; организация местной власти, но при опоре в военном отношении на Добровольческую армию. На платформе «единой России» сошлись с умеренными социалистами, хотя сохранялись разногласия: не предрешать форму правления («демократическая», «республиканская» – пусть вопрос этот решает Учредительное собрание, но только новое, а не старое). На следующий день в Ялте, на квартире Н. Н. Богданова, кадетское руководство, предварительно заручившись согласием фон Энгелина, окончательно решило требовать отказа от власти Сулькевича, поддержать кандидатуру С. С. Крыма⁷ на пост председателя нового правительства, куда

---

⁷ Крым Соломон Самуилович (Самойлович) (1867–1936). Караим. Окончил Феодосийскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, перешел в Петрово-Разумовскую земледельческую академию. В 1890 году подвергся аресту за участие в студенческом движении. По окончании академии вернулся в Крым, служил чиновником. Выйдя в 1898 году в отставку, избрал профессию агронома. Его садово-виноградное хозяйство в Феодосийском уезде справедливо считалось образцовым. Владелец соляных приисков, совладелец «Банкирского дома братьев Крым». Участник различных сельскохозяйственных обществ, почетный мировой судья Феодосийского уезда (1895–1911), гласный Феодосийской городской думы (1898, 1914), гласный Феодосийского уездного (1892–1911) и Таврического губернского (1894–1911) земских собраний, делегат съездов земских и городских деятелей в Москве, душеприказчик художника И. К. Айвазовского. Член учетно-ссудного отделения Государственного банка, пайщик акционерного общества табачных фабрик. Организатор Пастеровской станции в Феодосии, инициатор создания и директор городской публичной библиотеки. Состоял в партии конституционных демократов, председатель ее Феодосийского комитета. Личный дворянин и статский советник (1916), избирался от Таврической губернии депутатом I и IV Государственных дум (в I Думе входил в Конституционно-демократическую фракцию, в IV Думе член Прогрессивного блока). В 1915 году избран членом Государственного Совета от Таврического земства, примыкал к левой группе. Играл заметную роль в караимской общине Феодосии, участвовал в работе первого Всероссийского национального караимского съезда в Евпатории (1–9 ноября 1910 года). В 1912 году его кандидатура была предложена на должность Таврического и Одесского караимского гахама. Член ТУАК с 1912 года, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Автор ряда работ на темы сельского хозяйства, воспоминаний об основателе Карадагской биостанции Т. И. Вяземском, драматической хроники «Шагин-Гирей хан». Один из инициаторов создания в Крыму высшего учебного заведения, впоследствии постоянный член и председатель Попечительского совета Таврического университета, вносил собственные средства для его становления. После Февральской революции назначен комиссаром Временного правительства по заведованию отделом по управлению национализированными сельскохозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства, направлен в Таврическую губернию для содействия созданию продовольственных комитетов и усилению подвоза хлеба к станциям и пристаням. В ноябре 1918-го – апреле 1919 года председатель второго Крымского краевого правительства и одновременно министр земледелия и краевых имуществ. Эмигрант. Во Франции окончил высшую сельскохозяйственную школу в

должны также войти кадеты Н. Н. Богданов, В. Д. Набоков и М. М. Винавер. Оппозиция приступает к действиям.

18 октября трехдневный съезд губернских гласных и городских голов, представителей земских управ принял развернутую резолюцию, основными моментами которой были:

1) «воссоздание единой России» и созыв Учредительного собрания; 2) восстановление гражданских свобод, распущенных городских и земских самоуправлений, всемерная демократизация; 3) созыв Краевого сейма на основании всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права (до создания в Крыму народного представительства временное правительство «обладает всей полнотой законодательной и исполнительной власти»); 4) ежемесячные отчеты правительства перед земско-городскими собраниями, но без политической ответственности перед последними; 5) выбор главы правительства по соглашению со всеми политическими партиями, представленными на съезде. «В председатели совета министров избирается С. С. Крым, которому поручается составление кабинета». Наконец, съезд потребовал «немедленного отказа от власти» (выделено нами. – *Авт.*) Сулькевича³⁸¹.

А тот еще пытается удержаться у власти. Он вынашивает планы разгона земского съезда – но сил нет. Опечатывает 19 октября типографии оппозиционных газет «Прибой» и «Крымский Вестник», но германские власти, отвернувшись от своего бывшего протеже, распоряжаются о снятии печатей и выпуске газет. В тот же день правительство Сулькевича объявляет о созыве Краевого парламента на 7–10 декабря, создает комиссию во главе с М. М. Кипчакским по организации выборов; 22 октября – заявляет о воссоздании волостных земств; 24-го – о восстановлении полномочий городских дум и земских собраний. Сулькевич согласился на «образование нового кабинета, опирающегося на все элементы населения», с обязательным представительством от национальных групп³⁸². Провозглашается «полная свобода печати». Однако эсеровская организация заявляет, что если к 29 октября не будет сформирован кабинет во главе с С. С. Крымом, она оставляет за собой полную свободу действий. За скорейшее вступление правительства С. С. Крыма в свои обязанности высказывается 26 октября Симферопольская городская дума.

31 октября комиссия по созыву краевого парламента, на заседание которой, однако, явились немногие (18–20 человек из 83), начала работу, решив созвать Сейм не позднее 1 января 1919 года. Но кабинет Сулькевича был обречен. 3 ноября генерал Кош заявил об отказе от его поддержки.

4 ноября Сулькевич телеграфирует в Екатеринодар командующему Добровольческой армией А. И. Деникину: «Развал среди германских войск идет полным ходом... Нет никакой опоры для борьбы... Возможны вспышки и повторение неистовств большевиков... Обстановка ясно говорит за необходимость быстрой помощи союзного флота и добровольцев... Ввиду борьбы и сильной агитации левых партий, кабинет мой слагает свои полномочия, уступая место коалиционному министерству из кадетов, социалистов и татар...»³⁸³

Тем временем, 7–10 ноября новый съезд земцев потребовал создания демократического

Монпелье, учился в лицеях Тулузы и Бордо, работал на русской зоологической станции имени профессора А. А. Коротнева в Виллафранже (Вильфранж-сюр-мер), участвовал в издании «Русского альманаха» (Париж). Также являлся членом правления Крымского землячества в Париже со дня его основания (29 мая 1922 года), Им было основано Караимское общество во Франции (16 декабря 1923 года). До отъезда из столицы С. С. Крым возглавлял его в качестве председателя, затем был почетным председателем. Председатель Союза (Общества) русских агрономов в Париже (с октября 1926 года). Работал в Институте Пастера. Для изучения сельского хозяйства посетил Палестину, в качестве эксперта – Великобританию. Масон, член ложи «Полярная звезда» (Париж). По причине болезни ему пришлось покинуть Париж и переехать в район Тулона (Маронье Комб), где последние два года жизни жил в собственном имении «Крым». За заслуги по садоводству на юге Франции получил звание «шевалье дю мериж агриколь».

правительства, которое немедленно предприняло бы шаги к «установлению связи и соглашению с образовавшимся в Уфе правительством в целях ускорения дела объединения всех возникших новых государственных образований и возрождения единой России на демократических началах». Съезд обвинил Сулькевича во всевозможных грехах: «полной несостоятельности во всех областях управления», «полном отрицании общественных интересов и демократических начал», неумении навести порядок и т. д. и т. п. 384

Единственными политическими образованиями, пытавшимися не допустить смещения Сулькевича, были крымско-татарские. 9 ноября собирается Общекрымский татарский съезд, принявший решение о немедленном созыве Общекрымского парламента с учредительными функциями. Выдвигается требование, чтобы представительство татар в краевом правительстве, возглавляемом обязательно татаринном, было пропорционально их удельному весу в общей массе крымского населения, а в случае игнорирования этого Курултай намеревался поддержать правительство Сулькевича. Но возможности национального движения теперь были мизерны.

12 ноября германское командование приказало начать вывод своих войск из Крыма, а 14-го официально уведомило губернскую земскую управу об устранении правительства генерал-лейтенанта. В этот же день оглашается правительственное сообщение за подписью председателя Совета Министров, в котором среди прочего извещалось: «...Правительство объявляет, что оно передаст немедленно власть тому кабинету, который будет сформирован представителями общественных деятелей по соглашению с представителями национальных групп». 15 ноября до населения доведено правительственное сообщение Сулькевича о том, что «правительство, мною возглавляемое, передало управление Краем правительству, возглавляемому председателем Таврического земского собрания С. С. Крымом» 385.

Так безрезультатно закончилась первая и фактически единственная в XX столетии попытка создания в Крыму самостоятельного государства. Итог был предreshен – слишком мощные силы втягивали регион в поле своего воздействия, слишком шаткой была социальная и политическая база первого Краевого правительства.

Глава VI

Второе Крымское краевое правительство: крах демократического эксперимента

Мировая война завершилась. Еще 23 декабря 1917 года Англия и Франция разделили между собой Юг России на зоны влияния. Сфера французских интересов включала Украину, Бессарабию и Крым, английских – Дон, Кубань, Кавказ. Одной из целей конвенции были гарантии вложенных в эти регионы капиталов. Предусматривалось оказание помощи Добровольческой армии. Крым рассматривался как удобный военный плацдарм. Тактика союзников беспрерывно корректировалась в зависимости от непредсказуемых изменений ситуации в России, Украине и пр. и внутривосточного поля в самих странах Антанты.

Исключительная роль в реализации этих замыслов отводилась Средиземноморской эскадре, которой осенью 1918 года командовал английский контр-адмирал Сомерсет Артур Гош Калторп. В начале 20-х чисел ноября эскадра союзников подходит к Севастополю. На борту кораблей располагались английская морская пехота, 75-й французский и сенегальский полки, греческий полк.

26 ноября вся эскадра – 22 судна, английских, французских, греческих и итальянских – красовалась на рейде Севастополя. Сюда прибыло второе Крымское краевое правительство в полном составе, военная, городская, земская, крымско-татарская, немецкая (колонисты)

делегации. Правительство было принято на флагмане, английском дредноуте «Сьюперб», контр-адмиралом Калторпом в своей каюте.

С кратким спичем выступил новый председатель Совета Министров С. С. Крым: «Адмирал! Как глава крымского правительства я вас приветствую в нашей стране. Демократическое правительство, представителем которого я имею честь быть, недавно сформировалось без всякого стороннего влияния. Оно возникло из краевого земства. Его программа ставит первой задачей борьбу с анархическими и большевистскими элементами, воссоздание России единой и неделимой, национальное возрождение. В достижении этой цели мы рассчитываем на вашу поддержку. Добро пожаловать, как наши друзья и давнишние союзники и как воплощенные представители наших надежд и наших патриотических желаний»³⁸⁶. Он же пригласил Калторпа на завтрак на берегу. По воспоминаниям организатора этой встречи, выполнявшего функции начальника протокола при Краевом правительстве, А. В. Давыдова, «с любезной улыбкой адмирал ответил, что он, к сожалению, не может принять приглашения, т. к. единственной властью на Юге России, признанной его правительством, является власть ген. Деникина. Наступила минута неловкого молчания...» Затем министр внешних сношений М. М. Винавер прочел заранее написанную им по-французски цветистую приветственную речь, предназначавшуюся для завтрака, ответа на которую не последовало. Тогда к Калторпу на чистом английском обратился министр юстиции В. Д. Набоков, рассказав, как в годы войны он с группой депутатов Государственной думы посетил Англию и был принят на кораблях королевского флота. Контрадмирал оживился, стал припоминать подробности, и беседа могла бы затянуться надолго, «если бы вдруг не открылась дверь в каюту и вестовой не возгласил бы: «Lunch, Sir!» Аудиенция была кончена, и флагманский офицер проводил правительство до трапа...»³⁸⁷ Первый дипломатический контакт Краевого правительства, для организации которого было выделено 25 тысяч рублей³⁸⁸, закончился без результатов.

Главной базой союзников стал Севастополь. Здесь расположились морское и сухопутное командование войсками. На берег первоначально высадился английский десант в 500–600 человек, затем – французский – в 1600. Всего к началу 1919 года в Севастополе сосредоточилось, по всей видимости, до 5,5 тысячи десантников, включая до 3 тысяч французов и 2 тысяч греков³⁸⁹. К апрелю эта цифра выросла до 22 тысяч³⁹⁰, включая два полка греков, одну бригаду французов (170-й и 175-й полки) и до 7 тысяч сенегальских стрелков. Флот Антанты в Севастополе включал броненосец «Лемнос», крейсер «Аверов» и два миноносца (Греция), броненосец «Мальборо», крейсер «Калипсо» и три миноносца (Великобритания), четыре броненосца и пять миноносцев (Франция), один итальянский миноносец, французское госпитальное судно и до 15 транспортов³⁹¹. Отдельные суда и небольшие отряды расположились также в Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи.

Как были встречены в Крыму новые лица? Обратимся к свидетельству рядового участника событий: «Наконец-то прибыли в Ялту сегодня первые представители союзников, английский миноносец «Senator» и французский «Dehorter». Как только сменился с поста, сейчас же побежал на мол. Тут... целое море голов. Оба судна обсыпаны публикой, с интересом рассматривающей долгожданных союзников. Сами союзники, английские и французские моряки, тоже в свою очередь облепили перила и с любопытством изучали нас русских». (...) Вечером «весь город, верней, все главные кафе забиты ялтинской публикой и иностранными матросами и офицерами. Их угощают, как друзей и освободителей, так как уверены теперь, что скоро будет finish большевикам. Повсюду радость и веселье. Радость необыкновенная. (...) Но настроение такое только у так называемой буржуазии и интеллигенции, у рабочих же совсем не то, и, идя вечером домой, мне пришлось слышать ропот негодования против притянутых «иностраных наемников»»³⁹².

Протест рабочих против явления Крыму «гостей» не ограничился ворчанием. 15 декабря в Севастополе прошла двухдневная забастовка грузчиков, не желавших работать на интервентов. 17 декабря была открыта стрельба по зданию штаба флота (обстрелы антантовских патрулей стали нередким явлением). 19 декабря – совершено нападение на тюрьму, где стояла иностранная охрана. 23 декабря обстрелу подверглись уже сами корабли. И так далее.

Крымский кабинет хотел от союзников поддержки Добровольческой армии, постоянного пребывания судов и десантов в портах полуострова и немедленного удаления остатков немецких войск из Крыма и прекращения вывоза ими российского имущества.

Союзники на первых порах ограничились полной ликвидацией немецкого оккупационного режима и выводом русских кораблей из Севастополя. Командование эскадрой после ряда смен перешло к французскому вице-адмиралу Жан-Франсуа Амету, сухопутными войсками руководили французские полковники Рюйе, затем – Эжен Труссон.

В дальнейшем союзные войска занимались главным образом поддержанием порядка (содействие в уголовном розыске, поимка большевиков, охрана тюрем, патрулирование прежде всего «неблагополучных» городских районов) и поставками оружия и обмундирования. Краевое правительство бомбардировало морское и сухопутное командование интервентов просьбами о военной поддержке, защите Перекопа. Оно предлагало переместить союзнические гарнизоны в глубь полуострова – тысячу человек расположить в Симферополе, по 500 – в Евпатории и Феодосии, по 300 – в Карасубазаре и Джанкое, по 100 – в Перекопе и Таганаше (с. Соленое Озеро Джанкойского района). Но антантовское руководство, сберегая силы и чувствуя за своей спиной растущее недовольство интервенционистской акцией, воздерживалось от участия в боевых действиях. Только в марте 3 тысячи греков были направлены на Перекопский перешеек.

«Взаимоотношения двух действовавших на нашей территории воинских сил, – пишет М. М. Винавер, – Добровольческой и союзнической – складывались довольно своеобразно. В Симферополе сидел главноначальствующий русской армии, а в Севастополе – главноначальствующий союзнической армии и главноначальствующий союзного флота. От Симферополя до Севастополя два часа езды. И за четыре месяца, до п о л о в и н ы марта 1919 года, ни главноначальствующий русской армии, ни его начальник Штаба н и р а з у не вели деловой беседы с начальниками союзнических сил. (...) Для связи с союзниками командование ДА (Добровольческой армии. – *Авт.*) ограничилось назначением в Севастополь приблизительно в январе месяце полковника барона Нолькена, сравнительно молодого, весьма благовоспитанного человека, в задачи которого могло входить в лучшем случае информирование ДА о том, что происходит в Севастополе, а отнюдь не самостоятельное, от имени ДА, согласование военных планов с союзниками»³⁹³.

В то же время Главнокомандующий А. И. Деникин и его помощник генерал-лейтенант А. С. Лукомский, через голову Краевого правительства, вели прямую переписку со штаб-квартирами союзников в Бухаресте и Одессе.

26 декабря, после соглашения с атаманами Донского и Кубанского войск, А. И. Деникин становится Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР).

Программа самого Главнокомандующего была предельно проста: «борьба с большевизмом до победного конца»; «великая и неделимая» Россия; «защита веры», «вопрос о форме правления – дело будущего», «русская внешняя политика», «славянское единение», «все силы для армии». На практике зачастую реанимировалось в полном объеме помещичье землевладение, а профсоюзы подвергались всевозможным утеснениям и репрессиям. Национальный вопрос, помимо великорусского, для Деникина не существовал. Все это, вместе взятое, на наш взгляд, предreshало поражение Добровольческой армии.

К тому времени стало понятно, что без консолидации сил о победе над большевиками не стоит и мечтать. Весной было оформлено единое управление железными дорогами Крыма, Дона и Кубани, что имело не только экономическое, но и прежде всего военно-политическое значение.

Правда, попытки включить Крым в общероссийское или хотя бы «общеюжное» пространство результата не имели. Теперь его окружали: с севера – добровольцы, казаки – донские и кубанские, Украина с ее неразберихой, «зелеными» атаманами, отрядами Н. И. Махно, далее – красные войска; с юга – флот Антанты. Причем добровольцы и интервенты подчинили крымскую территорию. Первоначально (после падения кабинета М. А. Сулькевича) она входила в зону Крымской (с января 1919 года – 4-й) пехотной дивизии под командованием генерал-майора А. В. Корвин-Круковского, затем – Крымско-Азовского корпуса (впоследствии армии) генерал-майора А. А. Боровского. Так что Краевое правительство – вопрос о введении военной диктатуры в Крыму Деникин пока не ставил – вынуждено было балансировать между интервентами (французский консул с особыми полномочиями Э. Энно) и Добрармией.

Руководство последней официально заявило 22 ноября, что армия «не намерена вмешиваться в область деятельности Крымского правительства, но, если понадобится, во всякое время окажет ему помощь вооруженной силой»³⁹⁴. Тем не менее, военные власти с самого начала своего водворения на полуострове стали нагнетать обстановку, доказывая, что Крым наводнен большевиками, а правительство нерешительно в борьбе с ними.

На запрос С. С. Крыма Деникин сообщил следующее: серьезные силы отправить в Крым возможности нет, поэтому «я сделал распоряжение: 1) немедленно выслать небольшой отряд с орудием в Ялту. 2) другим отрядом занять Керчь (что и произошло 22 ноября. – *Авт.*) 3) в командование вооруженными силами вступить ген. майору Корвин-Круковскому, которому даны следующие инструкции:

Русская государственность. Русская армия. Всемерное содействие Крымскому Правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и борьбу вокруг власти (выделено нами. – *Авт.*)». Далее шла речь о мобилизации офицеров и солдат в самом Крыму (поручено генерал-майору А. К. де Боду, с конца 1917 года возглавлявшему Крымский центр Добровольческой армии). И концовка: «От души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы. Уважающий Вас А. Деникин» (20 ноября)³⁹⁵.

Итак, приступившее 15 ноября к своей деятельности Крымское краевое правительство С. С. Крыма получило «благословение» Главнокомандующего Добровольческой армией.

По словам В. А. Оболенского, выдвижение С. С. Крыма на должность главы правительства объяснялась тем, что: «во-первых, он был старым местным общественным деятелем, известным широким кругам населения. Принадлежа к партии Народной Свободы, он, однако, в ее борьбе с другими течениями не занимал боевых позиций, так как по натуре не обладал боевым темпераментом и всегда склонялся к компромиссным решениям. Как старый либеральный земец, он имел обширные знакомства среди третьего элемента, по преимуществу социалистического, как крупный землевладелец и бывший член Государственного Совета, пользовался авторитетом среди правых кругов. Наконец, мы надеялись на его популярность среди татар, которые его проводили, как своего кандидата, выборщиком от Феодосийского уезда во все (так в тексте. – *Авт.*) Государственные думы. В бытность свою членом Думы и Государственного Совета он всегда поддерживал связь с крымскими татарами и горячо защищал их интересы.

Заменяя татарское правительство Сулькевича русским, нам нужно было показать татарам, что мы не намерены вести политики, враждебной татарскому населению, и фигура С. С. Крыма

во главе нового правительства, как нам казалось, давала достаточные гарантии в этом отношении»³⁹⁶.

А теперь – о составе правительства (с характеристиками, порой излишне благозвучными, министра внешних сношений М. М. Винавера).

Председатель Совета Министров, а также министр земледелия и краевых имуществ, С. С. Крым, кадет, «счастливо соединял в себе данные подвизавшегося уже на большой государственной арене политика с глубоким знанием местных крымских условий. (...) Человек либеральных взглядов – скорее умеренных, чем радикальных – он, однако, сумел на посту премьера снискать себе расположение всех левых элементов, доверявших его уму, энергии и глубокой преданности интересам края. Человек зоркий, видящий гораздо глубже, чем это могло казаться по его неизменно обходительному обращению, – обладающий редким здравым смыслом и исключительным знанием людей, он умел, оставаясь сам собой, находить во всех трудных случаях примирительные формулы, проникнутые здоровым ощущением реальности... (...) В качестве главы правительства... ему приходилось применять этот примирительный талант не к столкновениям между лицами, а к сочетанию двух линий, совместное преследование которых требовало большого такта, большого внимания к интересам отдельных частей немногочисленного, но весьма пестрого по составу своему населения. И этот такт никогда не изменял ему».

А. П. Барт, министр финансов, бывший управляющий Таврической казенной палатой. «...Тип культурного местного бюрократа, бойкого, но строго соблюдающего все подобающее его положению достоинство в манерах, в речи и даже в почерке». Исполнял «роль техника, а не политика...»

В. Д. Набоков, министр юстиции, кадет, член ЦК партии. «Всегда одинаково гладкий, благовоспитанный, он прекрасно приспособлялся к атмосфере, весьма близко напоминавшей атмосферу Временного Правительства...».

Н. Н. Богданов, министр внутренних дел, бывший Таврический губернский комиссар. «Огромная энергия и смелость совмещались в этом человеке с исключительной мягкостью и бесконечным добродушием. Старый земец и кадет, он (...) пользовался огромной популярностью среди местного населения. (...) Этот непрезентабельный грузный человек был, пожалуй, больше всех других любим в нашей среде».

С. А. Никонов, министр народного просвещения и исповедания, эсер. «Социалист-революционер по убеждениям, жестоко расправлявшийся на словах со всеми «негодями», представителями старого режима, он на деле был мягчайший и снисходительнейший человек. (...) Прекрасный врач, прославленный на весь край хирург, влюбленный в свое дело, он, подчиняясь призыву товарищей, среди которых он пользовался огромным личным уважением, пошел в правительство, точно на Голгофу». С 24 ноября Никонов стал также председателем медицинского совета при МВД в ранге министра.

П. С. Бобровский, краевой секретарь и контролер, с 30 ноября – министр труда, член «Единства». «Юрист по образованию, по профессии присяжный поверенный, человек толковый, не прямолинейный, с большой практической сноровкой в общественных делах, он пользовался большим авторитетом в местных левых кругах, хотя откровенно и с большим убеждением полемизировал не только с эсерами, но и с социал-демократами более ортодоксального направления. (...) За полгода нашего управления краем ему удалось все вспыхнувшие между работодателями и трудящимися многочисленные конфликты улаживать мирным путем и обессиливать большевистскую пропаганду, несмотря на наличие горячего материала, особенно среди портовых рабочих».

А. А. Стевен, министр продовольствия, торговли и промышленности, с 17 ноября – также

исполняющий обязанности министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественных работ. «Бритое, худощавое лицо, сдержанные манеры, деловитая, немногосложная речь – вся повадка, наконец, отличали в нем, как и его фамилия, английское происхождение (вернее шведское. – *Авт.*). Однако семья Стевенов давно уже кровно срослась с Крымом. (...) Земец и землевладелец, он не знал других интересов, кроме крымских, и добросовестно, с энергией и деловым тактом исполнял свои общественные обязанности».

Управляющим военным министерством первоначально был генерал-майор А. С. Мильковский, с 17 ноября функции военного и морского министра перешли к Богданову, с 21 декабря морским министром назначается адмирал В. А. Канин (военными делами стал ведать генерал-майор М. М. Бутчик, по Винаверу – «полная бездарность, фигура совершенно бесцветная, человек молчаливый, принявший должность ради хлеба насущного и не оставивший в памяти нашей никакого следа, ни хорошего, ни дурного»)397.

В конце марта 1919 года министром путей сообщения был назначен инженер С. Н. Чаев, известный, в частности, тем, что в 1902 году предлагал строительство железной дороги Бахчисарай – Ялта, а в 1909-м совместно с инженером-тоннеле-строителем П. Д. Кандауровым образовал товарищество для организации Акционерного общества электрических железных дорог с намерением строить дорогу Бахчисарай – Ялта с тупиковыми ветвями на Симеиз и Алушту, однако необходимых капиталов собрать не смог. Управделами Совмина до 1 декабря формально был Н. А. Воейков, принявший должность в наследство от М. А. Сулькевича, затем его обязанности перешли к Бобровскому. Управляющим Краевой канцелярией стал Н. Н. Кольшкевич (с 1 декабря).

Стивен, Барт и Чаев не принадлежали к каким-либо партиям (партийная принадлежность прочих нам известна).

Симферополь в те месяцы был переполнен беженцами, поэтому члены правительства получили «государственные квартиры» в губернаторском доме, ибо жили они в разных концах Крыма: С. С. Крым – в Феодосии, Набоков – в Гаспре под Ялтой, Винавер – в Алуште, Богданов – в Симеизе, Никонов – в Севастополе. Заседал кабинет ежедневно или даже дважды в день. «Работали мы дружно. Никто из нас не был формально зависим от своей партийной организации...»398 При этом для контакта с командованием войск Антанты приходилось находиться в Севастополе и дважды в неделю навещать в Симферополь для участия в заседаниях правительства.

Декларация нового Крымского краевого правительства от 14 ноября – документ краткий и довольно обтекаемый. Он декларировал единую и неделимую Россию как «свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех народностей, его населяющих», экономический подъем. Правительство понимало под «стремлением к возрождению единой России» «не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих». И далее: «Правительство почтет своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма, в частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения»399.

«Крымское правительство создано было, как временное, – прямо подчеркивала Декларация от 5 февраля 1919 года, – и ставило себе основную задачу содействие воссозданию России. Эту задачу, которая тесно связывает его с деятельностью добровольческой армии, правительство выполняет и будет выполнять до тех пор, пока не создастся единая авторитетная общероссийская государственная власть, а до того времени

правительство останется на своем посту и будет исполнять принятые им на себя перед населением обязательства, охраняя порядок и содействуя укреплению гражданственности и культуры в стране»⁴⁰⁰. Таким образом, серьезных реформ от Краевого правительства ожидать не придется.

Правительство, осознавая те многочисленные проблемы, которые будут порождены пребыванием в Крыму частей Добрармии, сочло нужным издать особое «Обращение к населению от Крымского краевого правительства», где разъяснялось, что «части армии прибывают сюда исключительно для поддержания порядка, без всякого вмешательства во внутренние дела края. Если обстоятельства местной жизни потребуют употребления в Крыму силы Добровольческой армии, то таковое может последовать только с согласия Краевого правительства»⁴⁰¹.

Премьер уточнял: «Мы признаем ее (Добрармию. – *Авт.*) постолько, поскольку она аполитична и поскольку она не вмешивается во внутренние дела Крыма (выделено нами. – *Авт.*). Она могла бы защищать нас при угрозе с севера, как часть единой России»⁴⁰².

Объявляется мобилизация возрастов 1896, 1897 и 1898 годов, но она шла ни шатко ни валко. М. М. Винавер констатировал, что мобилизация в Крыму не удалась⁴⁰³.

После «реакционного курса» Сулькевича на кабинет С. С. Крыма возлагались большие надежды. Но тот же, считавшийся «левым», В. Д. Набоков писал со всей откровенностью: «...Параллельно с этим по необходимости длительным и особенно в наших русских условиях медленным процессом (созидательным. – *Авт.*) должен идти и другой: процесс восстановления аппарата государственной власти. И первым условием такого восстановления должно быть отыскание той совершенно реальной принудительной силы (выделено нами. – *Авт.*), которая лежит в основе всякой государственной власти и без которой существование власти мыслится только в теориях анархизма»⁴⁰⁴. (Ср. с ленинским: государство есть аппарат насилия). Плюс гарантия от страшной большевистской опасности, гарантия в виде добровольцев и Антанты.

Тем временем кабинет С. С. Крыма сразу столкнулся со множеством проблем, немалому числу показавшимся неразрешимыми, во всяком случае в пределах Крыма и в близком будущем. Одна из острейших – состояние экономики края.

К декабрю 1918 года продовольственное положение Крыма заметно ухудшилось. Поползли вверх цены, оживились спекулянты. Реакцией стали (вспомним Февраль 1917-го) так называемые «женские бунты» в городах Крыма. К марту можно было констатировать настоящий продовольственный кризис. Действовала хлебная монополия (из расчета 3/4 фунта хлеба в день на человека). Нерасторопность продовольственных органов вызывала всеобщие нарекания.

Крымскому приходилось снабжать Антанту и Добровольческую армию, кормить бесчисленных беженцев. Беспрепятственным, до поры до времени, был вывоз хлеба и прочих продуктов, как и товаров первой необходимости, за границу. И только 27 марта либеральное «рыночное» правительство решилось на ограничение экспорта: «Вывоз из Крыма: одежды, обуви, хлеба в зерне и муке, фуража, мешков, сахара, варенья, повидла, чая, кофе, соли, сала, масла, рыбы, мануфактуры, шерсти, овчины, всяких кож, железа разного, масла солярового, лесного сырья, дров, угля древесного, спирта, стекла и цемента – допускается не иначе, как по разрешениям, выданным Особыми Комиссиями»⁴⁰⁵.

С падением режимов Скоропадского и Сулькевича и общим изменением военной и международной обстановки пришел, к счастью, конец абсурдной и изнурительной таможенной войне. В 20-х числах ноября 1918 года Перекопская таможня была упразднена и вместо нее учрежден Перекопский таможенный пост⁴⁰⁶. А 15 марта 1919 года – ликвидированы

Джанкойская таможня, Таганашский и Перекопский таможенные посты и Арабатская таможенная застава⁴⁰⁷.

Немало проблем существовало в аграрном секторе. Не решаясь на глубокие преобразования, Совет Министров принял закон об аренде земель (14 марта), согласно которому устанавливались твердые цены аренды для безземельных крестьян, исполняя аренда допускалась лишь по согласию самого арендатора.

Рука об руку с деградацией земледелия шло падение производства. Предприятия закрывались одно за другим, в том числе и знаменитый Севастопольский морской завод. Катастрофически росло число безработных, не по дням, а по часам падал жизненный уровень всех слоев населения, исключая спекулянтов да «диких» капиталистов. Так, ординарный профессор Таврического университета, несмотря на действительную заботу правительства, получал в марте 10 800 рублей, экстраординарный – 10 200, доцент – 7200⁴⁰⁸, чего едва-едва хватало на минимальное пропитание.

Бедственное положение края толкает правительство на создание новой бюрократической инстанции. 3 марта 1919 года оно учреждает Крымский краевой экономический совет при Совмине, в который вошли министры, представители местных органов самоуправления, Крымского совета профсоюзов, совета кооперативных съездов, союза инженеров, крымской биржи, союза мукомолов и Таврического университета.

В центре внимания Экономического совета оказалась самая болезненная проблема – безработица. Но что было делать, когда министерство труда, подведя итоги обследования экономики края, констатировало: «умирающая промышленность»? Борьтсья с «большевизмом широких масс» (выделено нами. – *Авт.*) – в отличие от коммунистов-профессионалов – методами репрессий безнадежно, – совершенно справедливо резюмировал министр труда П. С. Бобровский. «В этой борьбе есть лишь два средства – демократические реформы и экономические мероприятия, направленные к подъему благосостояния широких масс населения, т. е. опять-таки та же борьба с безработицей (круг замыкается. – *Авт.*) или, иными словами, борьба за подъем промышленности»⁴⁰⁹. Другими словами, продолжим за министра, тупик и провал или – других альтернатив для Краевого правительства, естественно, не было – решающий успех Добровольческой армии, за которым, однако, еще неизвестно что могло последовать.

С целью стабилизации финансового положения правительство (наряду с приобретением разменных знаков у Донского казачьего круга, причем С. С. Крым, благодаря содействию бывшего министра финансов царской России П. Л. Барка, лично под охраной нескольких офицеров перевез из Донского банка 53 млн рублей⁴¹⁰) реализовало планы предшественников, пойдя на эмиссию собственных денег. 7 декабря Совмин постановил: «Отпустить в распоряжение управляющего краевым банком в дополнение к 100 000 руб., отпущенным согласно постановлению совета министров от 4 октября с. г. на общие расходы по изготовлению всех денежных знаков, дополнительный кредит на расходы по изготовлению в Симферополе казначейских денежных знаков 25 руб. и 10 руб. достоинств[ом] в сумме 325 000... рублей...»⁴¹¹. При этом в Симферополе предусматривалось изготовление 25-рублевых на 40 миллионов рублей и 10-рублевых – на 10 и в Феодосии 5-рублевых – на 5 и 3-рублевых – на 6, а также – по распоряжению от 7 февраля – «марок 50 коп. достоинством в качестве знаков почтовой оплаты, гербовых и денежных»⁴¹². (Реально были выпущены 25-, 10- и 5-рублевые купюры и 50-копеечные марки)⁴¹³.

Правительство утвердило уставы банков: Крымско-татарского, Черноморского земельного, Крымского учетно-ссудного коммерческого. Принятые меры позволили привести хотя бы в минимальный порядок финансовые дела края.

Бюджетные поступления обеспечивались главным образом косвенными налогами на табак и вино. Между тем, расходы были исключительно велики. Только на содержание добровольцев уходило 1,5 миллиона рублей в месяц⁴¹⁴. Несколько особняком стоял вопрос о Черноморском флоте, вернее – его остатках, финансирование которого тоже легло на плечи Краевого правительства. Возрождение флота в значительных масштабах не предполагалось: это было нереальным по материальным соображениям, да тогда и ненужным, ибо Черное море целиком контролировалось союзниками. Своей задачей правительство поставило: иметь «хороший, налаженный транспорт, обслуживающий тыл армии и нужды населения, речные и озерные боевые средства и обученный специальный личный состав флота». Матчасть устаревших кораблей предназначалась для нужд армии и на продажу⁴¹⁵.

Краевое правительство, благодаря, в первую очередь, настойчивости С. А. Никонова, на протяжении всего своего существования не упускало из виду проблем культуры и образования – уязвимейших мест государственного организма в годы войны. Предметом особого внимания был Таврический университет, перебравшийся из Ялты в Симферополь. Первоначально на его содержание было выделено 2 300 000 рублей, а 20 марта Совмин принимает решение: «Отпустить в 1919 году из средств Крымской Краевой Казны на содержание личного состава Таврического университета на 1919 год, – согласно штатам 1 381 225 рублей... на содержание низших служащих университета – 153 600 рублей».

Социальная политика кабинета свелась к введению пособий рабочим и служащим Севастопольского морского порта, прибавкам к жалованью и пенсиям служащим, материальной поддержке возвращающимся из плена – 5 тысяч рублей; такая же сумма – Таврической ученой архивной комиссии, на продовольствие и призрение семьям мобилизованных, 38 625 рублей – для улучшения водоснабжения Симферополя и Севастополя (помогло мало), 5 тысяч – жене адмирала А. В. Колчака, проживавшей в Севастополе, 10 тысяч – армянам, возвращавшимся на Кавказ, 113 100 – православному духовенству (священникам по 650, диаконам и псаломщикам – 325 рублей).

Совмин принял законы о страховании рабочих, о биржах труда, но помогло это мало. Министерство труда (П. С. Бобровский) опубликовало 27 февраля данные о безработице, собранные крымскими профсоюзами. Выглядели они так: безработных в союзе табачников (подчеркнем, что речь идет только о членах профсоюзов) – 90 %, сапожников – 90 %, металлистов – 90 %, деревообделочников – 90 %, портных – 80 %, строительных рабочих – 80 %, печатников – 20–22 %. По Симферополю безработица составляла не ниже 50 %, в целом по Крыму – 60 %⁴¹⁶.

Были восстановлены пенсионные кассы для народных учителей, проведен закон о явочном (вместо разрешительного) открытии частных школ, библиотек и читален. Финансировались музеи, общегосударственные лазареты и санатории. Правительство поддерживало работу Никитского ботанического сада, помологической станции в Симферополе, других аналогичных «научно-вспомогательных учреждений»⁴¹⁷.

Краевой властью осуществлялись меры по защите лесов, сохранению виноградно-винодельческого хозяйства. 10 марта 1919 года Совет Министров принял решение организовать «в районе бывшей царской охоты... Крымский национальный заповедник и лесную биологическую при нем станцию»⁴¹⁸.

Каковы же были первые внутривластные действия Краевого правительства С. С. Крыма? «В Крыму, в 1918 году, впервые на территории России была сделана попытка установления демократической власти...»⁴¹⁹ – не без гордости предвещает мемуары М. М. Винавера издатель, его сын Евгений. И – если брать начальный период деятельности правительства – эти слова имеют основание.

Отменяется постановление правительства Сулькевича о крымском гражданстве и об ограничении в правах «иностранцев». Ликвидируется «бюро печати» (гражданская цензура). Принят закон о свободе собраний. Упраздняется созданный Сулькевичем Правительствующий сенат. 28 декабря Совмин отказался от внутренней стражи и передал вопросы организации теперь уже милиции городским самоуправлениям. (Вне городов сохранялась краевая стража.) 3 декабря было утверждено положение о выборах в Краевую сейм. Относительно свободно для периода войны может быть не более того – действуют политические партии (естественно, кроме большевиков и их союзников) и профсоюзы.

29 ноября 1918 года правительство С. С. Крыма приняло постановление о выборах гласных городских дум. Они производились по спискам от партий, общественных организаций и групп граждан. На выборах в Симферопольскую городскую думу 26 января 1919 года было представлено 12 списков, избрано 78 гласных: РСДРП(м) и Бунд получили 12 мест, блок эсеров, Трудовой народно-социалистической партии, «Единства», Дашнакцутюн и СЕРП – 11, Поалей-Цион – 3, «группа татарских избирателей» – 17, кадеты – 21, сионисты – 4, «Общество домовладельцев и торгово-промышленного союза» – 3, «группа беспартийных избирателей» – 3, список «общего собрания крымчаков-евреев» – 3, «группа беспартийных татар» – 1 место⁴²⁰.

Можно констатировать, что в истории гражданской войны на полуострове наступил коротенький эпизод, когда «дух бессмысленной злобы» стал уступать здравому смыслу...

Среди крымских социалистов все большую популярность приобретает пацифистский призыв: «Долой гражданскую войну!». Большевики, эсеры, слабеющие в организационном, финансовом и, главное, смысле массовости – что неизменно констатируется на их конференциях, теряют и единую нить поведения. Причем внутривластные разногласия принимают порой принципиальный характер.

К этому времени влияние эсеров – когда-то самой влиятельной политической силы – значительно уменьшилось. В отчетном письме Южному бюро партии Севастопольский комитет сообщал: «Наша организация количественно очень слаба. В Севастополе до 100–150 человек, в Симферополе – 50–60 чел, в других городах – 20–40 чел. Везде наблюдается резкий отход масс, реагируя на это, интеллигентская наша группа не левеет, наоборот, правее, чем разрыв с рабочими усугубляется еще больше...»⁴²¹

Специфику событий в Крыму, как и ранее, в значительной степени закономерно продолжает определять национальный, в первую голову крымско-татарский, аспект. Отношения татарского национального движения и второго Краевого правительства, в состав которого не вошел ни один крымский татарин и в котором преобладали давние антагонисты Курултая – кадеты, были натянутыми.

Вначале казалось, что национальное движение и крымские власти могут мирно существовать. Свободно выходили газеты «Крым» и «Миллет». Правительство интересуется татарскими настроениями, пригласив для этих целей специалиста для перевода статей из газет на татарском языке, не вмешивается в вопросы религии и национальной школы. Директория остается в занимаемом ею ранее помещении, ее служащим наряду с земскими служащими предоставляются отсрочки от мобилизации.

Однако вскоре опасения татарских лидеров, что отношения их с Краевым правительством не сложатся, стали подтверждаться. Одним из камней преткновения послужило намерение властей мобилизовать крымских татар в белую армию. Воевать за чуждые им интересы, да еще и папахивающие желанием восстановить дореволюционную Россию, татарское население, естественно, не хотело.

В январе 1919 года съезд по народному образованию принимает решение о включении всех татарских школ в общую сеть учебных учреждений, лишая тем самым их руководства

Директории. 18 января правительство предложило Директории освободить занятое ею помещение, а, получив отказ, применило для выселения вооруженную силу. Был выдвинут проект о передаче вакуфных земель правительственной комиссии, что способствовало бы лишению Директории материальной базы.

Вторая ошибка между правительством и националами носила уже сугубо политический характер. Кабинет С. С. Крыма попытался сориентироваться на традиционалистов, чьи взгляды выражала начавшая выходить с 4 декабря 1918 года газета «Ак Сез» («Слово Истины»), прокадетские (а такие тоже были) татарские круги и созвать мусульманский съезд без участия Милли-фирки. 7 февраля этот съезд собрался, но в таком количестве, что съездом его назвать было никак нельзя.

В феврале завершились выборы в национальный парламент. Полную победу одержала Милли-фирка. Из 45 избранных депутатов 35 принадлежали к этой партии и только 10 – были представителями левых и правых, «ибо ни крайние правые, ни крайние левые течения не пользуются симпатией среди широких слоев татарского населения»⁴²².

Изменение ситуации продиктовало корректировку тактических директив. Партия, оставив мечты о независимом крымско-татарском государстве, возвращается к проекту весны 1917 года – культурно-национальной автономии. Дирекция юстиции Директории разработала проект «Положения о культурно-национальной автономии мусульман Крыма», принятый парламентским бюро. Эта автономия распространялась на дела религиозные, культурно-просветительские, социальные нужды, суд, распоряжение бывшим вакуфным имуществом; для реализации ее создается национальный парламент – *Меджлис мебусан* (Собрание депутатов), избираемый татарским населением Крыма на три года, исполнительный орган – Директория. Совет директоров национальной директории осуществляет свою власть через дирекции: религиозных дел, юстиции, народного просвещения, финансов и вакуфов, общих дел и внешних сношений. Таким образом, Курултай теряет функции национального парламента, сохраняя свое значение всемусульманского съезда Крыма. В качестве национального герба утверждалось изображение «*тарак тамгасы*» (тамга династии Гиреев (Гираев) в виде гребня), а флага – полотнище серо-голубого цвета («кой-байрак» – флаг Чингисхана) с изображением национального герба в верхнем углу у древка⁴²³. Считалось, что крымско-татарский вопрос окончательно разрешит Учредительное собрание.

Осуществляется и маневр в сторону мирного решения конфронтационных ситуаций, поиска альтернативных большевизму решений назревших проблем, могущих быть принятыми трудящимися. Газета «Крым» резонно заметила: «Следует без всякой злобы признать, что гражданская война должна быть прекращена, так как она уже обратилась в коптящий фитиль, пожирающий последние соки из народного резервуара...»⁴²⁴ Газета выступила за разработку полнокровного хозяйственного плана в интересах народа, плана, нацеленного на коллективные формы производства. В ход пошли лозунги «восточной демократии», «советов народных депутатов» (в противовес советам рабочих депутатов, ибо идею «диктатуры пролетариата» Милли-фирка, вполне обоснованно, считала химеричной для Востока) и даже «неклассового большевизма»⁴²⁵.

Открытие Меджлиса намечалось на 1 марта. Однако с этим пришлось повременить. Внезапно в газетах появилось сугубо официальное сообщение «От крымского краевого правительства», в котором среди прочего отмечалось: «Вследствие обнаруженных предварительным расследованием таких сведений и в связи с документальными данными о переговорах, которые велись отдельными политическими деятелями от имени крымско-татарского народа с правительством державы, находившейся с Россией в состоянии войны (Турцией. – *Авт.*) и клонились к отделению Крыма от России и образованию на

территории Крыма независимого ханства, возникшая переписка об агитации против призыва в добровольческую армию была препровождена прокурору судебной палаты, по предложению которого приступлено было к производству предварительного следствия.

Ввиду обнаруженных предварительным следствием данных, постановлением судебного следователя по важнейшим делам привлечен в качестве обвиняемого по ст. ст. 108 и 158 улож. один из членов бюро крымского татарского парламента (видимо, А. С. Айвазов. – *Авт.*).

В связи с этим были произведены обыски и выемки у отдельных членов бюро и в помещениях, занимаемых бюро и директорией в установленном законом порядке, в присутствии понятых и под наблюдением лиц прокурорского надзора.

В настоящее время предварительное следствие продолжается и до окончания его добытые данные не подлежат оглашению»⁴²⁶.

Эти события, свершившиеся 23 февраля, в день годовщины национального траура по убитому большевиками муфтию Ч. Челебиеву, вызвали протесты мусульман. До процесса, правда, дело не дошло.

4 марта расширенное заседание национального парламента при небольшом числе представителей все-таки открылось, заседания длились более недели. Делегаты заслушали доклад председателя Директории Мисхорлы о деятельности ее за истекший год (доклад носил в основном финансовый характер). Был разработан проект реформы духовенства с целью ограничить его функции религиозными обрядами (один из центральных вопросов еще в 1917 году, когда развернулась борьба за вакуфы). По более или менее значимым вопросам политики Меджлис, однако, резолюций не принимал, «Положение о культурно-национальной автономии мусульман Крыма» не обсуждал и не утверждал, равно, как не дал оценки деятельности Краевого правительства, но одобрения Добровольческой армии не выразил.

Теперь для лидеров крымско-татарского национального движения все прошлые заслуги С. С. Крыма были окончательно забыты.

В рассматриваемый период продолжал политическую деятельность и Дж. Сейдамет, находившийся за границей. В ноябре 1918 года он, сменив в очередной раз свою ориентацию, безуспешно пытается завязать контакты с А. И. Деникиным с целью убедить его поскорее направить на Керченский полуостров части Добровольческой армии. А весной 1919-го устанавливает связь с Польшей, информируя польские власти, включая органы разведки, о положении в Крыму и подробно освещая этапы развития крымско-татарского национального движения. Ему удается встретиться (в апреле 1920 года) с Яном Перловским – советником польского посольства в Берне, а чуть позже он налаживает связь и с послом Яном Модзелевским. Предложения Сейдамета сводятся к следующему: «...Поддерживая польское правительство, я прошу нашу страну (Крым) принять под опеку Лигу Наций посредством польского мандата...»⁴²⁷ В 1921 году соответствующий меморандум был вручен Ю. Пилсудскому. В нем без всяких на то оснований указывалось, что «Крым не желает связывать свою судьбу с Россией и предьявляет право на самоопределение»⁴²⁸. В Лозанне Сейдаметом создается Крымско-татарское бюро.

Завершая сюжет о национальных проблемах, которыми правительство реально никак не занималось, стоит привести следующий отрывок из приказа Главнокомандующего А. И. Деникина от 7 (20) ноября 1918 года: «Относится (Добрармия. – *Авт.*) с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого». Собственно, это изрекалось и ранее, но теперь было воспринято Краевым правительством как, прежде всего, лояльное отношение к евреям. В беседе между С. С. Крымом и генералом А. М. Драгомировым последний обещал не допускать никаких антиеврейских эксцессов в Крыму⁴²⁹. Что касается других национальностей, то власти с подозрением относились к украинскому

национальному движению. После провала мобилизации армейское командование попыталось начать формирование греческого полка, формируется Егерская бригада немцев-колонистов.

С февраля внутренняя политика кабинета С. С. Крыма, как и предполагал В. Д. Набоков, делает резкий крен в сторону ужесточения. Решающую роль в этом сдвиге сыграли, пожалуй, позиция руководства Добровольческой армии и поведение ее офицерско-рядового состава.

Отношения Краевого правительства с Главкомандованием Добровольческой армии были, казалось бы, урегулированы изначально и держались на двух китах: военная защита, помощь и невмешательство во внутренние дела Крыма. Войска добровольцев, вошедшие в Крым (весьма немногочисленные), встретили вполне доброжелательный прием. Правда, армейское командование изначально опасалось крымского сепаратизма, его пугали и широко декларируемые кабинетом

С. С. Крыма идеи демократии. Армейской верхушке белых не нравились и самостоятельные контакты правительства в лице Винавера с командованием войск Антанты в Севастополе.

С начала декабря и для правительства, и для жителей Крыма в поведении Добрармии стали звучать тревожные ноты, не предвещающие ничего хорошего.

Так при «демократическом правительстве» в Крыму разворачивается очередной виток террора, на сей раз – белого.

Кто же был инициатором начинающихся расправ? Фактически нити руководства в Крыму оказались в руках начальника штаба генерал-майора А. К. де Бодэ полковника К. К. Дорофеева, который, поставив себя над Краевым правительством, присвоил право судить и миловать.

Злобствующего Дорофеева вскоре заменили исполнительным служакой (что особенно показательно) генерал-майором Д. Н. Пархомовым, и обстановка в Крыму становится все более невыносимой. Уже никто – от рабочего до буржуа – не мог чувствовать себя в безопасности, ибо за Дорофеевыми-Пархомовыми вырисовывались главные творцы террора – верхи Добровольческой армии. Белые шли по пути красных.

С декабря по февраль (а конкретно – постановления Совмина от 21 января, 4 февраля, 6 февраля)⁴³⁰ правительство неоднократно заявляло о переходе трех северных уездов Таврической губернии под свою юрисдикцию. Дело в том, что после падения гетманского режима на Украине население этих уездов оказалось совершенно беззащитным перед стихией гражданской войны и валом бандитизма. Но сохранились тесные связи с Крымом, действовало Таврическое губернское земство. И собрание земских и городских гласных в Мелитополе под председательством В. А. Оболенского обратилось с официальным ходатайством к Краевому правительству с просьбой о вхождении в состав Крыма. Правительство ответило согласием, был подобран для гражданского управления уездами орловский земец, кадет, депутат I и II Государственных дум В. Ф. Татаринов, 6 февраля назначенный товарищем министра внутренних дел Краевого правительства.

Неожиданно, без всякого предупреждения, как это стало принято во ВСЮР, Бердянск, а затем и всю Северную Таврию занимает отряд генерал-майора Н. Н. Шиллинга, который провозгласил себя (был назначен?) военным генерал-губернатором.

Начались обыски и аресты. Были убиты уездный гласный Алясов и секретарь управы, член «Единства» Миркович. Шиллинг присвоил все деньги, имеющиеся в казначействе, прекратил подвоз хлеба в Крым, что чрезвычайно осложнило продовольственную ситуацию на полуострове. В. Ф. Татаринов так и остался сидеть в Симферополе, ожидая неизвестно чего.¹¹ 1 марта правительство вынуждено было отменить свои прежние решения по северным уездам⁴³¹.

Пресса, надо отдать ей должное, не молчала. Как правило, осторожная критика Добрармии мотивировалась тем, что бесчинства отдельных «чинов» кладут тень на все

доблестные войска.

К январю 1919 года, когда стала проваливаться принудительная мобилизация, методы «защиты Крыма» определяются достаточно отчетливо. Обыски. Аресты. Карательные экспедиции. Реквизиции. Порки. Расстрелы «при попытке к бегству». Затем обыденным явлением становятся убийства – как единичные, так и массовые.

Много шума наделало в Крыму убийство 25 декабря на своей даче недалеко от Харакса под Ай-Тодорским маяком (Гаспра) известного всей России фабриканта Ю. П. Гужона, причем открыто, на глазах у собственной семьи. Союзники обратились с нотой к правительству, поскольку убитый был французским гражданином. Была сформирована следственная комиссия, и оказалось, что понадобилось это гвардейской молодежи из состава Добровольческой армии. Дело замяли.

Там же, в Ялте, был убит московский миллионер Титов. Выяснилось, что в ответ на требование о пожертвовании он сказал: «хулиганам я не даю». Офицер тут же застрелил Титова⁴³². На станции Севастополь 26 декабря был убит некто Иван Голубович, заподозренный в большевизме. «В ночь на

1 января на улицах Ялты трое рабочих были схвачены добровольцами, отведены в Ореанду, где помещается кавалерийская часть, и расстреляны. Двое убиты, один ранен»⁴³³.

Убийства происходили по всему Крыму, но эпицентром насилия стала Ялта. Здесь свирепствовал отряд полковника В. С. Гершельмана.

На крестьян Симферопольского уезда наводит ужас команда помещика П. П. Шнейдера. Крымский крестьянский союз назвал «кошмарным преступлением» расправу Шнейдера и его самочинного карательного отряда над собственными батраками и террор, установленный им в Булганакской волости. Союз ходатайствовал перед министерством юстиции и штабом Добрармии о расследовании дела⁴³⁴. Безрезультатно. Только на процессе 1926 года были выявлены в полной мере преступления шнейдеровского отряда⁴³⁵.

В Севастополе арестованы члены профсоюза металлистов. Протесты союза безрезультатны. Группа офицеров расстреляла правление профсоюза.

На арене впервые появляются знаменитый впоследствии местный уроженец капитан Н. И. Орлов и его отряд. И в каком обличье? Поиск оружия, проводимый офицерами этого отряда на окраинах Симферополя без согласия Краевого правительства, «закончился арестом и избиением ни в чем не повинных лиц, в большинстве евреев, причем оружие обнаружено не было, за исключением нескольких охотничьих ружей»⁴³⁶.

Бесчинства своих военных Деникин не оправдывал, но объяснял: «Безнаказанность большевистских главарей, большевистской пропаганды и агитации вызывала скрытые меры противодействия»⁴³⁷. Без комментариев.

Между тем, социально-экономическое положение края продолжает ухудшаться. В январе вспыхивает эпидемия тифа. Совет Министров вынужден принять специальное постановление для борьбы с ней.

В декабре правительством было обещано открыть Севастопольский морской завод. Создали его правление. Однако открытие так и не состоялось. Член Севастопольской городской управы Н. А. Борисов сообщал министру труда: «...На почве страшной безработицы и наступившего голода среди рабочих сильное возбуждение. Не исключается возможность эксцессов, почему необходимо немедленное открытие заводов севастопольского порта и утверждение сметы на организацию общественных работ»⁴³⁸.

Заволновалось и столь спокойное прежде крымское крестьянство. Несмотря на все жестокости карательных отрядов, крестьяне отказывались платить арендную плату, учащаются захваты помещичьих земель, разгромы имений.

Сложившейся ситуацией умело пользовались большевики. В октябре 1918 года Крымская организация РКП(б) была передана в состав Коммунистической партии Украины, что позволило оказывать ей непосредственную помощь из нового, более близкого географически центра. 1 декабря в Симферополе открылся так называемый первый крымский областной съезд КП(б)У (III областная партийная конференция), на котором присутствовало 24 делегата от 17 парторганизаций. ЦК Компартии Украины представлял известный революционер Я. Б. Гамарник, избранный в состав областного комитета партии. Съезд принял принципиальное решение о подготовке к вооруженному восстанию, активизации партизанской борьбы.

Несмотря на жесткие репрессии, подпольные большевистские комитеты функционировали в Севастополе (самый сильный), Симферополе, Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи.

Еще при немцах в Горном Крыму стихийно появились первые, более или менее организованные – в основном из дезертиров – повстанческие группы. Большевики постепенно прибирают это «зеленое» движение, носившее зачастую полубандитский характер, к своим рукам, создают собственные отряды, порой весьма крупные. Наибольшую известность получил Евпаторийский отряд, он же «Красная каска», организованный местными большевиками и руководимый рабочим каменоломен, участником Первой мировой войны большевиком И. Н. Петриченко (ноябрь 1918-го – январь 1919 года). Базой «Красная каска» избрала Мамайские каменоломни под Евпаторией, откуда совершала регулярные набеги на белых и окрестные помещичьи имения.

Деятельность отряда вызывала крайнее раздражение добровольцев, тем более что сначала, имея превосходство в силах (офицерский отряд с батареей, эскадрон кубанских казаков, карательная команда из немцев-колонистов), справиться с ним они не могли. В ночь с 18 на 19 января 1919 года силы дополнительно посланного 1 – го батальона (300 человек) и другие части окружают каменоломни и с помощью военных кораблей Антанты, осветивших прожекторами и обстреливающих повстанческую базу, начинают их штурм. Оставшиеся в живых вынуждены были выйти на поверхность, где их ждала расправа. Некто А. В. комментирует событие: «Бандиты, как оказывается, после ряда стычек, были выгнаны из каменоломен и взяты в плен. Причем с последними было поступлено без пощады. Всех 200 человек пленных выстроили в ряд, а затем расстреляли пулеметами. Главарь банды некто Петриченко был пойман тяжело раненным и также расстрелян. По-моему, этот род действий правилен, так как с такой публикой иначе нельзя разговаривать!»⁴³⁹. Убили жену Петриченко – Марию и его сестру – Софью, членов отряда. Спаслись удалось немногим.

Но разгром «Красной каски» не остановил рост повстанческого движения.

Правда, крымские большевики не смогли найти понимания в широких слоях крестьянства, особенно татарского. Еще не была забыта политика руководства Республики Тавриды, да и подпольные организации практически не вели среди данного контингента работу. Малочисленная группа крымских татар-коммунистов также не имела здесь особого влияния. В среде крымско-татарского крестьянства, особенно ведшего высокотоварное хозяйство, популярностью пользовались идеи националистов, хотя степняки, где товарность хозяйства была ниже, к агитации Директории относились более равнодушно. Степные деревни практически не приняли участия в кампании протеста против февральских репрессий властей против национального движения.

На обрисованном фоне начала 1919 года Краевое правительство почти с математической последовательностью отказывается буквально от всех своих демократических начинаний.

14 февраля публикуется постановление Совмина «О борьбе с большевиками», фактически, как его и стали называть, – о внесудебных арестах. Согласно постановлению, было

сформировано Особое Совещание в составе министров внутренних дел и юстиции и начальника штаба Добровольческой армии (или их заместителей). Особому Совещанию предоставлялось право высылать за пределы Крыма или заключать под стражу на срок до 6 месяцев (с возможным продлением срока) тех лиц, «которые будут признаны угрожающими общественной безопасности»⁴⁴⁰. Органами, на которые опиралось Особое Совещание при производстве арестов, обысков и пр., были определены: стража, милиция и, главное, контрразведывательное отделение при штабе Добровольческой армии. Всякому ясно, что «угрожающим общественной безопасности» мог стать не только заподозренный в большевизме, но и любой, даже самый осторожный критик существующего режима, оппозиционер или инакомыслящий.

Министр труда социалист П. С. Бобровский, казалось бы, более других членов правительства информированный о настроениях в рабочей среде, достиг максимума в демагогии и словесной эквилибристике: «...Все мероприятия крымского правительства, даже его исключительные законы, демократичны (! – *Авт.*) уже потому, что они ведут к конечной цели – к торжеству демократии»⁴⁴¹. Как будто демократию можно создавать при помощи грубо антидемократических средств!

И правительство не сворачивает с избранного пути. 22 февраля Особое Совещание получает право рассмотрения дел о лицах, изобличаемых в агитации против союзников, Добровольческой армии, призыва в войска. Газетам, замеченным в нарушении постановления, грозит теперь взыскание на издателя от 300 до 10 тысяч рублей и приостановление на срок до трех месяцев. 7 марта по требованию союзного командования, о чем мы уже упоминали (показательно, однако, что ответственность за закрытие газет, виновных в антисоюзнической агитации, правительство взяло на себя), был приостановлен многострадальный – закрывался при всех крымских властях – севастопольский «Прибой». Неприятности пришлось пережить и другим демократического толка изданиям. Так в Крыму была восстановлена цензура.

Того же числа запрещались публикации любых сведений военного характера о Крымско-Азовской и Добровольческой армиях, искажение или помещение в неполном виде сведений, официально сообщаемых штабами Главнокомандования ВСЮР или Крымско-Азовской армии.

24 февраля министр внутренних дел отдает депешу начальнику Севастопольского округа о превентивном просмотре всех телеграмм. 11 марта МВД принимает «особые меры для предупреждения нарушения общественного порядка и государственной безопасности в пределах Севастопольского Округа», а 15 марта – распространяет эти «меры» (без расшифровки) на всю территорию Крыма. Если это еще не военное положение, то названия чрезвычайного оно вполне заслуживает.

15 марта: появляется «О мерах борьбы с общеопасными преступниками». Того же дня – постановление о введении цензуры (реально уже существовавшей), гласившее: «...В случае появления в органах периодической печати статей или сообщений, возбуждающих население против Правительства (начали с Антанты, перешли к Добрармии, а закончили сами собой. – *Авт.*) или призывающих к неповиновению распоряжениям законной власти, – приостанавливать период. издания, в коих помещены означенные статьи или сообщения, на срок до одного месяца, с тем, чтобы соответствующие распоряжения немедленно предоставлялись на утверждение Совета Министров».

Свобода слова была добыта окончательно. Отменяется и свобода собраний. А в довершение всего – в марте правительство откладывает созыв Краевого сейма, в котором добровольцы увидели проявление «крымского сепаратизма», а министры, сами же и разработавшие резолюцию о выборах в сейм, – реальную угрозу своему пребыванию в

правительственных креслах⁴⁴².

В марте-апреле меньшевики и социалисты-революционеры на своих совещаниях принимают решения об отказе в доверии Краевому правительству. Всплыл наконец и стал усердно дебатироваться вопрос: а в какой степени данная власть является действительно законной? Ведь никаких всеобщих выборов не было, а назначенные – отменены.

Теряя позицию за позицией в демократическом лагере, правительство С. С. Крыма так и не смогло завоевать доверия у добровольцев, которые относятся к нему со все растущим презрением и подозревают во всевозможных кознях.

27 марта, руководствуясь благими намерениями помочь ВСЮР в обороне Крыма, правительство на заседании, где, кстати, присутствовали А. А. Боровский и Д. Н. Пархомов, назначает инженера С. Н. Чаева главным уполномоченным по обороне края. Никаких возражений ни против должности, ни против кандидатуры нет. Чаев, находясь, согласно постановлению, в распоряжении Главнокомандования, отправляется на Перекоп, где было намечено проложить для удобства переброски войск железнодорожную ветку от Чонгарского полуострова к Перекопскому перешейку и поставить заграждения. Очевидно, сочтя момент весьма удобным для сведения счетов, Пархомов, который, судя по его поведению, терпеть не мог Краевое правительство, пишет по этому поводу письма Боровскому и Деникину.

В результате раздался рык Главнокомандующего: «В течение нескольких месяцев армия проливала кровь, защищая Крым, и была в невыносимых условиях безудержного развития внутри края большевизма, поощряемого преступным попустительством Крымского правительства. В то же время правительство это, изменив данному обещанию, повело, прикрываясь русскими добровольческими штыками, политику государственного и военного разъединения, а в последние дни позволило себе принять и допустить ряд военных мероприятий, которые явно направлены к ослаблению Добровольческой армии и к вмешательству в дело обороны». И Деникин требует от С. С. Крыма введения военного положения, угрожая подавлением всякого вмешательства в его распоряжения и выводом войск (29 марта)⁴⁴³.

В конце концов после утверждения С. С. Крыма, что правительство за власть не держится и готово в любую минуту подать в отставку, Деникин сменил гнев на милость и отозвал свое решение.

Впрочем, дни Краевого правительства и так были сочтены.

Коммунисты смогли, используя необходимость ремонтных работ на застрявшем в бухте французском дрейфующем «Мирабо», установить контакт с моряками. Печатались прокламации на французском (благо член подпольного комитета Я. Ф. Городецкий, побывав в эмиграции во Франции, хорошо знал его) и греческом языках, велась устная «обработка». Рабочие добились того, что команда «Мирабо» дала обещание не стрелять⁴⁴⁴.

13 марта открылась конференция правлений профсоюзов Севастополя. Поразительно – на ней свободно выступали большевики. В городе, до отказа набитом добровольцами и интервентами! Некий «товарищ Борис» проповедовал в своей горячей речи «классовую ненависть», допустил вероятность совместной работы с меньшевиками на почве этой «ненависти» и в заключение выдвинул оригинальный лозунг: «Да здравствует советская власть со всеми ее недостатками!»

Большинством в 70 голосов против 7 при 10 воздержавшихся принимается резолюция большевиков и левых эсеров: «Конференция правлений профессиональных союзов, обсудив всесторонне вопрос о власти, находит, что при создавшемся теперь положении, как внутри области, так и на крымском фронте, на пролетариат и беднейшее крестьянство Крыма ложится революционный долг прийти на помощь героической красной армии и общими силами

низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя из этого, конференция постановляет немедленно объявить всеобщую политическую забастовку с требованиями: 1) удаление добровольческой армии; 2) отстранение краевого правительства; 3) восстановление в Крыму советской власти и 4) освобождение всех политических заключенных. (...)»⁴⁴⁵.

Конференция избрала стачечный комитет из 7 человек под председательством Городецкого. 14–15 марта политическая забастовка в Севастополе началась.

Франко-греческие войска были выведены на улицы, заняли электростанцию, ряд предприятий. По приказу командующего Рюйе на улицах устанавливаются орудия. Город усиленно патрулируется добровольцами. Но эти акции устрашения не остановили бастующих.

Строительные, железнодорожные рабочие, пекари, водопроводчики, портные присоединились к металлистам. Закрылись магазины. Остановился транспорт. Замолкли многие предприятия Симферополя, Феодосии, Керчи. Более месяца бастовали служащие симферопольских аптек.

Атмосфера накалялась с каждым часом: стрельба в воздух, рукоприкладство. Добровольцы силой открывали магазины.

И, конечно же – ставшие привычными для крымчан расправы. 16 марта арестована семерка рабочих по подозрению в том, что она-то и есть стачечный комитет. Но из них только двое, включая Городецкого, действительно были членами комитета. Трое арестованных – Ефремов, Кононенко, Харченко – были убиты. Убит рабочий Хазаров. Арестован, но вскоре выпущен председатель городской думы Севастополя эсер С. О. Бялыницкий-Бируля. 19 человек, содержащихся в Симферопольской тюрьме по обвинению в зверствах большевиков в 1918 году, отправлены в Керчь и расстреляны на станции Ойсул (Астанино). Городская дума выступила с отчаянным протестом против самосудов.

Но сила явно была не на стороне рабочих. Большевики воздержались от применения оружия, наверное, сочтя это преждевременным.

20–22 марта, согласно решению профсоюзной конференции, забастовка была прекращена. Она показала, тем не менее, что политика второго Краевого правительства провалилась окончательно.

А тем временем части Украинского фронта красных двигались в крымском направлении. Войсками (1-я Заднепровская (3-я Украинская) стрелковая дивизия) командовал П. Е. Дыбенко. Перекоп обороняло 1,5 тысячи белогвардейцев и 600 солдат 13-й греческой дивизии; на Чонгарском направлении находилось около тысячи белогвардейцев, преимущественно офицеров. В распоряжении защитников полуострова было около 20 орудий, несколько бронепоездов, десятки пулеметов. С моря их поддерживала судовая артиллерия кораблей Антанты. 29 марта части 1-й Заднепровской дивизии форсировали Сиваш. 4 апреля без особых трудностей взяли Перекоп. Помощь войскам, штурмующим укрепления, оказали партизаны, которые, форсировав залив, высадившись в западной части позиций. Штурмующие потеряли около 200 человек убитыми и около 500 ранеными⁴⁴⁶.

Что же происходило в это время в Крыму?

6 апреля правительство получило известия о прорыве Перекопского фронта и объявило на территории полуострова военное положение, а 7 апреля почти в полном составе, исключая министра внутренних дел, перебралось в Севастополь. Новый командующий сухопутными войсками интервентов полковник Э. Труссон обвинил во всем добровольцев и отвел греческие части, воевавшие на Перекопе, в Севастополь. При этом Труссон заявил, что город, ввиду недостатка сил, он сможет оборонять максимум 7 дней (потом эту цифру снизил до трех).

Среди имущих слоев населения началась паника.

7 апреля в Симферополе сформирован военно-революционный комитет из 17 человек,

включивший всех членов Таврического областного и Симферопольского городского комитетов партии коммунистов, два представителя меньшевиков, по одному от анархистов и армянской партии «Дашнакцютун»⁴⁴⁷. 9 апреля Симферополь покинули учреждения штаба Добровольческой армии. 10 апреля из тюрьмы освобождены содержащиеся в ней политические заключенные, включая Я. Ф. Городецкого. Тем временем в Севастополе была образована франко-русская эвакуационная комиссия под председательством коменданта севастопольской крепости генерал-майора В. Ф. Субботина. Лучшие суда были отведены для французских и греческих войск.

10 апреля «в 12 часов дня на Графскую пристань, переполненную публикой, стали съезжаться один за другим министры Крымского Краевого правительства. Прибыл С. С. Крым, приехал со своей семьей М. М. Винавер, А. А. Стевен с семьей и другие... Они перенесли свои вещи на катер и покинули землю Крыма. Все они выехали за границу (исключая Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика. – *Авт.*). С ними же выезжали и некоторые чины министерств»⁴⁴⁸.

Но не тут-то было. Того же 10 апреля Э. Труссон заявил о введении в Севастополе с 11-го военного положения, назначив себя военным губернатором с чрезвычайными полномочиями и проигнорировав распоряжение Краевого правительства о передаче управления севастопольским городским органам. Он приказал вернуть бывшее правительство с греческого судна «Трапезонд», где оно обосновалось, на берег. «...В случае неявки, – в самой грубой форме пригрозил Труссон, – министры будут отвечать по закону и ни одно судно не будет выпущено из порта»⁴⁴⁹. Министры вернулись. Разыгралась безобразная сцена дележа денег. Труссон объявил, что его казна пуста, а у министров, по его сведениям, было 11 миллионов рублей. Те же утверждали, что часть денег уже истрачена, прежде всего на жалованье чиновникам, собравшимся в Севастополе со всего Крыма, 500 тысяч присвоил генерал-майор Субботин, которому 500 тысяч, выделенных на эвакуацию, показалось мало, и еще долю – контр-адмирал М. П. Саблин, главный командир порта (главный командир судов и портов Черного и Азовского морей). Труссон отвечал, что это его не касается, Субботина и Саблина он посадит в тюрьму, а ему нужны деньги и он дает правительству срок до 11 часов следующего дня.

И 12 апреля правительство вынуждено было передать французам ценности, вывезенные из Краевого банка на крейсер «Кагул», а равно ценности из казначейства в Севастополе и 7 миллионов рублей. Интервенты еще несколько дней продержали правительство в Севастополе, и только 15 апреля в 10 часов вечера под канонаду боя за город оно на греческом корабле «Надежда» покинуло крымскую землю⁴⁵⁰.

Демократический эксперимент в Крыму бесславно завершился.

Военные круги возложили вину за падение Крыма на местную власть, будто бы «мироволившую большевикам». «Крымских министров, в особенности же еврея Винавера и караима Соломона Крыма, стали шельмовать на всех перекрестках»⁴⁵¹.

Хроника прочих событий:

10 апреля прекращено телефонное сообщение Севастополя с Симферополем; эвакуирован госбанк;

11-го вышел № 1 «Известий военно-революционного комитета» на русском и французском языках;

в Севастополь нелегально прибыл представитель красных политкомиссар Васильев, с его участием выработан план вооруженного восстания при подходе советских войск; севастопольский комитет партии социалистов-революционеров постановил присоединиться к резолюции съезда 37 организаций эсеров (Петроградского) о прекращении вооруженной борьбы с большевиками и вхождении в советы; освобожден последний политзаключенный Богохвалов; Симферополь занят красными частями;

15-го Заднепровская дивизия, овладев 12 апреля Ялтой и Бахчисараем, вышла к Севастополю. Труссон отверг требование сдачи города, после чего между ним и красными, при посредничестве городского головы В. А. Могилевского, начались переговоры;

17-го советские войска взяли Малахов курган; французские моряки отказываются сражаться, эскадра становится небоеспособной;

19-го на «Мирабо», «Жане Баре» и «Франс» подняты красные флаги;

20-го состоялась совместная демонстрация моряков и рабочих, обстрелянная лояльными греческими частями.

Наконец 21 апреля Труссон объявил, что силы Соглашения покидают Севастополь. Власть в городе перешла в руки военно-революционного комитета. 29-го в город вошли части Красной армии. Демонстрация 1 мая совпала с уходом эскадры интервентов из Севастопольской бухты.

ВСЮР сумели сохранить за собой Керченский полуостров.

Комиссии по выяснению размеров убытков, причиненных интервентами Крыму, раскрыли дикую картину грабежей и вандализма. Расхищалось все, что можно, а что не могли увезти – уничтожали.

События конца 1918 – первой половины 1919 года свидетельствуют, что внешний фактор в Крыму продолжал играть решающую роль. В то же время командование Добровольческой армии и ВСЮР, иностранных войск преследовало собственные, зачастую сугубо эгоистичные цели, далеко не всегда учитывало местные реалии, что во многом предопределило падение второго Крымского краевого правительства.

Глава VII

Крымская сср: второе пришествие большевизма. «Деникинщина»

К 1 мая 1919 года Крым, исключая Керченский полуостров, был занят советскими войсками. Как и в декабре 1917-го-январе 1918 года спешно создаются чрезвычайные органы власти – военно-революционные комитеты (ВРК). Начальный период их деятельности отличала многопартийность, но коммунисты – путем перевыборов, роспуска и пр. – вытесняют конкурентов, занимая в ревкомах доминирующее положение и делая их главной точкой приложения своих сил и орудием своей политики.

Например, Симферопольский ВРК во главе с коммунисткой Е. Р. Багатурьянц, «доброй и хорошей женщиной» (В. А. Оболенский⁴⁵²), обязал чиновников оставаться на местах, подчиняясь новой власти, предпринял меры по учету и охране имущества. Местные ревкомы были заняты снабжением Красной армии, брали под контроль множество заброшенных садов и виноградников. Начинается весенний сев. Областной ревком приступил к реализации большевистской программы, национализируя банки, транспорт, флот, имения, крупные предприятия, курортные учреждения.

На 2 мая ситуация в Крыму, а точнее в Симферополе, и уезде (информация для Москвы) была следующей. Первый Крымревком распущен, председателем нового стала Багатурьянц; в его состав вошли 17 человек, из них 13 коммунистов, 1 эсер,

1 дашнак. 29–30 апреля прошел уездный крестьянский съезд. Хотя он и был созван правлением Крестьянского союза, где преобладали эсеры, но принял резолюции большевистского толка. Налажен выпуск газет. Выходят «Известия» Симферопольского ВРК, «Таврический (затем Крымский) Коммунист», «Борец За Коммунизм», «Борьба» (орган левых эсеров), меньшевистского направления «Наша Газета» (в Ялте). Парторганизация города включала 90 членов и сочувствующих. Горком бездеятелен; выборы в горсовет начались без его

ведома, по инициативе профсоюзов. Арестован коммунист Маркус за попытку организовать параллельный областной комитет компартии⁴⁵³.

По этой колоритной «картинке» видно, что все в Крыму находилось еще в брожении.

Второму этапу большевистского господства образца 1919 года положила начало VI Крымская областная конференция КП(б)У проходившая 28–29 апреля в Симферополе.

Однако судьбы Крыма (в который раз) решались за его пределами. Вопрос о создании Крымской республики был поставлен, очевидно, практически одновременно крымскими, украинскими и московскими руководителями, но решен – в Москве. Ю. П. Гавен вспоминал о своей апрельской встрече в Кремле с В. И. Лениным: «Он просил меня сообщить о национальном составе крымского населения, о национальноосвободительном движении крымских татар, их стремлениях, о характернейших чертах революционной борьбы в Крыму в 1917–1918 годах... Я... выдвинул на первый план национальный вопрос (рассказал. – *Авт.*), какие ошибки были допущены Крымской большевистской организацией (почти полное игнорирование национального вопроса) и какие тяжелые последствия вызвали эти ошибки (восстание татар, гибель целого ряда крупнейших крымских работников, обострение национальной вражды, дошедшей до фактов истребления одной нацией другой (татары и греки. – *Авт.*), и проч.)... Ильич заявил: «Ваше предложение будет санкционировано» (...)⁴⁵⁴. Тогда же Предсовнаркома Украины Х. Г. Раковский телеграфирует наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину о желательности создания республики в Крыму в связи с его «международным положением» (выделено нами. – *Авт.*)⁴⁵⁵. Точка поставлена заседанием Политбюро ЦК РКП(б) 23 апреля, которое постановило: «Признать желательным создание Крымской Советской республики»⁴⁵⁶.

Итак, появление на территории полуострова новой административной единицы было обусловлено как и, прежде всего, военно-политическими соображениями (большевики видели в Крымской республике барьер на пути возможного продвижения Антанты), так и национальной политикой.

В качестве перспективных лиц крымского правительства обговаривались и попеременно отпадали кандидатуры П. Е. Дыбенко (проштрафился), А. А. Иоффе (нужен на Украине), М. П. Кристи (не политик?), А. Г. Шляпников.

Теперь вернемся к областной партконференции. О том, сколь серьезное внимание уделялось центром ее работе, говорит присутствие на ней чрезвычайного уполномоченного Совета обороны РСФСР и УСсР (на Юге) Л. Б. Каменева, приехавшего в Симферополь 29 апреля специальным поездом, кандидата в члены Оргбюро ЦК РКП(б), инструктора ЦК М. К. Муранова, наркома внутренних дел УССР К. Е. Ворошилова, прибывших по поручению ЦК и наркомата по делам национальностей Ю. П. Гавена, А. Джигенти, видного турецкого коммуниста М. Субхи. Конференция, среди менее важных пунктов повестки дня, заслушала доклад Каменева о военно-политическом положении и о политике партии по национальному вопросу в связи с решением ЦК РКП(б) о создании республики и о составе ее правительства.

Как и в стране в целом, в Крыму государственные задачи решались партией. Именно на конференции и было закреплено спущенное свыше сознание так называемой Крымской Социалистической Советской Республики (КССР), хотя имелись и противники ее создания. Конец дебатам положил Ворошилов, сославшись на партийное решение⁴⁵⁷.

Тогда же остановились на фигуре Д. И. Ульянова, родного брата В. И. Ленина⁸, в качестве

---

⁸ *Ульянов Дмитрий Ильич* (1874–1943). Родился в Симбирске (ныне Ульяновск), в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии. Окончил гимназию и в 1893 году поступил на медицинский факультет Московского университета. За участие в революционной деятельности в 1897 году арестован, исключен из университета и выслан из столицы. С 1900 года – член социал-демократической организации «Искры», в

временного главы правительства КССР, который, по словам В. А. Оболенского, «был известен лишь как добродушный человек, пьяница и забулдыга»⁴⁵⁸.

Сам Д. И. Ульянов так сообщал о своем назначении в письме от 11 мая 1919 года сестре М. И. Ульяновой в Москву: «В начале апреля я жил в Евпатории и вошел там в Ревком... В конце апреля меня перетащили в Симферополь тов. Гавен и др. Он знал меня по работе с прошлого года, и я должен был остаться в Симферополе Наркомом здравоохранения и обеспечения.

Затем приехал Ворошилов, Муранов и другие, и мы имели несколько частных организационных заседаний по составу Крымского временного Совнаркома. Вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам.

Временно, за неимением лучшего, посадили меня – в ожидании сильного кандидата с севера от вас (курсив наш. – Авт.).

Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель – полное отсутствие денег т. п.»⁴⁵⁹.

Процесс конструирования Временного Рабоче-Крестьянского правительства КССР завершился ко 2 мая. В него вошли практически одни коммунисты: временно-председательствующий (постоянного председателя так и не появилось) нарком здравоохранения и социального обеспечения – Д. И. Ульянов, нарком внутренних дел – Ю. П. Гавен, нарком иностранных дел – С. М. Меметов, нарком юстиции – Ибрагим Арабский (впоследствии его сменил И. Н. Семенов), нарком по военным и морским делам – П. Е. Дыбенко (отозван ЦК РКП(б) 10 июня. – Авт.), нарком просвещения – И. А. Назукин, нарком продовольствия и торговли – С. Д. Вульфсон (Давыдов), нарком земледелия – С. И. Идрисов, нарком труда – И. М. Полонский (Степа), нарком финансов, путей сообщения, почт и телеграфов, а также председатель совнархоза – Я. Ф. Городецкий, управделами – А. А. Боданинский. Наркомом по делам национальностей чуть позже стал И. К. Фирдевс. Уроки бесхребетной политики прежнего советского правительства по национальному вопросу уже учитывались: в СНК вошли пять крымских татар (Меметов, Идрисов, Арабский, Фирдевс и Боданинский).

Формально КССР, как и Республика Тавриды, была создана на автономных началах и по территориальному принципу в составе РСФСР. В то же время КССР в качестве полноправного

следующем году окончил Юрьевский университет. Участник II съезда РСДРП, большевик. Работает врачом, заметного участия в партийной жизни не принимает. С Крымом связан с 1911 года, когда приступил к профессиональной деятельности (санитарный врач земской управы) в Феодосийском уезде. С началом Первой мировой войны мобилизован, военврач. Летом 1917 года шефствовал над Домом бывших политкаторжан в Евпатории. По данным московского историка Я. В. Леонтьева, со ссылкой на участника событий гражданской войны в Крыму, историка и публициста В. Е. Баранченко, здесь у Д. И. Ульянова установились близкие отношения с Ф. Х. Ройблат, более известной как Фанни Каплан, прибывшей в Крым для отдыха и лечения. На допросе после покушения на В. И. Ленина она сообщила: «Решилась на этот шаг в феврале. Эта мысль назрела в Симферополе. С тех пор готовилась к этому шагу...» (Цит. по: *Костин Н.* Суд над террором // *Родина.* – 1993. – № 10. – С. 63). В 1918 году Д. И. Ульянов стал членом редколлегии газеты «Таврическая Правда». После падения Социалистической Советской Республики Тавриды с мая 1918 года жил в Евпатории. После занятия города красными частями вошел в Евпаторийский ревком. Избран в состав областного комитета КП(б)У Возглавлял правительство Крымской ССР (1919). После ее падения – комиссар 13-й армии, затем Южного фронта. В ноябре 1920 года вместе с Красной армией вернулся в Крым. Член Крымского обкома РКП(б), особоуполномоченный народного комиссариата здравоохранения РСФСР и начальник Центрального управления курортами Крыма. В 1921 году отозван с полуострова. Жил в Москве, работал в наркомздраве, Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, участвовал в организации музеев В. И. Ленина. Делегат XVI и XVII съездов ВКП(б). Скончался в Горках Ленинских. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

члена была включена в военно-политический союз советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии (декрет ВЦИК РСФСР от 1 июня 1919 года). А секретное решение Политбюро 28 апреля (В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский) приравнивало ее к губернии, областной партийный комитет – к губернскому комитету, полностью подчиняло Крымскую армию и флот центру (Крымская армия входила в состав Южного фронта)⁴⁶⁰. Д. И. Ульянов, приступая 9 мая к исполнению обязанностей наркома здравоохранения и социального обеспечения, назвал в соответствующем приказе «Крымскую советскую федеративную республику». Слово «федеративная» встречается и в других документах крымского Совнаркома. Тем самым, местные руководители, видимо, подчеркивали факт равноправности КССР с другими советскими республиками.

При этом руководство Советской Украины желало видеть КССР в составе УССР и руководить крымской парторганизацией. Несмотря на неоднократные заявления Москвы о том, что «Крымский полуостров относится к ведению Цека РКП(б)», Х. Г. Раковский пытался давать крымским товарищам разные указания, в том числе и по вопросам партийного строительства⁴⁶¹.

Экономическая программа правительства была изложена в декларации от 6 мая 1919 года и целиком выдержана в духе военного коммунизма. Здесь говорилось о национализации важнейших отраслей промышленности, курортов, конфискации помещичьих, кулацких (!) и монастырских (вакуфных) земель и передаче их в распоряжение малоземельных и безземельных крестьян (за исключением культурных имений), всяческом поощрении коллективных форм обработки земли, что впоследствии выльется в повальное насаждение совхозов, огосударствление заготовки и торговли предметов первой необходимости⁴⁶².

Наладить сколько-нибудь целенаправленно сориентированную на развитие экономику в КССР не удалось, и не только ввиду недолговременности ее существования или военно-коммунистических пережестов, но и потому, что «все силы и материальные средства Крыма в первую очередь отдавались Красной армии»⁴⁶³. О созидательной работе, кардинальных и разумных преобразованиях, подъеме жизненного уровня населения говорить, анализируя историю республики, не приходится. Все ограничивалось частными акциями, латанием дыр.

Военное строительство в Крыму, отнимающее немало сил и средств, включало и попытки возродить Черноморский флот, от которого, правда, мало что осталось. 28 марта 1919 года учреждена должность командующего Красным Черноморским флотом, на которую назначен военмор А. И. Шейковский (26 августа 1919 года изменил власти советов), начальником штаба стал Б. Е. Тягин (за попытку перейти на сторону белых 24 июня 1919 года разоблачен и расстрелян⁴⁶⁴). 26 апреля сформированы органы управления флотом. 30 апреля командующий издал приказ о регистрации в двухдневный срок матросов, офицеров и морских чиновников. Началось восстановление портов, береговой обороны, службы связи, приступили к ремонту кораблей. При этом следует иметь в виду, что оккупационное командование вернуло часть золота и серебра, изъятого из казначейств Симферополя и Севастополя⁴⁶⁵. К июню во флоте насчитывалось 2700 человек (в Севастополе, Николаеве и Одессе), но боеспособных морских судов практически не было⁴⁶⁶.

Полуостров вынужден был снова кормить армейские части, на сей раз красные, посылать фрукты и овощи в центральные губернии и одновременно выпрашивать хлеб у Украины. К несчастью, и год выдался неурожайным. Положение жителей Крыма если и изменилось, то в худшую сторону: те же полфунта (200 граммов) хлеба в день на человека, 4 фунта крупы, 3 3/4 фунта картофеля и так далее⁴⁶⁷.

КрымЧК, созданная 14 апреля 1919 года, издала суровый приказ, запрещающий

самочинные обыски, аресты, самосуды, реквизиции и пр. Однако населению было все равно – самочинны реквизиции или нет. В деревни, по примеру российских губерний, отправились продотряды. На кулаков была наложена контрибуция. В конце мая на съезде сельских ревкомов постановлено увеличение налога на кулака на один миллион рублей⁴⁶⁸. При этом следует иметь в виду, что влияние новой власти в крымской глубинке зачастую практически не ощущалось. Так, В. А. Оболенский, скрывавшийся, как и в

1918 году, в Бююк-Ламбате, вспоминал: «Приезжали к нам какие-то комиссары опечатывать винный подвал и собирать статистические сведения – и только. Ни разу за три месяца мне не пришлось видеть ни одного представителя коммунистической власти. Жили мирно, обрабатывая свои виноградники...»⁴⁶⁹.

Объектом своеобразной эксплуатации опять, как и весной 1918 года, стала буржуазия. 13 апреля она была обложена контрибуцией в 5 миллионов рублей, затем увеличенной до 12 миллионов⁴⁷⁰. Кроме того, буржуазия обязана была выплачивать чрезвычайный налог (его, на сумму, нажитую спекуляциями, предписано было платить и спекулянтам: эта мера вызвала одобрение населения); вводилась так называемая вещевая повинность. Были вскрыты банковские сейфы, их содержимое изъято. Имущие зачислялись в тыловое ополчение и, зачастую вне зависимости от возраста и состояния здоровья, отправлялись на работы «в помощь фронту». Имущество эмигрантов подлежало конфискации.

Финансовая система пребывала в расстройстве. Ходили дензнаки: российские, украинские, ростовские, Краевого правительства. Была сделана попытка выпуска собственных денег, но успели изготовить только аверсы купюр достоинством в 250 рублей.

Заводы и фабрики по-прежнему в массе своей пребывали в бездействии. Правда, было пущено несколько предприятий по производству сельхозмашин, кожевенных, консервных и табачных, но сбить уровень безработицы это не могло. Нехватку топлива решили уменьшить путем разработки Бешуйских угольных копей и заготовки дров в окружающих лесах.

По мере возможностей власти не забывали о вопросах образования и культуры, социальных проблемах, привлекали к работе интеллигенцию. Так, в Феодосии писатель В. В. Вересаев назначен руководителем комиссариата просвещения. Писатель и драматург К. А. Тренев возглавил школьный отдел народного комиссариата просвещения КССР. Велись занятия в школах, открывались ясли и детские сады. Продолжал работать Таврический университет. В Симферополе и Ялте открылись народные университеты. Уделялось внимание сохранению культурного наследия. Особое внимание обращалось на охрану картинной галереи И. К. Айвазовского в Феодосии, Феодосийского, Керченского, Херсонесского музеев, книжных собраний имений Южного берега. 4 мая по докладу члена коллегии наркомата просвещения П. И. Новицкого Симферопольский военно-революционный комитет объявил дом А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием. Его пожизненной хранительницей стала М. П. Чехова. 22 мая в Симферополе создан Крымский центральный архив. Его первым заведующим назначен историк Б. Д. Греков. Объявлено об открытии приема в убежище для престарелых. Специальным письмом Е. Р. Багатурьянц предписывалось «беречь личности писателей С. Сергеева-Ценского и Ив. Шмелева», проживавших в Профессорском уголке близ Алушты. Правда, та же Багатурьянц 19 мая на заседании исполкома Симферопольского городского совета заявила по поводу появления в городе поэта М. А. Волошина, прибывшего в Крым из Одессы: «Ну, если Волошин опять станет свои эстетические лекции читать, то ему головы не сносить!»⁴⁷¹, а чуть раньше – 29 апреля отдала распоряжение о демонтаже памятника Екатерине II в Симферополе, что и было исполнено к утру 1 мая (впоследствии памятник восстановили, но к 1 мая 1921 года вновь демонтировали – бронзовые фигуры отправили в переплавку). В день пролетарского праздника «революционные массы» крушили и мраморные

медальоны Долгоруковского обелиска в столице Крыма.

Революционное рвение не обходилось без курьезов. Так, было решено переименовать Лазаревскую улицу в Симферополе, названную в честь Таврического губернатора (1889–1901) П. М. Лазарева, в улицу Ленина (носит такое название по настоящее время). Переименовать-то переименовали, но каково же было изумление инициаторов этого деяния, когда перед их взором предстали на фасадах зданий новые таблички с надписью «улица Лени». То ли указание не было четким, то ли что-то изготовители напутали. Одна, по крайней мере, такая установленная табличка сохранилась после падения КССР. По докладу председателя Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) А. И. Маркевича 4 (17) сентября 1919 года было постановлено «означенный интересный предмет» предать в музей ТУАК, «как один из печальных памятников переживаемого нами времени» 472.

Примечательна национальная политика КССР. Уроки из трагических событий начала 1918 года были извлечены. В ЦК РКП(б) четко была поставлена задача вовлечения крымских татар в руководящие органы создаваемой республики, что и было сделано. Вместе с М. Субхи, который вошел в областной комитет РКП(б), на полуостров для работы среди крымско-татарского населения направлено около 45 татарских и турецких коммунистов⁴⁷³. При Крымском областном комитете РКП(б) создается мусульманское бюро (появляются мусульманские секции при местных парторганизациях коммунистов). В городах и уездах развернули деятельность комиссариаты по мусульманским делам. На татарском языке издаются коммунистические газеты и пропагандистская литература.

Военная обстановка диктует свои требования. Крымская армия (Крымская группа войск), созданная 5 мая из частей 3-й Украинской (бывшей 1-й Заднепровской) стрелковой дивизии и местных формирований, по штату состояла из двух дивизий – 1-й и 2-й Крымских. Однако реально была сформирована лишь одна дивизия. Вся Крымская армия (должность начальника ее политотдела занимала А. М. Коллонтай, супруга П. Е. Дыбенко, в будущем первая женщина-посол) к июню насчитывала 8650 штыков, 1010 сабель, 48 пулеметов и 25 орудий.

8 июня, в связи с наступлениями Вооруженных сил Юга России и угрозой полуострова быть отрезанным со стороны Донбасса, создается Совет обороны республики как высший орган власти в составе наркома по военным и морским делам П. Е. Дыбенко, наркома внутренних дел Ю. П. Гавена и наркома торговли – С. Д. Давыдова (Вульфсона). 11 июня Совет обороны объявляет Крым на военном положении, а на следующий день постановляет «для защиты Крымской республики сформировать мусульманские войсковые части из представителей пролетарского, беднейшего и революционно настроенного к Советской власти татарского населения...» Областная конференция мусульман-коммунистов в том же июне призвала трудящихся мусульман встать на защиту советской власти. Была учреждена особая мусульманская военная коллегия. Большевики сумели сформировать две турецко-татарские сотни и мусульманскую роту в 196 человек⁴⁷⁴.

Крымские татары участвуют в деятельности ревкомов. Крымско-татарский язык, наряду с русским, стал официальным. Была фактически легализована Милли-фирка, осуждающая белых и заявившая о признании советской власти. Однако, судя по воспоминаниям В. А. Оболенского, значительная часть крымских татар занимала совершенно противоположные позиции: «Еще со времени первых большевиков, так жестоко расправившихся с татарами, они питали к ним затаенную ненависть, и хоть послушно исполняли их распоряжения, беспрекословно избирали «революционные комитеты» и вообще внешне оказывали большевистской власти почет и уважение, но в потайных пещерах на всякий случай прятали винтовки и патроны». И далее, хотя несколько утрировано: «Большевики старались внести разложение в патриархальный строй татарской жизни, пытались проводить в ревкомы так называемую бедноту, то есть по

преимуществу наиболее развращенную часть татарской молодежи, преступников и хулиганов, но это плохо им удавалось. Татарские «средняки» были чрезвычайно сплочены и выдвигали на ответственные посты своих лидеров, которые с присущим восточным людям дипломатическим талантом умели вкрадываться в доверие к подозрительному начальству»⁴⁷⁵.

При областном комитете компартии созданы армянская, немецкая секции, планировалось создание еврейской. Начала выходить коммунистическая газета на немецком языке «Ди Велт Коммуна» («Мировая Коммуна»), предполагалось издание газеты на армянском.

Хотя легально действовала армянская партия Дашнакцутюн, Севастопольский горком РКП(б) посчитал необходимым исключить из состава местного ревкома эту партию «как партию националистическую»⁴⁷⁶.

Часть немецких колонистов была настроена резко антикоммунистически. Братья-землевладельцы Шнейдеры формировали отряды для борьбы с большевиками. Однако к сотрудничеству с новым режимом была готова немецкая Егерская стрелковая бригада (800 человек), которая просила не расформировывать ее, а поручить «охрану Крыма». В письме от 30 апреля на имя Л. Б. Каменева, П. Е. Дыбенко и других колонисты подчеркивали, что их целью было исключительно «поддержание внутреннего порядка», что бригада «пресекла злые умыслы убегающих добровольцев: политические заключенные не были расстреляны, склады снарядов не были взорваны... станционные постройки остались целыми», в отместку за что добровольцы разоряли немецкие хозяйства. Если же доверия к ним не будет, писали колонисты, то они просят власти о выселении 40 тысяч человек в Германию. Егерская бригада была переформирована в немецкий стрелковый батальон Красной армии, просуществовавший до июля 1919 года, то есть до падения КССР. Впоследствии часть колонистов находилась в рядах Немецкого стрелкового полка и Конно-партизанского полка немцев-колонистов в составе Русской армии П. Н. Врангеля. Многие из них погибли в боях с Красной армией в ноябре 1920 года⁴⁷⁷. По имеющимся данным, широких репрессий в отношении колонистов в период Крымской ССР не было.

Документы правительства, ревкомов, ЧК грозили карами за «призывы и выступления против отдельных наций» вплоть до расстрела.

Военное руководство в лице П. Е. Дыбенко настаивало «на более решительных мерах» в отношении подлинных и мнимых врагов коммунистов, а его штаб, «вступивший в борьбу с более гуманным ревкомом, продолжал вести ее и против Совнаркома»⁴⁷⁸. Назначенные Дыбенко коменданты городов подчас не согласовывали свои действия с ревкома. Более того, в Ялте комендант распустил ревком. Военные зачастую проводили самовольные реквизиции, изымая повозки крестьян, на которых те привозили продукты в города⁴⁷⁹. Свары между военными и гражданскими не способствовали прочности КССР.

Что касается отношения правительства республики к политическим оппонентам, то в целом оно было относительно сдержанным. Акты массового террора не прослеживаются, хотя он и оставался официальной линией Москвы. Левые эсеры, меньшевики, анархисты, национальные организации избежали репрессий, участвовали в ревкомах, профсоюзах и т. д., пытаясь отстаивать собственную позицию, но ограничения на прессу и пропаганду верными себе большевиками были наложены. Газеты, получившие ярлык «буржуазных», такие как «Крымский Вестник», закрывались немедленно. По воспоминаниям В. А. Оболенского, против пролития крови «решительно восставала» Е. Р. Багатурьянц, а «доктор Ульянов сохранил свои свойства и на посту председателя Крымского Совнаркома. Пьянствовал еще больше, чем прежде, властности не проявлял, но, как добродушный человек, всегда заступался перед чрезвычайкой за всех, за кого его просили. Другие члены Совнаркома... были по преимуществу люди интеллигентные. Чтобы управлять Крымом, им пришлось искать себе интеллигентных

помощников. И тут свои услуги предложили им некоторые лидеры местных меньшевиков, которые и стали фактически руководителями нескольких ведомств». Далее Оболенский называет Б. Я. Лейбмана (комиссариат юстиции), А. П. Галопа (комиссариат финансов), П. И. Новицкого (комиссариат просвещения), Л. П. Немченко (комиссариат труда), подчеркивая, что именно они «оказывали смягчающее влияние на всю внутреннюю политику большевиков», причем «вероятно, в значительной степени их влиянию мы обязаны сравнительной мягкости большевистского режима»⁴⁸⁰. Хотя такое положение дел далеко не всех устраивало. Так, в газете «Таврический Коммунист» от 9 мая содержалось резкое выступление против назначения секретарем Симферопольского ВРК члена Союза крымских журналистов, сотрудницы газеты «Южные Ведомости» Е. В. Выставкиной, супруги по второму браку Галопа⁴⁸¹.

Крымская власть так и сохраняла свой чрезвычайный характер все 75 дней республики. Она сконцентрировалась в руках СНК и ревкомов: советы практически восстановлены не были. Декретом Временного Рабоче-крестьянского правительства КССР от 22 мая все чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и уголовными преступлениями упразднились, их функции передавались особому отделу при Военно-революционном совете КССР, функции по борьбе со спекуляцией и уголовными преступлениями возлагались на отдел судебно-уголовного розыска при комиссариате юстиции, а по борьбе с должностными преступлениями – на социалистический контроль республики. Дела, касающиеся «контрреволюционного движения лиц гражданского населения», по производству предварительного дознания, но не позднее 48 часов со дня ареста, передавались следственной комиссии Революционного трибунала. Постановлением СНК КССР от 13 июня до опубликования ВЦИК общих положений о социалистическом контроле утверждается Высшая советская инспекция КССР

В мае развернулась кампания по выборам в советы (причем – на многопартийной основе), но организовать их не успели. 15 мая на первое свое заседание собрался Симферопольский совет. В его составе были 81 большевик, 38 социал-демократов (меньшевиков), 28 левых эсеров. Этим заседанием история совета, по существу, закончилась. Избран и 3 июня начал работу совет в Севастополе (из 101 члена: 65 коммунистов, 23 левых эсера, 13 социал-демократов), 5 июня был сформирован его исполком в количестве 20 человек: 13 коммунистов, 5 левых эсеров и 3 социал-демократа⁴⁸², избран совет в Балаклаве (27 коммунистов и 30 сочувствующих)⁴⁸³. Намеченный I съезд советов ввиду падения республики не состоялся.

На фронте дела складывались неблагоприятно. ВСЮР, поддержанные военными судами интервентов, сумели удержать позиции на Ак-Монайском перешейке – ключе к Керченскому полуострову.

13 мая Временное Рабоче-крестьянское правительство КССР в своей ноте высказало решительный протест против содействия Антанты войскам белых. 5 июня последовала новая нота народам союзных стран, правительствам стран Антанты, президенту США В. Вильсону и «всем, всем, всем!» (копия – международной конференции в Версале) с протестом против продолжающейся иностранной поддержки ВСЮР⁴⁸⁴. Однако успехов эти дипломатические действия не возымели. 7 июня англичане при поддержке судовой артиллерии повели наступление на деревню Дальние Камыши под Феодосией, которое, правда, было отбито.

По воспоминаниям белого артиллериста С. Н. Шидловского: «Акманайская (так в тексте. – *Авт.*) позиция (со стороны белых. – *Авт.*), хотя были и проволока, и окопы, не представляла ничего серьезного. Окопы были не глубоки, землянок и блиндажей не было; проволока была в один ряд, причем такая, что (я сам это видел), когда толкнешь ногой один из кольев, весь ряд валится. Это была «воображаемая линия», а не позиция. Когда мы заняли

Акманайский перешеек, произошла перемена настроения как у нас, так и у них, отчего – мне остается непонятным. Большевики не повели сразу же наступление, чем дали нам собраться с силами, у нас же после отдыха появилось больше самоуверенности... С каждым днем стояния у них дух падал, у нас поднимался». Боеспособность красных войск он оценивал крайне невысоко: «Когда же мы сопротивлялись и наступали, то не встречали почти никакого сопротивления. Красные совершенно не выносили атаки кавалерий и никогда ее не принимали. Стрелять у них не умели ни отдельные стрелки, ни артиллерия, и по тому количеству патронов и снарядов, которое они выпускали, мы несли минимальные потери, они же от нашего огня страдали гораздо больше. Они брали не качеством, а количеством. Это были, скорее, банды, а не войска»⁴⁸⁵.

Правда, много хлопот доставили белым действия партизан – Старокарантинского, Петровского и объединенного Аджимушкайского отрядов, обосновавшихся в каменоломнях в Керчи. Однако связаться с командованием Крымской армии партизанскому ВРК не удалось, как не удалась и отчаянная попытка овладеть Керчью 4–5 июня, закончившаяся зверской расправой над партизанами и их семьями. По воспоминаниям С. Н. Шидловского, «начались обыски, аресты и расстрелы, брали всех подозрительных, придерживаясь правила: лучше уничтожить десять невинных, чем выпустить одного виновного; заодно был утоплен издатель меньшевистской газеты «Волна», все время писавший против добровольцев.

Три дня продолжалась эта история, и одновременно взрывались последние выходы Аджимушкайской каменоломни. За это время в Керчи было уничтожено до 3 000 человек, большей частью евреев. Англичане, бывшие в Керчи, целыми днями бегали со страшно довольными лицами по городу, снимая фотографическими аппаратами повешенных и расстрелянных. Можно с уверенностью сказать, что почти ни один из сидевших в каменоломнях не удрал»⁴⁸⁶.

18 июня в районе Коктебеля был высажен десант генерал-майора Я. А. Слашова, который заходит в тыл красным частям, ведущим бои на Ак-Монайских позициях. Крейсер «Кагул» обстреливает район Старого Крыма. В этот же день белые занимают Феодосию. Красные вынуждены оставить свои позиции на Ак-Монайском перешейке. В мае – июне ВСЮР успешно действовали и на Украине, заняв Донбасс, Харьков. Советская Россия никакой помощи оказать КССР не могла. Крымская Красная армия, оказавшись под угрозой окружения, стала быстро отходить на север. 24 июня был покинут Симферополь, а через шесть суток на территории полуострова не осталось ни одного красного отряда. Учреждения республики эвакуировались в Никополь, а затем в Киев.

Крымская ССР прекратила свое существование.

По сравнению с Республикой Тавриды на лицо были больший прагматизм, умение извлечь уроки из недавнего прошлого, известная терпимость к инакомыслящим и стремление не допускать очевидных глупостей (стихийного террора, игнорирования национальных проблем и т. д.). Конечно, многое объясняется ситуацией: если первая была почти полностью отрезана от Центра, то КССР находилась практически под полным его контролем. Ясно и другое: не будь КССР довеском к фронту, довеском, который нужно было максимально использовать, не создавая себе излишних проблем, и политика была бы иной⁴⁸⁷.

В ходе наступления белые творили жестокие расправы. С. Н. Шидловский без стеснений рассказывает о расстрелах и повешении пленных красноармейцев – евреев и коммунистов. По его словам, «в Армянске произошел здоровенный еврейский погром: ни офицеры, ни солдаты не могли стерпеть, что какие-то евреи, по существу буржуи, вздумали принять коммунистический облик. К этому прибавилось то, что мы повсюду во всех деревнях Крыма наслушались жалоб именно на евреев-коммунистов»⁴⁸⁸.

Лето – начало осени 1919 года стали временем наибольших достижений белых армий и, вместе с тем, апогеем гражданской войны. Исключительную роль в успехах Вооруженных сил Юга России сыграли страны Антанты, причем Крым стал перевалочной базой военных поставок. Помощь Деникину оказывали также США, Италия, Греция и даже бывший противник – Болгария.

Несмотря на столь солидную поддержку извне, Красная армия наносит во второй половине октября 1919 года ряд серьезных поражений ВСЮР. Деникинские войска начинают стремительно откатываться назад. Этому способствовала кроме побед красных цепь причин: известный авантюризм самого московского похода при неустойчивом, полуразложившемся тыле, нежелание казачества, особенно молодого, удаляться от родных мест и, самое главное, действия Повстанческой армии Н. И. Махно и всевозможных «зеленых» отрядов и банд. 21 ноября Южный фронт красных получил приказ об общем наступлении. Ноябрь – декабрь – время отступления ВСЮР на всех направлениях.

26 декабря 3-й армейский корпус Я. А. Слащова, сражавшийся с махновцами, получил приказ Главнокомандующего – прорываться на юг, организовать оборону Северной Таврии и Крыма. 7 января 1920 года он отдает приказ № 262: «Согласно приказу генерала Шиллинга объединил командование и всю власть в Крыму и Таврии. В виду серьезности положения предупреждаю, что не останюсь ни перед какими мерами, чтобы заставить выполнить мою волю, но зато впредь до отменяющего распоряжения останусь в Крыму. Прошу доверия, требую подчинения и заставлю это сделать»⁴⁸⁹.

Силы 3-го корпуса Слащова составляли: около 2200 штыков, 12 тысяч шашек и 32 орудия⁴⁹⁰. Для обороны Северной Таврии это было ничтожно мало. Поэтому, нарушив требования Ставки, Слащов отводит свой корпус за Перекоп и принимает решение: оборонять полуостров до последней возможности.

Коренное изменение ситуации на фронте подвигло А. И. Деникина на правительственную реформу. Встал вопрос о судьбе Особого совещания (ОСО), законосовещательного и распорядительного органа управления при Главнокомандующем ВСЮР, выполняющего функции правительства. 17 декабря публикуется приказ А. И. Деникина об упразднении ОСО и создании при Главнокомандующем Правительства (или Совета) под председательством генерал-лейтенанта А. С. Лукомского, возглавлявшего ОСО.

Несколько позже, в середине февраля 1920 года, по соглашению с Верховным казачьим кругом, была оформлена так называемая Южнорусская власть, идея которой витала в воздухе с 1918 года. Деникин отстаивал диктатуру. Руководство казачества мечтало о конституционных формах правления. Обе стороны пошли на компромисс. В результате на свет появилось положение, отводившее Главнокомандующему место главы Южнорусской власти при наличии законодательной палаты. Функции исполнительной власти, согласно положению, осуществлял Совет Министров, ответственный (кроме военно-морского министра и министра путей сообщения) перед законодательной властью. Глава получал право роспуска последней. Председателем Совмина стал председатель совета управляющих отделами донского правительства (Круга) Н. М. Мельников⁴⁹¹.

Признания Южнорусское правительство не получило. Верховный круг не удовлетворял его состав, где оказались люди из ОСО. Кубанское правительство вообще отказалось признавать его компетенцию на своей территории. Российские политики, напротив, увидели в нем засилье казачества, левые – «правизну», правые – «левизну». Только кадеты высказали правительству безоговорочную поддержку. «В народе и в армии появление нового правительства не было воспринято никак: немало рядовых обывателей только много времени спустя, в эмиграции, узнали об его существовании». И далее Деникин иронизирует:

«Положительной стороной этого правительства... было уже то, что оно не мешало вооруженной борьбе армий юга»⁴⁹².

Полуостров стал глубоким тылом Вооруженных сил Юга России. Теперь Крыму предстояло испытать все «прелести» прямой, без посредников, военной диктатуры деникинских властей. Сразу же были отменены все законы, приказы и распоряжения Советской власти, украинского и Крымского краевого правительств. Восстановлена Таврическая губерния. Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды 25 июня включены в ее состав.

Согласно Временному положению о гражданском управлении в местностях, находящихся под Верховным управлением Главнокомандующего ВСЮР, утвержденному А. И. Деникиным еще 6 марта 1919 года, власть на этих территориях подразделялась на губернскую, представляемую главноначальствующим, губернатором и губернским управлением; уездную – во главе с начальником уезда и уездным управлением, и сельскую, сосредоточенную в органах волостного и сельского управления. Вне компетенции главноначальствующего находились судебные органы и учреждения государственного контроля. Губернатор отвечал за соблюдение законодательных распоряжений местными органами управления и самоуправления. Начальник уезда действовал в качестве помощника губернатора, однако всех его заместителей назначал и увольнял начальник Управления внутренних дел, но по представлению губернатора. Приказом от 25 августа 1919 года Деникин ввел должности тыловых и уездных комендантов губерний прифронтовой полосы военных действий⁴⁹³.

23 июля (старого стиля⁹) приказом Главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг был назначен Главноначальствующим Таврической губернии. Позже – и Херсонской губернии. Постановлением Особого совещания от 19 сентября 1919 года № 23 из этих двух губерний создавалась Новороссийская область. При этом Бердянский уезд и Криворожский горнопромышленный район Херсонской губернии передавались Екатеринославской губернии. Главноначальствующим Новороссийской области стал тот же Шиллинг с резиденцией в Одессе.

Таврическим губернатором назначен Н. А. Татищев, по словам В. А. Оболенского, «человек честный и порядочный, но совершенно непригодный для сложной и ответственной роли начальника губернии в такое смутное время»⁴⁹⁴.

Был восстановлен Правительствующий сенат.

Деникин распустил городские думы и земства, назначив новые выборы. Возрастной ценз повышался до 25 лет, вводились двухлетний ценз оседлости и двухстепенность выборов. Были образованы: прогрессивно-демократический блок (возник по инициативе Союза инженеров, объединял интеллигенцию), социалистический блок (социал-демократы в союзе с социалистами-революционерами), кадетский список «За Единую Россию», список домовладельцев, «деловая группа». Население отнеслось к выборам почти индифферентно. Так, в Симферополе голосовали 4 тысячи человек – 10 % избирателей, в Ялте – 2891 из 10 000⁴⁹⁵, в Евпатории – 1703 из 12 168, Балаклаве – 384 из 1 113⁴⁹⁶ и т. д. В Симферополе победу одержали кадеты, в Ялте и Евпатории – «деловая группа», в Севастополе – социалисты. «Национальные списки, особенно татарский, потерпели поражение»⁴⁹⁷. В Балаклаве, правда, избраны «греки старожилы-домовладельцы политически умеренных взглядов»⁴⁹⁸.

В конце июля 1919 года В. А. Могилевского на должности Севастопольского городского головы, якобы по причине «болезни», заменил хорошо известный в Севастополе эсер, депутат

---

⁹ Старый стиль был восстановлен 9 июля 1919 года. При П. Н. Врангеле 3 июля 1920 года введено «двустилие»: параллельное употребление как старого, так и нового стилей.

II Государственной думы Н. И. Емельянов. К своим обязанностям Могилевский так и не вернулся. Новым Севастопольским городским головой стал Я. Н. Перепелкин (до начала 1920 года, затем его сменил юрист И. П. Слесаревский).

Профсоюзы, учитывая момент, заняли очень осторожную позицию. «Диктатура пролетариата, которая при нынешних условиях обращается в диктатуру над пролетариатом, сдана в архив. Начинается планомерная борьба за политические и экономические идеалы, начинается работа чисто культурная среди рабочих масс»⁴⁹⁹, – резюмировал 5-й съезд профсоюзов Крыма (июль). Стачка была признана съездом «самым могучим», но «крайним средством» экономической борьбы⁵⁰⁰. Однако права рабочих и служащих надо было все-таки защищать, и профсоюзы это делали. Поэтому они подвергались непрерывным гонениям.

При афишируемом либерализме А. И. Деникин оставался убежденным сторонником диктатуры. 23 сентября он прибыл в Севастополь. Главнокомандующий внимательно выслушал приветствие городской управы, заканчивавшееся словами: «...Население г. Севастополя убеждено, что Учредительное Собрание откроет эру демократической России, в которой не будет места угнетению и насилию.

Эта мысль приобретает тем большую уверенность, что Вами уже было всенародно высказано утверждение, что возврата к старому нет.

Это утверждение, встречающее живой отклик в населении, служит залогом великого дела, совершаемого Добровольческой армией. Приветствуя это утверждение, население Севастополя верит, что великое дело освобождения России от гнета большевизма возможно лишь при торжестве демократических принципов, гражданских свобод и отсутствия административных репрессий».

В ответной речи Деникин с полной откровенностью развеял эти розовые мечты: «Когда мы боремся, когда льется кровь на всех фронтах, – в этих условиях не может быть речи о том, что вы говорите». Правовая жизнь? «...Сейчас это не выполнимо»⁵⁰¹.

Таким образом, кредо власти было оглашено. Дальше – его реализация.

23 августа (ст. стиля) Шиллинг издал распоряжение об обязательном предварительном разрешении на проведение заседаний общественных организаций. В Крыму были введены паспортный режим и учет населения. Создаются паспортно-пропускные пункты. 2/3 декабря запрещается свободный въезд в Севастополь. 13 августа свет увидело «Обязательное постановление Таврического Главнокомандующего», которым всякая критика («распространение путем печати или в речах, произносимых в публичных местах, каких-либо сведений, имеющих целью вызвать раздражение или неудовольствие населения») ВСЮР, армий Колчака, военных сил союзников, наконец, военных и гражданских властей запрещалась. Виновные подвергаются шестимесячному заключению или штрафу до 20 тысяч рублей⁵⁰². Севастопольским градоначальником предписывалось под угрозой «строгой ответственности» сдать всю «литературу большевистского характера» в трехдневный срок⁵⁰³.

Отношение к печати Деникин выразил по-генеральски лапидарно: «Прессе содействующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую – уничтожать»⁵⁰⁴. Постановлением Главноначальствующего от 11 октября была введена военная, а циркуляром управления внутренних дел 18 октября и опять-таки приказом Шиллинга 13 ноября предварительная цензура повременных изданий. Крымские газеты заметно увяли.

Не успели деникинцы восторжествовать в Крыму, как под бдительное юридическое око попал севастопольский «Прибой». Власти так и ждут случая, чтобы прихлопнуть ненавистное издание. И он не замедлил представиться. В экстренном номере 547 «Прибой» откликнулся на арест В. А. Могилевского (о чем ниже) «в высшей степени тенденциозной» статьей «Обезглавливание рабочего движения». Вердикт: «Поскольку газета и ранее допускала в

высшей степени тенденциозное и одностороннее освещение различного рода событий» и на основании распоряжения Главноначальствующего от 6 августа и временного положения о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением ВСЮР выпуск газеты приостановить⁵⁰⁵. Под угрозой закрытия находились «Южные Ведомости», получившие несколько предупреждений губернатора.

20 июля в Севастополь прибыла судебно-следственная комиссия Морского ведомства. В Симферополе, Севастополе, Евпатории, Ялте и Феодосии создаются контрразведывательные пункты (в Керчи он находился и ранее). Одновременно начинают работу отделения Таврической судебно-следственной комиссии и военно-следственные комиссии, в которых служило двадцать четыре генерала и штаб-офицера, но из них всего девять имели юридическое образование. К середине августа в производстве этих комиссий находилось 1382 дела.

Уровень контрразведки оставлял желать лучшего: «Штатов нет, а временный состав повсюду мал. Личный состав в большинстве случаев был совершенно несоответствующий, теперь начинает улучшаться, но и сейчас имеет много совершенно неподготовленных к работе в контрразведке... Кроме того, необходимо вообще постоянное руководство свыше, чего до сих пор из Симферопольского центра не практиковалось... Желательно было бы объединить деятельность контрразведки и уголовного розыска или установить между ними большую связь... Самочинные контрразведки были в Севастополе, в Ялте, в Феодосии, в районе Керчи, в Евпатории и Мелитополе. Борьба с самочинными контрразведчиками должна быть беспощадной, так как ничто так не подрывает авторитет Д. Армии, как незаконные действия этих самочинных органов власти», – констатировала проверявшая в середине августа 1919 года комендантские управления и связанные с ними органы комиссия⁵⁰⁶. Правда, «самочинных» контрразведчиков арестовали еще до приезда комиссии. Органы же контрразведки и уголовного розыска объединили.

Карательные органы осуществляли тщательную сортировку служивших при большевиках. За службу у красных 22 июня 1919 года в Феодосии арестован отставной генерал-лейтенант Н. А. Маркс. Своим спасением он обязан М. А. Волошину, который сумел вместе с его супругой Е. В. Виганд попасть на поезд, в котором Маркса под охраной увозили в Керчь, продолжал сопровождать арестованного до Екатеринодара, всюду стараясь защитить. Военно-полевой суд 2 (15) июля приговорил генерал-лейтенанта к четырем годам каторжных работ, но письменное обращение Волошина лично к А. И. Деникину сыграло свою роль, и Маркс был освобожден «за старостью лет». Разжалованный и лишенный прав состояния, он вернулся в свой дом в Отузах (ныне п. Щebetовка Феодосийского горсовета), а затем приказом Н. Н. Шиллинга был выслан из Крыма в станицу Таманскую⁵⁰⁷.

Мартиролог жертв деникинского режима никогда не будет полным.

О политзаключенных. На 2 сентября отбывали срок 201 человек, под следствием находились 314; на 1 октября соответственно – 279 и 508. «У нас нет даже приблизительных цифр о числе замученных и засеченных шомполами до смерти, но происходившие ежедневно расправы с рабочими говорят о том, что число это было огромное»⁵⁰⁸.

Большевики и сочувствующие им были объектом беспредельной ненависти деникинцев. Но репрессии не миновали и как будто легальные организации меньшевиков и эсеров. Уже в конце июля в тюрьме оказываются П. И. Новицкий,

А. Г. Галлоп, Б. Я. Лейбман, 10 сентября – член Крымпрофа И. Б. Либин⁵⁰⁹. «Крымский Вестник» и учительский союз ходатайствуют о Новицком, делегация в составе В. А. Фосса, С. А. Усова, Мешковцевой, священника Медведкова – перед Главноначальствующим о Галлопе и Лейбмане. Безрезультатно. 8 августа арестован мировой судья 4-го участка Севастопольского судебного-мирового округа, бывший председатель Центрофлота эсер С. С. Кнорус. «При обыске

у Кноруса обнаружена корреспонденция, из коей, по словам Начальника контрразведки, усматривается, что он вел непосредственные сношения с центральной советской властью»⁵¹⁰. В ночь на 1 сентября по обвинению ни более ни менее как в государственной измене арестован В. А. Могилевский. На телеграмме городской управы с просьбой об его освобождении генерал-лейтенант Шиллинг наложил резолюцию: «Отказать»⁵¹¹. 2 сентября состоялось экстренное заседание Крымпрофа, исполкома Севастопольского совета профсоюзов и делегатов ряда союзов. Оно было несанкционированным, поэтому председательствующего Н. Л. Канторовича приговорили к шестимесячному заключению⁵¹². Таким образом, в считанные дни меньшевики лишились почти всех своих вождей. Пострадали и эсеры.

14 августа в Севастополе была задержана «известная всему югу анархистка Маруся Никифорова. О ее похождениях можно было бы написать увлекательнейший роман, но, поскольку они совершались за пределами Крыма, – это не наша тема. В ночь на 3 (16) сентября по приговору военно-полевого суда Мария Никифорова и ее муж Витольд Бжестек были повешены. Мария «все время держала себя очень спокойно и только при прощании с мужем расплакалась»⁵¹³.

В годы гражданской войны Крым являлся одним из центров сионистского движения России⁵¹⁴. Если советские власти негативно относились к деятельности сионистов, то А. И. Деникин своим приказом разрешил деятельность еврейских общин на всей территории, занятой его войсками, хотя их отношение к еврейскому населению, мягко говоря, зачастую оставляло желать лучшего, не говоря уже о погромах, устраиваемых военными.

Крым стал единственным регионом, через порты которого шла легальная эмиграция российских евреев в Палестину. Именно из Крыма отправился в Палестину И. В. Трумпельдор, герой русско-японской войны, полный Георгиевский кавалер, активист сионистского движения и будущий организатор отрядов самообороны в еврейских поселениях Палестины⁵¹⁵. На конференции сионистских организаций Юга России в Балаклаве было заявлено о поддержке в целом политики Деникина, направленной на борьбу с большевизмом и воссоздание единой России, решено инициировать создание при Главнокомандующем особого политического бюро сионистских организаций, предлагалось ускорить выезд евреев в Палестину и не допускать там распространения коммунистических идей⁵¹⁶.

В поле зрения властей попали и столь экзотичные в Крыму китайцы. На их группу из 22 человек, работавших в южнобережном лесничестве с июля 1919 года, в сентябре пало подозрение в бывшей службе в красных войсках. По данному поводу было проведено дознание, которое не выявило ничего предосудительного. Однако Таврический губернатор Н. А. Татищев постановил: «...Всех китайцев, проживающих в Ялтинском уезде, как неблагонадежных и опасных иностранцев, выслать за границу»⁵¹⁷.

Что же касается национального движения крымских татар, то оно стало объектом притеснений со стороны деникинской диктатуры. Началось с выпуска воззвания к татарам генерал-лейтенанта Н. Н. Шиллинга, в котором говорилось, «что немедленно будет приступлено к выработке, при участии выборных... от татарского населения новых правил по заведованию духовными делами магометан и вакуфами, в основу коих будет положен принцип автономии в этой области управления»⁵¹⁸. На новом витке повторялся февраль 1919 года. Следовало ожидать серьезных последствий. И они не заставили себя долго ждать.

9 августа Главноначальствующий издал приказ о закрытии Директории (которая к тому времени, во всяком случае, внешне, была органом не политического, а, скорее, культурно-просветительского характера) и восстановлении Таврического магометанского духовного правления, существовавшего до Февральской революции⁵¹⁹. 12 августа в 12 часов дня начальник Симферопольской городской государственной стражи вручил С-Дж. Хаттатову,

председателю Директории,

А. С.-А. Озенбашлы и Сеит Мурату Эфенди, директору по религиозным делам, приказ Шиллинга.

Директора выступили с меморандумом: «Мы, нижеподписавшиеся Директора Крымской Национальной Татарской Директории, находясь перед фактом закрытия и прекращения деятельности... Директории, заявляем, что мы не являемся захватчиками для управления национальными делами, а являемся лицами, избранными самим народом для управления этими делами, что мы все время верно исполняли возложенные на нас народом обязанности и считаем закрытие национальной Директории и прекращение нашей деятельности актом унижительным для татарского народа» (12 августа)⁵²⁰.

Последовали многочисленные протесты со всех концов Крыма, на которые власти не обратили ни малейшего внимания. В протестах, что любопытно, вина за происшедшее возлагалась, однако, не столько на власти, сколько на «безответственную и никем на то не уполномоченную группу лиц-интриганов, стоявших в дореволюционное время у власти и стремящуюся вернуться к ней, чтобы удовлетворить свои ненасытные аппетиты и личные интересы...»⁵²¹. Газета «Миллет» писала об этих «лицах»: они подрывали работу Мусисполкома в 1917 году, явились инициаторами ареста Ч. Челебиева в июне того же года; газета прозрачно намекала и на их причастность к его убийству. Далее: устраивали «пышные банкеты» Сулькевичу с целью убедить его разогнать Директорию⁵²². Теперь традиционалисты добились своего. Вновь созданное Духовное правление возглавили Селямет Мурза Кипчакский, он же получил статус исполняющего дела Таврического муфтия (назначен на должность муфтия в 1916 году, смещен с нее на первом мусульманском съезде в марте 1917 года). Временную особую комиссию о вакуфах – Муса Мурза Таганский. Эта комиссия должна была распорядиться всеми капиталами и имуществом распущенной Директории. Но духовные кадры в крымских уездах «почти единогласно отказались помогать С. М. Кипчакскому и от должности отказались»⁵²³.

Была решена участь «Миллет». 5 августа Шиллинг пишет Таврическому губернатору Н. А. Татищеву: «Татарскую газету «Миллет» приказываю закрыть навсегда, типографию ее реквизируют»⁵²⁴. Потом, подумав, генерал-лейтенант вычеркнул слово «навсегда», изобретя более изощренный прием. Используя ходатайство Вакуфной комиссии, он распорядился возобновить выпуск газеты, которая теперь полностью изменила свою физиономию, став органом традиционалистов.

Место издателя занял собиратель фольклора крымских татар О. М. Мурасов. Позднее, при Врангеле, когда Мурасов с единомышленниками изменили название газеты на «Крым Мусульманлары Садасы» («Голос Крымских Мусульман»), начальник отдела печати Г. В. Немирович-Данченко дал ему такую сочную характеристику: «Мурасов получил 550 тысяч рублей и 17 пудов бумаги на издание «Голоса», но целыми неделями делал перерывы в издании газеты, проживая в г. Севастополе, где он вел нетрезвый образ жизни, что установлено мною, когда Мурасов в пьяном виде являлся ко мне на прием» (31 августа 1920 года)⁵²⁵.

Однако это было еще далеко не все. 23 августа здание Директории оцепили войска, начались обыски, а затем и аресты. В первых числах октября в Мелитополе арестован с формулировкой: выдавал «ложные свидетельства народным учителям, на основании которых эти лица освобождались от воинской повинности», А. С.-А. Озенбашлы⁵²⁶. Еще ранее – взяты под стражу С.-Дж. Хаттатов, Х. С. Чапчакчи, А. Хильми, Мустафа Бадраклы, Сейдамет Кезлеви и другие.

Что же им инкриминировалось? В производстве Таврического губернского уголовно-розыскного управления возникло дознание по обвинению некоторых членов

Курултая-Директории в принадлежности к коммунистической партии. На сей раз прокуратура Симферопольского окружного суда взялась за дело со всей серьезностью. Пошли непрерывные допросы свидетелей (все – крымские татары) и обвиняемых, изучение газет и других материалов. Вел дознание следователь подпоручик А. Бибер.

Из показаний свидетелей.

Сеит Халиль Атаров: Хаттатов вел агитацию в пользу образования в Крыму ханства и соединения с турками, получив от правительства на эти цели 1,5 миллиона. Затем предлагал соединиться с большевиками, называя советскую власть «самой крепкой». Сотрудничал с большевиками в 1918 году (?). Вел агитацию в пользу большевиков и против Добровольческой армии.

Пенкольский: Хаттатов и другие агитировали в пользу большевиков, по их указаниям последние производили обыски и аресты. Боданинский и Бадраклы сняли (в 1917 году. – *Авт.*) в Бахчисарае орел с памятника в честь 300-летия Дома Романовых, объясняя, что «в восточной стороне не должно быть памяти о Европейском могуществе», уничтожили три каштановых дерева, посаженных в 1886 году Александром III, Марией Федоровной и наследником Николаем.

Апаз Ширинский: Айвазов и Хильми выступали за создание Крымского ханства, поддерживая тесную связь с турками и получая от них деньги. Офицеры турецкого генштаба были прикомандированы к Директории. В коммунистической газете «Енъи Дунья» в период КССР Озенбашлы и Хаттатов поместили заявление следующего содержания: «Мы вошли в сношение и связь с советскими войсками», стремясь к «борьбе с темной силой добровольческой армией».

Ибриш Садовников: Бадраклы, Айвазов убеждали татар не давать солдат Добрармии.

Сулейман Мирза Крымтаев, член кадетской партии, депутат меджлиса: Обвиняемые были в контакте с Турцией, получая оттуда деньги, и Украиной. В Киев ездили к Петлюре Озенбашлы и Везиров. В Советскую Россию – Чапчакчи и Боданинский. Стремилась к отделению Крыма от России. Утверждали, что Добрармия – враг татар.

Амет Бекиров: Главными участниками переговоров с украинцами об отделении Крыма от России были Хаттатов, Озенбашлы, К. Усеинов, А. Челебиев и Дж. Сейдамет. В газете «Миллет» Кермин Чакли «писал чисто большевистские статьи: «долой войну, довольно крови, долой империализм...» В начале 1919 года члены Директории заявляли, что «власть советская непобедимая, твердая, самая лучшая».

Обвиняемые не признали себя в принадлежности РКП(б). Только Кезлевли заявил, «что в 1918 году он был товарищем Председателя Следственной Комиссии в Совете Р. и К. Депутатов. В 1919 году он был товарищем Председателя Военно Революционного Совета, в круг обязанностей которого входило наблюдение за правильностью реквизиций всякого рода продуктов и вещей для войск Красной армии; затем был назначен товарищем Председателя Следственной Комиссии, переименованной впоследствии в Чрезвычайную Комиссию»⁵²⁷.

Отделить зерна от плевел, распутать этот клубок чрезвычайно сложно. Все документы, проливающие свет на то, чем завершилось следствие, нам не известны. Вывод, однако, напрашивается: противоречия между крымско-татарским и белым движением приобретают к концу 1919 года антагонистический характер. Усиление крена первого в сторону большевизма стало неизбежным⁵²⁸.

Деятельность контрразведки и властей не могла не вызвать осуждения либеральных слоев. Свидетельства тому – мемуары В. А. Оболенского, пытавшегося оказывать посильную помощь преследуемым и гонимым. По его словам, в Крыму сложилась не столько военная диктатура, сколько военная анархия, когда пьяные полковники «не признавали никаких властей – ни

консерваторов, ни либеральных», действуя по своему усмотрению. «На местах мы видели у власти, – продолжает он, – в лучшем случае чиновников-карьеристов, а в худшем – злобных реставраторов, мстительных и жестоких, сводящих счеты со всеми политическими противниками, и еще больше – просто людей, развращенных безвременьем, спекулянтов и мошенников, стремящихся использовать свою власть, чтобы поживиться за счет казны и населения...» Однако, по мнению Оболенского, при всех творящихся гнусностях нельзя ставить знак равенства между красным и белым террором. «Контрразведка всегда старалась скрыть свои преступления, она делала их тайно. Если местные власти закрывали глаза на то, что делалось в контрразведке, а иногда и поощряли ее беззакония, то считали своим долгом хотя бы делать вид, что принимают меры для смягчения насилий и произвола, или просто отрицали самый факт.

Если центральная власть была бессильна в борьбе с тысячами палачей, садистов и вымогателей, то никогда она их не оправдывала.

Чрезвычайки же открыто и с полным одобрением местных властей и центральных делали свое кровавое дело.

В Добровольческой армии шло на наших глазах падение моральных устоев, но все-таки критерием поступков оставалась общечеловеческая мораль. Отступали от нее и руководители и исполнители, но все же не отрицали ее и, нарушая, сознавали, что поступают дурно.

Большевики заменили общечеловеческую мораль классовой. И эта классовая мораль позволяла им творить их кровавое дело с гордо поднятыми головами. (...)

Нельзя, однако, не сознавать, что летом 1919 года, когда в Крыму белый террор сменил собою красный (достаточно мягкий в период КССР. – *Авт.*), первый оказался более жестоким и разнuzданным.

Это была просто случайность, но случайность, давшая благоприятную почву для большевистской агитации в Крыму»⁵²⁹.

Недовольных происходящим было немало, но активное сопротивление белым оказывали в основном коммунисты. Крымский областной комитет компартии вынужден был, в связи с положением на фронте, перебраться в Одессу, где сформировалось его бюро, которое, в свою очередь, эвакуировалось сначала в Киев, затем в Москву. Подполье в Крыму переживало кризис: связи разорваны, центр отрезан, денег явно не хватает, ибо оставленные советские знаки отменены денкинцами, организация слаба и засорена случайными людьми и агентами. Члены партийного центра – С. Я. Бабахан, А. Ольнер, Хайкевич, И. Шульман – были не готовы к подобной работе. На совещании представителей Севастопольской и Евпаторийской коммунистических организаций в Севастополе в декабре 1919 года создан подпольный обком партии в составе С. Я. Бабахана (секретарь), С. Я. Просмушкина (Спера), Б. А. Горелика (Моисея), а также двух кандидатов А. Н. Бунакова (Рытвинского) и А. И. Федоровой. На переломе 1919–1920 годов образован подпольный Крымревком и ревкомы в ряде городов. Их целью стала подготовка вооруженного восстания. В ревком, помимо большевиков, вошли два представителя Южной группы анархистов-коммунистов, левый эсер (по другим данным – анархо-синдикалист⁵³⁰), социал-демократ-интернационалист (Л. П. Немченко): интернационалисты порвали с меньшевиками. Недовольство господством белых ширилось.

Одна за одной, с помощью с огромным риском прорывавшихся из центра работников, возникают местные парторганизации. Первыми – Севастопольская (В. В. Макаров, И. А. Севастьянов, А. Н. Бунаков (Рытвинский) и другие),

Симферопольская (руководители: С. Я. Просмушкин, Б. А. Горелик), Феодосийская (во главе с авторитетным И. А. Назукиным), позже Ялтинская (под руководством П. М. Ословского) и т. д.

Диверсионные акции (например, попытка потопления крейсера «Генерал Корнилов» 22 декабря), индивидуальный террор, освобождение арестованных, повстанческое движение, подпольная печать – все это в сильной степени подрывало тыл белых и побуждало искать самые действенные формы борьбы с подпольем – от провокаторства и жестоких казней до императивных аналитических «разработок».

В январе – марте 1920 года контрразведка смогла добиться успеха. Почти все упомянутые выше лидеры большевиков были выявлены и расстреляны. Но подполье отнюдь не было уничтожено. Оно постоянно возрождалось.

Так гражданская война, принимавшая всевозможные обличья, делала из человека все более совершенную машину для истребления соотечественников. Правда, среди приказов Главнокомандующего мы изредка обнаруживаем нечто, напоминающее гуманность. 14 декабря было объявлено «прошение с восстановлением во всех правах, не исключая и права на чин и звание, заслуженные в старой русской армии, тем лицам, служившим в красной армии и советских учреждениях, а также способствовавшим и благоприятствовавшим деятельности советской власти и ее войскам», которые отбывают наказание, но не подлежат смертной казни и каторжным работам. Впрочем, приговоренные к каторге могут в качестве рядовых «загладить свою вину перед родиной»⁵³¹. Но в чем смысл этого выбивающегося из общей колеи приказа? Разумеется, в том, чтобы после поражений подкрепить ВСЮР.

Экономика продолжала дрейфовать в сторону все большей случайности и хаотичности принимаемых мер и в то же время полного пренебрежения интересами трудовых слоев. 12 августа вводится свобода торговли. Цены сразу взлетают вверх. Первое влечет за собой второе – отмену хлебной монополии. Разворачивается денационализация, в том числе имений. Цены взлетают еще выше. Бессмысленно озлобляя крестьян, власти повышают арендную плату до трети урожая, вывозя при этом хлеб за границу десятками тысяч пудов: разрушается сельское хозяйство. 22 июня Деникин утверждает правила о возврате землевладельцам или арендодателям половины сбора трав на лугах и сенокосных угодьях, скошенного как отдельными лицами, так и обществами. В случае отсутствия землевладельца или арендодателя эта доля предназначалась военным властям⁵³².

Стремясь пополнить бюджет, Главноначальствующий 19 августа вводит вольную продажу вина («не выше 16-гр.»⁵³³), потом, с 15 ноября – водки. Но какой пассаж... ее просто нет в Крыму.

Могли ли такие меры обеспечить хотя бы относительную стабильность экономики – одно из слагаемых победы?

Администрация подумывает о восстановлении крымских денег. Затем Главноначальствующий обнаруживает, что «за последнее время на территории Крыма явочным порядком возникло большое количество меняльных лавок и контор разных наименований, занимающихся главным образом покупкой и продажей русской и иностранной валюты и своими действиями способствующих искусственному снижению курса рубля». Следует суровый приказ от 5 марта 1920 года: все лавки закрыть, сделки в иностранной валюте прекратить, виновных в нарушении – предавать военно-полевому суду⁵³⁴. Запрещалось обращение советских денег. Они изымались банками под «бесплатные» квитанции, расчет по которым должен быть произведен по окончании гражданской войны.

На фоне объявленной свободы торговли иные меры Деникина весьма напоминают военный коммунизм или грядущую «командную экономику». Например, 22 июня Главнокомандующий предписывает: «В целях своевременного успешного засева полей, впредь до разрешения земельного вопроса, вменяется в обязанность владельцам, а также и обществам, в действительном пользовании коих земля в настоящее время находится, немедленно

озаботиться подготовкой полей к осеннему засеvu»⁵³⁵.

Или еще. 27 июля Главноуполномоченный торговли и промышленности при ВСЮР Л. Яценко сетует: «К сожалению, многие торговцы понимают свободу торговли как свободу спекуляции» и угрожает: «в случае обнаружения спекулятивной торговли, мною немедленно будет сообщаться военным властям для предания виновных военно-полевому суду»⁵³⁶.

Неудивительно, что уровень жизни неминуемо катился вниз. Жить стало хуже, свидетельствуют современники, чем при большевиках. Зарплата учителя, к примеру, составила в октябре 450 рублей в месяц, рабочего табачника – 1200, провизора – 1250, печатника – 2000. Цены же к октябрю 1919 года в Симферополе составляли: хлеб белый – 5 рублей фунт, мясо – 29 рублей, масло – 150, масло подсолнечное – 45, молоко – 18–20 рублей за кварту, сахар – 65 рублей за фунт, спички – 4 рубля коробка, куры – 50 рублей за фунт, ботинки дамские (пара) – 3250 рублей, сукно 1500 рублей аршин, сапоги (пара) – 5500 рублей (примерно зарплата учителя за год).

Чтобы хоть как-то уменьшить озлобление населения растущей дороговизной, разрешается продажа продуктов из армейских лавок. Цены здесь были и ниже рыночных, однако сказывался недостаток запасов⁵³⁷.

Закономерно растет смертность, распространяются эпидемии: в 1919 году холера, инфлюэнца, тиф, в 1920-м – то же самое плюс случаи чумы.

В уездных земствах царила разруха.

Все попытки рабочих, крестьян, служащих хоть как-то улучшить свое положение караются беспощадно. Жесточайший авторитарный режим, действовавший подобными методами, был, по нашему мнению, обречен – отсутствовала какая-либо полноценная идейная, политическая и экономическая программа, помимо абстрактной «великой, единой и неделимой». Он не имел массовой опоры и существовал исключительно приказами, насилием, арестами и казнями. И никакая иностранная помощь спасти его не могла. Добровольческий «строй» потерпел вполне заслуженное поражение. 17 марта 1920 года Деникин переносит Ставку в Крым. Остаются считанные дни до его ухода с политической сцены. Его преемник, П. Н. Врангель, сделает выводы из катастрофы «деникинщины». И у него будет программа.

Глава VIII Слащов и другие

Ситуацию на фронте в начале 1920 года можно охарактеризовать в нескольких словах: отступление всех белых армий, порой переходящее в бегство. Правда, 3-й (Крымский) корпус Я. А. Слащова, отбив наскоки красной бригады 46-й стрелковой дивизии в декабре, а потом, имея не более пяти тысяч,

13-й армии в январе – марте, сумел зацепиться за Перекопом, удержав Крым – последний бастион белого движения. Но это был единичный успех.

Как в армии, так и в тылу преобладало подавленное, если не паническое, настроение. Разваливался фронт; тревожно было – и за собственную жизнь, и – для меньшинства – за судьбы страны; неудовольствие вызывали Главнокомандующий ВСЮР А. И. Деникин и его действия. Армия была травмирована неудачами, искала «козла отпущения» в Деникине и его окружении. И, как водится, искала замену, спасителя. Вариант спасения, который к весне 1920-го стал просматриваться все яснее, да и подбрасывался из-за рубежа, – переговоры с Москвой. Но Деникин совершенно лишен гибкости. Он не намерен сдавать ни одну из своих позиций, считая это твердостью. Он чужд поискам и компромиссам.

А что же Южнорусское правительство? Оно совершенно бессильно, хотя и пытается что-то сделать. В февральской его декларации мы находим пункты о восстановлении русской государственности посредством Учредительного собрания и с опорой, главным образом, на «трудящихся крестьян, казаков и рабочих» (а политика Деникина? – *Авт.*), передаче земли тем, в чьих руках больше нормы (какой? – *Авт.*), страховании рабочих и льготах кооперативам⁵³⁸. Но все остается на бумаге: Деникину не до того. Главнокомандующий «свое» правительство игнорирует. Взоры все чаще и чаще останавливаются на фигуре бывшего командующего Кавказской и Добровольческой армии генерал-лейтенанте П. Н. Врангеле и его неизменном спутнике, генерале от кавалерии, бывшем нач-штаба П. Н. Шатилове.

Врангель в это время в Новороссийске. После провалов в Донбассе он не у дел. Н. Н. Шиллинг предлагает ему должность своего помощника по военной части. А генерал-лейтенант А. С. Лукомский, влиятельный английский советник генерал Хольман во время бездарных действий Шиллинга, приведших к сдаче красным Одессы, приходят к выводу, что человеком, способным остановить продвижение красных в Крым, может быть только Врангель. Однако у Главнокомандующего, чувствуящего во Врангеле сильного соперника, иное мнение. Между ними и старые счеты. Места в Крыму барону не находится.

Честолюбивый Врангель взбешен. «...Сознавая, что мною воспользоваться не хотят и дела для меня ни в армии, ни в тылу не находится, не желая оставаться связанным службой и тяготясь той сетью лжи, которая беспрестанно плелась вокруг меня, я решил оставить армию»⁵³⁹, – вспоминал он. Отставка принимается. Врангелю разрешено выехать в Крым, где у него дача. Отправив семью в Константинополь, Врангель 31 января прибывает на Севастопольский рейд. О даче он, однако, не вспоминал, предпочитая проживать на пароходе «Александр Михайлович», том самом, на котором приплыл, то есть держаться поближе к событиям. Интерес к опальному полководцу, да еще тесно связанному с Крымом, велик. Он становится очередным «возмутителем спокойствия» в Крыму.

А Крым напоминает большой цыганский табор. Здесь – буржуа, служащие, интеллигенция, люмпены и всякого рода темные личности со всей России. Сюда принесло даже судно из Владивостока с банковскими служащими. Здесь собрались известные русские писатели и поэты: А. Т. Аверченко, В. В. Вересаев, М. А. Волошин, О. Э. Мандельштам, С. Н. Сергеев-Ценский, И. Д. Сургучев, К. А. Тренев, Е. Н. Чириков И. С. Шмелев, И. Г. Эренбург и многие другие. Здесь лучшие русские журналисты, актеры и киноактеры. Здесь очень много духовных лиц. Здесь всевозможные тыловые части. Здесь, наконец, масса дезертиров, а также раненых и выздоравливающих. «В Крыму скопилось огромное количество разрозненных тыловых войск, части управлений, громадное число беженцев. Запуганные, затерянные, потерявшие связь со своими частями и управлениями, не знающие, кого слушаться, они вносили собой хаотический беспорядок»⁵⁴⁰. И все хотели одного – есть и иметь хоть что-то. «...Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше нагрabить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения»⁵⁴¹.

Комендант Севастопольской крепости и начальник гарнизона Севастополя генерал-майор В. Ф. Субботин и Таврический губернатор Н. А. Татищев справиться с этим человеческим половодьем не могли никак. Базовые инстинкты множества людей оказались сильнее, чему в немалой степени способствовала разрешенная 23 декабря свободная продажа спиртного. Наверху оказывались, понятно, самые отъявленные и оборотистые. «Идет гражданская война, полная ужасов и крови. Страна разорена – нет земледельческих орудий, одежды, лекарств, нет азбуки для детей. Промышленность и транспорт погигли. Доедаются последние крохи бывших богатств.

Мы в агонии, умираем.

А здесь всевозможные шакалы всевозможных пород рвут последние отрепья с разграбленной, обезнищенной России: спешат вывезти за границу последнее сырье, хлеб, табак и вино, ничего не давая в обмен народу, кроме никому не нужных бумажек», – сокрушался журналист⁵⁴².

К растаскиванию немногого оставшегося приложили в 1920 году руку не только мелкого пошиба «предприниматели», но и сливки тогдашнего крымского общества – от генерал-майора В. З. Май-Маевского и генерал-лейтенанта В. Л. Покровского до, как ни печально, будущего главы правительства

А. В. Кривошеина. У многих офицеров и солдат, прошедших на фронте все круги ада, эта вакханалия не вызывала ничего, кроме озлобления.

Хоть немного смягчить ситуацию могла, как ее тогда называли, «разгрузка» Крыма. Организованная эвакуация началась к середине января. Ответственным за ее проведение был назначен помощник П. Н. Врангеля по гражданской части во времена его командования Добровольческой армией

С. Д. Тверской. Эвакуации подлежали раненые, больные, семейства военных и чиновников, лица до 17 и после 43 лет, не годные к военной службе⁵⁴³. Их размещали в лагерях, что были устроены союзниками под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии. К апрелю с учетом беженцев количество россиян в Турции, Болгарии и Сербии составило 45 тысяч человек (почти половина – офицеры)⁵⁴⁴.

Десятки тысяч скопившихся в Крыму беженцев нужно было кормить, а по мнению Таврической губернской земской управы, ввиду резкого сокращения осенних посевов Крыму угрожает голод. Зарисовка с натуры: «У пекарен длиннейшие хвосты. Хлеба нет, с каждым днем его все меньше и меньше и вольная (рыночная. – *Авт.*) цена его все повышается.

Обыватель ропщет. В семьях растерянность. Потому что для трудового люда хлеб в последние дни был чуть ли не единственным источником питания, ввиду невероятного повышения цен на прочие продукты»⁵⁴⁵. Посевные площади сократились к 1920 году (с начала гражданской войны или с 1914 года? – *Авт.*) почти наполовину. Крестьяне сеять не желали (реквизиции, арендная плата и пр.), крупные землевладельцы – боялись (отберут). В тяжелом состоянии огородничество, заброшено две трети виноградников, особенно плохо с овцеводством (военные всех цветов любят баранину). Помещики вообще свертывают всякое производство, и «почти вся посевная площадь Крыма перешла в фактическое владение крестьян...» Даже немцы-колонисты стали сокращать хозяйства. «Из групп и слоев населения крепче других держатся болгары, экономически наиболее сильная группа населения»⁵⁴⁶.

Стремясь поправить положение дел за счет избыточного населения, генерал-майор В. Ф. Субботин постановил 29 декабря: ввести (подобно большевикам) трудовую повинность мужчин от 17 до 45 лет включительно. Привлекаться к несению повинности должны, разъяснял он, «преимущественно люди физически здоровые, трудоспособные и не обремененные как служебными обязанностями, так и делами своей профессии»⁵⁴⁷. Не исключалось, а даже предполагалось несение повинности буржуазией, которая своим поведением настолько переполнила чашу терпения военных властей, что Н. Н. Шиллинг и Субботин подписали 3 февраля приказ (жесткий по форме, но, откровенно говоря, пустой по содержанию): «Обеспеченные классы населения, укрывающиеся за спинами моих славных бойцов фронта и часто имеющие наглость критиковать действия последнего, не оказывая ему никакой помощи, являются главными преступниками против общего дела борьбы с большевизмом и будут мною привлечены к этой борьбе материально и индивидуально»⁵⁴⁸.

Разумеется, буржуазия пропустила тирады, как поговаривали, нечистого на руку

Шиллинга мимо ушей. Кого нужно – она всегда могла подкупить. А с трудовой повинностью получилось то, чего и следовало ожидать. Брали старше 45 лет, больных, – в подавляющем большинстве евреев; несмотря на то, что в приказе было выделено – «в первую очередь надлежит привлекать состоятельных лиц», – брали служащих, рабочих, даже занятых в оборонном производстве, далее – журналистов, инженеров, студентов... Не трогали только спекулянтов и аферистов. Хватали на улицах, вытаскивали из квартир, вели в участки под вооруженным конвоем. Короче, превратили «трудовую повинность в карательную экспедицию. (...) Так действовали во времена Николая, даже не второго, а первого»⁵⁴⁹. Обнаруживший «отловленных» и выслушавший их Слащов, рассвирепев, велел немедленно отправить их по домам.

Обращаясь к внутрикрымской политической жизни, прежде всего отметим, что она связана не с именем бесцветного Н. Н. Шиллинга, формального правителя Крыма, запятнавшего себя Одессой, а с колоритной фигурой Слащова.

Генерал-майор Я. А. Слащов предстает в литературе в разных ипостасях – то это жестокий тиран и истязатель, то опять-таки тиран, но при этом чуть ли не карикатурный персонаж. Булгаковский Хлудов далек от реального исторического лица. Нам представляется (речь идет только о первой половине 1920 года), что Слащов был всецело поглощен одной идеей: Крым нужно, а главное, можно защитить. Этой идее он, со всей своей энергией, решительностью, храбростью, громадным уважением, которым пользовался в армии, – подчинил все, часто перегибая, тратя больше, чем, по здравому смыслу, следовало бы. Отсюда – этикетка «Слащов-палач», чуть ли не первый садист в белых войсках. Однако Слащов не был патологически жесток, тем более, не сочетал в себе жестокость с беспринципностью. Репрессии, связанные с его именем, объяснялись именно доминантой: раз они мешают мне делать мое, самое главное, необходимое родине дело – их нужно убрать. Слащов считал, что только он на высоте положения – прочие или бегут, или разлагаются в тылу (кстати, в этом была доля истины). Весь Слащов – в своих знаменитых «суворовских» приказах, над которыми издевались Врангель и другие, но которые столь по-своему замечательны, что их, право, стоило бы издать отдельной книгой. Однако ноша, которую он нес, отстаивая Крым, оказалось слишком тяжелой. Здесь кроется часть объяснения странностей Слащова, наркотиков и алкоголя, неврастении и быстрого старения.

Врангель живописал: «Я видел его в последний раз под Ставрополем, он поразил меня тогда своей молодостью и свежестью. Теперь его трудно было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека.

Одет он был в какой-то фантастический костюм – черные с серебряными лампасами брюки, обшитый куньим мехом ментик, низкую папаху «кубанку» и белую бурку.

Перескакивая с одного предмета на другой и неожиданно прерывая рассказ громким смехом, он говорил о тех тяжелых боях, которые довелось ему вести при отходе на Крым, о трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы собрать и сколотить сбившиеся в Крыму отдельные воинские команды и запасные части разных полков, о том, как крутыми беспощадными мерами удалось ему пресечь в самом корне подготавливавшееся севастопольскими рабочими восстание»⁵⁵⁰.

По В. А. Оболенскому, «Слащов – жертва гражданской войны. Из этого неглупого, способного, хотя и малокультурного человека она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин, которым он себя дурманил, поддерживал безумные мечты»⁵⁵¹.

Однако в чем, в чем, а во властолюбии Слащова, в отличие от того же Врангеля, обвинить нельзя. Слащов не любил решать тыловые вопросы, не разбирался в политике, во многих аспектах гражданской жизни. Но, за неимением достойной кандидатуры, он вынужден был заниматься всем этим. Поэтому период с января по март 1920 года мы по праву можем назвать «слащовским».

А крымскую жизнь продолжали определять собой репрессии. Дабы забить последний гвоздь в сложившийся карательный аппарат, Слащов издал в январе приказ по 3-му армейскому корпусу и войсковым частям Крыма: «...Учредить военно-полевые суды для рассмотрения на месте дел лиц, нарушающих государственный порядок, общественную безопасность и интересы населения, лиц, действующих во вред Добрармии, нарушая приказы Добрармии и приказы, изданные в порядке Верховного управления»⁵⁵². Представляется, что приказ служил обоснованием учреждения как бы собственного, «параллельного» военно-полевого суда при ставке Слащова в Джанкое, который наводил ужас на все население Крыма.

Главным объектом неутомимых преследований служили, конечно, не прекращающие борьбу в подполье большевики. Так, 4 января (н. ст.) подпольщики, открыв кингстоны, попытались потопить крейсер «Генерал Корнилов», 28 января – подорвали паровоз бронепоезда «Солдат», подожгли и разрушили железнодорожный мост через р. Альму⁵⁵³. В ночь на 22 января (4 февраля) 1920 года был арестован севастопольский горком РКП(б). 9 человек приговорены к смертной казни, которая была исполнена в ночь на 23 января (5 февраля) на крейсере «Генерал Корнилов»⁵⁵⁴. (Подсудимый М. А. Исдлович оправдан.) Были схвачены и казнены руководители Феодосийского (28 человек во главе с И. А. Назукиным), Керченского, прочих большевистских комитетов.

В марте арестовали членов созданного в январе 1920 года Мусульманского бюро (Татарской секции) при Крымском областном комитете РКП(б) (Амет Мамут-оглу (М. Рефатов), Асан Изет-оглу, Амет Баталов, Мухаметджан Урманов (Урманер), Казамзы Сакаев, Асан Сакаев, Мурат Рашид Асанов, Сеит Ислям, Апаз-оглу, юнкер Абдулла Баличиев, вольноопределяющийся Н. М. Ярко-Аптекман, стражник Ислям Умеров, Е. Л. Жигалина), которое имело «своей целью, – как гласил приказ по добровольческому корпусу от 13 апреля, – путем вооруженного восстания против власти и войск вооруженных сил Юга России изменение установленного на территории Крымского полуострова государственного строя...»⁵⁵⁵. Ходатайства В. А. Оболенского, С. А. Усова, татарских общественных деятелей А. П. Кутепов оставил без внимания. 21 апреля военно-полевой суд по обвинению в попытке вооруженного переворота приговорил Рефатова, Асанова, Асана Изет-оглу, А. Сакаева, Баличиева и Жигалину к смертной казни через расстрел, Умерову – к «каторжным работам без срока», Баталова, Апаз-оглу, Ярко-Аптекмана – к ссылке в каторжные работы на 8 лет; Урманов и К. Сакаев, по недостатку обвинений, были оправданы⁵⁵⁶. Правда, есть данные, что Урманов был казнен. Вечером 22 апреля (5 мая) приговор был приведен в исполнение.

Жертвой, как и в предшествовавшем году, мог стать любой. В ночь с 6 на 7 января в Севастополе был убит гласный думы, правый эсер И. Е. Марков, известный и как убежденнейший противник большевизма, и как человек, спасший жизнь нескольким офицерам и генералу Мочульскому в дни красного террора. В январе был предан суду начальник севастопольского сухопутного контрразведывательного управления С. И. Ручинский. Он обвинялся в том, что служил в Красной армии, а затем стал большевистским агентом в контрразведке, подделав документы на имя полковника русской армии. Несмотря на столь жуткие обвинения, после 6-часового разбирательства Ручинский был оправдан⁵⁵⁷.

И вдруг в водовороте военных неудач, разочарований и озлобления, полного нравственного падения верхов и разгула насилия над населением в ночь на 22 января (ст. ст.)

вспыхивает так называемый бунт капитана Орлова.

Н. И. Орлов яростно выступал против злоупотреблений начальства (возможно, в этом сказывался и своеобразный комплекс неполноценности, проистекавший из «всего лишь» капитанского звания). Храбрец, однако, согласно Слащову – «неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением»⁵⁵⁸. А также, добавим, – наивностью и простодушием, что очень заметно по его многочисленным воззваниям. Орловым, как нам представляется, владели еще два сливающиеся воедино чувства: справедливости и сохранения в чистоте риз белого движения.

В конце декабря Слащов посылает близкого ему князя С. Г. Романовского, герцога Лейхтенбергского, члена семьи царствующего дома, в Симферополь для «заведывания корпусным тылом и формированиями»⁵⁵⁹. Здесь герцог знакомится с Орловым. Капитан начинает сбивать из отирающихся в тылу вояк Крымский добровольческий полк. Слащов благоволит к Орлову, помогает, чем может, и к концу января полк налицо и насчитывает уже 1500 человек.

Что было неизвестно Слащову: Орлов вел переговоры – с информационной целью, пишет знаток событий⁵⁶⁰, – с большевиками. Обе стороны стремились прошупать друг друга. Капитан, демонстрируя политическую безграмотность, дает себе загадочную характеристику: он правее левых эсеров, но левее правых эсеров. В Симферополе уже открыто поговаривают о захвате власти, но, как ни странно, до Слащова эти разговоры не доходят. Большевикам нужно от Орлова пока одно: освободить политзаключенных (в симферопольской тюрьме их более ста).

22 января Орлов получает от Слащова приказ: выступить на фронт. Вместо этого он, распропагандировав часть полка, действуя якобы от имени Слащова, без сопротивления захватывает Симферополь. Располагавшиеся в городе запасные части и немецко-татарский отряд лейтенанта Гомейера, формировавшийся параллельно с орловским, объявляют нейтралитет.

Орлов арестовал губернатора Н. А. Татищева, В. Ф. Субботина, должностных лиц, известных своими злоупотреблениями, начальника штаба войск Новороссии В. В. Чернавина, начальника гражданской части при Н. Н. Шиллинге Брянского. Политзаключенных он, однако, не освободил, и большевики к Орлову охладели.

Кратко программу Орлова можно представить так: «Генералы нас предают красным, они не способны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведем борьбу»⁵⁶¹. Таким образом, это был своеобразный бунт младшего офицерства против комсостава, сочтенного разложившимся и недееспособным. (Особенную ненависть вызывали фигуры Май-Маевского и Шиллинга.)

Кто окружал Н. И. Орлова и на кого он опирался? Были в его отряде и «легальные дезертиры», и лица темные, авантюрного склада, и, видимо, просто алкавшие справедливости. Об иных, кроме Орлова, вожаках движения литература почти умалчивает. Мы выделим поручика Динцера – «идеолога Орловского движения», как сформулирует позже Симферопольская прокуратура, решительного поручика Серебрякова, настаивавшего на расстреле арестованных, как бы заместителя Орлова Дубинина, расстрелянного Слащовым.

Из своего штаба в гостинице «Европейской» «начальник гарнизона г. Симферополя» Орлов рассылает свои многочисленные воззвания, отпечатанные типографским способом. Любопытно одно из них, подписанное «Офицеры: Марковцы, Корниловцы, Дроздовцы и Симферопольцы отрядов Капитана Орлова». (По всей видимости, среди орловцев был не только личный состав его полка.) Воззвание клеймит «преступное и недостойное поведение ген. Май-Маевского», «подлость ген. Шиллинга» и, во имя борьбы с «коммунистами и большевиками», «красным насилием», обращается к «молодому офицерству, казакам и

солдатам» и даже, отчасти, к «гнилой интеллигенции» (!) с призывом не противодействовать орловцам и вступать в их ряды.

В этих документах встречаются и призывы социально-политического толка. Например: «Молодые офицеры, глубоко любящие свою Родину, решили призвать всех к порядку! Все для фронта и для успеха борьбы с коммунистами, а для этого нужен крепкий тыл. Крестьяне и рабочие должны получить немедленно землю и хлеб! (...) Необходимы гарантии законности действий граждан от произвола чрезвычайек (и) контр-разведок»⁵⁶². Лозунг «Земля – крестьянам, хлеб – рабочим!» становится «ходовым» в орловском движении.

Читая эти листовки, вряд ли назовешь Орлова авантюристом, как повелось с легкой руки Врангеля и других. Он знал, что делал. Недаром Слащов констатировал: «Орловщина была серьезным движением, с которым пришлось очень и очень считаться. Одесская эвакуация Шиллинга дала ей твердую почву»⁵⁶³. Орлову многие – иные и открыто, как в Севастополе, – сочувствовали в армии. К нему с явной симпатией относилось население, вначале, не имея никакой информации, гадавшее, кто же он: большевик, махновец, сторонник Врангеля? «Сведения о политическом настроении города Евпатории», социологическая, как бы мы сказали сейчас, сводка, составленная командиром городской стражи полковником Бертгольдтом, фиксирует: «...Для большинства Орлов – безусловно – честный парень, но «чересчур горячая голова»; для некоторых, правда, немногих – «опьяненный властью авантюрист и фантазер», который не побрезгует ролью «Добровольческого Махно»... (...) В широких кругах населения гор. Евпатории к капитану Орлову относятся, безусловно, сочувственно; в частности, рабочие круги считают движение, возглавляемое капитаном Орловым, глубоко демократичным... Преобладающее мнение таково, что только будущее покажет, был ли переворот капитана Орлова «авантюрой» или последней вспышкой угасающего патриотизма русского офицерства»⁵⁶⁴. И если бы не Слащов, со всем своим громадным, пусть и негативным, авторитетом для крымского общества, силой влияния – для армии, и решительностью, – еще неизвестно, как повернулось бы дело...

А Слащов, на чье содействие так рассчитывал Орлов, по-прежнему действовал, руководствуясь принципом: надежный тыл – опора фронта. Он задержал у себя посланца Орлова герцога Лейхтенбергского и отбил 24 января телеграмму: «Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам

России в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных доставить их ко мне живыми или мертвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым». 27 января он телеграфирует еще более резко, в своем стиле: «Отряду, забывшему совесть и долг службы и ушедшему под командой Орлова, на все предложения могу ответить только: 1) Орлов изменник долгу. 2) Орлов по телефону меня нагло обманывал (обещая подчиниться. – *Авт.*). 3. Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь. 4) Это не было исполнено. 5) Обманутые ко мне! 6) Орлову не поверю и повешу»⁵⁶⁵.

Слащов не стал выдвигать против Орлова крупных сил, опасаясь оголить фронт. Он отправился в Симферополь сам. Из Севастополя двинулись два бронепоезда (один офицерский, во главе с Май-Маевским). Орлов, освободив арестованных им, ушел 24 января из Симферополя на юг с отрядом в 150 человек⁵⁶⁶ (по другим данным, в 70–90 человек⁵⁶⁷) и кассой местного банка в 2 миллиона рублей (впоследствии та же участь постигнет казначейства Ялты и Алушты). Большинство оставило его, узнав о позиции Слащова. Был арестован брат капитана, поручик Орлов, делопроизводитель его штаба. Признав свое бессилие, 7 февраля ушел в отставку Субботин. Его сменил генерал-лейтенант А. Ф. Турбин. Орлов, между тем, подошел к Ялте. Самодур В. Л. Покровский пытался организовать «сопротивление». Всех подряд, вплоть до гимназистов, ловили на улицах, вооружали чем попало и загоняли в окопы

(среди них оказался певец Л. В. Собинов, который, проведя ночь в окопах, потерял голос). Разумеется, что это воинство без единого выстрела пропустило Орлова в город. Прибывшая на транспорте «Колхида» тыловая команда отнеслась к Орлову дружески, мало того, потом распространяла в Севастополе его листовки. Кое-кого Орлов арестовал, в том числе случившегося в Ялте английского полковника и самого Покровского, но вскоре отпустил, правда, пригрозив перед этим Покровскому повешением.

Наконец появился приказ Главнокомандующего с требованием Орлову немедленно отправиться на фронт, дабы загладить свою вину. В то же время, косвенно признавая известную правоту его поступка, Деникин приказал назначить комиссию для расследования причин, вызвавших смуту. Такая комиссия под началом генерал-лейтенанта, члена Главного военного и военно-морского суда А. С. Макаренко была назначена. Генерал-лейтенант, как честный человек, хорошо поработав, представил доклад, в котором сухим тоном служивого человека нарисовал картину вопиющих мародерства, реквизиции, грабежей и прочих злоупотреблений, испытав которые «население начало втайне вздыхать по большевикам»⁵⁶⁸. У нас нет данных, свидетельствующих о том, что П. Н. Врангель дал ход этому делу.

При посредничестве эсера Ф. И. Баткина Орлов 10 февраля сдался и с нерасформированным своим отрядом отбыл на фронт. Генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг разразился по поводу сдачи Орлова приказом от 10 февраля, где говорил о «возмутительной разрухе тыла, преступной небрежности и интригах отдельных должностных лиц». Часть представителей власти уже заменена, – сообщалось в приказе⁵⁶⁹. Так что какие-то последствия орловский бунт все-таки имел.

18 февраля в Симферополе «1 Добровольческий полк под командой кап. Орлова участвовал в торжественном параде. Парад принимал ген. Слащев, оставшийся весьма довольным состоянием части и сказавший Орлову: “Не буду вас долго задерживать. Для вас у меня только два слова, которые, я знаю, вам дороже всего: «родина и дисциплина»”»⁵⁷⁰.

3 марта (ст. ст.) Орлов показал, насколько ему дорога дисциплина. Он снял отряд в 500 человек с фронта и повел его на Симферополь. Для Слащова это было уже слишком. Он отправил в погоню полк 9-й Кавказской дивизии (400 шашек) с 8 орудиями и 100 шашками конвоя, двумя бронепоездами, летчиками для разведки и собственный поезд. Орловцы были рассеяны. Из взятых в плен 16 человек по приказу Слащова расстреляли (во главе с поручиком князем Бебутовым)⁵⁷¹. «Приговоренные к смерти военно-полевым судом, они были положены в ряд, лицами вниз, на платформе станции Джанкой и расстреляны в затылок. Трупы их для острастки оставшихся в живых товарищей целый день лежали в рядах на платформе»⁵⁷². Сам капитан и 20–30 человек сумели спастись и бежали в горы. В воззвании подпольного большевистского

Крымского областного военно-революционного комитета заявлялось, что «Орлов бандит, авантюрист и такая же золотопогонная сволочь, как и все добровольцы, а если вы не послушаетесь нас и не бросите отряд этого разбойника, то с вами будет поступлено со всей жестокостью условий военного времени»⁵⁷³.

Отряд Орлова оказался теперь «зеленым» и действовал весь врангелевский период, базируясь у Козьмо-Демьяновского монастыря. Время от времени Орлов наезжал в Симферополь, где таилась его агентура⁵⁷⁴. После взятия Крыма советскими войсками он явился в особый отдел фронта и предложил свои услуги по борьбе с бандитизмом. Его просьба была удовлетворена. Однако поступил донос от симферопольских большевиков, и Орлов в декабре 1920 года был расстрелян вместе с братом Борисом.

«Бунт» капитана Н. Орлова вошел в истории Белого Движения позорной страницей: начатый по мысли Орлова с благой целью, превратился в авантюру, и в результате чего пуля

чекиста бесславно окончила жизнь честного и доблестного в свое время офицера, пошедшего по скользкому, неправильному пути», – констатировал хорошо знавший Орлова с детских лет В. В. Амельдингер⁵⁷⁵.

Наделавшая столько шума орловская «эпопея» стала одним из признаков загнивания добровольческого движения. Аналогов орловского феномена в истории гражданской войны мы не знаем.

«Орловщина», о чем историки не писали, имела свое ответвление, связанное с именем крестьянина Афанасия Васильевича Петляка. Судя по выводам следствия, которое, кстати, производил председатель комиссии по расследованию выступления Орлова генерал-майор И. Л. Николаев, крестьянин Евпаторийского уезда А. В. Петляк «показал, что он состоит в отряде капитана Орлова, поручившего ему вербовать в Евпаторийском уезде добровольцев и дезертиров для борьбы с большевиками, что с этой целью он, Петляк, ездил по деревням и селам, призывая записываться в его отряд». Насколько реален тесный контакт кадрового офицера Орлова с крестьянином Петляком, судить мы не можем, но вероятность его допускаем, тем более что в некоторых из своих воззваний орловцы выдвигали крестьянский вопрос.

Петляк выступал перед населением уезда в качестве предводителя «Второго отряда народной армии (выделено нами. Сам Орлов при этом именовался Начальником добровольческих отрядов Крыма. – *Авт.*) движения Орлова». Ему удалось собрать только 25 человек.

Сохранились отпечатанные типографским способом листовки Петляка. Самая лапидарная из них названа «Программой»:

«1) Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание и окончание кровопролития. 2) Каждый хозяин плодов своего труда. 3) Земля трудовому народу и государству. 4) Борьба с врагом-грабителем.

Итак, борьба с грабителем, а всем остальным простираем широкие объятия.

А. В. Петляк».

Вычленим главные идеи: протест против гражданской войны, призыв к народовластию, государство на трудовых принципах, ненависть ко всевозможным реквизиторам плодов чужого труда и борьба с ними. Ключевой термин «враг-грабитель», как видно из другого документа Петляка, подразумевал и «комиссаров», и белогвардейцев (но не всех, а именно грабителей): «...Назовем одного врага – грабителем, потому, что какие у него идеи не были бы, а раз он грабит и проповедует грабеж, то есть он враг честного народа. Потому что грабеж и разгром не приносят никому пользы и так, кто бы он ни был, правый или левый, нам все равно, пощады не будет».

Для нас особенно важно в движении А. В. Петляка, каким бы мизерным по масштабам оно ни казалось, именно это отчетливое проявление психологии крестьянина-труженика, чуждого как призывам типа «грабь награбленное», так и грабежу мирного, по самой сути своей, человека со стороны власть и силу имущих по «праву» привилегий.

Сильно звучит и столь наивная, казалось бы, в огне гражданской войны, где «брода нет», апелляция к заветам Спасителя, антагонистичная воинственным призывам иных иерархов: «Оправдаем слова Христа, который сказал «Настанет время, когда я приду к Вам, вселюсь в вас и буду вашим Богом и Вы моим народом», т. е. настанет час, когда народ сознает правду и сольется в одно и выберет себе Народное, т. е. Учредительное Собрание, которое будет править по воле народа».

И не следует удивляться тому, что «Петляк сочувствием не пользовался (хотя это резюме делается противной стороной, возможно, в реальности было иначе. – *Авт.*), и жители относились к нему недоверчиво, почему в состав отряда к нему добровольно не шли, а он

пополнял свой отряд разоруженными воинскими чинами команд этапных Комендантов и чинов Стражи, увлекаемых с собой под угрозой...»⁵⁷⁶ Ибо Петляк столкнулся с тем самым менталитетом крымского крестьянина, к тому же замордованного добровольцами, глашатаем которого он же и выступал! Крестьянина, желающего только мирно и спокойно трудиться на своей земле. Петляк видел идеал в ненасильственном мире, таком большом всенародном «общино-государстве», но достичь его пытался насилием.

Тем не менее, никаких вооруженных нападений за петляковцами не числилось. И все же 22 февраля (ст. ст.) для ликвидации отряда Петляка была отряжена конная команда под началом поручика Ракова в составе двух младших офицеров, 34 всадников и двух пулеметов с приданными четырьмя офицерами и двумя вольноопределяющимися. 24 февраля деревня Б(о)араган (ныне не существует), где расположились петляковцы, была окружена и 22 (21) человека схвачено. Самого Петляка и его соратника Грекова определили в симферопольскую тюрьму, где и велось дознание. Его результаты нам неизвестны. Судя по тому, что имя Петляка далее нигде не встречается, они однозначны.

Смена В. Ф. Субботина А. Ф. Турбиным на посту командующего Севастопольской крепостью и гарнизоном походила вначале как будто на потепление и породила большие надежды. Генерал-лейтенант Турбин выступил с заявлением о необходимости связи властей с общественностью и приступил к осмотру тюрем, которые произвели на него, по его же словам, ужасное впечатление. Из 327 узников севастопольской тюрьмы более 30 было освобождено, улучшены питание и условия содержания. 5 февраля на свободу вышел Н. Л. Канторович, 14-го – В. А. Могилевский. Прокатилась волна отставок, были заменены некоторые одиозные в глазах крымчан чиновные фигуры. И сразу же, как бы в преддверии весны, запахло в воздухе мечтами о гражданском правлении.

«Ген. Турбин не убоился мужественно заявить, что политика прежней власти по отношению к городскому самоуправлению была недопустима. Прекрасно. Но пусть же новая власть не ограничится порицанием прежней власти, а покажет на деле, что голос представителей населения отныне для нее не звук пустой... – призывал известный в Крыму публицист. – Только фактическое проведение в жизнь свободы собраний и неприкосновенности личности даст обществу и его представителям возможность перестать чувствовать себя, как в осажденном лагере»⁵⁷⁷.

Один из социал-демократических лидеров, товарищ городского головы Севастополя И. С. Пивоваров призвал через прессу отменить цензуру, прекратить материальное и моральное поощрение реакционной печати, покончить с арестами «по подозрению в большевизме», по доносам, по мотивам сведения личных счетов, с преследованием рабочих организаций⁵⁷⁸. Все вдруг заговорили о выборах в законодательную комиссию, не только о политических, но и социальных реформах, ибо отсутствием последних, как справедливо отмечал Канторович, убиваются гарантии окончания гражданской войны.

Но ведь гражданское правление как будто существовало – в лице Южнорусского правительства, – и положение о законодательной комиссии оно разработало. Однако практика Южнорусской власти была подвергнута крымской общественностью беспощадной критике: власть недемократична, раз; представителей Крыма там нет, два; рабочие устранены от выборов, три – и т. д. По словам В. А. Оболенского, «положение этого правительства, состоящего в большинстве из честных, дельных и прогрессивных людей, но правительства, совершенно чуждого населению, с ненадежным административным аппаратом и окруженного враждебной стихией, было поистине трагичным. Это даже не была слабая власть, а просто власть, висящая в воздухе...»⁵⁷⁹ Тем не менее, никакие «самостийные» варианты в духе М. А. Сулькевича не обсуждались. «Так как Таврический полуостров является ныне составной частью

южной полосы России... возможность повторения здесь экспериментов с организацией самостоятельного «государственного образования» совершенно отпала...»580

Меж тем, отсутствие каких-либо надежд на Южнорусскую власть командование ВСЮР блестяще оправдало. 11 марта (ст. ст.) правительство прибыло в Севастополь. А 17 марта было распущено, после чего большинству его членов ничего не оставалось, как эмигрировать в Константинополь, что они и сделали. Приказом Главнокомандующего бывшему министру финансов Временного правительства М. В. Бернацкому поручалось организовать упрощенное и сокращенное численно деловое учреждение, а местную власть Крыма преобразовать, привлекая к участию в ней избранных представителей. При этом «общее направление внешней и внутренней политики остается неизменным»581.

Теперь о пресловутых выборах в законодательную комиссию. В. А. Оболенский так рассказывает о произошедшем. Еще в декабре А. И. Деникин заговорил с ним «о подготавливавшемся созыве не то парламента, не то земского собора». Когда в январе Таврический губернатор получил телеграмму с изложением системы выборов в данное учреждение, то понял ее не как проект, а как распоряжение о производстве этих выборов, которые и были назначены. На губернском избирательном съезде представителей земских управ и кооперативов 16 февраля, который проходил под председательством Оболенского, тот выступил с докладом о необходимости «временного автономного устройства Крыма»: «Мотивы мои были двоякие: во-первых, большая часть территорий, оставшихся под управлением генерала Деникина, состояла из автономных казачьих областей, и в новом парламенте большинство должно было принадлежать казакам. Создавалось, таким образом, какое-то архитектурно нелепое конфедеративное государство, в котором Крым становился чем-то вроде колонии. Являлось опасение, что при преобладающем влиянии в парламенте и в правительстве казаков, проникнутых специфическим казачьим патриотизмом, интересы Крыма могут основательно пострадать.

Кроме того, опыт всего пережитого категорически подсказывал необходимость общей децентрализации управления. Само собой разумеется, что, настаивая на автономных правах для Крыма, я имел в виду получить эти права свыше, сделав представление генералу Деникину. Мысль моя вызвала единодушное сочувствие всех собравшихся, но местные лидеры эсеров предложили, не дожидаясь разрешения сверху, объявить явочным порядком наличный съезд постоянным учреждением, включив в него для установления связи с рабочими представителей профессиональных союзов». Оболенский возражал и отказался быть избранным в создаваемый орган («парламент»). По его мнению, предлагался «суррогат совета рабочих и солдатских депутатов почти на самом фронте». «По-видимому, это была просто революционная отрыжка у ничему не научившихся людей, которые не понимали, что широкие слои населения, уставшие от революции и гражданской войны, их не поддержат и что вся эта затея превратится в смешной фарс, если большевики, имевшие влияние в некоторых профессиональных союзах, не превратят его в трагедию». Однако данное предложение прошло большинством голосов. Избирательный съезд выделил из своего состава некий «комитет»: В. С. Елпатьевский, Д. Г. Аметов, А. В. Фосс, М. Хайрутдинов, А. И. Кузнецов, Головкин.

На заседании Севастопольской и Балаклавской дум 17 февраля выяснилось, что социалистический блок отказывается, а демократический – воздерживается от участия в выборах. Поэтому большинством голосов думы решают: отказ. Того же числа состоялось собрание городских дум Симферополя, Бахчисарая и Карасубазара, где В. А. Оболенский и П. С. Бобровский выступили с докладами о крымской автономии. «Здесь наши точки зрения были одобрены огромным большинством, и мы были избраны членами парламента, увы, существовавшего лишь в проекте...»582. Здесь оптимизма было поболее, поэтому выработали

своеобразный наказ чаемому законодательному собранию: 1) найти «приемлемые для демократии... пути к прекращению гражданской войны... вконец разорившей Россию и питающей все худшие элементы населения»; 2) источником власти должна быть не диктатура, а «воля народа»; 3) «управлению должно быть чуждо чувство мести к инакомыслящим, отсюда признание необходимости политической амнистии»; 4) местное самоуправление на базе законодательства Временного правительства; 5) «восстановление народного хозяйства», невозможное без передачи земли трудовому крестьянству; 6) благоприятное решение вопроса о рабочих и интеллигенции, «гибель которой равносильна гибели культур»; 7) «немедленное введение в Крыму автономного устройства» (выделено нами. – *Авт.*); 8) национально-персональная автономия (то есть самоидентификация и культурное обустройство всех национальных групп Крыма – *Авт.*)⁵⁸³.

Это, без сомнения, один из лучших политических программных документов, когда-либо (не только в период гражданской войны) появлявшихся в пределах Крыма. Но реальная история, увы, предпочла не прямую дорогу, а обочины, ухабы и рвы.

Крымские татары. К описываемому времени в мусульманской среде определилось два течения: сепаратисты и автономисты («Миллет», сторонники федеративной связи с Россией). В целом же татарский актив склонялся к отказу от участия в общих выборах, требуя созыва татарского национального парламента.

И все закончилось фарсом: оказалось, что там, где выборы состоялись, – они прошли по недоразумению, поскольку избирательный закон еще не был утвержден.

«Оттепель», как и следовало ожидать, длилась считанные дни. 18 февраля грянул гром. По прямому приказу Я. А. Слещова и по обвинению в стремлении к захвату власти в Севастополе были задержаны: с.-д. В. А. Могилевский, председатель Крымпрофа и севастопольского совета профсоюзов с.-д. Н. Л. Канторович, товарищ городского головы с.-д. И. С. Пивоваров, гласный думы с.-р. А. В. Некрасов, товарищ председателя союза торгово-промышленных служащих М. А. Пескин. Их увезли в самое страшное место Крыма – Джанкой. «Либерал» Турбин лицемерно заявил, что имеются, дескать, доказательства деятельности большевистского характера данных лиц и выпадов их против Добрармии⁵⁸⁴. Севастопольский городской голова Я. Н. Перепелкин вместе с членами городской думы поспешил к Слещову, ходатайствуя за задержанных, но успеха не добился. Тогда он дал телеграмму в Симферополь

В. А. Оболенскому, прося поддержки. Спустя несколько часов Слещов не без участия Оболенского милостиво согласился «простить виновных» при условиях: первое, сохранения спокойствия в городе до 1 марта и, второе, предоставления текстов речей в думе для предварительного просмотра (!). Всех отпустили 19-го числа.

Непосредственно во время прений на думском собрании Слещов прислал за В. А. Оболенским автомобиль и пригласил прибыть на станцию Джанкой. В вагоне, где размещался штаб, председатель Таврической губернской земской управы увидел «сидевшую на диване перед столом, заставленным недопитыми стаканами и с залитою красным вином скатертью довольно миловидную, скромно одетую женщину. Это был знаменитый слещовский казачок «Варинька», верная спутница всех его походов, на которой он впоследствии женился». Слещов принял Оболенского в своем купе, где находилась большая клетка с попугаем, крушащим орехи, и «с тоном милостивого монарха, подбодрявшего ошеломленного его величием подданного», поинтересовался происходящим на думском собрании и решениями избирательного съезда. Оболенский сумел убедить Слещова, что проект автономии Крыма не является сепаратизмом, и пригласил участвовать в работе «комитета», справедливо считая это учреждение мертворожденным.

Слещов (равно как губернатор) счел для себя возможным, при всей нелюбви к тыловой

«мерзости», посетить заседание сего «комитета» 20 февраля. На него явилось только человек 15, проживающих в Симферополе, ибо из других мест «проезжать за свой счет никому не было охоты». По словам В. А. Оболенского, «Слащов был слегка выпивши, но обратился к собранию с довольно связной и неглупой речью приблизительно следующего содержания: армия, которой он командует, не обычная дисциплинированная армия нормального времени, это армия «революционная», легко возбудимая, способная при подъеме настроения на геройские поступки, но подверженная также унынию и панике. Для такой армии особенно важно спокойствие в тылу, ибо каждое волнение в тылу влияет на ее настроение. К собранию он обратился с просьбой повлиять на спокойствие тыла и тем помочь армии исполнить свой долг».

Далее, «произнеся эту речь, Слащов расположился за столом и, развалившись в небрежной позе, почти лежа на столе, стал попыхивать трубочкой, пуская из нее густые клубы дыма»⁵⁸⁵. На выступления о необходимости амнистии, установления контроля общественности над действиями администрации, воссоздании органов самоуправления в прежнем составе, разрешении земельного вопроса и проч. он отвечал в обычной своей манере, что «желает соглашения с общественностью, но находит, что в настоящее время не может быть гласности (выделено нами. Сравните с названием его собственного труда «Требую суда общества и гласности». – *Авт.*) и появления в печати сведений, которые волновали бы фронт. При современных условиях власть в Крыму должна быть единая (то есть диктатура. – *Авт.*), и только при отдалении фронта может быть организована общественная власть». И, в качестве популистского дописка: я послал телеграмму Деникину, «что урожай должен быть предоставлен тому, кто обрабатывает землю». Карательный отряд переводится из тыла на фронт. Идет расследование злоупотреблений⁵⁸⁶.

На этом идея крымского парламентаризма и заглохла.

Прошло несколько дней, ситуация вновь обострилась. Сначала – перестрелка между подпольщиками из штаба севастопольских коммунистов и контрразведчиками в ночь на 19 февраля. Подпольщики сумели уйти, а 36 рабочих были схвачены. Из первых десяти арестованных трое были приговорены военно-полевым судом к смертной казни, двое – к 10 годам каторги и пятеро оправданы. Однако все десятеро, плюс присоединенные к ним четыре человека, были увезены в Джанкой и там расстреляны. Ответ Слащова профсоюзам отдает цинизмом: «К несчастью, вы послали телеграмму мне 13 сего марта, указанные в вашей телеграмме лица расстреляны по приговору военно-полевого суда, утвержденного мною, в ночь с 11 на

12 марта. Требую от вас в будущем, если вы имеете какие-нибудь данные для заступничества, обращаться ко мне своевременно, а в данном случае вы совершили преступление» (выделено нами. Слов для комментария нет. – *Авт.*). Оказались безуспешными и попытки бывшего главы Южнорусского правительства Н. М. Мельникова по телеграфу уповать на «законные гарантии» и уговорить Слащова «не допустить чего-либо неправомерного...» Тот ответил: «...Предатели России живыми не останутся. Фронт будет диктовать тылу, а не тыл фронту.

10 прохвостов вчера расстреляны по приговору военно-полевого суда... Считаю, что только потому в России у нас удержался еще Крым, что я расстреливаю подлецов... Всегда буду считать своей обязанностью, покуда команду от имени войск, не разрешать тылу диктовать фронту и проведу свою мысль во что бы то ни стало»⁵⁸⁷.

И в тот же день, в ответ на статьи газеты «Юг» – «Вторжение в судебную сферу», «Дело десяти», «Вмешательство рабочих», «Генералу Слащеву», которые Слащов читал и которые ясно давали понять, каково мнение рабочих, генерал-майор с удовлетворением телеграфирует: «Утвердил приговор о расстреле предателей»⁵⁸⁸.

Для объективности дадим слово самому Слащову, считая, что он кривит душой: «Арестовано было 14 «главарей» и им предъявлено обвинение в заговоре против «государственной» власти, улики все были налицо: «главари» захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным. (...) Начальник контрразведки волновался: рушится с освобождением последних не только вся агентурная сеть, но и выступление (то есть восстание. – *Авт.*) состоится. (...) Следует отметить, что ни одна рабочая организация, как это делалось раньше, не обратилась с заступничеством за приговоренных. Единственно, кто это сделал, и то после казни, – это Мельников, «премьер-министр» Деникина...»⁵⁸⁹

Несмотря на жестокие меры, Крым будоражит. 26 февраля начинается забастовка на Севморзаводе с требованием 100 % надбавки к зарплате. В ответ 4 марта завод был закрыт «на неопределенное время», затем закрыт и порт; 36 человек арестовано. 10 марта как будто достигли компромисса (прибавка в 75 %), и 11-го завод возобновил работу. Но тут происходит «расстрел десяти» (четырнадцати), возмутивший рабочий Крым. 2 марта вспыхнула очередная забастовка, на сей раз – протеста. 14 марта она стала всеобщей и перекинулась на другие города Крыма. Политические требования смешивались с экономическими: от освобождения арестованных до выплаты задержанной с января зарплаты служащим Евпатории. Слащов объявил 14 марта осадное положение по всему Крыму, применив все средства, чтобы подавить забастовку.

Из «Обращения рабочих завода и порта» Слащову: «(...) Рабочие портового завода понимают этот чудовищный акт (расстрел. – *Авт.*) как вызов рабочему классу. Принимая этот вызов, рабочие заявляют, что они никогда с подобным актом, как и с чрезвычайками, примириться не могут и будут вести с ними самую решительную борьбу.

Кроме того, рабочие заявляют: может быть, Крыму будет суждено вновь пережить ужас чрезвычайек (мы еще вспомним эти слова. – *Авт.*), и тогда у нас, рабочих, до сих пор успешно боровшихся с чрезвычайками в Севастополе, будет выбита из рук, действиями нынешних властей, возможность спасти жизнь многих.

И пусть это будет на совести тех, кто творит сейчас произвол и главным образом на вашей совести, генерал»⁵⁹⁰.

Рабочие прекрасно понимали то, чего не понимал Слащов и ему подобные: если красный террор порождает белый, то белый, в свою очередь, с меньшим «успехом» порождает красный. Круг замыкается.

Несмотря на репрессии, в подполье продолжали борьбу большевики, взявшие курс на вооруженное восстание. С января в лесах действует Альминский партизанский отряд, 25 февраля (н. ст.) партизаны попытались взорвать мост через Альму, повредили рельсы и подожгли шпальную клетку в середине моста. Следующая попытка взрыва моста предпринята 10 марта (н. ст.). С конца февраля – начала марта возникают партизанские отряды в районе Феодосии, Карасубазара, в д. Тавель (с. Краснолесье Симферопольского района) создан отряд, действующий в основном в районе Симферополь – Алушта. 11 марта (н. ст.) комсомольцы-подпольщики захватили типографию «Рекорд» в Симферополе и отпечатали здесь тысячу экземпляров листовки, посвященной годовщине Февральской революции, 13 марта боевая дружина комсомольцев напала на первый полицейский участок в Симферополе, обезоружила охрану и освободила 20 политзаключенных⁵⁹¹.

Тем временем «наверху» с появлением П. Н. Врангеля развернулась ожесточенная борьба за власть. Барон стремился свалить Шиллинга (вплоть до ареста), чье имя стало в армии пугалом, но за которым стоял Главнокомандующий, и готовил атаку на самого Деникина. Он сумел обеспечить себе поддержку влиятельных общественных деятелей во главе с сенатором и будущим начальником Управления земледелия и землеустройства Г. В. Глинкой и духовенства,

пастырем которого был чрезвычайно активный, хотя и несколько эксцентричный епископ Севастопольский Вениамин (И. А. Федченков).

8 февраля Деникин отдал приказ коменданту Севастопольской крепости об увольнении со службы А. С. Лукомского, П. Н. Врангеля и П. Н. Шатилова, а также командующего флотом вице-адмирала Д. В. Ненюкова и его начштаба А. Д. Бубнова. Попытка Деникина заменить Шиллинга В. Л. Покровским, имевшим самую скверную репутацию и подтверждавшим ее на каждом шагу, вызвала на сей раз бурную ответную реакцию Слащова, заявившего, что если подобное произойдет, он немедленно оставит свой пост. Лишиться Слащова Деникин не мог, поэтому назначение Покровского не состоялось.

В конце февраля Врангель покинул Севастополь и обосновался в стенах посольства в Константинополе, написав и размножив перед этим обширный «памфлет» с изобличениями Деникина и обрисовкой собственного впечатляющего портрета, портрета человека, всегда принимавшего правильные решения. 13–14 марта агония ВСЮР завершилась новороссийским исходом.

В шоковое состояние повергла командование белых нота Великобритании от 2 апреля (н. ст.) 1920 года. «...Продолжение гражданской войны в России, – говорилось в ноте, – представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы». Предлагалось начать переговоры с Советской Россией, имея в виду добиться амнистии личному составу ВСЮР. Инициативу готова была взять на себя британская сторона. Если генерал Деникин продолжит «явно безнадежную борьбу», «Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину»⁵⁹². Врангель ознакомился с содержанием ноты ранее других руководителей, во всяком случае, к 21 марта оно ему было известно.

А на 21-е Главнокомандующий назначил прибытие в Севастополь для проведения военного совета всего командного состава ВСЮР. Утром 22 марта Врангель был в Севастополе. Выяснилось, что под предлогом недопущения прецедента выборного начала в управлении войсками собравшиеся настаивают на назначении Главнокомандующим своего преемника. Последний против и стоит на своем твердо. Слащов и представители Крымского корпуса под предлогом военной надобности убыли на позиции.

Совет начал работу днем 22 марта (4 апреля). Председательствовал А. М. Драгомиров. Врангель, пребывая в глубоко пессимистическом настроении и совершенно не веря в успех борьбы, как признается он сам в мемуарах, покинул совет и отправился за утешением к епископу Вениамину. Тем временем совет единогласно высказался за Врангеля как преемника Главнокомандующего.

Венцом совещания стали два документа. Приводим их:

«§ 1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается главнокомандующим вооруженными силами Юга России.

§ 2. Всем шедшим честно со мною в тяжелой борьбе – низкий поклон.

Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин»⁵⁹³.

«Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с ней чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего.

Генерал-лейтенант Барон П. Врангель

22-го марта 1920 года»⁵⁹⁴.

История добровольчества оборвалась на трагической ноте.

Глава IX

Врангель и его реформы

Переходя к данной части нашего повествования о событиях гражданской войны в Крыму, отметим, литература о врангелевском правлении, как мемуарная, так и исследовательская, необъятна; тема успела уже породить свои мифы и антимифы. Ограничимся кратким очерком.

Все смешалось на полуострове в разгар весны 1920 года. С Северного Кавказа сюда хлынули остатки деникинских войск. К местному населению, беженцам, тыловым службам прибавилось 25 тысяч добровольцев, 10 тысяч донцов и кубанцев, и число их росло. Не хватало всего. Обмундирование, оружие и боеприпасы, лошади были оставлены противнику. Угля не было. Бензина не было. Хлеба могло не остаться в самом скором времени. Несытые и расхристанные орды военных грабили население, всячески над ним издеваясь. Иные офицеры, сколотив банды, становились на дорожку профессиональной преступности. Психологию войск можно обозначить словами: антипатия, временами перерастающая во взвинченность, и наоборот, отсутствие малейшего намека на дисциплину, ненависть к начальству. Вконец разложившиеся контрразведчики, осваговцы и тому подобные, предельно избалованные безнаказанностью типы, нашли себе кумиров в лице В. Л. Покровского, А. А. Боровского и В. И. Постовского. В конце концов П. Н. Врангель выдворил всех троих за границу.

Работа по наведению порядка предстояла огромная. Врангель взялся за нее с решимостью, энергией, знанием дела. И начал он с самого себя. Барон работал по 10–12 часов в сутки, требуя того же от подчиненных, с семи утра до полуночи.

Врангель совмещает посты Главнокомандующего и Правителя, то есть военную и гражданскую власти. После соглашения с казачьими атаманами его полный титул – Главнокомандующий Русской армией и Правитель Юга России.

Врангель сразу открыто провозгласил себя диктатором, то есть вождем, не обремененным законодательством и обладающим неограниченными полномочиями, и никогда не скрывал своей антипатии к демократической форме правления. И барон не просто провозглашает, он теоретически обосновывает диктатуру: «...В осажденной крепости должна быть единая власть – военная»⁵⁹⁵.

Связь с общественностью Ставка (или Главная квартира) осуществляла через начальника штаба. Сначала это был генерал-майор П. С. Махров, которого считали слишком левым, «эсерствующим». В июне Врангель назначил Махрова, произведенного в генерал-лейтенанты, военным представителем в Польше, заменив его другом и сподвижником П. Н. Шатиловым. Контакты с общественными кругами носили большей частью приказной или запретительный характер.

Почвой, из которой Врангель черпал силы и где искал сотрудников-единомышленников, были правые, внешне консервативные, жесткие, однако способные к учету меняющейся реальности, принятию и выполнению определенных решений круги. Его можно квалифицировать как консервативного оппортуниста, прагматика, реформатора столыпинского типа. Врангель не раз повторял, что готов работать с кем угодно, хоть с социалистами, лишь бы они делали дело. Ему недаром приписывали фразу: «хоть с чертом, но против большевиков».

Собственная биография, привычный круг общения диктовали Врангелю монархические пристрастия, да и психологический строй у него был соответствующий. Однако Врангель умел подчинить личные интересы целого, как он их понимал.

Формируя администрацию, Врангель постоянно сталкивался с кадровой, как бы мы

сказали, проблемой: эмиграция не верила в прочность его режима. Призывы к патриотизму уже не помогали. Так что, возможно, не все высшие врангелевские чиновники были адекватны своим должностям. Гражданское управление представлял первоначально Совет начальников управлений при Главнокомандующем (Правителе). В него вошли: Управление внутренних дел, объединявшие ведомства собственно внутренних дел, земледелия, торговли и путей сообщения (Таврический губернатор Ф. П. Перлик, которого сменил в двадцатых числах мая С. Д. Тверской, в основном постоянно находящийся в Севастополе; пост вице-губернатора занял А. А. Лодыженский, пребывающий в Симферополе); финансов (М. В. Бернацкий); иностранных дел – внешних сношений (П. Б. Струве); юстиции (Н. Н. Таганцев), военное (генерал-лейтенант В. Е. Вязьмитинов). Струве большую часть времени пребывал за границей, и его обязанности на месте исполнял Г. Н. Трубецкой. Начальником Морского управления и командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал М. П. Саблин. По прошествии некоторого времени на место начальника выделенного Управления торговли и промышленности был назначен единственный «местный» в Совете – В. С. Налбандов, бывший краевой контролер и секретарь, временно управляющий Министерством исповеданий и народного просвещения первого Краевого правительства. Кстати, левее его, октябриста, около Врангеля не было никого. В связи с намеченной аграрной реформой возникло отдельное Управление земледелия и землеустройства во главе с сенатором Г. В. Глинкой. Должность государственного контролера получил депутат III и IV Государственных дум Н. В. Савич. Оба отличались устойчиво правыми взглядами.

20 мая после настойчивых уговоров Врангеля в Севастополь прибыл А. В. Кривошеин, который хотел вначале осмотреться, разобраться в крымских реалиях и поэтому воздерживался от каких-либо обещаний. Но в разгар удачного наступления наконец решился остаться в Крыму и был 6 июня назначен помощником Врангеля.

Личность Кривошеина вызывала у современников противоречивые чувства. Некоторых раздражала его предпринимательская жилка. Да и в Крыму, занимая второй после диктатора пост, Кривошеин не мог удержаться от участия в акционерных предприятиях, сделок, которые могли во времена всеобщего бедствия показаться сомнительными с точки зрения нравственности. Но в знании дела, незаурядности, умении объединить вокруг себя людей разных взглядов ему не могли отказать даже его недоброжелатели.

Оппонент Кривошеина – В. А. Оболенский – смотрит на эту личность как бы с другого конца. Да, Кривошеин – искренний патриот, да, он – «человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... (отточие Оболенского. – *Авт.*) он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима... Долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей». И если «по основным чертам психологии» Врангель «оставался ротмистром Кавалергардского его величества полка», то Кривошеин – «тайным советником и министром большой самодержавной России»⁵⁹⁶. И тот и другой дальше «реформ сверху» пойти не смогли при любых обстоятельствах.

Врангель был единственным из вождей белого движения, кто, взяв власть, имел уже четкую программу действий на ближайшее будущее, причем программу развернутую, охватывающую все стороны жизни. Непредсказуемые и мало чем обусловленные экспромты в денкинском духе были чужды его натуре. Впервые, кажется, в белом стане появляется и обретает плоть не реставрационная, а прогрессивная идея, впервые захватнические импульсы уступают место преобразовательным.

Но как быть с этим?

«Однажды утром дети, идущие в школы и гимназии, увидели висящих на фонарях

Симферополя страшных мертвецов с высунутыми языками...

Этого Симферополь еще не видывал за все время гражданской войны. Даже большевики творили свои кровавые дела без такого доказательства»⁵⁹⁷.

Симферопольский городской голова С. А. Усов прибыл по приглашению Врангеля, раздраженного ропотом общественности, в Севастополь. Правитель заявил: «Вы протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы». Усов, вернувшись, отказался передавать содержание разговора, заболел и подал в отставку⁵⁹⁸. Его можно понять. Сам А. П. Кутепов на протестующем ходатайстве Симферопольской городской управы наложил резолюцию: «Никогда публичными казнями не злоупотреблял, но обстановка заставляет меня прибегать к подобным мерам»⁵⁹⁹.

2 мая Врангель отменил публичные казни. И не из каких-то там гуманных соображений или под давлением снизу – как он сам пояснял, они уже не устрашают, а отупляют население.

Главкомандующий начал частичную реорганизацию органов контрразведки. В июне был сформирован Особый отдел при штабе Главкомандующего. Его возглавил бывший директор Департамента полиции сенатор Е. К. Климович, сидевший в тюрьме и при Временном правительстве и при большевиках, которые его и выпустили. Заместителем начальника Особого отдела стал известный сыщик России А. Ф. Кошко.

Н. В. Савич пишет: «В Крыму не было ни погромов, ни грабежей со стороны воинских частей, которые получали регулярно свое довольствие и не были вынуждены прибегать к самоснабжению, что было одной из наиболее вопиющих язв

1919 года. Совершенно невозможно было существование таких начальников, как Шкуро или Покровский, о грабежах коих слагались легенды»⁶⁰⁰.

Массовых бесчинств в Крыму с апреля действительно не было. Однако насилия и реквизиции, особенно в связи с мобилизацией, отнюдь не были редкостью. А от грабежей было рукой подать до арестов и казней или просто расстрелов на месте. Начало правления Врангеля ознаменовалось вереницей массовых экзекуций: мусульманская группа, 13 подпольщиков в Симферополе, члены городского комитета большевиков Керчи, руководство ялтинского комсомола...

В апреле – мае по подпольному движению был нанесен серьезный удар. В июле – августе возрожденные подпольные организации в Ялте, Симферополе и Севастополе вновь разгромлены контрразведкой. Несмотря на то что еще до назначения Климовича начальником Особого отдела подполье на полуострове было практически разгромлено⁶⁰¹, волна арестов не убывала. «...При Климовиче, как и до него, тюрьмы были переполнены случайными людьми, что нисколько не мешало, а скорее помогало работе оставшихся на свободе большевистских агитаторов». Особенно много сидело военнослужащих – для этого было достаточно одного неосторожного слова или критического замечания.

Разрозненные факты. Начальник Управления юстиции Н. Н. Таганцев отрешает от должности всех мировых судей-социалистов. Арестован народный социалист А. П. Лурья (Лурье), соредатор либеральных «Южных Ведомостей»⁶⁰².

1 сентября арестованы контрразведкой товарищ председателя рабочего клуба союза моряков И. П. Пчелин, секретарь клуба Рутькевич, член правления Гапонов; все – правые эсеры⁶⁰³. Дошло и до литераторов: по постановлению полковника И. Н. Астафьева, служившего в Отдельном корпусе жандармов, 22 июля в Феодосии арестован О. Э. Мандельштам, уже претерпевший от белых в конце 1919 года. Обвинение «в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков» грозило высшей мерой, но благодаря заступничеству, в первую очередь, М. А. Волошина поэт был освобожден⁶⁰⁴.

Врангель придумал и более гуманный метод борьбы с политическими противниками. 11 мая он установил приказом административную меру: «Высылка в Советскую Россию лиц, избалованных в явном сочувствии большевизму, в непомерной личной наживе на почве тяжелого экономического положения края и пр.»⁶⁰⁵. Насчет последних у нас никаких сведений нет, а вот что касается первых – мера действительно нашла широкое применение. Однако при этом не было никаких гарантий того, что «высылка в Советскую Россию» не могла закончиться выстрелом в спину за линией фронта.

Сидевший, в который раз с 1905 года, председатель Крымпрофа, председатель Севастопольского совета профсоюзов, товарищ председателя городской думы Севастополя, почетный мировой судья Н. Л. Канторович также был приговорен к высылке в Советскую Россию. Уже был назначен отъезд – 23 августа. Но гласные думы, М. К. Рыбарский и Н. И. Емельянов, учитывая, что у большевиков Канторовича тоже, скорее всего, ждет тюрьма, добились аудиенции у Врангеля и изменения места высылки – в Грузию или Константинополь – по желанию. 15 (28) сентября 1920 года на пароходе «Возрождение» старый шлиссельбуржец, не сумевший ужиться с врангелевскими реформаторами, вместе с семьей отплыл в Грузию. Вместе с ним выехали товарищ председателя союза металлистов С. Г. Тимченко, секретарь союза И. Е. Дьяченко, член правления Кошелев и председатель старост портового завода П. В. Горячко⁶⁰⁶.

Под предлогом контактов с Москвой, а торговые связи действительно были, власти разгромили Центросоюз, главный кооперативный орган Крыма, и его отделения. Врангель видел в нем скопище агентов Кремля, а местные спекулянты – сильного конкурента.

На все просьбы Симферопольской думы об упразднении контрразведки, отмене военно-полевых судов и смертной казни, назначении комиссий с председателями от общественных организаций для расследования действий контрразведки генерал П. Н. Шатилов отвечал неизменным «нет» с оговоркой, что против комиссий он лично ничего не имеет⁶⁰⁷. Но, видимо, имел кто-то другой, ибо созданы они так и не были.

Появились, однако, согласно приказам Врангеля от 14 апреля и 5 мая, другие комиссии – военно-судные, для расследования и вынесения приговоров по делам о грабежах, разбоях, самовольных реквизициях, совершаемых военными служащими. В сентябре их было уже 28. Но офицеры, заседавшие в комиссиях, не желали в силу корпоративной солидарности судить своих товарищей. В лучшем случае крестьянам выплачивали смехотворную компенсацию. Еще одной «благотворительной» акцией Врангеля было изъятие дел лиц 10–17-летнего возраста из ведения военно-полевых судов.

Тем временем постепенно, но последовательно устанавливается дисциплина: замолкают или удаляются из Крыма интриганы, успокаиваются войска, преследуются уголовники. В то же время – затихают думы, столь буйные во времена Я. А. Слашова, почти прекращаются забастовки. Фрондировало казачество, не скрывавшее своих чувств к добровольцам после Новороссийска, когда последние захватили корабли, бросив казаков на произвол судьбы. Врангель, которому газетные конкуренты услужливо подсунили номера «Донского Вестника», издававшегося при штабе Донского корпуса начальником его политотдела графом А. М. дю Шайля, пришел в негодование. Газета, не стесняясь в выражениях, разоблачала «генералов и сановников», бичевала армию. Врангель распорядился немедленно закрыть «Донской Вестник». Дю Шайля был отдан под суд за публикацию «статей, направленных к созданию розни между казачьими и неказачьими элементами русской армии»⁶⁰⁸, и пропаганду отделения казачества от России и пытался покончить с собой. Под суд отдали также генерал-лейтенантов В. И. Сидорина и А. К. Кельчевского. Севастопольский военно-морской суд под председательством А. М. Драгомирова приговорил их в апреле к четырем годам каторжных

работ. Врангель ограничился исключением обоих со службы, лишением мундира и высылкой за границу. Дело дю Шайля, который, тяжело раненный, лежал в лазарете, рассматривалось в августе. Как исполнитель чужой воли он был оправдан.

Исключительное внимание П. Н. Врангель уделял идеологии. Постулат оставался прежним: «великая, единая и неделимая», однако приобретал все новые оттенки, что лишний раз подтверждало гибкость врангелевской политики. Место скомпрометировавшего себя и ликвидированного в апреле деникинского Осведомительно-агитационного отделения (Осведомительного бюро, Отдела пропаганды) – ОСВАГа – заняли церковь, официозная и монархическая пресса, субсидируемая и снабжаемая привозимой из-за границы бумагой отделом печати при правительстве. Приказом Врангеля от 18 июля на местах создавались представительства Южно-Русского телеграфного агентства, подчиненные отделу печати⁶⁰⁹.

Врангель, будучи глубоко верующим человеком, не уставал пропагандировать и насаждать православие как духовную опору будущей возрожденной России. Земельный закон вернул церкви ее владения. При правительстве было создано Временное высшее церковное управление епархий Юго-Востока России во главе с Вениамином (И. А. Федченковым), который в качестве епископа армии и флота осуществлял руководство священниками во всех воинских частях. Врангель, полагаясь отныне на духовенство, ликвидировал армейские политотделы. Повышенное внимание к религии отразилось и в учреждении 30 апреля ордена во имя Святителя Николая Чудотворца, кстати, именно по предложению церкви.

С конца 1919 – начала 1920 года заметно активизировалось русское национальное движение. В 1920 году в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте действовали группы Союза русских национальных общин.⁶¹⁰

При Врангеле выходило около 20 газет. Сразу после 22 марта была отменена предварительная цензура на повременную печать. Редакторы и издатели взвыли: это еще хуже. «С отменой цензуры мы перестаем перед собой кого-либо видеть. Но... накаплиют «преступный материал» – и в один прекрасный день, как гром среди ясного неба – беспощадная репрессия»⁶¹¹. Цензура была восстановлена, и вскоре газеты «заполнились» белыми пятнами. Доходило до курьезов: однажды цензура выбросила официальную речь... Врангеля, самого деятельного, иронизировали тогда по поводу бесчисленных приказов и речей, сотрудника крымских газет, как «слишком революционную», другой раз забрала заметку А. В. Кривошеина, поскольку она «подрывает существующий государственный порядок»⁶¹².

Цензура приостановила либеральный «Юг России»; черносотенные «Царь-Колокол» за обвинения правительства в демократизме, «Русскую Правду» – за погромную агитацию.

В сентябре разыгрался скандал с заведующим отделом печати журналистом Г. В. Немировичем-Данченко. Оказалось, что под разными псевдонимами в печатных органах стали появляться статьи, резко критикующие работу тыловых учреждений и при этом оперирующие данными, недоступными рядовым обозревателям. Автором их был не кто иной, как сам Немирович-Данченко. По рекомендации П. Б. Струве, Врангель 24 сентября заменил его профессором истории Г. В. Вернадским. «Приходило, конечно, много деятелей печати, – вспоминал Вернадский о своей службе. – Почти все они понимали трудность положения и соответственно сами себя ограничивали (выделено нами. – *Авт.*) в своих газетных писаниях и в отношении острых политических и военных вопросов»⁶¹³.

Среди наиболее читаемых были либеральные, порой чуть с социалистическими привкусом, издания, социалистических газет в Крыму не выходило, за единственным исключением: постоянно преследуемой – «Наш Путь», органе Совета профсоюзов Ялты, «исполняющей должность рабочей газеты»⁶¹⁴ (редактор В. А. Базаров). Продолжал печататься журнал «Крымский Кооператор» (Симферополь).

О. М. Мурасов благополучно довел до ручки газету Временной особой комиссии о вакуфах «Крым Мусульманлары Садасы» («Голос Крымских Мусульман»), не пользующуюся авторитетом в крымско-татарской среде и прекратившую свое существование в июле. Типографию, в которой она печаталась, Вакуфная комиссия передала в аренду за 50 тысяч рублей «некому лицу», которое, в свою очередь, передало ее Б. А. Суворину⁶¹⁵, где тот и стал издавать собственную монархическую газету «Время Бор. Суворина» (Симферополь). Правда, появилось новое крымско-татарское издание – журнал «Ешил Ада» («Зеленый Остров», то есть Крым), который редактировал А. А. Одабаш. Это издание носило чисто литературный характер, выходило без препятствий со стороны властей, но не было популярным в татарской среде⁶¹⁶. С июня 1920 года на крымско-татарском языке начал выходить журнал «Бутоны Крыма»⁶¹⁷.

Своим рупором Врангель сделал умеренно-официальную «Великую Россию» (редактор В. М. Левитский, среди сотрудников – В. В. Шульгин, П. Б. Струве, Н. Н. Львов, Н. Н. Чебышев)⁶¹⁸.

Партийная жизнь во врангелевский период замирает. Умеренных социалистов не слышно. Примолкли и кадеты. В партии конституционных демократов не было единства взглядов на отношение к Врангелю, тем более, что Главнокомандующий их третировал.

16 мая в Симферополе в губернаторском доме открылся созванный по приказу Врангеля Всекрымский мусульманский (татарский) съезд. Из 44 делегатов прибыло 20 (по другим данным – 42 делегата⁶¹⁹. Возможно, многие опоздали). Евпаторийцы приехать не смогли «благодаря» реквизиции подвод, а феодосийцы – опасаясь грабежей на дорогах. А. С. Айвазов отмечал, что из крымско-татарских националистов на съезд никто не явился, 99 процентов его состава составляли мурзаки, духовенство и бывшие чиновники при Магометанском духовном правлении. Его самого, проживавшего тогда в Алушке под подпиской о невыезде, упорно приглашал присутствовать Таврический губернатор Ф. П. Перлик, гарантируя неприкосновенность.

Открытие съезда почтил своим присутствием Главнокомандующий. Из его речи: «Приветствую Вас и в Вашем лице татарское население Крыма, которое неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России. (...) Выполнение татарским населением военной и конской повинности должно показать, насколько оно стремится прийти на помощь общему делу». Далее Врангель говорил об «удовлетворении культурно-просветительных и некоторых экономических нужд татарского населения», избегая конкретики⁶²⁰. По словам Айвазова, Врангель заявил: «Духовенство не умело воспитать молодежь, а дворянство избаловало крестьян. Современная мусульманская молодежь не признает власти, не признает своих традиций, не признает религии, не признает дворянства и не идет по стопам славных предков. Они требуют какую-то культурно-национальную автономию. Вот у меня имеются основные законы курултая, молодежь требует, чтобы я официально признал их Конституцию и т. п. Кто желает автономию, тот должен идти на фронт воевать с большевиками, нечистыми, сначала победа над врагом, а потом автономия.

Вот, господа мусульмане, дайте нам побольше солдат, принудите ваших сыновей явиться в наши доблестные ряды. Мусульмане – хорошие воины. Только нужно им это втолковать»⁶²¹.

Демагогическую речь Врангеля дополнил Перлик. Рассчитывать на получение татарами автономии не приходится, заявил он, максимум – самоуправление в религиозно-просветительской области⁶²². Айвазов после речи Врангеля со скандалом покинул съезд и скрылся.

17 мая в уездном земстве произошли частные совещания делегатов съезда, часть из которых выставила политические требования, прежде всего восстановление национального

парламента, однако у большинства это предложение поддержки не нашло. На следующий день на пленарном заседании выяснилось, что ни один из стоящих в повестке дня вопросов не готов к обсуждению. С целью их подготовки были образованы три комиссии: духовно-религиозная, культурно-просветительная, по самообложению и управлению вакуфным капиталом. Очередное заседание было назначено на

21 мая. Присутствующий на нем вице-губернатор К. И. Карпов заявил, что выработанные съездом документы станут основой законодательных актов по татарским вопросам. Однако на следующий день Перлик огорошил делегатов следующим заявлением: решения съезда оказались совсем не теми, на которые рассчитывало правительство. Врангель же был не столь категоричен. После доклада ему Перлика о происходящем на съезде он предложил выбрать делегатам 5–6 представителей, чтобы вместе с правительственным чиновником выработать мероприятия, касающиеся решения проблем крымских татар в области духовной, религиозной, культурно-просветительной и некоторых сторон экономической жизни. Перлику пришлось изменить тон в отношении делегатов съезда и изложить им предложения Врангеля. Делегаты выразили с ними свое согласие и избрали шесть делегатов для предстоящего совещания в Севастополе⁶²³.

После съезда в отношении мусульманского населения стали заметны некоторые подвижки, однако П. Н. Врангель не собирался возрождать Курултай и Директорию, тем паче, что при разборке изъятых документов последней ревизия «обнаружила сношения бывшей директории с Турцией...»⁶²⁴.

А. В. Кривошеин склонялся к тому, чтобы вообще заморозить на время крымско-татарский вопрос.

После мусульманского съезда контрразведка усилила преследования лидеров национального движения, которые вынуждены были скрываться в деревнях горно-лесной местности⁶²⁵.

В начале сентября делегация во главе бывшим краевым контролером правительства М. А. Сулькевича М. М. Кипчакским посетила Врангеля. Делегация просила ускорить принятие закона о татарском самоуправлении. «Представители татар всех партий» (?) побывали и у полуопального Я. А. Слещова в Ливадии, результатом чего явилась его записка Врангелю. Для решения проблемы «зеленых», писал Слещов, нужно пойти навстречу крымским татарам, а именно: «1) ускорить вопрос о вакуфных землях, 2) ревизия (самая строгая) нашей местной контрразведки и 3) организация территориальных татарских войск наподобие кубанских»⁶²⁶. Врангель не отреагировал.

30 августа комиссия при правительстве подготовила законопроект о крымских татарах, но дорабатывала его, не спеша, до начала октября. Процесс подтолкнул французский комиссар граф де Мартель. Окончательный вариант предусматривал: религиозное самоуправление – замену дореволюционного образца назначаемого мусульманского управления выборным, передачу в его ведение вакуфов и выборы муфтия общинами, а также право на создание культурно-просветительских обществ⁶²⁷. До утверждения правительством и введения его в действие законопроект так и не дошел.

Наиболее активная часть крымско-татарского движения, объединенная в Милли-фирке, ушла в подполье. В апреле 1920 года прошли переговоры ЦК Милли-фирки с представителями от большевиков и меньшевиков о координации действий, в частности – выпуске совместного антиврангелевского воззвания. На так называемом Коктебельском съезде (конференции) Крымской организации РКП(б), проходившей 5–7 мая (н. ст.) на даче феодосийского аптекаря И. Л. Шика в Коктебеле⁶²⁸, было постановлено: «Усилить контакт с татарской национальной партией «Милли-фирка», которая, как выяснилось из переговоров нашего ОК с ЦК этой партии,

определенно ориентировалась на Советскую власть»⁶²⁹.

Конференции не удалось закончить работу. Место ее проведения было выдано контрразведке агентом А. Ахтырским (Яковом Мартьяновым), бывшим наркомом почт и телеграфа УССР, членом Реввоенсовета Крымской армии под командованием П. Е. Дыбенко (выдал более 50 подпольщиков, задержан в Москве в 1926 году, судим как шпион и расстрелян⁶³⁰), завязалась перестрелка, во время которой был убит секретарь Севастопольского горкома компартии И. Серов (И. Г. Зильбершмитд), ранена делегат Е. Н. Григорович. Большинство делегатов, включая раненую, сумело спастись. Делегат от Феодосии Илья Хмельницкий (Хмилько) скрылся в доме поэта М. А. Волошина, однако позже был схвачен и принял яд в тюремной камере. В своей записке он указал на провокатора Ахтырского, по доносу которого также была схвачена группа подпольщиков, приговоренных 6 мая 1920 года военно-полевым судом в Симферополе к смертной казни.

Несмотря на огромный риск, увеличивалось, хотя и незначительно, число татар-коммунистов, уверовавших в превосходство социальных ценностей над национальными. К середине сентября в районе между Судак и Алуштой из крымских татар был организован 5-й татарский полк партизанской Повстанческой армии (до 90 человек) под командованием коммуниста О. А.-Г. Дерен-Айерлы.

Что касается еврейского вопроса, то развернутое отношение к нему П. Н. Врангель выразил в беседе с Н. Н. Чебышевым, опубликованной 5 июля в газете «Великая Россия»: «В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это все сильнее разливается в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть, оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громять остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетий, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличии крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти»⁶³¹.

Антисемитов же в Крыму хватало. Агитация части духовенства фактически провоцировала погромные настроения. Особенно в этом «преуспел» протоиерей В. И. Востоков в Симферополе. Когда над городом возникла угроза еврейского погрома, В. А. Оболенский экстренно выехал в Севастополь, где вместе с П. Б. Струве встретился с Врангелем, обещавшим принять меры⁶³². В результате Врангель «попросил» Востокова прекратить свои знаменитые провокационно-погромные проповеди, ответом на которые послужил приказ: «Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь (выделено Врангелем. – Авт.). Вменяю в обязанность Начальникам гарнизонов, Комендантам и Гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его, невзирая на сан, чин и звание, буду высылать из наших пределов»⁶³³. В этом же ключе и действовал Врангель в отношении «Русской Правды». При этом ни малейшей симпатии к евреям у Главнокомандующего не прослеживается. Ему нужен был спокойный тыл.

Власти надеялись на поддержку зажиточного в целом немецкого населения. Однако жесткое проведение мобилизации вызывало недовольство и среди немцев. Мобилизованных отправляли на фронт в распоряжение «отдельного батальона немцев-колонистов», а также в

«конно-партизанский отряд». Было учреждено Управление по формированию воинских частей из немцев-колонистов, и предпринята попытка создать полноценную немецкую воинскую часть, но безуспешно. В июле решили призвать в армию духовных лиц меннонитов, но затем от этой затеи отказались. Среди немцев усиливалось стремление «непротивлению установлению советской власти», что множило ряды дезертиров. И никакие репрессии не могли остановить этот процесс. Кроме того, принудительные поставки лошадей немецкими колониями, размещение в них на постой воинских частей отрицательно сказывались на экономическом состоянии населения⁶³⁴.

Об украинском вопросе речь пойдет далее.

Режим Врангеля мог продержаться только за счет иностранной помощи. Армия целиком зависела от нее. Приходилось брать займы товарами под высокие проценты или расплачиваться золотом, валютой, сырьем. Весной армия снабжалась за счет остатков кредита в 14,5 миллиона фунтов, предоставленных англичанами А. И. Деникину⁶³⁵. Великобритания настаивала на замкнутости Врангеля в Крыму. Диктатор обращается к Франции.

Французская Республика всецело поддерживала Польшу, ведущую войну с Советской Россией, и настаивала, чтобы Врангель пришел на помощь полякам и ударил в тыл Юго-Западному фронту красных. П. Б. Струве в Париже, где было создано Общероссийское заграничное представительство, обхаживал французов, выторговывая помощь. Главнокомандующий решился, воспользовавшись отвлечением сил большевиков на запад, занять Северную Таврию.

Позиция Великобритании была: скорейшее прекращение гражданской войны и установление нормальных торговых отношений с Советами. Поэтому, с одной стороны, британское правительство стало свертывать материальную помощь Врангелю, с другой – связалось с народным комиссариатом иностранных дел Советской России, имея целью перемирие и в то же время сохранение в Крыму врангелевской армии.

17 апреля (н. ст.) министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон обратился к наркоминдел Г. В. Чичерину с телеграммой, в которой угрожал вмешательством британского флота в случае наступления советских войск на юге и предлагал посредничество в переговорах. Г. В. Чичерин предложил «пойти на амнистию Врангелю и на приостановку дальнейшего продвижения на Кавказе...»⁶³⁶. В. И. Ленин пишет наркомвоенмору Л. Д. Троцкому: «По-моему, Чичерин прав: тотчас ответить согласием на 1) приостановку военных действий (а) в Крыму и (б) на Кавказе (точно обдумав каждое слово) и 2) на переговоры об условиях очищения Крыма *на принципе* (не более) общей амнистии белых и 3) участия английского офицера в переговорах с Врангелем»⁶³⁷. Как известно, дело до переговоров не дошло.

28 апреля (11 мая) Врангель провозгласил создание Русской армии. Армии – не добровольческой, а общенациональной. Началась мобилизация. Крестьяне, несмотря на суровейшие меры, всячески пытались избежать службы. На воинские пункты прибывало не более трети призывников, из сотен до воинских частей доходили десятки.

Несмотря на вялую мобилизацию, Русская армия представляла к маю серьезную силу: 40 тысяч человек на фронте и в запасе, 10 танков и 20 самолетов разных марок⁶³⁸. На конец мая она насчитывала 27 316 штыков и 4650 сабель против, соответственно, 12 176 и 4630 – у красных⁶³⁹. По словам Врангеля, выглядела она так: «Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие потертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Вот один, в ситцевой пестрой рубахе с нашитыми полотняными погонами, в старых выцветших защитных штанах, в желтых английских ботинках, рядом другой и вовсе без штанов, в вязаных кальсонах. Ужасающая, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие,

выровнены ряды»⁶⁴⁰.

Всего лишь за два месяца был наведен относительный порядок в развалившемся после Новороссийска тылу. «Жизнь в тылу постепенно налаживалась, стали прибывать иностранные товары, открывались магазины, театры, кинематографы. Севастополь подчистился и подтянулся. Воинские чины на улицах были одеты опрятно, тщательно отдавали честь»⁶⁴¹.

В мае из-за скученности и нехватки воды в Севастополе, а затем и других городах Крыма вспыхнула эпидемия холеры. Санитарная служба была поставлена хорошо, поэтому жертв оказалось меньше, чем ожидалось. Заболело холерой (по сентябрь) 1090 человек, умерло 450, сыпным тифом – 1934 и 239⁶⁴².

20 мая был подписан и 25-го обнародован знаменитый приказ № 3226, открывающийся словами: «Русская армия идет освободить от красной нечисти родную землю»⁶⁴³ и в двух фразах формулирующий главные пути внутренней политики: аграрную и земскую реформы.

Приказ был приурочен к наступлению. В нем выделялось слово «хозяин», которое тут же подхватила монархическая печать. Врангель вынужден был разъяснить на страницах «Великой России» 5 июля: «Хозяин» – это сам русский народ, который должен свободно выразить свою волю⁶⁴⁴. Кстати, термин «хозяин земли русской», как синоним народного собрания, применялся и до Врангеля.

Главкомандующий пока не собирался, вопреки сказанному, освободить «родную землю». Таврическая операция имела прозаический смысл: это была «вылазка» или «экспедиция», как тогда говорили, за хлебом.

25 мая началось общее наступление. Днем ранее, в районе деревни Кирилловка на северном побережье Азовского моря был высажен десант войск Слащова. Используя внезапность и превосходство в силах, белые развернули наступление. Это было началом затяжных и ожесточенных боев в Северной Таврии с апреля по октябрь.

4 августа подал в отставку Я. А. Слащов. Врангель ее принял. «Ценя его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время все более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным. (...) Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки. (...)»

5 августа генерал Слащев прибыл в Севастополь. Вид его был ужасен: мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью. Слезы беспрерывно текли по щекам. Он вручил мне рапорт, содержание которого не оставляло сомнения, что передо мной психически больной человек»⁶⁴⁵.

6 августа Слащов был удостоен почетного имени – Крымский. 20 августа он был восторженно встречен в Ялте, где «городская дума единогласно постановила: поднести генералу Слащову-Крымскому звание почетного гражданина города Ялты (второго, после великого князя Николая Николаевича. – *Авт.*) и поместить портрет в здании городского управления»⁶⁴⁶.

Не успел Врангель отбыть на театр военных действий, как 1 июня принесли телеграмму: в Севастополе раскрыт «монархический заговор». Еще зимой 1919 года молодые офицеры флота создают орден, задачей которого было воспитание высоких понятий о чести, воинском долге, возрождение традиций армии и флота. В орден втерся, пишет Врангель, некий Пинхус-Логвинский, дабы дискредитировать белое движение. Там же оказался известный бездельник и интриган князь

С. Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский. По отбытии Врангеля на фронт члены ордена явились в расположение лейб-казацкого полка и пытались уговорить казаков арестовать Врангеля и высших военных, во главе армии поставить Николая Николаевича, а до приезда

великого князя – временно герцога Лейхтенбергского, его пасынка. Все это носило опереточный характер. Врангель распорядился огласке события не предавать, князя Романовского отправить за границу, 10–12 участников – на фронт, а Пинхуса – расстрелять⁶⁴⁷.

Расширение территории, находившейся под его властью, продиктовало Врангелю решение повысить статус своего административного аппарата. 6 августа было образовано Правительство Юга России во главе с А. В. Кривошеиным. Персональных изменений не произошло. Бюрократия, в полном противоречии с пожеланиями Кривошеина, размножалась с невероятной быстротой. В структурах администрации Врангеля служило 10–12 тысяч чиновников, члены их семей насчитывали 20–25 тысяч⁶⁴⁸.

Врангель, сочетая несочетаемое, не раз декларировал единение диктатуры с общественностью. Однако реальность брала свое: в условиях диктатуры места для гражданского общества не оставалось. И Врангель предписывал: дело самоуправлений – не политика, а продовольствие и санитария. Общественность же «была жалка и бессильна», – писал, фактически издеваясь над собой, В. А. Оболенский. «Я знал, что нужен Кривошеину и Врангелю лишь в качестве декорума общественности при осуществляющейся ими диктатуре...»⁶⁴⁹.

8 апреля Врангель приказал начать разработку мероприятий по аграрному вопросу. В апреле (с 11-го числа) – мае интенсивно работают комиссии под председательством Г. В. Глинки. Власти нужна была прочная опора, а таковую она видела, подобно П. А. Столыпину, в крепком, твердо стоящем на ногах земельном собственнике – крестьянине-фермере, и хлеб для армии.

Однако достаточно радикальные предложения Врангеля натолкнулись на сильнейшее сопротивление крупных земельных собственников, сумевших эти предложения в значительной степени выхолостить. 25 мая публикуются приказ

Главнокомандующего «О земле» и примыкавший к нему пакет документов по земельному вопросу. Главное в этом приказе: земли казенные и частновладельческие, за рамками не подлежащие отчуждению (определяются волостными земскими собраниями), в первую очередь – необрабатываемые или сдаваемые в аренду, передаются через госаппарат трудовым крестьянам из расчета уплаты 1/5 среднего урожая с десятины ежегодно в течение 25 лет. Выплаты предусматривались более низкие, чем средняя арендная цена на землю.

По мнению Врангеля: «Дух нового закона был понят населением»⁶⁵⁰. Обследование земель и определение норм землевладения в большинстве волостей закончилось. Некоторые зажиточные крестьяне предпочли сразу выплатить всю выкупную сумму помещикам и стать полноправными собственниками. Сыграли свою роль и активная пропаганда закона, и недовольство большевистской продразверсткой. Намерения Врангеля способствовать развитию агрокультуры и крепких крестьянских хозяйств нашли поддержку в декларации учредителей Крестьянского союза России⁶⁵¹.

Но очень скоро выявилось два контрбстоятельства.

Первое. Несмотря на увещевания Врангеля: «Я сам помещик, и у меня первого придется делить землю!» – всяческое сопротивление проведению реформы оказывали помещики, агитируя против закона, подключая чиновные рычаги для его саботирования, сгоняя арендаторов со своих земель и т. п.

Второе: выжидательная позиция крестьянства. Бедняки, вкусив возможности гражданской войны, привыкли действовать по принципу: все и сразу. Крестьян в целом смущали и «кабальный» срок в 25 лет, и выкуп. Многие, благодаря хорошему урожаю 1919 года, имели значительные запасы зерна. Крестьянский рассудок отказывался верить в солидность режима «одной губернии», предпочитая дожидаться исхода военных действий. Впрочем, не было и

серьезных протестов. Так что судить о вероятных результатах земельных преобразований Врангеля в случае долговременности его режима равносильно гаданию на кофейной гуще.

Разделы земли охватили порядка 20 имений, но реформа была доведена до конца только в имении Атманай Филибера-Шатилова Ефремовской волости Мелитопольского уезда, ставшем наглядно-показательным полигоном, причем в ущерб остальной деятельности в уезде⁶⁵².

11 мая 1920 года Врангель ввел новую систему организации местной администрации в занятых его войсками местностях Северной Таврии. Гражданское управление вверялась командирам корпусов через состоящих при них начальников гражданской части, приравненных к положению губернаторов и получавших общие руководящие указания от начальника Гражданского управления⁶⁵³. Но впереди были более широкие преобразования. В начале июля завершила свою работу комиссия по рассмотрению законопроекта о волостном земстве, работавшая под председательством начальника Гражданского управления С. Д. Тверского. Волостная реформа явилась закономерным «довеском» к земельной.

В приказе от 15 (28) июля, который представлял собою доработанные Временные положения о земских учреждениях от 25 мая, Врангель выделил: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения»⁶⁵⁴. Восстанавливалось упраздненное деникинским правительством волостное земство, находившемся в ведении волостных земских собраний, которым принадлежала общая распорядительная власть и надзор за исполнительными органами – управами⁶⁵⁵. Приказом от 12 октября Положение о волостном земстве было дополнено Положением о земстве уездном. Согласно последнему, уездное земское собрание имело право высказать губернатору свои соображения о дальнейшей судьбе губернского земства. «Если уезды признают необходимым, губернская организация будет сохранена, но уже как добровольный союз земств, в противном случае она может быть заменена областной земской организацией или совершенно уничтожена»⁶⁵⁶.

Это был курс на устранение земской оппозиции. «...Вся сельская интеллигенция – учителя, врачи, фельдшера... лишались права участия в волостных земствах. (...) В сущности это было упразднение старого земства, земства, двигавшегося «цензовой» или «демократической» интеллигенцией, земства, имевшего свои навыки и традиции. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации»⁶⁵⁷. Нарождалась вертикаль: бюрократия – крестьянство, не имеющая промежуточных ступеней.

Постановления волостных и уездных земских собраний должна была утверждать высшая правительственная власть (губернская) в тех случаях, когда речь шла об отчуждении и залоге недвижимого имущества, займов, поручительств и гарантий со стороны земств, заключения договоров с частными лицами. Все остальные постановления земских собраний могли, если они противоречили закону, выходили за рамки компетенции либо нарушали порядок действия земских учреждений и, главное – не отвечали общим задачам борьбы за восстановление государственности, быть приостановлены: по волости – начальником уезда, по уезду – губернатором. Решение вопроса о губернном земстве Врангель оставил на будущее⁶⁵⁸.

К моменту оставления Русской армией Северной Таврии и отхода в Крым на территории Таврической губернии было избрано 90 волостных советов в 140 волостях⁶⁵⁹.

Экономическая политика врангелевского правительства носила в значительной мере импровизационный характер. Тем не менее, она имела свой стержень – июньский приказ Врангеля о введении свободы торговли, распространившейся и на зерно.

Промышленность Крыма за годы гражданской войны пришла в полный упадок. Производство с 1919 года сократилось на 75–85 %; в 1920-м работало 32 предприятия, из них

всего 6 с более чем сотней рабочих. Пролетариев насчитывалось 2663 человека⁶⁶⁰. Большая часть предприятий обеспечивала военные нужды. Транспорт почти замер.

Практически все экономические проекты управления экономикой остались нереализованными. Редкие исключения – проведение для военных нужд ветки от Джанкоя к Перекоп⁶⁶¹, а также добыча угля в Бешуйских коях, однако последние были взорваны повстанцами.

Начальник Управления финансов М. В. Бернацкий пытался объединить все финансовые средства, находящиеся в распоряжении антибольшевистских сил, получить внешний заем, почти половину срока своего пребывания в должности проведя в зарубежной командировке. Им подготовлен выпуск денежных знаков нового образца в Лондоне. Английское оборудование для печати денежных знаков малых номиналов доставлено в Крым. Однако планируемая Бернацким денежная реформа повисла в воздухе в ожидании внешнего займа⁶⁶². Бюджет 1920 года закладывался им за счет косвенных налогов. Управление финансов стремилось обложить акцизом весь торгово-промышленный оборот предметов широкого потребления (спиртные напитки, табак, сахар, соль, чай, кофе), регулярно повышая ставки, которые достигли 30 % стоимости товаров. В то же время с целью стимулирования импорта таможенные сборы держались на очень низком уровне (в среднем менее 4 % стоимости ввозимых товаров), давая ничтожные суммы.

Все расходы бюджета делились на «нормальные», мирные (на гражданский государственный аппарат, государственную стражу, субсидирование невоенной промышленности) и «чрезвычайные», военные (на содержание армии и флота, восстановление и строительство железных дорог, закупку топлива и продовольствия, закупку зерна и другого сырья для экспорта, содержание беженцев в Крыму и за границей). Понятно, что при такой конструкции создавалась иллюзия бездефицитности «нормального» бюджета, расходы по которому покрывались от прямого и косвенного налогообложения. Дефицит же «чрезвычайного» бюджета за 1920 год составил 250 миллиардов рублей. В этих условиях единственным доступным правительству способом покрытия военных расходов стала эмиссия, тем более что единственная в Крыму экспедиция заготовления государственных бумаг – Феодосийская – была в полном распоряжении Управления финансов.

Однако выпуск денег не поспевал за инфляцией. К сентябрю разменной мелочью стали банкноты в 500 рублей. Управление финансов приняло решение начать выпуск купюр достоинством 25 000 и 50 000 рублей. Крестьяне отказывались принимать невиданные ранее бумажки в качестве оплаты за продовольствие. С целью борьбы с грабежами перед переходом Русской армии в наступление в Северной Таврии П. Н. Врангель приказал снабдить войска большим количеством денежных знаков для приобретения у крестьян продуктов и лошадей. Но полевые казначейства не получали вовремя дензнаки, в результате жалованье выплачивалось нерегулярно, интендантства не могли закупить всего необходимого и вместо денег расплачивались с населением квитанциями, а то и просто отбирали необходимое, вызывая возмущение⁶⁶³.

Ничего не изменило и экономическое совещание, проходившее в конце сентября – начале октября в Севастополе, на которое прибыли общественные деятели из Константинополя, Парижа, Белграда и других городов, принявшее решение «О свободном вывозе валюты и предметов роскоши, но не предметов культурного и домашнего обихода»⁶⁶⁴. Однако разрешения на вывоз чего угодно выдавалось за взятки всем желающим⁶⁶⁵. Спекуляция, как всегда, шла рука об руку с коррупцией.

Чтобы хоть как-то поправить положение, правительство принимает план начальника Управления торговли и промышленности В. С. Налбандова: вывоз хлеба государством в

кооперации с частными фирмами. Торговцы получали от правительства 80 % договорной цены стоимости зерна, за которую они должны доставить его к портам и погрузить на пароходы. Правительственная договорная цена обеспечивала расходы по закупке всех 100 % зерна и его доставку. За услуги по закупке и доставке заключивший договор получал 20 % вырученных от продажи зерна средств в иностранной валюте⁶⁶⁶.

Заметных экономических результатов этот план, знаменовавший собой отход от «чистой» свободы торговли, не дал: было заключено контрактов на 10 миллионов пудов и вывезено полтора. Но, как подчеркивал Врангель, акция имела политическое значение – привлечь ту же Францию, испытывавшую недостаток в хлебе⁶⁶⁷. «...Внешняя торговля врангелевского режима, – пишет современный исследователь, – свелась к обмену сырья Таврии, прежде всего зерна, на вооружение, боеприпасы и другие предметы и материалы, необходимые для ведения войны»⁶⁶⁸.

Большое место в импорте занимали уголь – 3 972 197 пудов и жидкое топливо – 363 656 пудов. Смазочных материалов ввезено 24 833 пуда, сельхозмашин и сельхозорудий – 6811 пудов, металлических изделий – 13 593 пуда, мануфактуры – 52 055 пудов, одежды – 791 пуд.

В апреле власти отправили торговую экспедицию в Великобританию, которая в обмен на табак и вино из складов бывшего удельного ведомства доставила в Крым 1 500 000 аршин бязи, 315 000 аршин коленкора, 5000 gross ниток, 600 000 штук иголок, 5 000 корзин, кирок и лопат по 12 000 штук. Эта же экспедиция доставила до 300 000 пудов угля. Однако большая доля закупленных товаров поступала в распоряжение закупочных комиссий, которые не гнушались спекулятивными операциями.

С целью пополнения бюджета правительство планировало распродажу кораблей в первую очередь с механизмами и котлами, требующими капитального ремонта, затем судов, нуждающихся в очередном ремонте, а также находящихся на ходу, в том числе и крупных боевых, а также легких моторных и паровых кораблей⁶⁶⁹.

Внутренняя торговля свелась к поистине тотальной спекуляции. Сама торговля «валютизировалась» (примета времени: распространение валютной проституции. В обиход вошли этикетки: «фунтоловки», «принцессы долларов», «лирические дамы» (от турецкой лиры). В течение мая – октября цены на иностранную валюту выросли в 10–12 раз, а в ноябре их курс поднялся еще более чем на 2000 %. С июля по октябрь 1920 года стоимость английского фунта на бирже поднялась с 28 000 до 105 000 рублей, французского франка – с 500 до 2100 рублей, доллара – с 7500 до 9000 рублей⁶⁷⁰. Обмен натурализовался. Роль денег стали играть табак, вино, ячмень, шерсть. 1 турецкая лира вышла в октябре на уровень 20 тысяч рублей (равно 1 пуду ячменя)⁶⁷¹. Приметой времени стали фантастические по объему хищения, повальное взяточничество. «Честные – в буквальном смысле слова голодали»⁶⁷².

Нельзя сказать, что правительство не принимало мер по борьбе со слишком уж разнузданной спекуляцией и взяточничеством. Приказы издавались – и весьма грозные. Вот один из них, от 30 сентября. Усилить наказания за взяточничество. Изъять дела из общей подсудности и передать в ведение военноморских, корпусных и военно-полевых судов. Наказание: от 5 до 6 лет или отдача в каторжные работы на срок от 4 до 6 лет дающему и, соответственно, от 6 до 8 и от 8 до 10 – берущему. За недонесение – от 3 до 4 лет с лишением прав⁶⁷³.

Свирепствовала гиперинфляция. По имеющимся данным, с февраля по октябрь в Крыму было выпущено 176 869 295 000 рублей⁶⁷⁴.

Экономическое совещание в пух и прах раскритиковало политику М. В. Бернацкого, после чего он подал в отставку. Бернацкий был теоретик, пишет Врангель, а «в настоящих исключительных условиях требовался человек дела и практики»⁶⁷⁵. Делались предложения

бывшему министру финансов России П. Л. Барку, председателю правления Азовско-Донского банка А. И. Каминке – они ответили отказом. «Человека дела и практики» не нашлось, да и не могло, на наш взгляд, найтись, ибо все финансы поедала армия.

Естественно, непрерывно росли цены. Фунт пшеничного хлеба в апреле стоил 35 рублей, в октябре – 500, фунт мяса: 350–1800, картофель: 5000–30 000, фунт сала: 3750 (в мае) – 7000, масло: 1550–8000, мыло: 600–5500, сахар: 1000–9000, кварта молока: 200–2 500, десяток яиц: 575–10 000, пуд дров: 200–3945 рублей. При этом высшая ставка печатника выросла с 60 000 в мае до 471 920 рублей, металлиста – с 75 000 до 262 000, торгово-промышленного рабочего – с 24 000 до 467 800, строителя – с 40 000 до 600 000. Максимальная зарплата штаб-офицера достигала 132 000 рублей, генерала – 240 000. Прожиточный минимум для семьи из трех человек составил в апреле – 61 072 рубля, в октябре 534 725 рублей⁶⁷⁶.

Однако в целом уровень жизни, особенно рабочих, для которых Врангель создал режим наибольшего благоприятствования, был выше, чем в центре России. Позитивную роль играла правительственная практика торговли хлебом по умеренным ценам. Но промышленные товары были не по карману никому, разве что только спекулянтам.

Совсем плачевным было положение интеллигенции и служащих (тех, кто не брал взятки). Они получали в 3–7 раз меньше рабочих, вынуждены были, чтобы не умереть с голоду, подрабатывать – как у кого получится. Месячное жалованье чиновника XVI класса составляло в мае 7000 рублей, VII – 16 000, IV – 27 000, I – 42 000 и вместе со всеми прибавками покрывало от 5 до 25 процентов семейного бюджета. В сентябре оклады были удвоены, но уже за октябрь прибавка была «съедена» инфляцией и жалованье стало покрывать 5–10 процентов прожиточного минимума⁶⁷⁷. Тем, кто не мог найти дополнительного дохода, просто ничего не оставалось, как брать взятки и присваивать казенные суммы.

Тем не менее, продолжал работать Таврический университет, где преподавали выдающиеся деятели науки, вынужденно оказавшиеся в Крыму. После смерти от сыпного тифа Р. И. Гельвига 2 октября 1920 года (н. ст.), на должность ректора университета избран академик В. И. Вернадский. В 1920 году в Керчи открылся Боспорский университет, существовавший в основном на частные пожертвования. В Севастополе велись занятия в Юридическом институте⁶⁷⁸. В городах полуострова существовали «народные университеты» – свободные высшие курсы для желающих повысить свой образовательный уровень, где с лекциями выступали преподаватели высших учебных заведений.

При Гражданском управлении была организована Археологическая комиссия, в ведении которой находились Херсонесская дирекция музеев и раскопок Тавриды, Керченская дирекция музеев, генуэзская крепость в Судаке, генуэзская крепость и Археологический музей в Феодосии, Ханский дворец в Бахчисарае, музей и памятники обороны 1854–1855 годов в Севастополе. Под председательством А. И. Маркевича продолжала действовать авторитетнейшая краеведческая организация – Таврическая ученая архивная комиссия. Летом 1920 года при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы создавалась комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма. На осень планировался съезд ученых Таврии.

Преодолевая трудности, развивалось книгопечатание. В 1920 году только «Русским книгоиздательством в Крыму» было выпущено книг общим тиражом 200 тысяч экземпляров, в том числе 150 тысяч учебников.

Была ключом театральная жизнь. В Крыму снимались кинофильмы с участием известных артистов, проходили художественные выставки, открывались литературные клубы⁶⁷⁹.

Подвергаясь гонениям, действовали профсоюзы и, согласно положению от 23 октября, имели право оказывать помощь – материальную, юридическую и медицинскую – своим членам.

Это давало рабочим дополнительное подспорье. Несмотря на репрессии, объявлялись забастовки. В ответ производились аресты. Пресекались забастовки и другим средством – отправкой на фронт.

Упомянувшееся экономическое совещание закончило свою работу 5 октября радужной резолюцией: «Общее экономическое положение земель, занятых Русской армией, оказывается, при непосредственном соприкосновении с действительностью, несравненно лучше, нежели это представляется в Западной Европе не только иностранцам, но даже и проживающим там русским людям.

Производительные силы края и платежные силы населения используются в настоящее время скорее недостаточно и с избытком покрывают текущие расходы управления.

Средства нужны лишь для покрытия чрезвычайных военных издержек и в особенности для снаряжения армии, крепкой духом, идущей к близкой окончательной победе и нуждающейся исключительно в материальном снабжении и обмундировании»⁶⁸⁰.

Однако приехавшие из Европы авторы этой рекламной картинки предпочли вернуться обратно.

Врангель же чрезвычайно удачно обрисовал тот заколдованный круг, в котором оказался крымский режим: «Маленькая территория Крыма не могла... прокормить армию», а «расширение занятой территории требовало увеличения численности армии»⁶⁸¹. Так вырел замысел десантов – Донского в июле (под командованием казачьего полковника Ф. Д. Назарова) и Кубанского в августе (под командованием генерал-лейтенанта С. Г. Улагая).

К группе Улагая присоединилось 10 тысяч кубанских казаков и столько же ранее интернированных в Польше войск генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова, но это были последние резервы. Людские ресурсы оказались исчерпаны. Обстановка вынудила Врангеля принять крайне жесткие меры для пополнения армии. Он подписывает репрессивный приказ от 4 сентября, требовавший взамен уклоняющихся от призыва брать на службу членов той же семьи мужского пола в возрасте от 17 до 43 лет, что, конечно же, не могло не вызвать озлобления населения.

Судьба Правительства Юга России стала целиком зависеть от исхода войны Советской России и Польши. «Принятие Польшей мира, усиленно предлагаемого большевиками, и на котором настаивало правительство Ллойд-Джорджа (Великобритания. – *Авт.*), было бы для нас роковым»⁶⁸². Италия, Бельгия, США, Япония благожелательно относились к режиму Врангеля, но признавать его не спешили. На это решилась союзница Польши – Франция, выдвинув, однако, ряд условий: признание долговых обязательств предыдущих русских правительств, перехода земли в руки крестьян и создание народного представительства на демократических основах.

Из английской печати стало известно, что французское правительство президента А. Мильерана выдвигает еще ряд требований, причем весьма жестких: передача Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на определенный срок, права взимания таможенных и торговых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей, излишка хлеба на Украине и Кубани, 3/4 добычи нефти и бензина, 1/4 добытого донецкого угля. Некоторые авторы считают, что врангелевское правительство согласилось на эти условия⁶⁸³.

В июле французские власти помогли Врангелю получить от румынского правительства разрешение на возвращение русского военного имущества, находящегося в Румынии, а в августе – разрешили установить собственную радиосвязь через Константинополь. 10 августа Франция официально признала правительство П. Н. Врангеля де-факто⁶⁸⁴. Это был единственный случай официального международного признания белого правительства за весь период гражданской войны. 6 (19) октября в Севастополь прибыл верховный комиссар

Франции граф де Мартель.

Врангель неоднократно заявлял о своей поддержке федеративного устройства России в случае победы над большевизмом. Им была провозглашена платформа «тактического федерализма». Он допускал независимость прибалтийских государств, однозначно признавал независимость Польши. Достаточно нормальные отношения установились у Крыма с Грузией. Наконец о своем подчинении врангелевскому правительству заявил походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины Г. М. Семенов. При этом мы не отрицаем того, что Врангель вел своеобразную дипломатическую игру. Его тактической целью было сколачивание единого антибольшевистского фронта. В поисках союзников он порой не брезговал ничем. Так идефикс Главнокомандующего стало заключение соглашения с Н. И. Махно, сыгравшего со своей Повстанческой армией роковую роль в разгроме Русской армии. Неоднократно к Махно посылались парламентары. Батяка приказывал их вешать.

Наособицу стоял – по своей значимости – вопрос об отношениях с Украиной⁶⁸⁵.

В августе П. Н. Врангель от своего имени публикует воззвание «Сыны Украины!»: «Стоя во главе русской армии, я обращаюсь к вам, братья. Сомкнем ряды против врагов, попирающих веру, народность и достояние, потом и кровью накопленное отцами и дедами. (...) Не восстанавливать старые порядки идем мы, а боремся за то, чтобы дать народу возможность самому быть хозяином своей земли...»⁶⁸⁶

В начале сентября Главнокомандующий принимает делегацию от армии одного из украинских генералов М. В. Омеляновича-Павленко, приехавшую «для информации и выяснения условий возможного соглашения». Договорились, как сказано в «коммюнике» встречи, «бить общего врага» и добиваться того, «чтобы общественные умеренные круги и лица, не преследующие личных выгод, обуздывали бы шовинистов той и другой стороны и не давали бы им мутить и без того взбаламученное море, в котором будут ловить рыбу люди, ничего общего ни с Украиной, ни с Великороссией и вообще с Россией не имеющие»⁶⁸⁷.

Тогда же генерал-лейтенант В. Ф. Кирей для поручений по делам Украины при начштаба (поддерживавший контакты с украинскими повстанцами) набросал контуры отношения

Правительства Юга России к Украине. Это: волеизъявление народа, назначение высшей гражданской администрации только из уроженцев Украины и выборы низшей самим народом, формирование украинских воинских частей⁶⁸⁸. Создается специальная комиссия по украинским делам.

20 сентября (3 октября) П. Н. Врангель издает приказ № 145, запрещающий пропаганду национальной розни⁶⁸⁹, а 29 октября (11 ноября) объявляется следующий приказ (от 26 октября № 194): «Признавая, что украинский язык является, наравне с российским, полноправным языком Украины, приказываю: всем учебным заведениям, как правительственным, так и частным, в коих преподавание ведется на украинском языке, присвоить все права, установленные существующими законоположениями для учебных заведений той и другой категории с общегосударственным языком преподавания. Генерал Врангель»⁶⁹⁰.

С целью распространения грамотности и знания украинской культуры создаются общества «Кримська освт» и «Украинская хата»⁶⁹¹.

Наиболее тесные отношения сложились у Правительства Юга России с Украинским Национальным Комитетом (УНК). Эта организация была создана в ноябре 1919 года в Париже, имела свои представительства в США, славянских странах, Константинополе. По сути своей она представляла беспартийный союз федералистов Украины, противостоящий «самостийникам». Лидеры УНК – С. К. Маркотун, генеральный секретарь Б. В. Цитович и член комитета профессор П. М. Могилянский – удостоились приема у Правителя Юга России, где

присутствовали А. В. Кривошеин, П. Г. Струве и П. Н. Шатилов. «Выразив свое принципиальное согласие с положениями, изложенными делегацией, Главнокомандующий заявил, что в основу проводимой правительством юга России политики полагается принцип федерации и земельная реформа». Соглашение возможно в общей борьбе с любыми, но только не с сепаратистскими силами⁶⁹².

Средоточием украинской политической жизни в Крыму стал в это время Севастополь, где можно было встретить представителей чуть ли не всех направлений, «за исключением крайних левых. Доминирующую роль в этом конгломерате партий и течений, – отмечает газета, – играют представители Союза хлеборобов, «авторы» гетманщины. В последнее время между этими политическими деятелями заключен блок. Кардинальный вопрос – о самостоятельности, решено до известного времени (выделено нами. – *Авт.*) не затрагивать вовсе»⁶⁹³.

2 октября в помещении украинской гимназии им. Т. Г. Шевченко (Севастополь) открылся первый и последний съезд блока, получившего название национально-демократического. На съезде были представлены самые разнообразные организации: собственно блок и его ЦК, Симферопольская, Феодосийская и Потийская громады, Крестьянский союз, «украинцы Грузии», Екатеринославское землячество, Севастопольское отделение «Днепросоюза», «Украинская народная армия».

Съезд принял, по сути, единственную резолюцию – «Об украинской армии»: «...Возможно скорее начать формирование украинской национальной армии под предводительством ген. Врангеля». Резолюция, предлагавшая пока воздержаться от создания правительства Украины, большинством была отклонена. Было отвергнуто также предложение С. К. Маркотуна о слиянии севастопольских организаций с УНК «в виду того, что нападки Маркотуна на Петлюру оттолкнули от него украинскую общественность»⁶⁹⁴.

Практическим следствием образования блока было создание украинских воинских частей, которые влились в 3-ю Русскую армию.

К концу сентября Русская армия вышла к Екатеринославу и Донбассу. Однако развить наступление дальше врангелевцы не смогли. Заднепровская и Донбасская операции потерпели провал: сказалась невозможность обеспечить их людскими и материальными ресурсами. Армия выдыхалась.

21 сентября (н. ст.) 1920 года постановлением Реввоенсовета Республики образован Южный фронт Красной армии под командованием М. В. Фрунзе.

Тем временем Польша заключила перемирие с Советской Россией. 29 сентября (12 октября) в Риге заключены предварительные условия мирного договора, и 5 (18) октября прекращены военные действия. Это стало одновременно и подписанием смертного приговора врангелевскому режиму.

Южный фронт усиливается за счет войск Западного и других. Соотношение сил на 14 (27) октября было следующим: штыки (в тысячах) 99,5–20,8 4,8:1 сабли 43,7–17,3 2,5:1 итого 143,2–38,1 3,8:1⁶⁹⁵.

Итак, перевес, необходимый для успеха наступления, был достигнут.

Общее наступление войск Южного фронта началось 2 (15) октября. 21 октября (3 ноября) красные овладели всей Северной Таврией. Русская армия откатилась за Перекоп. «Армия осталась цела, однако боеспособность ее не была уже прежней»⁶⁹⁶. Оставалась только надежда на Перекопские укрепления.

Врангель не питал большого оптимизма по поводу судьбы Русской армии. Еще до наступления красных в Северной Таврии он предусмотрительно отдал распоряжение проверить уже составленный штабом и командующим флотом М. П. Саблиным план эвакуации и подготовить суда (помимо Севастополя) в Керчи, Феодосии и Ялте из расчета не на 60 тысяч

человек, как предлагалось ранее, а на 75.

Немалую роль в крушении врангелевского режима сыграли «зеленые». Массовость этого явления была следствием ненависти к мобилизациям, к войне, желания выжить. Население устало от не имеющей, казалось, конца бойни.

Бороться с процессом повсеместного уклонения от воинской службы оказалось невозможным. Что только не предпринимали власти – конфискацию имущества и земли, систему заложничества, тюрьмы и расстрелы – все напрасно: количество дезертиров – «зеленых» – росло с каждым днем, чему очень благоприятствовал крымский ландшафт – леса и горы.

«Зеленые» вызывали всеобщую симпатию, в том числе и татарского крестьянства. Им помогали и многие стражники. С января 1920 года отряды «зеленых» начинают стремительно «краснеть», чему причинами были: усиление репрессий, влекущее жажду мести; бегство в горы большевиков и пленных красноармейцев и коммунистическая пропаганда; наконец, стремление появившихся «красно-зеленых» втянуть в свои ряды как можно больше людей.

Так «зеленые», промышлявшие до этого грабежами и набегами, становятся повстанцами. Зародышами «красно-зеленого» движения, или Повстанческой армии, стали в начале 1920 года: группа П. В. Макарова (д. Ай-Тодор Севастопольского района (ныне не существует), от 12 до – в июне – 80 человек), 1-й Альминский повстанческий отряд (до 100 человек; стержень – бежавшие заключенные Симферопольской тюрьмы), Феодосийский отряд (70 человек бывших пленных красноармейцев), конный отряд П. Глямжо (Карасубазар), 15 человек), 2-й Повстанческий отряд Комарова-Фирсова (организован областным комитетом РКП(б), 60 человек), отряд Ялтинского подпольного партийного комитета П. М. Ословского. В июле общая численность повстанцев достигла 800 человек⁶⁹⁷ (по Врангелю, в августе – 300⁶⁹⁸).

Разгромы подпольной сети большевиков весной, а затем в августе контрразведкой побудили их перенести основную деятельность в леса. В июне областком РКП(б) и Крымревком объявили мобилизацию в (Советскую) Повстанческую армию всех партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов (армия, как таковая, была создана в мае Крымревкомом). Началась реорганизация по образцу регулярного войска. Были созданы полки (условно – численность их, конечно же, не дотягивала до полков): 3-й Симферопольский П. В. Макарова, 1-й конный бывшего сотника Галько, 2-й Карасубазарский Бородин, 1-й Феодосийский Надолинского, затем 5-й Татарский и 4-й в районе Баксан. Командующим армией стал секретарь подпольного областного комитета С. Я. Бабаханян.

(Был еще Зуйский отряд – явно разбойничьего толка, а также весьма многочисленный отряд Н. И. Орлова.) Продолжали действовать и просто «зеленые».

Повстанцы нападали на стражников, срывали заготовку дров для железных дорог и городов, что грозило топливным кризисом и прекращением железнодорожного сообщения, и вообще старались держать противника в постоянном напряжении. Только в течение мая – июня повстанцы провели свыше 20 операций, многие – под личным руководством Бабаханяна.

«Красно-зеленые» оттягивали на себя не менее 4–5 тысяч штыков⁶⁹⁹.

По решению ЦК КП(б)У и Реввоенсовета Юго-Западного фронта для руководства партизанской борьбой в тылу Врангеля в Крым была направлена группа бойцов из 11 человек во главе с А. В. Мокроусовым. 17 августа (н. ст.) она высадились с катера «Гаджибей», вышедшего днем раньше из Анапы, близ с. Капсихор (с. Морское Судакского горсовета). С появлением Мокроусова деятельность повстанцев, несомненно, получила новый импульс: бесконечные рейды по тылам белых, нападение на артиллерийский транспорт, ограбление Массандровского лесничества на миллион рублей, уничтожение 30 августа (н. ст.) Бешуйских угольных копей. Наконец, налет 12 сентября (н. ст.) на Судак. Мокроусов надел погоны

полковника. Повстанцы были приняты за белых и спокойно заняли большую часть Судака. И только после того, как один из повстанцев развернул знамя, белые, находившиеся здесь на излечении, оказали отпор. «Собственно, Судак, – пишет

А. В. Мокроусов, – нам нужен был для того, чтобы захватить в гарнизоне и у местных богачей необходимое количество одежды. Самое же главное – необходимо было нанести сильный моральный удар по противнику, заставить его отвлечь на нас большие силы с фронта»⁷⁰⁰.

Правда, ослабляли повстанцев внутренние распри, в частности, конфликт двух руководителей – Бабаханяна и Мокроусова. Тем не менее, с августа по ноябрь повстанцы провели до 80 крупных операций. Заметно возросла численность полков: 3-го – до 279 человек, 1-го – до 90, 5-го – до 69701. Когда красные войска вступили в Крым, повстанцы, насчитывавшие, по сводным данным, до двух тысяч штыков, оказали им непосредственную помощь, отрезав белым путь на Феодосию и разбив несколько частей. В ноябре отряды Повстанческой армии были влиты в состав Красной армии.

Всего в 1918–1920 годах в крымском подполье действовало свыше 5 тысяч человек, объединенных в почти 100 вооруженных формирований⁷⁰².

К началу ноября все подступы к полуострову Крым были блокированы войсками Южного фронта. Приближались дни решающего сражения. 25 октября (7 ноября) Главнокомандующий вводит в Крыму осадное положение. Исполняющим обязанности Таврического губернатора, начальника гражданского управления и командующим войсками армейского тылового района был назначен энергичный генерал-майор М. Н. Скалон.

Подспудно идет подготовка к эмиграции. Решительно и умело действовал сменивший в должности начальника Морского управления и командующего Черноморским флотом умершего 17 (30) октября от рака печени М. П. Саблина М. А. Кедров, произведенный в вице-адмиралы.

26 октября (8 ноября) усилилось давление красных. Подготовка кораблей резко ускорилась. 29 октября (11 ноября) Правительство Юга России выпустило официальное сообщение, которое Я. А. Слащов оценил как «Спасайся, кто может»: «Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров, других служащих и их семейств правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России. (...) Все заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага – остаться в Крыму». Параллельно подписывается приказ Главнокомандующего с аналогичным содержанием⁷⁰³.

Вопросом жизни и смерти становится судьба тех, кто не пожелает или не сможет эмигрировать. Проблема амнистии возникла еще в апреле-мае. 12 сентября н. ст. (далее все даты приводятся по н. ст.) «Правда» за авторитетнейшими подписями Председателя ВЦИК М. И. Калинина, Председателя СНК В. И. Ленина, наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, Главкома С. С. Каменева и председателя Особого совещания при Главкоме генерала А. А. Брусилова публикует «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», в котором говорилось: «...Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения»⁷⁰⁴.

Поводом для воззвания, кстати, послужила загадочная история с поручиком Яковлевым. Он, перебежав к красным, заявил, что во врангелевской армии образовалась тайная организация офицеров, которая «намерена низложить Врангеля и объявить его армию красной Крымской под командой Брусилова» при условии амнистии⁷⁰⁵. Поскольку никаких сведений о заговоре

более нет, позволительно будет считать его фикцией.

Наконец Реввоенсовет Южного фронта по радио обращается к Врангелю: «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь бесполезным пролитием новых потоков крови, предлагаю вам немедленно прекратить борьбу и положить оружие со всеми подчиненными вам войсками армии и флота.

В случае принятия вами означенного предложения РВС Южфронта на основании представленных ему Центральной Советской Властью полномочий гарантирует вам и всем кладущим оружие полное прощение по всем проступкам, связанным с гражданской борьбой.

Всем, не желающим работать в Советской России, будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честным словом от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России. Ответ по радио ожидается не позднее 24 часов 14 ноября с. г. (по новому стилю).

Командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе, член Реввоенсовета Иван Смилга, Мирон Владимиров, Бела Кун. Ст. Мелитополь 11 февраля 24 часа»⁷⁰⁶.

«Красное командование, – так говорит об этом Врангель, – предлагало мне сдачу, гарантируя жизнь и неприкосновенность всему высшему составу армии и всем положившим оружие. Я приказал закрыть все радиостанции за исключением одной, обслуживаемой офицерами»⁷⁰⁷. Врангель, таким образом, скрыл предложение от армии и умолчал в мемуарах о том, что вся моральная ответственность в случае ее сокрытия возлагалась на него.

Позиция В. И. Ленина тем временем ужесточилась. Если ранее он был не против амнистии, то теперь, узнав о предложении РВС, 12 ноября телеграфировал: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна; если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно» (выделено нами. – Авт.)⁷⁰⁸.

Так вожди двух противостоящих сторон – В. И. Ленин и П. Н. Врангель – объективно оказались единомышленниками, поставив на карту тысячи жизней.

На 1 ноября боевая численность Русской армии составила 41 тысячу штыков и сабель (из них 16 тысяч в тылу) – общая численность 75 815 штыков и сабель. На ее вооружении было 1404 пулемета, 271 орудие, 24 броневедомола, 6 танков, 12 бронепоездов, 45 самолетов. Войска Южного фронта к 8 ноября насчитывали 11 628 командного состава, 103 140 бойцов пехоты, 39 569 бойцов конницы, 188 771 бойца всего, имея на вооружении 2999 пулеметов, 623 орудия, 57 броневедомолов, 23 бронепоезда, 19 аэропланов, 82 самолета⁷⁰⁹.

В ночь на 8 ноября начался переход красных через Сиваш. Надо сказать, что стояли беспрецедентные для этого времени года 15-градусные морозы, от которых страдали оба противника. Врангелевцам приходилось хуже – у них не было теплой одежды. Транспорт «Рион» привез обмундирование, когда все уже было решено.

Утром 15-я и 52-я дивизии и 153-я бригада 6-й армии красных переправились через Сиваш. В течение суток они удерживали захваченный плацдарм на Литовском полуострове, несмотря на контратаки Дроздовской дивизии, усиленной отрядом бронемашин. По приказу М. В. Фрунзе им была оказана помощь: к 5 часам утра 9 ноября под обстрелом Сиваш форсировала Крымская группа войск Союза революционных повстанцев Украины (махновцев) под командованием С. Н. Каретникова (3000 сабель, 450 пулеметов на тачанках), потерявшая 30 процентов личного состава, и кавалерийская дивизия красных. Это позволило спасти ранее переправившиеся войска и перейти в наступление в тылу Перекопских укреплений⁷¹⁰. После 4-часовой артиллерийской подготовки, не давшей ожидаемых результатов, начался штурм. Людей не жалели. В результате в ночь на 9 ноября 51-я дивизия

В. К. Блюхера овладела Турецким валом – главным укреплением Перекопа, фронтальная атака которого первоначально успехов не имела. В целом потери красных составили 10 тысяч человек убитыми и ранеными⁷¹¹.

Части Русской армии отошли на Ишуньские позиции. В тяжелых боях 10–11 ноября красные смогли отразить все атаки противника. Конный корпус генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича и другие войска у Ишуни под натиском ударной группы 6-й армии, 51-й стрелковой дивизии, усиленной Латышской советской стрелковой дивизией, начали отход. 11-го 30-я стрелковая дивизия красных прорвала Чонгарские укрепления, овладела станцией Таганаш (Соленое Озеро) и взяла курс на Джанкой. Этот день и стал переломным в ходе боев. 9-я стрелковая дивизия красных переправились через Генический пролив⁷¹². Продвигаться по Арабатской стрелке оказалось невозможно из-за корабельного огня противника.

10 ноября с целью дезорганизации тылов Врангеля западнее Судака судно-истребитель МИ № 17, вышедшее из Новороссийска, высадило группу во главе с известным впоследствии полярником И. Д. Папаниным, включавшую будущего драматурга В. В. Вишневского, которая двинулась к Алуште, разоружая отступавших врангелевцев⁷¹³.

Тем временем 10 ноября в Симферополе власть взял в свои руки ревком во главе с членом областного комитета РКП(б)

В. С. Васильевым. Ревкомы возникают и в других городах Крыма. 11 ноября партизаны А. В. Мокроусова занимают Карасубазар. 13 ноября части 2-й Конной армии Ф. К. Миронова вошли в Симферополь.

Врангелевцы отступали в полном порядке, почти без контакта с противником. Сорвать эвакуацию не удалось. 11 ноября началась погрузка на корабли. Де Мартель выразил согласие принять всех оставляющих Крым под покровительство Франции. Для покрытия расходов французское правительство брало в залог российские корабли. Никто не мешал эвакуации.

Отплывало все, что могло плыть. Это было невероятно рискованное предприятие. Малейшее волнение и... Но море было спокойным.

Утром 14 ноября Главнокомандующий объехал на катере суда в Севастополе. Сошел на берег. Выступил перед группой юнкеров: «Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга»⁷¹⁴. В 2 часа 40 минут, видя, что погрузились все, Врангель взшел на катер и направился к крейсеру «Генерал Корнилов».

В Евпатории эвакуация прошла нормально. Врангель объехал Ялту, Феодосию, Керчь, чтобы лично проследить за погрузкой. Около четырех последний транспорт – «Россия» – покинул Керчь.

На 126 судах было вывезено 145 693 человека, не считая команд. За исключением погибшего миноносца «Живой», все корабли прибыли в Константинополь⁷¹⁵.

Было эвакуировано: до 15 тысяч казаков, 12 тысяч офицеров, 4–5 тысяч солдат регулярных частей, более 30 тысяч офицеров и чиновников тыловых частей, 10 тысяч юнкеров и до 60 тысяч гражданских лиц, в большинстве своем семей офицеров и чиновников⁷¹⁶.

За время боевых действий – 28 октября–16 ноября – войска Южного фронта взяли в плен 52,1 тысячи солдат и офицеров Русской армии⁷¹⁷.

В ночь с 13 на 14 ноября части Латышской советской дивизии заняли Евпаторию. 14 ноября части 4-й армии – 3-й конный корпус и 30-я стрелковая дивизия – вступили в Феодосию, 15-го авангарды 6-й армии – в Севастополь, 16-го 3-й конный корпус – в Керчь, 17-го 52-я стрелковая дивизия – в Ялту.

Итак, врангелевский эксперимент принудительно завершен. Трудно судить, каковы могли бы быть его результаты, продолжаясь он далее и не на столь ограниченной в размерах и

ресурсах территории.

Начинался «пир победителей»...

Глава X

Год 1921-й: война продолжается

История сохранила свидетельства очевидца вступления красных войск в Симферополь: «Войдя в город, солдаты набрасывались на жителей, раздевали их тут же, на улице, напяливали на себя отнятую одежду, швыряя свою изодранную солдатскую несчастному раздетому. Бывали случаи, что один и тот же гражданин по четыре раза подвергался подобному переодеванию, потому что следующий за первым солдат оказывался еще оборваннее и соблазнялся более целой одеждой своего предшественника и т. д. Кто только мог из жителей, попрятались по подвалам и укромным местам, боясь попадаться на глаза озверелым красноармейцам.

В каждый дом вошел постой красноармейцев. Они располагались всюду как дома, заставляя хозяев прислуживать им, убивая всю живность, как-то: свиней, птицу, которых несчастные хозяева месяцами выкармливали. Из имущества все, что приходилось им по вкусу, красноармейцы забирали себе.

Город в это время имел печальный вид. Всюду валялись трупы лошадей, полусъеденные собаками, кучи мусора... Окна в магазинах были перебиты, тротуары возле них были усеяны стеклом, грязь всюду, куда ни глянешь.

На следующий день, во вторник, начался грабеж винных магазинов и повальное пьянство красных. Вина, разлитого в бутылки, не хватило, стали откупоривать бочки и пить прямо их них. Будучи уже пьяными, солдаты не могли пользоваться насосом и поэтому просто разбивали бочки. Вино лилось всюду, заливало подвалы и выливалось на улицы. В одном подвале утонули двое красноармейцев, а по Феодосийской улице от дома виноторговца Христофорова тек довольно широкий ручей смеси красного и белого вина, и проходившие по улице красноармейцы черпали из него иногда даже шапками и пили вино вместе с грязью. Командиры сами выпускали вино из бочек, чтобы скорее прекратить пьянство и восстановить какой-нибудь порядок в армии. Пьянство продолжалось целую неделю, а вместе с ним и всевозможные, часто самые невероятные насилия над жителями».

Красноармейцы, размещавшиеся в уже заселенных квартирах, старались освободиться от жильцов. «Началось безжалостное изгнание стариков, женщин и детей из их квартир, часто даже ночью, когда уже грянули морозы. Изгоняемым позволялось брать с собой лишь по одной перемене белья и одежды. Ни мебели, ни посуды брать нельзя было»⁷¹⁸.

С прекращением пьянства началась организация власти. 14 ноября формируется новый Крымский революционный комитет – высший и чрезвычайный орган власти во главе с Бела Куном (его заместитель – Ю. П. Гавен, члены: С. М. Меметов, С. И. Идрисов, А. М. Лидэ (Лиде), С. Д. Вульфсон-Давыдов). Приказом № 1 Крымревкома от 16-го ноября «всем рабочим и служащим правительственных, общественных и частных учреждений и предприятий предписывается оставаться на своих местах и подчиняться всем распоряжениям революционной власти. Уклонение от выполнения сего распоряжения будет рассматриваться как саботаж и будет преследоваться по законам военно-революционного времени»⁷¹⁹.

Вскоре сеть ревкомов покрыла полуостров. Это были: уездные, районные (для заштатных городов), волостные и сельские.

В теснейшем контакте с Крымревкомом работал Крымский областной комитет РКП(б), секретарствовать в котором с 30 ноября была прислана из Москвы профессиональная

революционерка Р. С. Самойлова (Залкинд, Землячка). В Областком вошли: Ю. П. Гавен, Д. И. Ульянов, О. А.-Г. Дерен-Айерлы (Ибрагим) и Л. П. Немченко.

Полномочия борьбы с контрреволюцией возлагались на особые отделы 4-й армии, Морского ведомства (Черного и Азовского морей), политотделы на местах, подразделения ВЧК. Причем все эти органы действовали параллельно, зачастую по собственному усмотрению. 19 января 1921 года на полуостров прибыл С. Ф. Реденс, полномочный представитель ВЧК на территории Крыма. 18 апреля принято решение ликвидировать особые отделы 4-й армии и Черного и Азовского морей, а также реорганизовать Симферопольскую городскую ЧК в Крымскую областную ЧК с особым отделом при ней и с непосредственным подчинением ВЧК.

В распоряжении ЧК (затем ГПУ) имелись собственные вооруженные силы, со временем развернутые в Крымскую отдельную бригаду ВЧК720. 17 июня 1921 года в Крыму сформированы части особого назначения (ЧОН), расформированные только летом 1924 года. Помимо этих структур, карательные функции выполняли части Красной армии, милиция, «рабочие отряды» и «отряды сельской самообороны». Действовала система революционных трибуналов. Крым был разделен на семь судебных округов с образованием в каждом из них уездных бюро юстиции, в административном подчинении которых находились: участковые народные суды, народные следователи, пункты бесплатной юридической помощи и места заключения.

Действия различных репрессивных органов по борьбе с антибольшевистскими выступлениями в 1921 году координировались Особым совещанием по борьбе с бандитизмом при Крымревкоме, в 1922-м – Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, позднее – СНК Крымской АССР721.

Вся работа проходила под лозунгом: «...Заколотим наглухо гроб уже издыхающей, корчащейся в судорогах буржуазии»722 (из воззвания Джанкойской организации РКП(б)).

Была организована Чрезвычайная комиссия по переселению рабочих в дома буржуазии. Имущие слои беспощадно обирались, при этом под видом изъятия излишков осуществлялся банальнейший грабёж. Проводилась повсеместная национализация предприятий промышленности, транспорта, банков, земли и ее недр, лесов, имений, театров, учреждений культуры и образования, памятников старины и искусства.

Началось восстановление хозяйства. 17 декабря Крымревком издал приказ об ускорении работ по постройке железнодорожной ветки Сюрень (ныне станция Сирень) – Бешуйские угольные копи, начатых еще при П. Н. Врангеле. При этом «всякий, самовольно оставивший постройку, будет считаться дезертиром и предаваться суду по законам военного времени». Узкоколейка до с. Коуш была проложена к 24 апреля 1921 года723. Вскоре по ней пошли составы с добытым углем.

Нехватка разменных денежных знаков вынудила возобновить печать банкнотов с использованием клише денежных знаков второго Крымского краевого правительства.

Началось решение аграрного вопроса. Провозглашалось незыблемое право на пользование землей всего трудового населения. Начался учет земли и численности сельского населения. 15 августа I Всекрымский съезд представителей уездных и районных земельных отделов принял примерные нормы обеспечения крестьян землей по различным регионам полуострова. 13 декабря Областком признал полезной практику создания в Крыму комитетов бедноты, активными сторонниками которых выступили татарские работники И. К. Фирдевс и С. М. Меметов. Противником «комбедизации» крымского села был Ю. П. Гавен. Несколько позднее он подчеркивал: «Наша общая политическая линия в отношении крестьянства на данном этапе развития революции несовместима с политикой применения административного принуждения в целях расслоения крестьянства»724.

8 января 1921 года Крымревком решил переименовать Ялту в Красноармейск, поскольку, во-первых, Ялта оказалась конечным пунктом наступления Красной армии в 1920 году на юг и, во-вторых, «с названием Ялта связывалось представление о городе-курорте, являвшемся прежде центром разврата и разгула кутящей буржуазии»⁷²⁵. Однако при обсуждении правомерности этого переименования 25 августа 1921 года в Областкоме 10 голосами «за» против 2-х и 3-мя за двойное название – Ялта-Красноармейск решено было вернуть городу его историческое имя⁷²⁶.

В городском саду Симферополя властями был снят с постаamenta памятник Екатерине II. Из цемента, гипса и арматуры срочно были сооружены символический пролетарий, разбивающий оковы земного шара, бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Одновременно предпринимаются меры по сохранению материальных и культурных ценностей, находившихся в бывших имениях знати на Южном берегу Крыма. Для этого уже

18 ноября 1920 года создается специальный орган – Южсовхоз. Его культурно-просветительский отдел возглавил профессор Таврического университета, ботаник В. И. Палладин, академик Российской академии наук⁷²⁷.

14 февраля 1921 года Крымревком издает приказ об учете памятников и предметов старины. Приказом Крымревкома от

11 августа 1921 года национализированы и переданы в ведение Крымохриса (отдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусств Крымнаробраза) «все художественные, исторические и бытовые памятники прошедших культур». Без разрешения Крымохриса учреждениям и частным лицам запрещалось раскапывать, использовать, переделывать и перестраивать памятники. Органы власти и милиции обязаны были «следить за исполнением настоящего приказа и привлекать нарушивших его к строжайшей ответственности, оказывая всевозможное содействие Крымохрису и его районным отделениям»⁷²⁸.

При этом следует иметь в виду, что вопросы учета художественных ценностей имели и чисто утилитарный характер. Часть их планировалось вывозить за границу. 21 марта 1921 года в Красноармейск отправлена телеграмма Крымревкома о необходимости в связи с заключением торгового договора с Англией срочной подготовки «сырья для экспорта». Под этим самым «сырьем» подразумевались предметы культурного наследия⁷²⁹.

Активное участие в сохранении культурного наследия принимает поэт М. А. Волошин, получивший охранное свидетельство на свою библиотеку в Коктебеле и «охранную грамоту» на дом, отведенный (за исключением трех комнат) «для устройства Коктебельской художественной колонии для членов Всерабиса (Всероссийского профессионального союза работников искусств. – Авт.)»⁷³⁰. Правда, при этом в духе времени он ратует за уничтожение безвкусных, с его точки зрения, дворцов богатых предпринимателей на набережной в Феодосии, предлагает запретить «костюмы буржуазного типа» – особенно мужские, пишет стихи, посвященные Сибирской 3-й дивизии, занявшей Феодосию, Ф. Энгельсу, участвует в проектировании памятника «Освобождение Крыма» на месте снесенного монумента Екатерины II в городском саду Симферополя⁷³¹, 18 марта 1921 года на концерте, посвященном 100-летию Парижской коммуны, в 1-м Советском театре в Симферополе читает свои переводы из В. Гюго⁷³².

Власти начинают работы по борьбе с неграмотностью.

Но исключительное место в их деятельности заняла борьба против иных политических сил. Не один раз рассматривался вопрос об очищении крымской парторганизации от бывших членов других партий. В результате чистки 1921 года из 4608 коммунистов исключено было 1533 человека⁷³³.

Что касается меньшевиков и эсеров, то их решено было попросту выслать из Крыма.

Среди высланных оказался

В. А. Базаров. Под таким политическим прессом перерегистрация профсоюзов в 1921 году передала, естественно, бразды правления в них большевикам. Меньшевистский Крымпроф был распущен. Всекрымский съезд меньшевиков, проходивший в августе 1924 года, принял решение о самороспуске организации и коллективном вступлении в РКП(б). В апреле того же года самораспустилась и эсеровская организация.

В 1921 году было арестовано 49 членов Союза русского народа, из них 23 сразу же расстреляны, другие заключены, видимо, на время, в тюрьму⁷³⁴. Правда, черносотенцы были открытыми и непримиримыми врагами. Были изолированы и высланы из Крыма члены армянской партии Дашнакцутюн.

В январе 1921 года попытались легализоваться вчерашние союзники большевиков – левые эсеры. Областком, куда был направлен этот запрос (усмешка истории: одна партия просит легализации у другой), наложил вето. В декабре 1920 года Симферопольская инициативная группа анархо-синдикалистов, среди которых были активные участники революции и гражданской войны (например, знаменитый А. В. Мокроусов), обратилась в Крымревком со своей платформой с просьбой о разрешении деятельности группы. Им было отказано.

Еще 14 ноября 1920 года на заседании в Харькове с участием Л. Д. Троцкого и Л. П. Серебрякова была решена судьба махновцев. 17 ноября М. В. Фрунзе отдает приказ на передислокацию войск для перехода к действиям их по ликвидации. Отдельный конный корпус Н. Д. Каширина сосредотачивается в Евпатории, где дислоцировалась Крымская группа войск Союза революционных повстанцев Украины (махновцев) под командованием С. Н. Каретникова, участвовавшая вместе с красными в штурме Перекопа. Операцию против этой группы возглавил лично Фрунзе, 25 ноября прибывший в Симферополь. В этот же день сюда были вызваны Каретников и начальник полевого штаба махновцев П. Гавриленко, которые были арестованы и вскоре расстреляны. 26-го в приказе по армиям Южного фронта сообщалось о том, что Н. И. Махно и все его отряды объявляются врагами Советской республики и революции, подлежат разоружению, а оказывающие сопротивление – уничтожению. Крымская группа, оказавшаяся теперь под командованием А. С. Марченко, снялась с позиций у Евпатории утром

27 ноября, двинувшись на север, присоединяя к себе группы красноармейцев, и смогла с боями вырваться из Крыма. За три дня боев махновцы потеряли 4-й кавалерийский полк, его остатки (107 человек) вместе с командиром попали в плен. В плену также оказались небольшие махновские части в Симферополе и Джанкое, в том числе штаб Каретникова в количестве 40 человек⁷³⁵.

Преследовались сионисты. Некоторые из них были расстреляны. Правда, до поры до времени сохранялись организации вроде Гехолуц и Ахдус, действовавшие через различные товарищества, артели, сельскохозяйственные кооперативы, клубы и т. д. До 1922 года в Симферополе существовал клуб Маккаби. В сельхозкооперативах вела работу Сионистско-социалистическая партия. Определенное оживление сионистского движения в начале 1920-х годов связано с тем, что через

Крым продолжал проходить значительный поток эмигрантов в Палестину, а также с началом еврейской колонизации. Впоследствии сионистское движение на полуострове было разгромлено⁷³⁶.

Единственной партией, которой удалось на время добиться легализации в Крыму (4 февраля 1921 года), была Коммунистическая Поалей-Цион (Еврейская коммунистическая партия, выделившаяся из Поалей-Цион в 1920 году). Однако в 1922 году произошел очередной раскол: ряд руководителей ЕКП отказался от «палестинизма», то есть пункта программы об

активном содействии эмиграции евреев в Палестину, и в декабре 1922 года ЕКП приняла решение о разрыве со Всемирным еврейским коммунистическим союзом Поалей-Цион и «безоговорочном вступлении в РКП(б)» со всем имуществом и архивными материалами.

Областком поставил своей целью достижение «полного контроля» над советами, профсоюзами, хозорганами и кооперативами. Устранение политических конкурентов максимально облегчило эту задачу.

Закручивались гайки и в сфере образования и культуры. С целью очистки от «неблагонадежных» преподавателей и студентов Таврического университета 23 декабря 1920 года областной комитет РКП(б) постановил предложить Крымревкому немедленно ликвидировать факультет общественных наук, филологический, а списки студентов и преподавателей передать КрымЧК, распустить весь университет, за исключением медицинского факультета, за которым установить наблюдение, и начать реорганизацию этого учебного заведения. Реализация данного решения не заставила себя долго ждать. Заодно ликвидировались Юридический институт в Севастополе и Боспорский университет в Керчи. В этих условиях 12 января 1921 года от должности ректора Таврического университета отказался академик В. И. Вернадский, вместо него был назначен профессор А. А. Байков. Таврический университет был преобразован в Крымский университет имени товарища М. В. Фрунзе. 25 января комиссия Крымского отдела народного образования приняла решение о «перемене пребывания в Крыму» большой группы профессоров и отправке их в Москву. 23 февраля В. И. Вернадский в составе этой группы под усиленной охраной ЧК отбыл из Симферополя в Москву⁷³⁷.

Не сумел задержаться в Крыму и писатель С. И. Гусев-Оренбургский. 18 декабря 1920 года вместе с женой Е. И. Хатаевой, камерной певицей, они прибыли на полуостров в надежде на литературные и концертные заработки и с целью укрепления здоровья. Сообщениям о кровавом терроре они не верили, но вскоре выяснилось, что это правда. Да и заработков в Крыму не оказалось. В январе 1921 года супруги покинули негостеприимный полуостров⁷³⁸.

Решением ГПУ от 23 августа 1922 года выслан за границу известный правовед, доктор международного права А. Л. Байков. В конце декабря 1922-го по требованию властей вместе с семьей из Севастополя отбыл в эмиграцию выдающийся мыслитель С. Н. Булгаков⁷³⁹.

Областком разворачивает работу среди национальных меньшинств, пытаясь вовлечь их в коммунистическое строительство.

Крымские татары, большинство которых составляла беднота, встретили новые власти надеждой на изменение своего положения к лучшему. 25 ноября 1920 года в Крымревком с докладной запиской обращаются семь членов ЦК Милли-фирки во главе с председателем ЦК С.-Дж. Хаттатовым. В записке содержится любопытная концепция о противостоянии европейскому империализму двух сил – Советской России и «порабощенного мусульманского мира». Отсюда следует вывод: Советская Россия «является первым верным и естественным союзником угнетенного мусульманства...» Правда, оговаривается далее, между этими двумя силами имеется расхождение – «не в принципах, а лишь во времени, месте и способах осуществления» «коммунально-коммунистического» идеала». Здесь просматривается прямой намек на то, что «быт, особенности, психология и традиции мусульман» несовместимы с идеей диктатуры пролетариата. Далее в записке обрисованы заслуги Милли-фирки: «... В результате 3-летней деятельности партии сегодня уже можем утверждать, что татарский народ приближается к окончательному освобождению от предрассудков, рабского подчинения влиянию фанатичных мулл, властолюбивых мурзаков-помещиков. (...) Милли-фирка освободила женщину-татарку от тысячелетнего семейного, общественного и религиозного рабства...» Созданы начальные училища в каждом уезде, женская учительская школа в

Симферополе, татарское среднее художественное училище и учительская семинария в Бахчисарае, реформирована Бахчисарайская высшая духовная семинария. «Если будет признано, – заключает записка, – что Милли-фирка вела в Крыму общественную борьбу и сыграла революционную роль, то Милли-фирка добивается: 1) легализации Милли-фирка, 2) передачи татарских религиозных, просветительских дел и вакуфов в ведение «Милли-фирка», 3) разрешения издания газеты «Миллет», литературных и научных журналов и книг». И все это – в тесном сотрудничестве с Советской властью⁷⁴⁰.

Крымревком, видимо, передал записку в Областком, где она и была рассмотрена 30 ноября 1920 года. Резолюция: «1) о Милли-фирке. 1. Резолюцию (принять. – *Авт.*), отвергавшую соглашение с группой в целом как вредным и ненужным пережитком. 2. Начать кампанию против «Милли-фирке» (так в тексте. – *Авт.*) устной и письменной агитацией. 3. Издать брошюру, направленную против «Милли-фирке». Поручить написать ее тов. Фирдевсу»⁷⁴¹. Это означало запрещение партии.

Следует отметить, что крымские татары не слишком охотно пополняли ряды коммунистической партии. Посетивший с 13 февраля по 29 марта 1921 года Крым в качестве представителя Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР казанский татарин М. С. Султан-Галиев в своем докладе наркомнац И. В. Сталину (копия – в ЦК РКП(б)) отмечал: «Слабо поставлена работа и среди национальных меньшинств, особенно среди татар. (...) В частности, одной из главных причин слабости партийной работы среди татар является, как на это указывают и сами татарские работники, отсутствие у Областка какой бы то ни было позиции в определении социальной базы, опираясь на которую, татарские работники могли бы вести работу».

Некоторые меры, проводившиеся в Крыму, не могли не возмущать крымско-татарское население. Так, по словам М. С. Султан-Галиева, греки – сотрудники особых отделов – на Южном побережье Крыма используют свое положение «в целях сведения личных счетов «национальной вражды» с татарами и турками и, путем ложных доносов на них и симуляцией их контрреволюционности, добиваются посылки на них карательных отрядов и экспедиций». Не согласен Султан-Галиев и с преследованием бывших «курултаевцев», особенно тех, «кто при Врангеле активно боролся с ним и поддерживал красно-зеленых». Репрессивная в отношении крымских татар политика, считает он, терроризирует местных жителей и способствует тому, что «татарское население, опасаясь арестов и облав, ночует вне дома – у соседей или в соседних деревнях. Многие уходят в горы и присоединяются там к зеленым. В некоторых селениях до половины населения уже ушло в горы». Впоследствии такая политика была изменена.

Отметил Султан-Галиев и неудачи в деле национального образования и культуры в Крыму, поскольку «90 % помещений Наробраза занято под военные учреждения, казармы и лазареты», татарская учительская семинария закрыта, «так как помещение ее занято под какую-то воинскую команду», татарская драматическая студия «помещается в одной грязной комнате, которая одновременно служит и общежитием для курсантов». Имеют место и ошибочные действия русских работников в сфере образования по отношению к коллегам – крымским татарам.

Плачевная ситуация сложилась и в деле здравоохранения среди крымских татар. «В татарских селениях Крыма нет ни одной больницы, ни одной лечебницы, ни одной лаборатории», а новая власть «не принимает, да и не может принять при теперешнем своем состоянии, необходимых радикальных мер» к изменению данной ситуации⁷⁴².

В обзоре «О происхождении и развитии национально-освободительного движения татар в Крыму», подготовленном крымским ГПУ, видимо, в конце 1922–начале 1923 года и

подписанным его председателем С. Ф. Реденсом и другими, отмечалось: «Для отношения крымских татар к коммунизму характерно, что из их среды почти никто не пошел в партию.

Татарские партийные работники в Крыму почти все казанские татары. Немногочисленных крымских татар коммунистов татарское население категорически не признает своими представителями. Татары активно пошли работать в национальные отряды Наробраза, Собес, поддерживая всячески культурные начинания, воздерживаясь от политической поддержки Соввласти...», но «под сильным татарским влиянием делались татарам всяческие авансы». Бывших членов Милли-фирки, обладавших необходимыми знаниями, пришлось вовлекать в представительные органы, но они «занимаются резкой критикой мероприятий власти»⁷⁴³.

В этот период возникает проблема статуса Крыма. Активно дебатировались вопросы: в составе какой республики (РСФСР или Украины) находится, иметь ли собственную автономию и если иметь, то какого уровня, считать ли, помимо русского, государственным языком на полуострове крымско-татарский язык? Активисты крымско-татарского движения (Б. В. Чобан-Заде, А. С.-А. Озенбашлы, Х. С. Чапчакчи, С.-Дж. Хаттатов и др.) отстаивают концепцию национальной «полной автономии» с правом самостоятельного сношения с границей и ведения внешней торговли. На «полную автономию» претендовали и немцы-колонисты⁷⁴⁴. Возникает идея превращения полуострова во Всероссийскую здравницу. 21 декабря 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». На следующий день Д. И. Ульянов, с 1921 года особоуполномоченный наркомздрава РСФСР и начальник Центрального управления курортами Крыма, на заседании Крымревкома делает доклад об организации в Крыму Всероссийской здравницы, на основании которого в качестве основы дальнейшей работы по реализации этой идеи утверждается приказ об объявлении Сакско-Евпаторийского, Севастопольского, Ялтинского и Феодосийского уездов курортными местностями, имеющими государственное значение⁷⁴⁵.

М. Х. Султан-Галиев имеет свое мнение на этот счет: «Еще до поездки в Крым я находил, что объявление Крыма КРАСНОЙ ЗДРАВНИЦЕЙ до ее (так в тексте. – *Авт.*) политического самоопределения было ошибочным». Он предлагает осуществить «декларирование Крыма автономной Советской Социалистической Республикой с Конституцией, соответствующей Конституции Дагестана и Горской Республики»⁷⁴⁶, то есть фактически территориальной автономией с учетом особенностей полиэтничного региона (в 1921 году в Крыму проживало 719 531 человек, из них: 298 666 (42,2 % от всего населения) русских, 196 715 (26 %) татар, 72 352 (9,5 %) украинца, 49 406 (6,9 %) евреев, 42 350 (5,9 %) немцев, 23 868 (3,4 %) греков, 12 017 (1,7 %) армян, 10 572 (1,5 %) болгарина, 5734 (0,9 %) поляка и других⁷⁴⁷).

Областное совещание татар-коммунистов (в том числе казанских) 13 мая 1921 года принимает резолюцию, в которой констатируется: «Совещание считает вполне революционноцелесообразным государственной формой для Крыма – провозглашение его интернациональной республикой, входящей в Российскую Федерацию, взяв за основу конституцию одной из существующих республик»⁷⁴⁸.

Забегая вперед, отметим, что последнее слово осталось за Центром. 18 октября 1921 года В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. С. Енукидзе подписывают постановление ВЦИК и СНК об образовании автономной Крымской Социалистической Советской Республики. 10 ноября I Всекрымский Учредительный съезд советов принимает Конституцию автономной Крымской ССР, являющейся территориальным многонациональным образованием в составе РСФСР. Создание республики в Крыму обуславливалось как внутренними условиями, так и международными. Приграничная территория в качестве автономии должна была играть роль своеобразного «буфера» между Советской Россией и сопредельными государствами, служить

«витриной» достижений политики Советского государства, особенно национальной, а также являться плацдармом для продвижения мировой революции на Восток⁷⁴⁹.

Первым председателем КрымЦИК избран Ю. П. Гавен, председателем Совета народных комиссаров – казанский татарин С. Г. Саид-Галиев. Из 50 членов КрымЦИКа 18 были татарами (в том числе Б. В. Чобан-Заде; С.-Дж. Хаттатов избран кандидатом в члены КрымЦИК), в первом составе СНК из 15 членов – 4 татар (коммунисты: У. Ибраимов, нарком земледелия; В. Ибраимов¹⁰, нарком рабоче-крестьянской инспекции; К. Хамзин (казанский татарин), нарком просвещения; а также Х. С. Чапчакчи, нарком здравоохранения; все – члены КрымЦИК)⁷⁵⁰.

Самым страшным преступлением коммунистической власти стало возобновление террора, от которого полуостров и так уже пережил немало. Заводной ключ к его механизму находился в Москве. Отсюда были присланы заправила – Бела Кун и Землячка, а также один из руководителей государства – Ю. Л. Пятаков, направленный для общего руководства акцией.

Расправы начались буквально сразу после занятия Красной армией крымских городов. Производились они по приказам военных. Так, в Феодосии в ночь с 16 на 17 ноября на железнодорожном вокзале было расстреляно до 100 раненых офицеров и солдат Виленского полка⁷⁵¹.

17 ноября 1920 года Крымревком издает приказ № 4 о необходимости в 3-дневный срок явиться на регистрацию иностранноподданным, лицам, прибывшим на полуостров после падения власти коммунистов в 1919 году, офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работникам в учреждениях белых. Не явившиеся будут рассматриваться как контр-революционеры и предаваться суду Ревтрибунала по всем законам военного времени⁷⁵². Итак, категории будущих жертв были определены.

Думается, ЦК РКП(б) не случайно остановился на фигуре Бела Куна. Венгерский революционер, переживший поражение революции в своей стране, он считал, что вправе ненавидеть буржуазию и ее «ставленников» лютой ненавистью. Не случайной была и фигура Землячки. Верный солдат партии (один из партийных псевдонимов – Демон), она готова была выполнить любой ее приказ. М. С. Султан-Галиев дал такой отзыв о ней: «...тов. САМОЙЛОВА (Землячка) – крайне нервная и больная женщина, отрицавшая в своей работе какую бы то ни было систему убеждения и оставившая по себе почти у всех работников память «Аракчеевских времен». Не нужно ни к чему нервничание, слишком повышенный тон в разговоре со всеми почти товарищами, чрезвычайная требовательность там, где нельзя было ей предъявлять ее, незаслуженные репрессии ко всем тем, кто имел хотя бы небольшую смелость «сметь свое суждение иметь» или просто «не понравиться» ей своей внешностью, – составляли отличительную черту ее «работы». Высылка партийных работников из Крыма обратно на Север... приняла эпидемический характер. «Высылались» все без разбора, кто бы то ни был, и

---

¹⁰ *Ибраимов Вели* (1888–1928). Родился в Бахчисарайском уезде. Из крестьян. Систематического образования не получил. Работал грузчиком, кофейщиком, типографским рабочим, в 1917 году – владелец небольшой типографии. Сотрудничал в газетах «Терджиман» и «Ва(е)ган Хадими». В национальном движении (левое крыло) с 1917-го. Член Курултая. Член РКП(б) с осени 1918-го. Начальник разведки Кавказского фронта (подавление антибольшевистских выступлений чеченцев и ингушей). С ноября 1921 года – член Крымского областкома РКП(б) (татарская секция). Председатель тройки по борьбе с бандитизмом (1921–1922). Нарком рабоче-крестьянской инспекции в Совете народных комиссаров Крымской АССР (1921–1923). Член КрымЦИКа, его председатель (1924–1928); с апреля 1927 года – кандидат в Совет Национальностей Верховного Совета СССР Противник массового переселения евреев в Крым. 15 января 1928 года арестован и исключен из партии. В январе же снят с должности председателя КрымЦИКа. С 23 по 28 апреля 1928 года в Симферополе состоялся судебный процесс над В. Ибраимовым и еще пятнадцатью обвиняемыми. Выездная сессия Верховного суда РСФСР приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 9 мая 1928 года. 20 июня 1990 года Президиум Верховного суда РСФСР отменил приговор и прекратил дело за недоказанностью обвинения.

не единицами, а целыми пачками – десятками и сотнями. Такая терроризация организации дала самые отрицательные результаты. В бытность тов. САМОЙЛОВОЙ в Крыму буквально все работники дрожали перед ней, не смея ослушаться ее хотя бы самых глупых или ошибочных распоряжений»⁷⁵³.

Если таковые были отношения Землячки со своими партийными товарищами, то можно представить ее ненависть к «классовым врагам», в число которых мог попасть, да и зачастую попадал, любой человек, имеющий несчастье родиться и воспитываться в «неправильной» социальной среде либо сомневающийся в правильности линии партии, причем в понимании самой тов. Самойловой.

Бела Куна и Землячку принято видеть главными вдохновителями и организаторов террора в Крыму. Это не совсем так. То, что они непосредственно причастны к нему, – это факт. Но начались карательные акции, несомненно, по приказу из Москвы. Непосредственными исполнителями их были разного рода особисты, чекисты и военные, командовать которыми ни Бела Кун, ни Землячка не могли. А вот М. В. Фрунзе командные полномочия имел и, разумеется, ими пользовался, поощряя особенно отличившихся. На наградном списке заместителя начальника особого отдела Южного фронта Е. Г. Евдокимова, одного из главных палачей, имеется его резолюция: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности (выделено нами. – *Авт.*) проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно».

С местными работниками сложнее. Позиция «либерала» Ю. П. Гавена хорошо известна. Не думаем также, что активными проводниками политики террора стали крымско-татарские соработники С. М. Меметов и С. И. Идрисов. Явно не тянул на такого и Д. И. Ульянов.

25 декабря 1920 года Крымревком издает приказ № 167, согласно которому всем отделам управления уездных и городских ревкомов в 10-дневный срок со дня опубликования данного приказа необходимо произвести регистрацию всех бывших офицеров, военных чиновников, полицейских, жандармов, сановников, занимавших при царской и врангелевской власти ответственные посты, духовенства, собственников фабрик, заводов, усадеб, садов, домовладельцев, владельцев магазинов, винных погребов, складов, фруктовых лавок, булочных, ресторанов, кафе, гостиниц, директоров фабрик, заводов, театров, и прочих предприятий, стоимость которых по мирному времени превышала 25 тысяч рублей, всех граждан, приехавших в Крым в периоды от 1 февраля 1918 года до второго прихода Советской власти и от 1 июня 1919 года до вступления Красной армии ныне, в качестве эвакуировавшихся при Деникине и Врангеле, проживающих в данное время в Крыму. «Все вышеуказанные лица обязаны явиться на регистрацию в отделы управления. Не явившиеся на таковую будут рассматриваться как контрреволюционеры и предаваться суду Революционного трибунала», – грозно предупреждалось в приказе. Исключение делалось только для лиц, находившихся на службе в Красной армии не менее 3-х месяцев, и членов РКП(б). К претворению в жизнь данного приказа привлекались квартальные комитеты, домовые комитеты, милиция и соответствующие советские учреждения.

Приказом Крымревкома от 3 января 1921 года № 192 всем жителям Симферополя и окрестностей предписывалось сдать оружие в КрымЧК, не исполнившим сие грозил расстрел. Домовым комитетам и лицам, хранящим домовые книги, категорически воспрещалось таковые уничтожать, портить вырывать из них листы. Все домовые комитеты, заведующие гостиницами, номерами, коменданты зданий под личную ответственность обязывались ежедневно сообщать в КрымЧК о лицах, прибывающих на квартиры и комнаты и выбывающих из них. Кроме того, КрымЧК обращалась «ко всем честным гражданам с призывом исполнить свой гражданский долг и помочь ей в деле очистки Крыма от остатков контрреволюционных

банд и отдельных белогвардейцев» и просила «всякие сведения о скрывающихся белогвардейцах, контрреволюционерах и примазывающихся к Советской власти, пролезших в советские учреждения» направлять в КрымЧК, «не стесняясь формой изложения», но с подписью и с указанием адресов заявителей, фамилии которых обещалось сохранить в тайне⁷⁵⁴. Таким образом, всячески приветствовалось и поощрялось доноительство.

Были забыты все обещания амнистии. Никого не интересовало и то, что оставшиеся в Крыму врангелевские офицеры были в большинстве не профессионалами (кадровые уплыли), а мобилизованными, вчерашними служащими, студентами, «людьми свободных профессий». Работали они в тылу, как, допустим, больной туберкулезом сын писателя И. С. Шмелева – подпоручик артиллерии С. И. Шмелев, и пороху, как говорится, не нюхали, тем паче, ни в каких расправах не участвовали. С. И. Гусев-Оренбургский попытался было хлопотать за Сергея Шмелева, но безуспешно. С. Я. Бабахан, узнав, что тот был офицером, прямо сказал: «Значит, незачем хлопотать о нем, был приказ расстрелять всех офицеров...»⁷⁵⁵.

Военные являлись на регистрацию, которая продолжалась в Симферополе несколько дней. «Всех записывали, опрашивая о времени службы, о части, в которой служили и т. п., – свидетельствует очевидец событий, – и группами отправляли в казармы, где содержали под стражей в продолжение недели. Обходились с арестованными очень деликатно, беспрепятственно пускали к ним на свидание родственниц, женщин и детей. Мужчин не пускали, оправдываясь тем, что под видом родственников могут уйти из казармы и арестованные. Позволялось без ограничения приносить одежду, провизию, книги. Все ждали решения о высылке, строили предположения, куда кого пошлют, и уже привыкли к своему положению; многие надеялись, что большевики смилуются и не ушлют их далеко. Ничто, казалось, не предвещало ничего страшного. Город понемногу стал принимать прежний вид, и граждане, мало-помалу, приспособились к новой обстановке, к уплотнениям, к новому правительству, стали мирно заниматься своими обыденными делишками.

Но дней через шесть после ареста совершенно неожиданно перевели группу человек в двести офицеров из казарм в городскую тюрьму. Свидания с этой группой были прекращены.

Прошло три дня... И вот, среди бела дня, когда даже родственников было мало около тюрьмы, открылись тюремные ворота, выехал конный отряд красноармейцев, за ним пешком в полном составе вышла вся переведенная в тюрьму группа офицеров, плотно окруженная двойным кольцом пеших и конных красноармейцев. Их повели по Алуштинскому шоссе и вели пять верст в сад Крымтаева, где жили только двое татар-сторожей, которые и явились единственными нейтральными очевидцами расстрела этих несчастных. Эти татары рассказали, что приведенных сначала отвели в дом, где всю ночь допрашивали. Оттуда раздавались стоны и крики от пыток, которым их подвергали. На рассвете всех офицеров вывели из дома в сад, где разделили на пять групп. Первую группу заставили вырыть себе братскую могилу, и когда она была вырыта, их поставили перед ней и залпом расстреляли. Большинство расстрелянных попадало прямо в могилу.

Вторую группу заставили стащить туда остальных расстрелянных товарищей и закопать могилу.

После этого заставили их вырыть новую могилу для себя. Затем расстреляли новым залпом вторую группу, заставив третью делать то же, что и вторую и т. д. На другой день из казармы была уведена новая партия офицеров, и с ней повторилось то же самое. Таким образом, через короткое время исчезли все арестованные офицеры из казармы. В общем их было свыше тысячи. Расстреливали не только в саду Крымтаева, но и в других местах, например, за вокзалом».

Родственники и друзья вначале шли вместе с колоннами, гонимыми на расстрел, но возле

имения «Салгирка» конвойные запрещали им следовать далее. Из двух татар-сторожей, ставших свидетелями казней, один сошел с ума⁷⁵⁶.

Массовые экзекуции проходили по всему Крыму. Истребляли в тюрьмах, чаще – вывозили сотнями за черту города (в Феодосии это мыс Св. Ильи, «Чумка» близ Карантина, места у Лысой горы; в Судаке – гора Алчак; в Ялте – усадьба казненного нотариуса А. Ф. Фролова-Багреева – «Багреевка», в Севастополе – Максимова дача) и там расстреливали или топили в море.

«Но что особенно обращает на себя в этих расстрелах, – пишет М. Х. Султан-Галиев, – так это то, что расстрелы проводились не в одиночку, а целыми партиями, по несколько десятков человек вместе. Расстреливаемых раздевали донага и выстраивали перед вооруженными отрядами. Указывают, что при такой «системе» расстрелов некоторым из осужденных удавалось бежать в горы. Ясно, что появление их в голом виде почти в сумасшедшем состоянии в деревнях производило самое отрицательное впечатление на крестьян. Они их прятали у себя, кормили и направляли дальше в горы. Насколько это соответствует действительности, трудно сказать, но так утверждают почти все Центральные и местные работники»⁷⁵⁷.

Не следует думать, что жертвами стали только денкинские, врангелевские военные и чиновники. Достаточно было «не рабоче-крестьянского» происхождения, прежней службы в царской армии, в любых небольшевицких вооруженных силах. Упомянутый Евдокимов удостоился ордена Красного Знамени и был награжден им в соответствии с рекомендацией Фрунзе, без публичного об этом объявления за то, что «во время разгрома армии ген. Врангеля в Крыму... с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв (! – *Авт.*) до 30 губернаторов,

50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил возможность появления в Крыму белых банд»⁷⁵⁸.

Среди лишенных жизни во время террора в Крыму встречаются адвокаты, артисты театра, банкиры, беженцы, дворяне, инженеры, интенданты, казаки, крестьяне, купцы, лесники, матросы, писари, помещики, прислуга, предприниматели, рабочие, бывшие сановники, солдаты, священнослужители, служащие, студенты, торговцы, учителя, чиновники военные и гражданские, юристы, бывшие полицейские, пограничники, стражники, судебные следователи, тюремные надзиратели, представители самых разных национальностей.

Юрист Л. М. Абраменко, опубликовавший выявленные (далеко не полные) списки репрессированных и расстрелянных, приводит данные о терроре в отношении членов семьи и «пособников» контрреволюционеров; лиц, сочувствующих белому движению; бойцов и командиров Красной армии, мобилизованных и служивших когда-то в Белой армии, но задолго до Перекопско-Чонгарской операции перешедших на сторону красных; расстрелах махновцев, которых зачастую уничтожали без всякого документирования; медицинских работников, сестер милосердия и служащих обществ Красного Креста; раненых бойцов Русской армии, находившихся на излечении в госпиталях, включая инвалидов, пленных (с 24 ноября 1920 года только в Симферопольском регионе расстреляно более 1700 пленных); рабочих и служащих на строительстве железнодорожной ветки Сюрень – Бешуйские угольные копи; о заключенных в концентрационные лагеря и расстрелянных женщинах за содействие в укрывательстве офицеров; о репрессированных возвращенцах, ранее служивших в белых войсках, но решивших в 1921 году вернуться в Крым из-за границы.

В числе погибших – министры второго Крымского Краевого правительства А. А. Стевен, за которого пытался безрезультатно ходатайствовать ректор Таврического университета В. И. Вернадский, и А. П. Барт; редактор «Таврических Губернских Ведомостей» Н. П. Чоглаков; соредактор либеральных «Южных Ведомостей», подвергающийся репрессиям при белых, А. П.

Лурье; общественный деятель караим А. Я. Хаджи; бывший командир 1-го Крымского мусульманского полка «Уриет» («Свобода») Дж. Аблаев; полупарализованная княгиня Н. А. Барятинская, статс-дама двора Императора Александра III, 1847 года рождения, вместе беременной дочерью и зятем И. С. Мальцовым, внесшим немалый вклад в создание Симеизского курорта⁷⁵⁹; поэт, художник и искусствовед В. С. Бабаджан; протоиерей Андрей Косовский, настоятель Екатерининской церкви в Феодосии (несмотря на 275 подписей прихожан и 112 ходатаев-крестьян⁷⁶⁰) и многие, многие другие.

Менее, чем о самом терроре, известно о проявлениях недовольства и противодействия, которые вызвала эта чудовищная акция. Открытое возмущение происходящим могло стоить жизни. Так, 5 января 1921 года в Евпатории «за публичное осуждение репрессий» был расстрелян священник В. И. Славосников, 1849 года рождения. Преданными казни могли быть и ходатаи за арестованных. Это, в частности, случилось с членами церковного совета В. Х. и С. К. Канаки, вступившимися за арестованного в Бахчисарайской округе священника И. Л. Спано. Несмотря на значительное число подписей в их защиту, собранных на деревенских сходах, все трое были расстреляны⁷⁶¹.

Самойлова подписывает документ: «Путем регистрации, облав и т. п. (под «и т. п.» скрываются, прежде всего, доносы. – *Авт.*) было произведено изъятие служивших в войсках Врангеля офицеров и солдат. Большое количество врангелевцев и буржуазии было расстреляно (напр., в Севастополе из задержанных при обыске 6000 человек отпущено 700, расстреляно 2000 человек), остальные находятся в концентрационных лагерях (семьи расстрелянных высылались из Крыма. – *Авт.*). Действия Особых отделов вызвали массу ходатайств со стороны местных коммунистов – благодаря связи их с мелкой буржуазией – за тех или иных арестованных. Областкомом было указано на недопустимость массовых ходатайств и предложено партийным бюро ни в коем случае не давать своей санкции подобным ходатайствам, а, наоборот, оказать действительную помощь Особым отделам в их работе по окончательному искоренению контрреволюции»⁷⁶² (начало декабря 1920 года).

О недовольстве и растерянности населения свидетельствует, в частности, протокол № 1 заседания бюро Севастопольской парторганизации (декабрь): «Об отношении организации РКП к создавшемуся положению в городе в связи с арестами и обысками. Повести агитацию среди рабочих масс о необходимости искоренения контрреволюционеров»⁷⁶³. Итак, участие в бойне в той или иной форме стало (отличие от 1918 года) прямой партийной директивой.

Кун и Самойлова настаивали на том, чтобы убрать из Крыма «мягкотелых»: довольно популярного Гавена, «ввиду недостаточной твердости и устойчивости»⁷⁶⁴, С. Я. Бабахана, И. К. Фирдева, П. И. Новицкого, друга Гавена Л. П. Немченко и других (реляции в ЦК РКП(б)). Вызывало неудовольствие и поведение Д. И. Ульянова, злоупотреблявшего спиртным. В конце концов, 7 мая 1921 года президиум Крымского обкома РКП(б) обсуждал вопрос «о случае появления тов. Ульянова в нетрезвом виде», на следующий день пленум обкома обратился к ЦК с просьбой об его отзыве из Крыма⁷⁶⁵. Ходатайство было удовлетворено.

В руководстве Крыма назревает конфликт, закончившийся отозванием в начале 1921 года «варягов» – Куна и Самойловой.

После отзыва Землячки из Крыма на время ее заменил член Реввоенсовета 4-й армии А. М. Лидэ, замещавший также должность председателя Крымревкома. М. Х. Султан-Галиев в упомянутом докладе отметил: «Тов. Лиде – большой психически, сильно утомившийся и нуждающийся в отдыхе работник. У него парализованы оба плеча и одна нога, и он с большим трудом двигается. Исследовавшие его недавно врачи утверждают, что переутомление его организма достигло крайних пределов, и что если он не будет лечиться, то через несколько месяцев может сойти с ума. Ясно, что требовать от такого работника умелого руководства

партийной работой было нельзя. Он пошел по пути т. Самойловой, правда, временами с некоторыми ослаблениями, но это «ослабление» носило непостоянный характер и лишь раздражало организацию (областную партийную. – *Авт.*), вызывая в ней внутренние трения»⁷⁶⁶.

С 21 февраля Крымревком возглавил присланный в Крым М. Х. Поляков. По решению оргбюро ЦК РКП(б) от 3 марта на полуостров был направлен И. А. Акулов, ставший секретарем областного комитета РКП(б) и членом Крымревкома, также настаивавший перед ЦК РКП(б) об отзыве из Крыма Ю. П. Гавена, С. Я. Бабахана, И. К. Фирдевса, С. М. Меметова и других. М. Х. Султан-Галиев считал, что он вместе с некоторыми руководителями проявлял «вредную для классового расслоения татар политику «крайней левизны» в национальном вопросе».

Также, по мнению Султан-Галиева, «слишком широкое применение в Крыму красного террора» являлось «первой и очень крупной ошибкой», породившей ненормальность становления советской работы. «Самое скверное, что было в этом терроре, – продолжает он, – так это то, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым желанием честно служить советской власти. Особенно большую неразборчивость в этом отношении проявили чрезвычайные органы на местах. Почти нет семейства, где кто-нибудь не пострадал от этих расстрелов: у того расстрелян отец, у этого брат, у третьего сын и т. д. (...) Такой бесшабашный и жестокий террор оставил неизгладимо тяжелую реакцию в сознании Крымского населения. У всех чувствуется какой-то сильный, чисто животный страх перед Советскими работниками, какое-то недоверие и глубоко скрытая злоба»⁷⁶⁷.

Газетные сообщения об ужасах крымского террора 1920–1921 годов (пароксизм расправ приходится на зиму, потом волна начинает понемногу спадать, до конца 1921 года) собрал и систематизировал С. П. Мельгунов в 1923–1924 годах⁷⁶⁸. Он же приводит различные сведения о количестве уничтоженных. Максимальное число жертв: 120 тысяч (по И. С. Шмелеву), «он утверждает, что официальн. большевистские сведения в свое время определяли число расстрелянных в 56 тыс. человек...»⁷⁶⁹. Современный исследователь С. А. Усов делает вывод о не менее 40 тысячах погибших⁷⁷⁰. Цифра крымского историка В. П. Петрова – 20 тысяч (как минимально доказуемая)⁷⁷¹. Не исключено, что жертв было еще меньше. Во всяком случае, до настоящего времени не обнаружено их массовых захоронений. Не нашли их даже в период оккупации Крыма в 1941–1944 годах, когда нацистам очень хотелось таковые найти. Судя по некоторым сведениям (см., например, стихотворение М. А. Волошина «Террор»), родные и близкие имели возможность извлекать трупы убитых из расстрельных ям с целью их перезахоронения. По рассказу автору дочери А. А. Стевена М. А. Стевен, родственники перезахоронили тело бывшего министра на кладбище в Симферополе. Окончательный итог числу жертв террора подведет только тщательное изучение сохранившихся документов. Нам представляется, однако, что скрупулезные подсчеты жертв (бесфамильно) только притупляют реальное восприятие трагедии.

В связи с недобросовестными политизированными публикациями, расплывшимися в последнее время (о расстрелах чуть ли не десятков тысяч крымских татар и т. д.), подчеркнем, что сельского населения репрессии практически не коснулись.

Чрезвычайное положение сохранялось в Крыму до конца ноября 1921 года. Оправданием его существования служило стремление покончить с остатками «зеленых», теперь уже отчасти «бело-зеленых», в крымских горах и лесах. К декабрю 1920 года их численность составила до 8–10 тысяч человек⁷⁷². В их число вошли и активные противники власти большевиков, и обыкновенные грабители, и лица, скрывающиеся от развернувшегося террора. «Идейные» «бело-зеленые» старались опереться на крестьянство, привлечь его к антибольшевистскому

вооруженному движению. Группы «бело-зеленых» стали расти к середине апреля 1921 года, в основном концентрируясь в районе Алушты и Красноармейска (Ялты). Количество таких групп исчислялось десятками, от 20 до 70 человек в каждой из представителей разных национальностей. Но существовали и отряды, целиком состоящие из крымских татар.

В конце апреля 1921 года Крымревком объявил широкую политическую амнистию в отношении лиц, скрывавшихся от властей. Она продлевалась до 1 июня 1921 года, однако ожидаемых результатов не дала. Наоборот, на май – июнь приходится пик антибольшевистского движения. В это время «бело-зеленые» смогли не только нарушить транспортное сообщение между уездами Крыма, но и в значительной степени парализовать работу местных органов власти. Тем не менее, широкое народное восстание на полуострове поднять не удалось. Этому способствовали как репрессивные меры, так и замена, наконец, подразверстки продналогом. Отметим, что у «белозеленых» так и не появилось своего руководящего центра. Среди «зеленых» произошел раскол, часть групп, в которых численно преобладали мусульмане, повели переговоры с представителями властей о переходе на их сторону. При этом И. А. Акулов выступал за «силовые» меры в отношении «зеленых» повстанцев, неохотно шел на переговоры и компромиссы с ними, в отличие от Вели Ибраимова, в июле 1921 года назначенного уполномоченным представителем от комиссии Всероссийского ЦИК по делам Крыма на переговорах с бандами, действовавшими в горах полуострова. К концу июля сложило оружие 228 повстанцев, прекратили существование пять весьма активных вооруженных формирований⁷⁷³.

Правда, с сентября бандитизм вновь активизировался в Крыму. К концу 1921 года волна «бело-зеленого» движения охватила весь полуостров, с наибольшей остротой оно проявилось с сентября в Бахчисарайском и Ялтинском округах, а позднее – в Феодосийском. Стимулятором этого обострения послужила новая надвигающаяся трагедия – голод. В этих условиях власти пошли на свертывание соглашений о сдаче, подписанных с руководителями «бело-зеленых». Началось «изъятие» тех, кто ранее добровольно сложил оружие, бывших активистов арестовывали, остальных высылали за пределы Крыма. Однако антибольшевистские выступления не прекращались. 8 ноября 1921 года восстали крестьяне Симеиза, вступив в вооруженные столкновения с отрядами ЧОН и КрымЧК, они отступили в горы. Осенью и зимой 1921/1922 года движение «бело-зеленых» продолжалось, его рецидивы отмечались и в 1923 году.

Добавим, что в 1921 году в Крыму действовали и другие подпольные организации антибольшевистской направленности.

Тем временем полуостров охватило страшное бедствие. С сентября – октября 1921 года на полуостров стал неудержимо накатываться голод. В чем причины этого бедствия?

Первостепенная: последствия гражданской войны, разрушившей хозяйство полуострова, которое не выдержало новых нагрузок. В своей докладной записке М. С. Султан-Галиев сообщал, что многочисленные воинские части, прибывавшие на полуострове, «питались за счет Крыма и каждая из них, покидая Крым, увозила с собой очень большое количество «трофейных продуктов», а также лошадей. Отдельные красноармейские отряды занимались грабежами, и никто их от этого не мог остановить (это подтверждали мне и Лиде). Характерно, что в Симферополе, где в мирное время вмещалось не более 80 000 населения, в настоящее время с пребыванием 4-й Армии помещается до 200 000 человек. Ясно, что все это, вместе взятое, создает ужасный экономический кризис во всем Крыму. Продовольственное положение ухудшается изо дня в день. Весь Южный район (потребляющий), населенный преимущественно татарским населением, в настоящее время буквально голодает. Хлеба дают лишь Советским служащим, а остальное население, как в городах, так и в деревнях, абсолютно ничего не

получает. В татарских деревнях наблюдаются уже случаи голодной смерти. Особенно усиливается детская смертность. На Областной Конференции женщин Востока делегатки татарки указывали, что татарские дети “мрут как мухи”»⁷⁷⁴. И это весной 1921 года.

А тут грянули климатические катаклизмы: невиданная за последние 50 лет засуха 1921 года, нашествие саранчи, проливные дожди 1922 года.

Положение усугубила безграмотная, нацеленная на «преодоление» кризиса путем грозных распоряжений, расстрелов и конфискации, вплоть до сапог у рыбаков, термометра у доктора, как пишет И. С. Шмелев, политика местных властей.

Упомянутая выше артистка Е. И. Хатаева оставила свидетельства ликвидации буквально на ее глазах рыночных отношений в Крыму. 18 декабря 1920 года она записывает в своем дневнике впечатление о рынке в Симферополе: «Ну, базар! Чего-чего там нет! Горы фруктов – яблок красных, розовых, желтых, белых; чудесных душистых груш; каштана, мушмулы, винограда [неразборчиво] всякой, всякой «вкуснятины». А какие духи и пудра! И Coty, и Houbigant, и Pugaunt, и Institut de Beaute...

Да чего только нет, черт возьми! И материи, и ботинки, и шелковые чулки. И все очень недорого по сравнению с Харьковом. Но цены уже и здесь за последние два дня повышаются. Я никогда не бывала на базаре, а тут каждый день брожу и покупаю что надо и не надо. Конечно, фрукты, конечно франц[узские] духи, пудру, ботинки и вообще всякую житейскую чушь». Но уже в январе она сообщает «о поднявшейся дороговизне, об отсутствии всякого заработка, о грошовой оплате труда, об исчезновении базара, об отсутствии каких-либо пайков...»⁷⁷⁵

В своей автобиографической повести «Арлекинада. Дневник артистки в дни революции» Хатаева сообщает некоторые подробности. Живописав изобилие Симферопольского рынка, она с горестью констатирует: «Но через неделю наше блаженство кончилось. Какая волшебная палочка есть, махнули ею, и все исчезло. Ничего не осталось, признаков никаких не осталось. Магазины сразу заколотились, базар – пустыня. И куда горы съестного подевались – неизвестно. Не иначе волшебная палочка. И ни за какие деньги ничего не достанешь: ни за денкинские, ни за врангелевские, ни за донские, ни за керенские, ни за романовские, ни за советские, ни за украинские. Одним словом, ни за какие. И опять «шрапнель», и даже без масла»⁷⁷⁶.

М. С. Султан-Галиев с возмущением докладывал о безобразиях, творимых в Крыму чрезвычайными органами и их сотрудниками, чувствующими себя совершенно безнаказанными: «Незаконные реквизиции, конфискации и изъятия стали обычными явлениями. Характерен следующий случай. После

X Съезда Партии и после опубликования в местной печати всех речей, статей и принятых Съездом постановлений об уступках крестьянству, в один прекрасный день Особый Отдел 4-й Армии производил разгон Городского базара в Симферополе. Разгон производили самым бесшабашным и хулиганским образом. Поднимают стрельбу, публику ловят, все у них отбирают, вплоть до обручальных колец. И никто об этом не предупреждается: ни Областком, ни Ревком. Поднимается шум, гам...» Ниже Султан-Галиев рассказывает о так называемом «изъятии излишков» у буржуазии: «начавшись в Центре (Симферополе), оно быстро перекинулось затем в провинцию и в некоторых местах превратилось в хроническую болезнь. Проводилось оно страшно неорганизованно и напоминало скорее грабеж, чем «изъятие». Отбирали буквально все – оставляли лишь пару белья. Мне самому пришлось быть свидетелем такого «изъятия» в г. Алушке. Все партийные и Советские работники были заняты этой работой. Учреждения не работали. «Изъятие» производилось вооруженными отрядами красноармейцев. Красноармейцы почему-то все были пьяны». У татар под видом «излишков» отбирались подушки и одеяла, служащие им вместо мебели. Распределение конфискованного имущества

производилось также неорганизованно. Беднота ничего не получила⁷⁷⁷.

А здесь еще и Центр, грубо говоря, драл с Крыма немилосердно. Беспартийная татарская конференция по докладу председателя ЦИК Крымской АССР и председателя КрымЦКПомгола Ю. П. Гавена постановила: «Расследовать виновников подач статистических сведений о том, что в Крыму 9 миллионов пудов хлеба, в то время как на самом деле было 2 миллиона»⁷⁷⁸. Продразверстка, отмененная X съездом РКП(б) и декретом ВЦИК РСФСР еще в марте, была заменена продовольственным налогом на полуострове только с

1 июня приказом Крымревкома от 31 мая № 373. Политика изъятия хлеба по фантастическим цифрам задания разоряла крестьянство и вызывала резкий его протест, вплоть до попыток восстания на Южном берегу.

Положение усугубили конфискация 1134 имений на побережье и попытка создания на их основе совхозов (большой частью эфемерных и занявших до миллиона десятин земли). Это фактически лишало земли бывших батраков-аренда-торов.

Наркомпрод РСФСР определил в голодном 1922 году продналог для Крыма в 1,2 миллиона пудов, причем запретил засеивать поля до его внесения. Наркомпрод Крыма запротестовал: «...В тяжелом положении Крыма и опасности применения к нему нажима во что бы то ни стало убедились и Член Президиума Помгола ВЦИК тов. Белкин и бывший здесь тов. Калинин, – сообщалось в ЦК РКП(б). – Намеченные... 800 000 п. к 15/ IX были изъяты, причем никакой нужды употреблять какую бы то ни было «активность» не было... Считаем, что упреки, которые посылает ЦК, к нам не относятся...»⁷⁷⁹

Первой наступление голода почувствовала цыганская беднота, перебивавшаяся случайными заработками. Затем настала очередь татарских крестьян, имевших минимальные земельные участки и проживавших в основной массе в Горном Крыму, почти не ведших зернового хозяйства. В ноябре 1921 года были зафиксированы первые смертные случаи от голода. В целом за ноябрь – декабрь погибло около 1,5 тысячи человек⁷⁸⁰. Реакция местных властей первоначально была слабой.

Осенью на полуострове проходила кампания помощи голодающим Поволжья. 9 сентября постановлением Крымревкома создается Крымский комитет помощи голодающим Поволжья. Собирались налоги, и даже вывозилось продовольствие. Из Москвы в Крым шли телеграммы о необходимости принять голодающих из Поволжья, в том числе татарских детей.

Центр, опираясь на завышенные данные крымских властей, отказывался признать республику голодающим районом. Обращения крымчан в ЦКПомгол ВЦИК и другие столичные инстанции (с ноября 1921 года) оставались безрезультатными: буквально крики о помощи тонули в бюрократической трясине множества учреждений.

4 января 1922 года Севастопольский, Ялтинский и Джанкойский округа официально были признаны неурожайными.

И только 16 февраля, когда от голода уже умирали тысячи и тысячи, заседание президиума ВЦИК постановило: «Отнести всю территорию Крымской ССР в число областей, признанных голодающими, со всеми вытекающими отсюда последствиями». (Интересно, что к этому времени имелось негласное решение Политбюро ЦК РКП(б) о прекращении приема всех заявлений о признании отдельных территорий голодающими.)

Президиум КрымЦИКа, учитывая экстремальность ситуации, по собственной инициативе создает еще 1 декабря

1921 года Центральную республиканскую комиссию помощи голодающим – КрымЦКПомгол (с 19 октября 1922-го по 16 августа 1923 года – Комиссия по борьбе с последствиями голода – Последгол). Первым председателем КрымЦКПомгола стал секретарь Областкама РКП(б) А. И. Израйлович. С середины февраля комиссию возглавлял Ю. П. Гавен.

Центральной комиссии подчинялись районные и окружные комиссии по борьбе с голодом. В деревнях функционировали комитеты взаимопомощи, вынесшие на себе всю тяжесть первых месяцев голода.

С января по апрель 1922 года резко расширяется география бедствия, стремительно растет число смертей. За январь умерло 8 тысяч человек. В феврале голодало 302 тысячи, скончались 14 413 (4,7 %), в марте соответственно – 379 тысяч (19 902–2,8 %), в апреле – 377 тысяч (12 753–3,4 %)781. Это составило 53 % населения Крыма.

В мае голодало от 360 до свыше 500 тысяч. 12 мая за подписью Ю. П. Гавена и председателя татарской беспартийной конференции О. А.-Г. Дерен-Айерлы Азербайджанскому СНК отправляется телеграмма: «В Крыму голодает более 400 000 ч., т. е. более 60 % всего крымского населения. От голода погибло уже около 75 000 ч., в том числе больше 50 000 татар. Более одной пятой всего татарского населения погибло от голода»782. К августу численность умерших достигла 86 тысяч783. Наиболее пострадали весь Ялтинский округ, районы – Евпаторийский, Судакский, Карасубазарский (Белогорский), Коккозский, Бахчисарайский, Балаклавский, где голодало практически все население.

Пик голода – март 1922 года. Самый страшный месяц для Крыма, когда основная масса голодающих была предоставлена сама себе. «Стадия эта отличается полным расстройством всех моральных начал и установленных законов человеческого общежития: идут повсеместно грабежи, кражи, убийства и мошенничества. Бандитизм, как один из спутников голода, дошел до высшей точки своего развития»784. Голод разбудил эпидемию тифа, затем появилась холера. На крымской земле разыгрывались сцены, которые трудно представить.

Дадим слово документам.

«Ужасы голода начинают принимать кошмарные формы. Людоедство становится обычным явлением: в Бахчисарае семья цыган зарезала 4-х детей и из (их. – *Авт.*) мяса сварила суп. Цыгане арестованы, и суп с мясом доставлен в милицию; в Севастополе на рынке валяются трупы, причем милиция отказывается (их убирать. – *Авт.*), очень халатно относится к своим обязанностям: по целым дням трупы не убираются. В Карасубазаре регистрируется 25–30 смертных случаев (ежедневно. – *Авт.*). Деятельность компомголов проявляется слабо. Но если в городах заметны кой-какие признаки помощи, то в деревнях голодающие оставлены абсолютно на произвол судьбы. Положение детских приютов улучшается. Волна нищенства усиливается» (выписка из суточной сводки ЧК от 3 марта 1922 года). «Голод с каждым днем в Крыму усиливается и принимает грандиозные размеры. Каждый день сводки с мест сообщают о людоедстве. В Карасубазаре опять обнаружено людоедство. Мать зарезала своего 6-летнего ребенка, сварила его и начала его есть вместе с 12-[лет]ней дочкой. Женщина была арестована и на допросе в милиции лишилась рассудка. По отправлении ее в больницу она скончалась. Местный помгол из-за отсутствия продресурсов не в состоянии дать голодающим возможности существовать хотя [бы] в полуголодном состоянии, вследствие чего и является людоедство и употребление в пищу падали. Весь день на рынке происходит ловля случайно забредших сюда собак. Говорить о[б] употреблении в пищу суррогатов не приходится. Голодные массы в большом проценте питаются воловьей и овечьей кожей, также забирая из кожевенных заводов отбросы, побывавшие в обработке и извести. Больницы переполнены голодающими, которые умирают от истощения. Смертность достигает до 25 человек ежедневно. Голодных в Бахчисарае до трех лет 1793 чел., от трех до 14 – 3270 чел. и взрослого населения 38 584. Помгол получает еженедельно только 17 (неразборчиво. – *Авт.*) 0 пайков. В городе открыто 17 питательных пунктов и два эвакуационного пункта для беженцев и в районе 13 питательных пунктов. В Джанкое крестьяне продают остаток мертвого инвентаря. Смягчить все эти ужасы местные помголы не в состоянии, и нужна быстрая и решительная помощь из центра»785 (выписка из

суточной сводки ЧК от 13 марта).

Голод нанес сильнейший удар по крымско-татарскому населению. Это вызвало тревогу в союзном наркомате по делам национальностей. Его представитель прямо заявил о необходимости предотвратить «гибель целой нации».

Как было уже не раз, в числе особо потерпевших оказалась рядовая интеллигенция. Сельские учителя могли существовать только за счет крестьянского самообложения, на государственном снабжении они не состояли. Поэтому голод, обрушившийся на крестьянство, рикошетом ударил по педагогам. В аналогичной ситуации оказалась и городская интеллигенция. Помгол отказывал в ее просьбах, ссылаясь на СНК, а тот помочь был не в состоянии. Документ свидетельствует (7 июня): археологи, музейные работники умирают от голода – в Севастополе и Керчи скончались 15 человек, 4 близки к смерти, та же картина в Бахчисарае и Евпатории⁷⁸⁶. Зафиксированы случаи кражи детских пайков медперсоналом, получившим меньше своих пациентов.

Весной 1922 года Крым оказался перед лицом полного распада общественных связей. Подобного не было и в самые грозные месяцы гражданской войны, которая и породила голод.

Отдадим должное КрымЦКПомголу. Вначале его работа была хаотичной и малопродуктивной: не хватало ни средств, ни опыта, ни связей. Ощутимые результаты его деятельности заметны с апреля 1922 года. Выделим основные направления.

Во-первых, координация в борьбе с голодом различных государственных ведомств, в том числе военных и морских, Крымсоюза и общественных организаций.

Во-вторых, ввод ряда налогов.

В-третьих, сбор добровольных пожертвований от граждан и учреждений, отчисления от заработка. С декабря 1921-го по апрель 1922 года общая сумма составила 3 460 113 149 рублей (из них 2 миллиарда рублей – из центра) (Для сравнения – уровень цен (Симферопольский рынок, 21 марта): фунт белого хлеба: 150 тысяч рублей; черного – 100 тысяч; говядины – 100; масла сливочного – 500; сахара – 200 тысяч.) От граждан поступило всего 1900 вещей, включая графин, сковороду, две курительные трубки, чернильницу, восемь подушек и т. п. Пожертвования поступали в основном от профсоюзов.

19 апреля КрымОК получил секретное указание ЦК РКП(б) (от 22 марта, подписано секретарем ЦК В. М. Молотовым) об изъятии церковных ценностей, преследовавшее цели не столько помощи голодающим, сколько уничтожения серьезного конкурента. Вторая сессия КрымЦИКа от 4 марта 1922 года постановила: немедленно изъять все ненужные для богослужения ценности «из церквей, синагог, монастырей и проч. с немедленной их реализацией на питпродукты». Выясняется, что по собственной инициативе только церковная община Симферополя (церковь Скорбящей Матери) сдала в пользу голодающих 19 фунтов серебра, 35 золотников золота и около 4 миллионов рублей. Всего же с 1922-го по начало 1924 года в Крыму было изъято следующее количество церковных сокровищ: золота – 1 фунт 23 золотника 25 долей; серебра – 140 пудов 9 фунтов 70 золотников; жемчуга – 22 золотника 38 долей; драгоценных камней – 123 % карата. На средства от изъятия ценностей церкви в мае 1922 года была создана детская трудовая колония (до 200 человек).

На Южном берегу из оставленных владельцами вилл и дворцов были вывезены ценности, произведения искусства. (Всего – на сумму 8 990 870 золотых довоенных рублей или – на 17 405 турецких лир.) Через Крым ЦКПомгол они реализовывались на внутренних и внешних рынках.

В-четвертых, собственная предпринимательская деятельность Помгола и его филиалов (на которую было немало нареканий), организация общественных работ, восстановление сельского хозяйства. Помгол осуществлял бартерные сделки, меняя на продовольствие вино, табак, соль,

драгоценности, кожи, рыбу, кизилловые палки и т. д. Обнаружены сведения об экспедициях по обмену в Москву, Брянск, на Украину, Закавказье и в Турцию. Что касается общественных работ, то с февраля 1922-го по май 1923 года для прокормления участвующих в них было выделено 971 206 пудов хлебопродуктов.

В-пятых, эвакуация «пришлого населения». В январе 1922 года Крым ставит в известность Москву, что здесь скопилось пришлых: до 50 тысяч русских и украинцев, 10 тысяч подданных Турции, 25 тысяч греков, 3 тысячи армян, а также грузины, азербайджанцы, прибалты, поляки, бывшие австро-венгерские военнопленные. С января до 1 мая Крым покинули 6353 человека (без стихийной эвакуации). Предполагалось также вывезти до 5 тысяч турок и до 10 тысяч греков, отправить в Турцию 5–10 тысяч крымских детей с условием возвращения. Сведений о реализации этих планов нами не обнаружено.

В-шестых, и это главное, – развертывание сети столовых, так называемых питпунктов, детских приютов и очагов, продажа хлеба по низким ценам. В июле 1922 года Помгол кормил 51 % голодающих. За весь 1922 год было выдано 1 481 127 пайков (107 228 детских, 408 859 взрослых). За январь – февраль 1923 года – 138 900 детских, 22 000 взрослых.

Правящая партия позаботилась о «подкормке» своих членов. 21 декабря 1922 года секретарь ЦК РКП(б) В. В. Куйбышев подписал строго секретный документ: «Предложить Крымобкому использовать переводимые кредиты для взаимопомощи в первую очередь для удовлетворения нужд коммунистов голодающих районов... Предложить ЦКПоследгола выяснить вопрос о возможности оказания помощи коммунистам голодающих районов Крыма и (в) случае необходимости перевести для этой цели Последголу Крыма соответствующие средства». До этого КрымПомгол выделял 1 % от имеющегося в фонд помощи коммунистам. В феврале 1923 года Президиум КрымЦКПомгола, по решению центра, выделил для голодающих коммунистов 300 тысяч рублей дензнаками и 10 тысяч пудов хлеба.

Наконец, организация поставок из других районов страны и из-за рубежа. Крым официально был «прикреплен» к Грузии, Азербайджану и Московской губернии. Основную часть помощи взял на себя центр. С января по сентябрь 1922 года в Крым поступило 318 691 пуд хлеба.

Вагоны с продовольствием шли из различных областей РСФСР и Украины. Свою лепту в борьбу с голодом внесли Американская администрация помощи (American Relief Administration) – АРА (пакет АРА составлял примерно 500 калорий в день (норма, чтобы не умереть с голоду: 2700). Данные на ноябрь 1922 года), Международный комитет рабочей помощи голодающим в Советской России (Межрабпомгол), международное общество «Верельф», еврейский «Джойнт», миссии Фритьофа Нансена, Папы Римского, голландская и итальянская, турецкая – Красного Полумесяца, американские квакеры, немецкие меннониты, зарубежные татарские, мусульманские благотворительные общества и др. Выделим АРА, оказавшую наиболее существенную помощь. Правда, первый американский корабль с зерном, пришедший 28 февраля 1922 года в Феодосию, доставил его для... Поволжья. Но на 1 сентября 1922 года АРА уже кормила 117 276 тысяч взрослых, 42 293 ребенка, 3100 больных.

Национальные общины крымских татар, евреев, караимов с разрешения КрымЦКПомгола совершали закупки и получали продовольствие от благотворительных организаций в Константинополе.

В 1922 году в Анкару были официально командированы А. С. Айвазов и М. Недим, которые встречались с Мустафой Кемалем (Ататюрком), обещавшим содействие в борьбе с голодом. В Турции был создан центральный комитет по оказанию помощи голодающим Крыма, который приступил к сбору пожертвований. Турецкая власть предложила всем губернаторам организовать на местах комитеты по сбору пожертвований в пользу голодающих. Ситуацией

попытался воспользоваться Дж. Сейдамет, с которым якобы вел тайные переговоры М. Недим, но Мустафа Кемаль отказал ему в приеме.

Крымский союз южнорусских колонистов и граждан германской расы пользовался помощью из Германии.

Столь мощное содействие мирового сообщества помогло сбить накал трагедии. Но с осени 1922-го голод вновь начал набирать силу. Как и в прошлом году, в ноябре стали умирать люди. В этом месяце голодало 90 тысяч человек, в декабре – до 150 тысяч, 40 % взрослого населения. Пришлось опять разворачивать систему поддержки. Теперь это было сделать легче: Крым оставался единственным голодающим районом страны.

К лету 1923 года кошмар голода наконец-то ушел в прошлое.

Общая цифра погибших колеблется в пределах 100 тысяч человек. Это примерно 15 % населения Крыма на 1921 год. Председатель КрымЦИКа Вели Ибраимов подвел итог на XII облпартконференции (январь-февраль 1927 года): «...по данным статуправления, в 21 (–22-м. – *Авт.*) году во время голода погибло около 76 000 татарского населения...»

Бедствие нанесло огромный ущерб и так разрушенному сельскому хозяйству Крыма.

На иждивении государства (июнь 1923 года) оставалось более 150 тысяч детей и до 12 тысяч взрослых. Количество сирот и беспризорных дошло до 25 тысяч, инвалидов и нуждающихся – до 17 тысяч, безработных – до 15 тысяч⁷⁸⁷.

Считаем, что нет нужды в послесловии. История дала свои уроки.

Заключение

Вернемся к нашему исходному тезису. Жителям Крыма война была совершенно не нужна, и они к ней в основной массе не стремились. Но их не спрашивали, их силком тащили то в один, то в другой «рай», а большей частью на них обращали внимание только как на поставщиков хлеба и мяса, ремонтников и строителей или серую скотинку для всевозможных армий – будь то Добровольческая, Красная или Повстанческая. И меньше всего кого-либо из сильных мира того времени интересовало, что все они – люди, которым, как известно, свойственны свои потребности и желания. (Правда, были исключения.)

1917 – начало 1918 года принесли большевизацию Черноморского флота, и моряки возомнили себя вершителями судеб полуострова, устраивая одну за другой массовые расправы и терроризируя население. Попытки нащупать выход из чреватого большой кровью положения, остановить надвигающуюся гражданскую катастрофу – в форме коалиционного Совета народных представителей или Курултая с его Конституцией Крымской Демократической Республики – были обречены. И не только потому, что первый оказался бессилён, а второй замкнулся в собственных устремлениях, изменив тем самым изначальной установке – быть выразителем интересов всех крымчан – и дошел до ностальгии по Крымскому ханству, а большевики были упорны. Нет. В направлении Крыма потянули руки внешние силы, для каждой из которых он представлял огромную ценность: Советская Россия, Германия, Украина, Турция, потом добровольцы и Антанта. Эта экспансия, когда крымчанин засыпал сегодня, не ведая, какая власть начнет отдавать ему приказы завтра и какой флаг ему вывешивать из окна своего дома, породила хоровод правительств и администраций.

1918 год. Социалистическую Советскую Республику Тавриды, большевистско-левоэсеровское руководство которой лелеяло мечту о мировой революции и проводило типичную коммунистическую политику, забывая о решении национальных проблем, сметает германская оккупационная армия, поставившая у власти первое Крымское краевое правительство генерала М. А. Сулькевича. Немецкие штыки обеспечивают порядок и

относительное внутреннее спокойствие. А сам Сулькевич при всей своей вызывающей насмешки старомодной авторитарности, неожиданно обнаруживает качества крымского патриота, однако понимания ни у населения, ни у либерального «общества» не находит.

Рушится кайзеровская Германия, и вместе с ней рушится режим Сулькевича, уступая место новым действующим лицам: Антанте, Добровольческой армии и «демократическому» кадетско-социалистическому второму Крымскому Краевому правительству С. С. Крыма, стремившемуся создать образец для новой, обновленной России.

Новый, 1919 год не приносит ничего, кроме разочарований. Правительство не в силах остановить падение жизненного уровня – а оно прогрессирует и будет прогрессировать до 1923 года, притушить все более открыто проявляемое недовольство, начинает сбрасывать с себя демократические одежды. Большевики в подполье не просто ждут своего часа – они действуют, раздражая власть. Их надежда – Советская Россия – держится и, несмотря на все прогнозы, не собирается рассыпаться в прах.

Большевики снова приходят в Крым, но их летняя КССР – не более чем эпизод. Но, несмотря на кратковременность своей власти, на сей раз коммунисты демонстрируют умение извлекать опыт из собственных ошибок – как минимум – в вопросах национальных. Затем потекли месяцы деникинской чрезвычайщины. Теперь крымчане не удостоились правительства. Хватит с них Главного начальствующего. И белого террора.

«Белая идея» на коне. Она стремится в Москву. Ее манят кремлевские башни.

Но военным мстит их собственная ограниченность, страх потерять поддержку «цензовых». Крестьянам же, прихватившим землю, вовсе не улыбается возвращать ее помещикам, а

Главнокомандующий и его Особое совещание много говорят и обещают, но абсолютно ничего не делают. Они опьянены предчувствием скорой победы...

И крестьянин берет за оружие, пополняя и Красную армию, и армии «зеленых».

Крах Добровольческой армии потряс белый стан.

Остатки добровольцев нашли приют в Крыму, где солдафонствующего Я. А. Слащова – очередного крымского диктатора – сменит... даже трудно подобрать слово, насколько это многозначная фигура, но пусть будет так – реформатор барон П. Н. Врангель.

Наконец-то на земле полуострова появляется человек, у которого есть не только мечта превратить Крым в Землю обетованную, оазис в пустыне гражданской войны, к которому потянутся все российские губернии, но и программа – как этого достичь, и личные возможности: ум, гибкость, решительность, работоспособность. Хватит маршей на Москву, пора изжить «синдром Деникина», – да и сил на марши уже нет: какой маленький Крым – и какая большая Россия, и почти вся – Советская. Пора браться за дело.

Земельная реформа, земская реформа, свобода торговли, признание Францией... Крымско-татарский вопрос – в сторону, подождет. Правда, что-то сильно «зеленые» стали дожимать. Люди бегут в горы, не хотят больше сражаться.

Но операции на Кубани и в Северной Таврии проваливаются. Режим пожирает сам себя, и после замирения Польши с Советами ему не устоять. Вся Россия – против Крыма. 14 ноября последний «белый» пароход покидает воды, омывающие полуостров. Торжествующие победители учиняют дикое кровавое побоище. Еще не насытились.

На территории Крыма почти не велось военных действий. Несмотря на неизбежное разорение, полуостров, по сравнению с соседней Украиной, еще неплохо «сохранился». Однако нелепая политика ревкомовской власти, насаждающей террористические методы правления, довершает разгром экономики.

Последний аккорд гражданской войны в Крыму: голод 1921–1923 годов, унесший больше

жизней крымчан, чем сама война.

2012 год, Симферополь.

Примечания

1 Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 1997.

2 Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь, 2008.

3 Россия: энцикл. слов. / Начатый проф. И. Е. Андреевским продолжается под редакцией К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевского. – Л., 1991. – С. 107–110. (Репр.).

4 Усов С. А. Историко-экономические очерки Крыма: прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства. – Симферополь, 1925. – С. 14, 16.

5 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1957. – Ч. II (Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.)). – С. 12.

6 Южные Ведомости (Симферополь). – 1917. – 6 июля.

7 Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 54.

8 Крым: путеводитель. – Симферополь, 1914. – С. 304.

9 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Симферополь, 1951. – Ч. I. – С. 197–198.

10 Вопошинов Л. И. Октябрь в Крыму и Северной Таврии. – Симферополь, 1960. – С. 9–10.

11 Подсчитано по: Безчинский А. Путеводитель по Крыму. – М., 1901. – С. 72; Крым: путеводитель. – С. 284, 285, 364, 383, 454, 609, 633.

12 Смирнов М. И. Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня: воспоминания о Февральской революции 1917 года. – М., 1991. – С. 78.

13 Кришевский Н. В Крыму (1916–1918 г.) // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. – М., 1992. – Т. 13–14. – С. 83, 85. (Репр.).

14 Абдуппаев С. А. (М.). О рабочем движении татар в Крыму, в частности в гор. Симферополе. (1917–1919): очерки // ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 117. – Л. 30.

15 Коропев В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 года. (Политические партии и власть). – Симферополь, 1993. – С. 23.

16 Смирнов М. И. Указ. соч. – С. 84.

17 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 1.

18 Там же. – Л. 29, 33.

19 Единение (Симферополь). – 1917. – 27 мая.

20 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1193. – Л. 35.

21 Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...» – Симферополь, 2002. – С. 267–296.

22 Южные Ведомости. – 1917. – 23 июня.

23 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 397–398, 419–419 об.; Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 16.

24 Там же. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1295. – Л. 74 об.

25 Южные Ведомости. – 1917. – 15 марта.

26 Там же. – 2 мая.

27 –ский. Из дневника татарина // Южные Ведомости. – 1917. – 28 июня.

- 28 Там же. – 1917. – 20 мая.
- 29 *Смирнов М. И.* Указ. соч. – С. 86, 89.
- 30 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. – М., 1993. – С. 195–196.
- 31 Южные Ведомости. – 1917. – 20 мая.
- 32 *Керенский А. Ф.* Указ. соч. – С. 196.
- 33 *Смирнов М. И.* Указ. соч. – С. 91.
- 34 Крымский Вестник (Севастополь). – 1917. – 14 мая.
- 35 *Королев В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. – С. 7, 9 и др.
- 36 *Баранченко В. Е.* Гавен. – М., 1967. – С.71; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе // Крымский архив (Симферополь). – 2001. – № 7. – С. 302. [Часть 1].
- 37 *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. История и современность. – Симферополь, 2001. – С. 67.
- 38 *Королев В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. – Симферополь, 1993. – С. 28.
- 39 *Баранченко В. Е.* Указ. соч. – С. 71.
- 40 *Гавен Ю.* Возникновение Крымской организации РСДРП(б) // Революция в Крыму. – Симферополь, 1923. – № 2. – С. 8 и др.
- 41 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы / отв. ред. П. Н. Надинский. – Симферополь, 1957. – Т. I. (Март 1917 г. – апрель 1918 г.). – С. 39.
- 42 *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 годах: (хроника событий). [Окт. 1917 – окт. 1918]. – М., 1974. – С. 521.
- 43 Цит. по: *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 году и события 23 февраля 1918 года в Севастополе – С. 311. [Часть 1].
- 44 *Королев В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. – С.21; *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. – С. 64.
- 45 *Королев В. И.* Возникновение политических партий в Таврической губернии. – С. 33.
- 46 *Громов С. Е.* К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопол. гос. ун-та. – 1998. – № 6(45). – С. 61.
- 47 *Прохоров Д. А.* Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления крымских караимов в 1917–1920 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Вып. XV. – С. 575–587.
- 48 *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма). – Казань, 1992. – С. 75.
- 49 *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымско-татарское национальное движение в 1917 – начале 1918 г. // История и археология Юго-Западного Крыма: сб. науч. трудов Бахчисарай. гос. ист. – культ. заповедника. – Симферополь, 1993. – С. 202.
- 50 *Бочагов А. К.* Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму: очерк. – Симферополь, 1930. – С. 38.
- 51 *Елагин В.* Указ. соч. – С. 77.
- 52 *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. – С. 71.
- 53 *Айвазов А. С.* История национального движения в Крыму // Восточный Свет (Москва). – 2005. – № 3. – С. 29–30.
- 54 *Бочагов А. К.* Указ. соч. – С. 24–25, 34. *Зарубин А. Г.* (сост.) Крымскотатарское национальное движение в 1917–1921 гг.: [документы] // Вопросы развития Крыма: (науч. –

практ. дискус. – аналит. сб.). – Симферополь, 1996. – Вып. 3. – С. 6–10.

55 ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 770. – Л. 112–114. Опубликовано: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Милли-фирка – национальная партия крымских татар (1917–1920) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь). – 1994. – № 7. – С. 68–71.

56 *Хаяли Р.* Крымские политические партии: генезис, эволюция, ликвидация (1917–1928 гг.) // Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка». Документы свидетельствуют. Из сер. «Рассекреченная память». Крым. вып. Том 1 / под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост.: А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь, 2009. – С. 121–127.

57 *Айвазов А. С.* Указ. соч. – С. 32.

58 *Ефимов А. В.* Тюремные записки Асана Сабри Айвазова // Восточный Свет. – 2005. – № 4. – С. 68, 71.

59 Там же.

60 *Бочагов А. К.* Указ. соч. – С. 108–113. (*Зарубин А. Г.* (сост.) Указ. соч. – С. 10–13).

61 *Елагин В.* Указ. соч. – С. 89.

62 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5–8, 12–13 и др.

63 Цит. по: *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.) – Симферополь, 1927.

64 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 6–6 об.

65 Голос Татар (Симферополь). – 1917. – 29 июля.

66 Южные Ведомости. – 1917. – 25 окт.

67 Там же. – 24 окт.

68 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 36.

69 Южные Ведомости. – 1917. – 25 авг.

70 Цит. по: *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 72.

71 Цит. по: *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина: док. повествование. – СПб., 1997. – С. 241.

72 Цит. по: *Марина Цветаева.* Неизданное. Семья – история в лицах / сост. Е. Б. Коркина. – М., 1999. – С. 251–252.

73 *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Прелюдия усобицы (Феодосия, окт. 1917 г.) // И. С. Шмелев в контексте славянской культуры. VIII Крымские международные Шмелевские чтения: сб. материалов междунар. науч. конф. – Алушта, 2000. – С. 194–195.

74 Южные Ведомости. – 1917. – 20 окт.; Беспорядки в Феодосии // Известия Феодосийского Совета Солдатских и Рабочих депутатов. – 1917. – 19 окт.

75 *Вопошинов Л. И.* Указ. соч. – С. 33, 50.

76 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 8.

77 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Т. I. – С. 57.

78 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 73. – Л. 8.

79 Цит. по: *Реент О. П., Андрусин Б. И.* ЗЧ'зд поневолених нарсадав (8–15 вересня 1917 р.) (21–28 вересня н. ст.) – Ки'в, 1994. – С. 24.

80 Цит. по: *Губогло М. Н., Червонная С. М.* Крымско-татарское национальное движение. – М., 1993. – Т. 2. Док. Материалы. Хроника. – С. 174. [Издание буквально изобилует неточностями, грубыми ошибками и передержками.]

81 Голос Татар. – 1917. – 14 окт.

82 *Епагин В.* Указ. соч. – С. 92.

83 Голос Татар. – 1917. – 11, 14 окт.

84 *Крестьянников В. В.* Указ. соч. – С. 305–306. [Часть 1].

- 85 Баранченко В. Е. Указ. соч. – С. 74.
- 86 Зарубин А. Г. Октябрьский переворот и провинция (на примере Крыма) // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность: материалы науч. конф., 30 окт. 1977 г. – Кемерово, 1997. – С. 28.
- 87 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Т. I. – С. 97.
- 88 Крымский Вестник. – 1917. – 5 нояб.
- 89 Голос Татар. – 1917. – 1 нояб.
- 90 Цит. по: Епагин В. Указ. соч. – С. 94.
- 91 Цит. по: Баранченко В. Е. Указ. соч. – С. 76. См. также: Епагин В. Евпаторийский Октябрь и начало Соввласти // Революция в Крыму. – Симферополь, 1922. – № 1. – С. 46.
- 92 Гавен Ю. Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. – Симферополь, 1922. – № 1. – С. 19.
- 93 Цит. по: Баранченко В. Е. Указ. соч. – С. 77.
- 94 Бунегин М. Ф. Указ. соч. – С. 82.
- 95 Южные Ведомости. – 1917. – 25 нояб.
- 96 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. I – С. 82–83.
- 97 Южные Ведомости. – 1917. – 2 дек.
- 98 Коронев В. И. Избирательные кампании 1917 года в Таврической губернии // Крымский музей. 1995–1996 гг. (Симферополь). – 1996. – С. 79–80.
- 99 Крым (Симферополь). – 1918. – 10 мая.
- 100 Seydahmet (Kirimer) Cafer. Vazi hatiralari: [из воспоминаний]. – Istanbul, 1993. – S. 207.
- 101 Гавен Ю. П. Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму: Сб. материалов к десятой годовщине советизации Крыма. – Симферополь, 1930. – № 9. – С. 9.
- 102 Южные Ведомости. – 1917. – 16 нояб.
- 103 Борьба за Советскую власть в Крыму. Док. и материалы. – Т. 1. – С. 118–119.
- 104 Кришевский Н. Указ. соч. – С. 102.
- 105 Крестьянников В. В. Указ. соч. // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 248.
- [Окончание].
- 106 Кришевский Н. Указ. соч. – С. 103.
- 107 Цит. по: Бунегин М. Ф. Указ. соч. – С. 105, 107.
- 108 Гавен Ю. Октябрь в Крыму. – С. 17.
- 109 Крестьянников В. В. Указ. соч. – С. 250. [Окончание].
- 110 Цит. по: XV лет советизации Крыма. – [Симферополь], 1935. – С. 15.
- 111 Кришевский Н. Указ. соч. – С. 103–104, 105, 107.
- 112 Голос Татар. – 1917. – 11 нояб.
- 113 Айвазов А. С. Указ. соч. – С. 33.
- 114 Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Ас-Алан (Москва). – 2003. – № 1(10). – С. 152.
- 115 Голос Татар. – 1917. – 11 октяб.
- 116 Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985. – С. 172.
- 117 Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и ком. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 1999. – С. 44, 102.

- 118 Цит. по: *Губогло М. Н., Червонная С. М.* Крымско-татарское национальное движение. – М., 1993. – Т. 2. Док. Материалы. Хроника. – С. 174.
- 119 *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. – С. 153.
- 120 *Айвазов А. С.* Указ. соч. – С. 33.
- 121 Голос Татар. – 1917. – 20 дек.
- 122 *Kirimal E.* Der nationale Kampf der Krimtürken, mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. – Emsdetten, 1952. – S.104–105 / Цит. по: *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. – С. 154–155).
- 123 Голос Татар. – 1917. – 20 дек.
- 124 См. *Зарубин В. Г.* К вопросу о первом опыте конституционного строительства в Крыму // Державно-правові проблеми Швйчного Причорномор'я: історія та сучасність / Вкник Ун-ту внутрш. справ. – Харюв, 1999. – Вип. 7. – Частина 1. – С. 48–53.
- 125 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 60.
- 126 *Seydahmet (Kirimer) Cafer.* Bazi hatiralari. – S. 247.
- 127 Цит. по: *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 102–103.
- 128 Ялтинский Голос. – 1918. – 4 янв.
- 129 *Джан-Кая.* Из записной книжки // Крым. – 1918. – 16 июля.
- 130 Южные Ведомости. – 1917. – 17 нояб.
- 131 Там же. – 16 нояб.
- 132 Там же. – 1917. – 15 нояб.
- 133 Там же. – 1917. – 19 нояб.
- 134 *Крестьянников В. В.* Указ. соч. – С. 249. [Окончание].
- 135 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Т. I. – С. 148–149.
- 136 *Дубко Ю. В.* Советская Республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. – Симферополь, 1999. – С. 58.
- 137 Цит. по: *Баранченко В. Е.* Указ. соч. – С.81.
- 138 *Лобыцын В., Дедичев В.* Еремеевские ночи // Родина (Москва). – 1997. – № 11. – С. 29.
- 139 *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. – С. 164.
- 140 Голос Крыма. – 1917. – 20 дек.
- 141 *Червонная С. М., Гилязов И. А., Горошков Н. П.* Указ. соч. – С. 161.
- 142 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I. – С. 83.
- 143 *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 105, 106.
- 144 *Гавен Ю. П.* Борьба большевистского подполья за Советский Крым // Революция в Крыму: Сб. материалов к десятой годовщине советизации Крыма. – Симферополь, 1930. – № 9. – С. 7.
- 145 *Королев В. И.* Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). – Симферополь, 1994. – С. 23.; См. также: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. I. – С. 52–55.
- 146 *Набатов А.* В столице бывшей республики // Ялтинский Голос. – 1918. – 2(19) июля.
- 147 Цит. по: *Королев В. И.* Таврическая губерния в революциях 1917 года. – С. 52.
- 148 *Фирдевс И. К.* [Воспоминания] // ГААРК – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 776. – Л. 3–5.
- 149 Цит. по: *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 104.
- 150 *Елагин В. А.* Националистические иллюзии крымских татар в период

- социалистической]. революции (1917–1918 гг.): [рукопись] // ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 51 об.
- 151 *Кришевский Н.* Указ соч. – С. 107.
- 152 *Елагин В.* Евпаторийский Октябрь и начало Соввласти. – С. 56 и др.
- 153 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 108.
- 154 ГААРК. – Ф.483. – Оп. 4. – Д. 1225. – Л. 12.; См. также: Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56) // Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. – М., 2004. – С. 197–203.
- 155 *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918–1923. – 2-е изд. (1924). – М., 1991. – С. 91.
- 156 *Набатов А.* Евпаторийское дно // Ялтинский Голос. – 1918. – 4(20) июля.
- 157 *Мельгунов С. П.* Указ. соч. – С. 91.
- 158 Сведения о злодеяниях большевиков в гор. Евпатории (дело № 56). – С. 199, 202–203.
- 159 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1225. – Л. 6–7 об., 10, 16–17, 27–27 об., 53, 55, 58, 59, 179–179 об., 192–192 об.
- 160 *Надинский Н. П.* Очерки по истории Крыма.: Ч. II. – С. 161–162, 163; *Шамко Е. Н.* Коммунистическая партия – организатор борьбы трудящихся против иностранных военных интервентов в Крыму (апр. 1918 г. – апр. 1919 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму: сб. статей. – Симферополь, 1957. – С. 176.
- 161 *Ленин В. И.* С чего начать? // Полн. собр. соч. – М., 1972. – Т. 5. – С. 7.
- 162 *Каппа А.* Ночь ужасов // Крымский Вестник. – 1919. – 23 февраля.
- 163 ГААРК. – Ф. Р-2238. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 14.
- 164 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. – СПб.; Симферополь, 2007. – С. 43–44.
- 165 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 109.
- 166 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 39.
- 167 *Бобков А. А.* Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. – Феодосия; Симферополь, 2008. – С. 157.
- 168 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 110.
- 169 Таврическая Правда (Севастополь). – 1918. – 10 (28) апр.
- 170 Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы. – Т. I. – С. 154.
- 171 *Пасманик Д.* Опасная агитация // Ялтинский Голос. – 1917. – 30 дек.
- 172 *Набатов А.* Былое // Там же. – 1918. – 25 (11) мая.
- 173 Петроградское Эхо / ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 24–24 об.
- 174 Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности) // Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следс. комиссии по расследованию злодеяний большевиков. – С. 206.
- 175 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 108.
- 176 *Набатов А.* Былое // Ялтинский Голос. – 1918. – 25 (11) мая.
- 177 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1285. – Л. 7–9, 27–28.
- 178 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I – С. 85.
- 179 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1285. – Л. 9 об. – 10.
- 180 Там же. – Л. 7.
- 181 *Оболенский В. А.* Крым в 1917–1920-е годы // Крымский архив. – 1994. – № 1. – С. 75.
- 182 *Альмендингер В. В.* Падение Симферополя в январе 1918 года // Сопротивление

- большевизму. 1917–1918 гг. / сост., науч. ред., предисловие и коммент. С. В. Волкова. – М., 2001. – С. 379.
- 183 *Обопенский В. А.* Указ. соч. – С. 69.
- 184 Цит. по: *Епагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 105.
- 185 *Баранченко В. Е.* Указ. соч. – С. 83.
- 186 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 109.
- 187 Цит. по: *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя (январь – апрель 1918 г.) // Крымский архив. – 1997. – № 3. – С. 39.
- 188 Там же.
- 189 *Крестьянников В. В.* Указ. соч. – С. 251–252. [Окончание].
- 190 *Коропев В. И.* Черноморская трагедия. – С. 23.
- 191 *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа // Советов В., Атлас А. (сост.) Расстрел Советского правительства крымской республики Тавриды: сб. к 15-летию со дня расстрела. 24/ IV 1918 г. – 24/ IV 1933 г. – [Симферополь], 1933. – С. 13.
- 192 *Набатов А.* В столице бывшей республики // Ялтинский Голос. – 1918. – 2 (19) июля.
- 193 *А. Г.* Памяти Ф. Ф. Шнейдера // Южные Ведомости. – 1919. – 26 января. О нем и его супруге см. также: *Комисарова В. В.* Крымская династия Шлее. – Симферополь, 2012. – С. 54–55.
- 194 *Набатов А.* В столице бывшей республики // Ялтинский голос. – 1918. – 2 (19) июля.
- 195 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 109.
- 196 *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя. – С. 41.
- 197 *Набатов А.* В столице бывшей республики // Ялтинский голос. – 1918. – 2 (19) июля.
- 198 *Ленин В. И.* Социалистическое отечество в опасности!: [декрет СНК от 21 февраля 1918 года] // Полн. собр. соч. – М., 1974. – Т. 35. – С. 358.
- 199 *Дубко Ю. В.* Указ. соч. – С. 134.
- 200 *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. – Симферополь, 1923. – № 2. – С. 55.
- 201 Известия Севастопольского Совета. – 1918. – 28 февраля.
- 202 Цит. по: *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя. – С. 40.
- 203 См. воспоминания: *Л-рь В.* Как они убивали: (заметка очевидца убийств в севастопольской тюрьме 23 февраля) // Крымский Вестник. – 1918. – 5 июня (23 мая); *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму. – С. 52–56; *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 108. А также: *Зарубин А. Г.* Севастопольская трагедия: к событиям 22–24 февраля 1918 года // Известия Крым. респ. краевед. музея (Симферополь). – 1995. – № 11. – С. 52–59; *Лобыцын В., Дядичев В.* Еремеевские ночи // Родина. – 1997. – № 11; *Зарубин А. Г.* «...Курултай имеет в виду не одних лишь татар...»: к биографии Ч. Челебиева // Клио. Журнал для ученых (СПб.). – 1999. – № 1 (7). – С. 299; Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917–февраль 1918 г.: док. и материалы / сост. В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук. – Севастополь, 2009.
- 204 *Независимый.* Звери на свободе // Крымский Вестник. – 1919. – 23 (10) февраль.
- 205 Цит. по: *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя. – С. 40–41.
- 206 Февральская годовщина // Крымский Вестник. – 1920. – 8 (21) февраль.
- 207 *М.* Памяти погибших (23 февраль 1918–23 февраль 1919) // Там же. – 1919. – 23 февраль; Путь Борьбы (Севастополь). – 1918. – 2 (15) март.
- 208 Таврическая Правда. – 1918. – 24 январь.

- 209 *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму. – С. 53.
- 210 *Л-рь В.* Указ. соч.
- 211 Путь Борьбы. – 1918. – 2 (15) марта.
- 212 Там же.
- 213 Цит. по: *Крестьянников В. В.* Четыре месяца из жизни революционного Севастополя. – С. 41.
- 214 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма.: Ч. II. – С. 77.
- 215 *Независимый.* Указ. соч.
- 216 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп.1. – Д. 84. – Л. 42.
- 217 *Кришевский Н.* Указ. соч. – С. 106, 108.
- 218 *Лобыцын В., Дедичев В.* Указ. соч. – С. 31, 32.
- 219 *Каппа А.* Ночь ужасов // Крымский Вестник. – 1919. – 23 февр.
- 220 *М-ов А.* Помогите маленькому человеку // Там же. – 1919. – 5 марта.
- 221 *Катунин Ю. А.* Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. – Киев, 2002. – С. 32.
- 222 Там же / Таврические Епархиальные Ведомости (Симферополь). – 1917. – № 27–29. – С. 218–219.
- 223 Здесь и ниже факты по: *Русак В.* Пир Сатаны. Русская православная церковь в «Ленинский период» (1917–1924). – Лондон (Канада), 1991. – С. 26; Таврические Епархиальные Ведомости. – 1918. – № 11–15. *Мальгин А. В.* Малоизвестные свидетельства о гонениях на православную церковь в 1917–1918 гг. // Известия Крым. респуб. краевед. музея. – 1994. – № 5. – С. 60–63.
- 224 *Лобыцын В., Дедичев В.* Указ. соч. – С. 29.
- 225 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 776. – Л. 8.
- 226 *Оболенский В. А.* Указ. соч. – С. 72–73.
- 227 *Атлас М. Л.* Борьба за Советы: очерки по истории Советов в Крыму. 1917–1918 гг. – Симферополь, 1933. – С. 95.
- 228 *Волошин М. А.* Молитва о городе: (Феодосия весной 1918 года при большевиках) // Волошин М. А. Путник по вселенным / сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. – М., 1990. – С. 150.
- 229 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 41 об.
- 230 *Штейнбах Е. М.* Профессиональное движение в Крыму: 1917–1927 гг. – Симферополь, 1927. – С. 30, 32.
- 231 *Фирдевс И.* Первый период советской власти в Крыму // Революция в Крыму. – Симферополь, 1923. – № 2. – С. 60.
- 232 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 140.
- 233 Цит. по: *Атлас М. Л.* Указ. соч. – С. 143.
- 234 *Фирдевс И.* Указ. соч. – С. 61.
- 235 О составе СНК Республики Тавриды см.: [*Зарубин В. Г., Зарубин А.* Г] Состав правительств Крыма периода гражданской войны // Известия Крым. респ. краевед. музея. – 1995. – № 11. – С.12.
- 236 Известия ЦК КПСС (Москва). – 1989. – № 3. – С. 102; ГААРК. – Ф. Р-2238. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 19; *Ленин В. И.* Г. К. Орджоникидзе // Полн. собр. соч. – М., 1975. – Т. 50. – С. 49–50.
- 237 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 776 – Л. 8.
- 238 Цит. по: *Советов В., Атлас А.* (сост.) Указ. соч. – С. 37. (В. И. Ленин в упоминавшемся письме указывал на «упрощенную линию» Слуцкого (Указ. соч. – Т. 50. – С. 50).

- 239 Таврическая Республика // Путь Борьбы. – 1918. – 22(9) марта.
- 240 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-130. – Оп. 2. – Д. 669. – Л. 27.
- 241 Там же. – Д. 581. – Л. 95.
- 242 Там же. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 551. – Л. 15.
- 243 Там же. – Д. 114. – Л. 22–23.
- 244 Там же. – Д. 312. – Л. 175.
- 245 См. о ней: *Корнилов В. В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. – Харьков, 2011.
- 246 *Дубко Ю. В.* Указ. соч. – С. 50–51.
- 247 Там же. – С. 61, 63, 79–80.
- 248 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Т. I. – С. 234, 238.
- 249 *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа. – С. 13.
- 250 ГААРК. – Ф. П-150. – Ф. 1. – Д. 45. – Л. 75.
- 251 Там же. – Ф. Р-2238 – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11.
- 252 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Т. I. – С. 237–238, 246–247.
- 253 ГААРК. – Ф. Р-2242. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 11.
- 254 *Хазанов Г. И.* Советская Социалистическая Республика Тавриды // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму: сб. статей. – Симферополь, 1957. – С. 157.
- 255 *Непомнящий А. А.* «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвест. материалы по истории крымоведения в переписке А. И. Маркевича и акад. С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 16. – С. 143.
- 256 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 44.
- 257 *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа. – С. 14.
- 258 *Гарчева Л. П.* Создание Советской Социалистической республики Таврида и деятельность ее ЦИК и Совнаркома. – Днепропетровск, 1981. – С. 20.
- 259 *Хазанов Г. И.* Указ. соч. – С. 155.
- 260 *Дубко Ю. В.* Указ. соч. – С. 56.
- 261 Там же. – С. 107.
- 262 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 9.
- 263 *Фирдевс И.* Указ. соч. – С. 62.
- 264 *Гавен Ю.* Конструирование временного ЦИКа. – С. 13.
- 265 Очерки истории Крымской областной партийной организации / Ред. колл.: Н. В. Багров (председатель), М. Р. Акулов, В. Д. Арбузов, Л. И. Волошинов и др. – Симферополь, 1981. – С. 54.
- 266 *Фирдевс И.* Указ. соч. – С. 58, 63.
- 267 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Ч. I. – С. 228–229.
- 268 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 44.
- 269 *Вопошин М. А.* Молитва о городе: (Феодосия весной 1918 года при большевиках) // Волошин М. А. Путник по вселенным / сост., вступ. ст., коммент. В. П. Купченко и З. Д. Давыдова. – М., 1990. – С. 149–150. [Данный факт также отражен в стихотворении Волошина «Феодосия» (1918)].
- 270 *Дубко Ю. В.* Указ. соч. – С. 168–169.
- 271 ГААРК. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 7, 8.
- 272 *Горбань Т.* Крим в революційних процесах 1917–1920 рр. // Крим в етнополітичному вимірі. – Київ, 2005. – С. 156.
- 273 *Дубко Ю. В.* Указ. соч. – С. 172–173.

- 274 Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы. – Ч. I. – С. 233–236, 239–240.
- 275 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 46.
- 276 *Фирдевс И.* Указ. соч. – С. 63.
- 277 *Дубко Ю. В.* Указ, соч. – С. 146–148.
- 278 ГААРК – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 776. – Л. 19, 20–21.
- 279 Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности) // Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой след. комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. – М., 2004. – С. 211.
- 280 *Советов В., Атлас М.* (сост.). Указ. соч. – С. 91.
- 281 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I – С. 93.
- 282 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1219. – Л. 2.
- 283 *Обопенский В. А.* Указ. соч. – С. 74.
- 284 *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 106.
- 285 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1219. – Л. 119.
- 286 *Гарчев П. I, Кононенко Л. П., Максименко М. М.* Республика Таврица. – Ки'в, 1990. – С. 96.
- 287 *Зарубин В. Г.* К вопросу об этническом конфликте в Крыму (1918 г.) // Русская литература и российское зарубежье: параллели и пересечения. V Крым. междунар. Шмелевские чтения: тезисы докл. науч. конф. 20–25 сент. 1996 г. – Алушта, 1996. – С. 113–115; *Зарубин В. Г.* Годы революции и гражданской войны // Греки в истории Крыма: кратк. биограф. справ. / науч. ред., сост. В. В. Харабуга. – Симферополь, 2000. – С. 56–57; *Зарубин В. Г.* Об этноконфессиональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 401–402; *Зарубин В.* Этноконфессиональный конфликт в Крыму (1918 г.) // Гуржпвсью кторичш читання: зб. наук. праць. – Черкаси, 2007. – С. 287–291.
- 288 *Sejdamet Dz.* Krym // *Zycie Musulmanskie (The Islamic Life)* (Warszawa). – 1990. – № 2 i 3. – S. 78.
- 289 *Семенов И.* Расстрел Совнаркома и Центрального исполнительного комитета Республики Тавриды в 1918 году: воспоминания расстрелянного // *Советов В., Атлас М.* (сост.) Указ. соч. – С. 43–56.
- 290 Там же. – С. 72, примечание.
- 291 *Тархан И.* Татары и борьба за советский Крым // Там же. – С. 16.
- 292 *Семенов И.* Расстрел Совнаркома и Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды в 1918 году. (Воспоминания расстрелянного) // Революция в Крыму. – Симферополь, 1923. – № 2. – С. 122. [Эта редакция воспоминаний И. Н. Семенова отличается от опубликованной В. Советовым и М. Атласом в 1933 году].
- 293 *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Прелюдия усобицы (Феодосия, окт. 1917 г.) // И. С. Шмелев в контексте славянской культуры. VIII Крым. междунар. Шмелевские чтения: сб. материалов междунар. научн. конф. – Алушта, 1999. – С. 196.
- 294 *Советов В., Атлас М.* (сост.) Указ. соч. – С. 102.
- 295 ГААРК – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1219. – Л. 119–125.
- 296 Сведения о злодеяниях большевиков на Южном побережье Крыма (Ялта и ее окрестности). – С. 212.
- 297 *Елагин В.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 106.

- 298 Семенов И. Указ. соч. // Революция в Крыму. – Симферополь, 1923. – № 2. – С. 124.
- 299 Елагин В. Указ. соч. – С. 106.
- 300 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1224. – Л. 4–6.
- 301 Советов В., Атлас М. (сост.). Указ. соч. – С. 74.
- 302 Фирдевс И. Указ. соч. – С. 68.
- 303 Грудачев П. А. Багряным путем гражданской. – Симферополь, 1971. – С. 57.
- 304 Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой след. комиссии по расследованию злодеяний большевиков. – С. 213.
- 305 Оболенский В. А. Указ. соч. – С. 76.
- 306 А. А. Татары и греки // Крымский Вестник. – 1919. – 26 (13) марта.
- 307 Т. Греки и татары // Там же. – 1919. – 4 марта (19 февр.).
- 308 А. А. Указ. соч.
- 309 Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. – Симферополь, 1939. – С. 13.
- 310 Фирдевс И. Указ. соч. – С. 64.
- 311 Бюллетень «Феодосийской Жизни». – 1918. – 9 мая.
- 312 Федюшин О. Украинская революция. 1917–1918. – М., 2007. – С. 169–170, 234.
- 313 Крым (Симферополь). – 1918. – 10 мая.
- 314 Лантев Ю. Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры. – Симферополь, 2000. – С. 77–78.
- 315 Федюшин О. Указ. соч. – С. 226–228.
- 316 Оболенский В. А. Указ. соч. – С. 84.
- 317 Оболенский В. А. Указ. соч. // Крымский архив. – 1996. – № 2. – С. 15.
- 318 Цит. по: Сергийчук В. Кримська політика Павла Скоропадського // Гетьман Павло Скоропадський та Українська Держава 1918 року: наук. зб., присвяч. 125-річчю від народження Гетьмана Павла Скоропадського, та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 р. – Київ, 1998. – С. 14.
- 319 Центральный государственный архив высших органов Украины (ЦГАВО Украины). – Ф. 3766. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 21–23.
- 320 Крым. – 1918. – 10 мая.
- 321 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 2, 5.
- 322 Приложения // Айвазов А. С. Указ. соч. – С. 61–62. (Крым. – 1918. – 15 мая).
- 323 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 14.
- 324 Крым. – 1918. – 21 мая.
- 325 ГААРК – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 56–57; Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии за 1918–1919 гг.: приложения к 57 тому Известий Таврич. учен. архив. комиссии. – Симферополь, [1920]. – С. 27–30; Зарубин А. Г. (сост.). Указ. соч. – С. 43–47.
- 326 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 5.
- 327 Оболенский В. А. Указ. соч. // Крымский архив. – 1994. – № 1. – С. 78.
- 328 Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив (Москва). – 1927. – Т. 3 (22). – С. 101.
- 329 Сергийчук В. Указ. соч. – С. 14.
- 330 Скоропадский П. Воспоминания: конец 1917 года по декабрь 1918 года // Скоропадський П. Спогади: кінець 1917–груд. 1918. – Київ; Філадельфія, 1995. – С. 262.
- 331 Дорошенко Д. І. Історія України 1917–1923 рр. – Київ, 2002. – Т. II. Українська

- Гетьманська Держава 1918 року. – С. 146.
- 332 Там же. – С. 145, 147.
- 333 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 169–170.
- 334 ГААРК. – Ф. 999. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 10–11.
- 335 *Линев К. К., Шарана В. Ф.* Крымское краевое правительство С. Сулькевича // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 228–229.
- 336 Ялтинский Голос. – 1918. – 11(28) авг.
- 337 Там же. – 3 сент. (21 авг.).
- 338 *Скоропадский П.* Указ. соч. – С. 262.
- 339 Крымское краевое правительство в 1918/19 г. – С. 109.
- 340 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 2. – Д. 397. – Л. 18; Д. 399. – Л. 1–5.
- 341 Там же. – Ф. Р-1694. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 62–69; Ф. Р-999. – Оп. 2. – Д. 399. – Л. 18; Ф. Р-999. – Оп. 2. – Д. 399. – Л. 6–10, 17, 14. См. также: *Зарубин В. Г.* К вопросу о территориальном споре между Крымом и Украиной (1918 г.) // *Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы: материалы науч. – практич. конф. 24–25 мая 1996 г.* – Симферополь, 1996. – С. 42–44; *Зарубин А. Г.* К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // *Клио: журн. для ученых (СПб.).* – 1998. – № 2 (5). – С. 212.
- 342 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Л. 19.
- 343 *Дорошенко Д. И.* Указ. соч. – С. 147–148.
- 344 *Скоропадский П.* Указ. соч. – С. 262.
- 345 *Иванець А. В.* Нариси діяльності українських політичних партій в Криму (20 століття) // *Учен. зап. Симфероп. гос. ун-та.* – 1998. – № 6 (45). – С. 65.
- 346 *Мальгин А. В.* Внешняя политика крымского Краевого правительства генерала Сулькевича // *Крымский музей.* 1994. – 1995. – № 1. – С. 56–66. – С. 60.
- 347 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 32, 34.
- 348 Крымское краевое правительство в 1918/19 г. – С. 117.
- 349 *Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого Правительства (Симферополь).* – 1918. – № 6. – Отд. первый. – С. 102–104 / *Фонд Центрального музея Тавриды, КП 11978/364.*
- 350 Там же. – № 1. – Отд. первый. – С. 1–7; К населению Крыма // *Крымско-украинские переговоры: собр. док., касающихся пребывания в Киеве Делегации крым. Правительства.* 26 сент. – 16 окт. 1918 г. – Симферополь, 1918. – С. 69–78; ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 15.
- 351 *Борьба за Советскую власть в Крыму: док. и материалы / отв. ред. М. М. Максименко.* – Симферополь, 1961. – Том II. (Май 1918 г. – нояб. 1920 г.). – С. 50.
- 352 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 25, 47–47 об.
- 353 *Скоропадский П.* Указ. соч. – С. 263.
- 354 *Мальгин А. В.* Указ. соч. – С. 60.
- 355 *Федюшин О.* Указ. соч. – С. 245–246.
- 356 *Линев К. К., Шарана В. Ф.* Указ. соч. – С. 232.
- 357 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 48–48 об., 66.
- 358 *Обопенский В. А.* Указ. соч. // *Крымский архив.* – 1996. – № 2. – С. 19.
- 359 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 180. – Л. 4, 9.
- 360 Там же. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 60 об.
- 361 Там же. – Л. 77 об.-78.
- 362 *Федюшин О.* Указ. соч. – С. 251.

- 363 Крымско-украинские переговоры. – С. 4–5, 8, 20–22, 41–43, 46, 62–65, 67–68; О ходе переговоров, их результатах см. также: *Мальгин А. В.* Указ. соч. – С. 62.
- 364 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1 – Д. 53. – Л. 10.
- 365 Там же. – Д. 135.
- 366 Там же. – Л. 2.
- 367 Собрание узаконений и распоряжений. – № 9. – Отд. первый. – С. 223.
- 368 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 7–8 об., 10 об.
- 369 Там же. – Л. 6. См. также: *Зарубин В. Г., Надикта В. М.* Под командой Сулькевича и Шнейдера // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 109–111.
- 370 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 2. – Д. 398. – Л. 5, 12.
- 371 *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // Отечественная история (Москва), 1995. – № 3. – С. 145–146.
- 372 *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму (1917–1920 гг.) // Крымский музей, 1995–1996 гг. – 1996. – С. 81–82.
- 373 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 19. – Л. 62.
- 374 *Вольфсон Б.* Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. – С. 27–33.
- 375 *Андросов С. А.* Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3–4. – С. 132.
- 376 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 17 об.
- 377 Краткий обзор деятельности первой демократической Думы. 1917–1918 гг. – Симферополь, 1919. – С. 61–63.
- 378 Собрание узаконений и распоряжений. – № 7. – Отд. первый. – С. 163.
- 379 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 60.
- 380 Крымский Вестник. – 1918. – 22 окт.
- 381 Там же. – 22 окт.; ГААРК – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 89–89 об.
- 382 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 1–3.
- 383 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918. – Минск, 2002. – С. 73.
- 384 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 90; Ялтинский Голос. – 1918. – 14 ноября; *Винавер М.* Наше правительство. (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). – Париж, 1928. – С. 225–226.
- 385 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 85–86.
- 386 Ялтинский Голос. – 1918. – 29 нояб.
- 387 *Давыдов А.* Воспоминания, 1881–1955. Изд. 2-е, испр. – Париж. – 1983. – С. 179–180.
- 388 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 284.
- 389 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 99, 118, 119; *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма.: Ч. II. – С. 125; *Шамко Е. Н.* Указ. соч. – С. 175.
- 390 *Волков В. П.* Большевики в борьбе за разложение войск англо-французских интервентов в Крыму в 1918–1919 гг. // Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. – Симферополь, 1958. – С. 46.
- 391 Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы. – Том II. – С. 127.
- 392 *А. В.* Дневник обывателя (26 июля 1918 г. – 4 апреля 1919 г.) // Архив русской революции. – Т. IV. – С. 242 (Репр.)
- 393 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 191–192.
- 394 Южные Ведомости. – 1918. – 26 нояб.
- 395 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 17. – Л. 1–1 об., 4, 5; *Винавер М.* Указ. соч. – С.

229.

396 *Оболенский В. А.* Указ. соч. // Крымский архив. – 1996. – № 2. – С. 20.

397 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 65–69, 70, 73, 75.

398 Там же. – С. 63.

399 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 87–88 об., Оп. 1. – Д. 98. – Л. 14; Крымское краевое правительство в 1918/19 г. – С. 128–129.

400 Крымский Вестник. – 1919. – 6 февр.

401 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 118–118 об; Крымский Вестник. – 1918. – 28 нояб.

402 *А. К.* Указ. соч.

403 Крымское краевое правительство в 1918/19 г. – С. 133.

404 *Набоков В.* Власть миражей // Ялтинский Голос. – 1918. – 14 нояб.

405 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 176.

406 Крымский Вестник. – 1918. – 28 нояб.

407 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 51.

408 Там же. – Л. 127.

409 Там же. – Д. 5. – Л. 5–5 об.

410 *Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму [отрывок] // Крымский архив. – 1999. – № 4. – С. 86.

411 Ялтинский Голос. – 1918. – 13 дек.; ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 224.

412 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 184.

413 *Зарубин В. Г.* К вопросу о денежном обращении и денежных знаках в Крыму. – С. 82.

414 Крымский Вестник. – 1919. – 23 (10) марта.

415 Там же. – 1919. – 30 (17) января.

416 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 21. – Л. 3 об.; Д. 1. – Л. 125.; Оп. 4. – Д. 5. – Л. 4; Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 407, 209, 212, 256, 271, 285, 266, 370, 371.

417 *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Культурная политика Краевых правительств (М. А. Сулькевича и С. С. Крыма (Неймана) (июнь – нояб. 1918 г.; нояб. 1918 г. – апр. 1919 г.) // Русская культура и Восток: Материалы III Крым. Пушкин. чтений. – 13–19 сент. 1993 г. – Бахчисарай; Симферополь, 1993. – С. 76.

418 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 128.

419 *Винавер Е.* От издателя // *Винавер М.* Указ. соч. – С. V

420 *Королев В. И.* Политические партии Украины и Крыма. – С. 123.

421 Цит. по: *Гуковский А. И.* Французская интервенция на юге России в 1918–1919 гг. – М.; Л., 1928. – С. 162.

422 Крымский Вестник. – 1919. – 6 февр. (24 янв.); 22 (9) февр.

423 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 75–77, 96; Крым. – 1919. – 3 янв.

424 К борьбе с большевизмом // Крым. – 1919. – 9 марта.

425 *Танмаджа* (с крымско-татарск. букв. «загадка» – явный псевдоним. – *Авт.*). Восточная демократия (для любопытствующих) // Там же. – 14 февраля.

426 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 18. – Л. 1; Крымский Вестник. – 1919. – 7 марта (22 февр.).

427 *Seydahmet (Kirimer) Cafer.* Vazi hatiralar. – S. 319.

428 Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО). – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 621. – Л. 193. (Бюллетень политотдела информбюро Наркомата иностранных дел УССР и Закордота ЦК КП(б)У № 141/231 от 11 июня 1921 года. Со ссылкой на газету «Рщний Край» от 4 июня).

- 429 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 52–54.
- 430 ГААРК. – Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 82; Д. 21. – Л. 8 об. – 9 об.; Крымский Вестник. – 1919. – 6 февр. (24 января); *Винавер М.* Указ. соч. – С. 156–157.
- 431 ГААРК. – Ф. Р-999. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 5; Ф. Р-1000. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 82.
- 432 Там же. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 107.
- 433 Крымский Вестник. – 1919. – 10 марта (25 февр.).
- 434 Там же. – 8 февр. (27 янв.).
- 435 *Брошеван В.* «Отряд, несущий людям смерть»: (к истории вопроса о политическом терроре белогвардейцев в Крыму в 1920 году) // Известия Крымск. респуб. краевед. музея – 1995. – № 11. – С. 60–61.
- 436 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 203.
- 437 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – С. 535–536, 538.
- 438 Крымский Вестник. – 1919. – 26 (13) февр.
- 439 *А. В.* Указ. соч. – С. 269.
- 440 Крымский Вестник. – 1919. – 14 (1) февр.
- 441 Там же. – 25 (12) марта.
- 442 *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Второе Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 – апрель 1919 г.) // Отечественная история, 1998. – № 1. – С. 72.
- 443 *Винавер М.* Указ. соч. – С. 207, 208.
- 444 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 145, 148.
- 445 Крымский Вестник. – 1919. – 15 (2) марта.
- 446 *Найда С.* Об освобождении Красной армией Крыма в апреле 1991 года // Военно-исторический журнал (Москва). – 1974. – № 2. – С. 41–42.
- 447 Крымский Вестник – 1919. – 12 апр. (30 марта).
- 448 Там же. – 11 апр (29 марта).
- 449 Архив русской революции. – Т. II. – С. 139.
- 450 Журнал заседания Совета Министров Крымского краевого правительства 16 апреля 1919 года на судне «Надежда» // Там же. – С. 135–142; *Винавер М.* Указ. соч. – С. 209–220.
- 451 *Обопенский В. А.* Указ. соч. // Крымский архив. – 1996. – № 2. – С. 69.
- 452 *Обопенский В. А.* Крым при Деникине // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 164.
- 453 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1243. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 32.
- 454 Красный Крым (Симферополь). – 1924. – 23 апр... Цит. в статье: *Брошеван В. М.* 75 дней Крымской республики // Крымская правда (Симферополь). – 1990. – 24 авг.
- 455 Цит. по: *Гарчев П. И., Овод В. В.* Про створення Кримської Радянської Республіки // Український історичний журнал (Київ). – 1992. – № 4. – С. 24.
- 456 *Гарчев П. И., Овод В. В.* Указ. соч. – С. 24.
- 457 *Бикова Т. Б.* Створення Кримсько! АССР (1917–1921 рр.). – Ки!в, 2011. – С. 94–95.
- 458 *Обопенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 164.
- 459 *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет: воспоминания, переписка, статьи. – 2-е изд., доп. – М., 1984. – С. 268.
- 460 Известия ЦК КПСС (Москва). – 1989. – № 12. – С. 164.
- 461 *Бикова Т. Б.* Указ. соч. – С. 98–99.
- 462 Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы. – Том II. – С. 144–148.
- 463 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 180.

- 464 Макареев М. В., Рыжонков Г. Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004: в 2 т. – М., 2004. – Т. 2., 1917–2004. – С. 62–67.
- 465 Штаб Российского Черноморского флота (1831–2001 гг.): исторический очерк / под общ. ред. командующего Черноморским флотом Российской Федерации адмирала В. П. Комоедова. – Симферополь, 2002. – С. 35; Алтабаева Е. Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 гг.: учеб. пособие. – Севастополь, 2004. – С. 119–221.
- 466 Черноморский флот России: ист. очерк / под ред. адмирала В. П. Комоедова. – Симферополь, 2002. – С. 179.
- 467 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 170, 253–257.
- 468 Бунегин М. Ф. Указ соч. – С. 254.
- 469 Оболенский В. А. Крым при Деникине. – С. 165.
- 470 Бунегин М. Ф. Указ. соч. – С. 254.
- 471 Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 74.
- 472 Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии 1918–1919 гг. – С. 47–48.
- 473 Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й: (Краткий ист. очерк). – Симферополь, 1992. – С. 38.
- 474 Там же. – С. 87–88.
- 475 Оболенский В. А. Крым при Деникине. – С. 165.
- 476 Борьба за Советскую власть в Крыму. – Том II. – С. 114, 157.
- 477 Бобков А. Егерская бригада немцев-колонистов. 1919 // Однострш (P1в-не). – 2000. – № 3. – С. 16.
- 478 Оболенский В. А. Крым при Деникине. – С. 164.
- 479 Волков В. П. За власть Советов! – Симферополь, 1963. – С. 117.
- 480 Оболенский В. А. Крым при Деникине. – С. 164.
- 481 Волков В. П. Указ. соч. – С. 115.
- 482 Там же. – С. 128.
- 483 Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов / сост. коммент. В. В. Крестьянников. – Симферополь, 2007. – С. 418.
- 484 Борьба за Советскую власть в Крыму. – Том II. – С. 173–174.
- 485 Шидловский С. Н. Записки белого офицера. – СПб., 2007. – С. 27.
- 486 Там же. – С. 32–33.
- 487 Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. От «форпоста мировой революции» до последнего плацдарма «белой» России // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 103.
- 488 Шидловский С. Н. Указ. соч. – С. 34, 36–39.
- 489 Таврические Губернские Ведомости (Симферополь). – 1919. – 31 дек.
- 490 Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г.: материалы и документы. – М., 1990. – С. 42.
- 491 О его составе см.: Шуранова Е. Н., Зарубин А. Г. К вопросу о Южно-Русском правительстве // Крымский контекст (Симферополь). – 1996. – № 4. – С. 30–33.
- 492 Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – Минск, 2002. – С. 373.
- 493 Зимица В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. – М., 2006. – С. 194–195.
- 494 Оболенский В. А. Крым при Деникине. – С. 176.
- 495 Крымский Вестник. – 1919. – 10 (23) сентября.
- 496 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 200; Бунегин М. Ф. Указ.

соч. – С. 273.

497 Крымский Вестник. – 1919. – 10 (23) сент.

498 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 273.

499 Крымский Вестник. – 1919. – 17 (30) июля.

500 *Штейнбах Е. М.* Указ. соч. – С. 50.

501 Крымский Вестник. – 1919. – 24 сент. (7 окт.).

502 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 41; Д. 16. – Л. 2 об.; Д. 19. – Л. 13.

503 Крымский Вестник. – 1919. – 1(14) окт.

504 Архив русской революции. – Т. IV. – С. 248. (Репр.).

505 Крымский Вестник. – 1919. – 7 (20) сентября.

506 *Крестьянников В. В.* Органы контрразведки белой армии в Крыму // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 20. – С. 148.

507 *Купченко В. П.* Эпопея генерала Маркса. Драма революционного бытия // Купченко В. П. Киммерийские этюды: События. Люди. Памятники. – Феодосия, 1998. – С. 42–59.

508 *Штейнбах Е. М.* Указ. соч. – С. 46, 50.

509 Крымский Вестник. – 1919. – 30 июля (12 авг.); 1 (14) авг.; 11 (24) сент.

510 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1295. – Л. 26.

511 Крымский Вестник. – 1919. – 18 сент. (1 окт.).

512 Там же. – 1919. – 7 (20) сент.

513 Там же. – 1919–4 (17) сент.

514 См.: *Зарубин В.* Сионистское движение в Крыму (1917–1920) // Материалы шестнадцатой ежегод. междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. – М., 2009. – Ч. 2. – С. 122–127.

515 *Шульман А.* «Хорошо умереть за Родину!». Жизнь Иосифа Трумпельдора // Трумпельдор И. В. Гехлдуц. Новый путь. Воспоминания. Статьи / сост., подг. текстов И. Легкодух, Д. Лосев. Коммент. И. Легкодух. – Феодосия; М., 2012. – С. 71.

516 *Громов С. Е.* К Указ. соч. – С. 58–60.

517 *Зарубин А.* Депортация китайцев из Крыма // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1996. – № 13. – С. 61.

518 Крымский Вестник. – 1919. – 4(17) авг.

519 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 2 об.

520 Там же. – Д. 62. – Л. 21.

521 Там же. – Д. 49. – Л. 58.

522 Наша мрачная судьба // Миллет. – 1919. – 1 авг. (С крымско-татар.).

523 Крымский Вестник. – 1919. – 10 (23) авг.

524 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 16.

525 Там же. – Д. 62. – Л. 30–31.

526 Крымский Вестник. – 1919. – 6 (19) окт.

527 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1295. – Л. 74–74 об, 75, 80 об. – 81 об., 93, 76 и др.

528 *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Из истории крымско-татарского национального движения летом 1919–1920 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 237.

529 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 166, 170, 172.

530 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 210.

531 Таврические Губернские Ведомости. – 1919. – 31 дек.

532 Борьба за Советскую власть в Крыму. – Том II. – С. 217.

533 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 2.

- 534 Таврические Губернские Ведомости. – 1920. – 10 марта.
- 535 ГААРК. – Ф. Р-2235. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2.
- 536 Крымский Вестник. – 1919. – 4 (17) авг.
- 537 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 274.
- 538 Крымская Мысль (Феодосия). – 1920. – 4 марта.
- 539 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I. – С. 501.
- 540 Там же. – С. 502.
- 541 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 44.
- 542 *Киселев М.* Расхищение России // Крымская Мысль. – 1920. – 31 янв.
- 543 Крымский Вестник. – 1920. – 19 янв. (1 февр.).
- 544 *Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов: (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 77.
- 545 *Грановитов В.* Без хлеба // Крымский Вестник. – 1920. – 10 (23) янв.
- 546 *Сергеев Л.* Экономические наброски // Крымская Мысль. – 1920. – 14 февр.
- 547 Крымский Вестник. – 1920. – 22 янв. (4 февр.).
- 548 Там же. – 5(18) февр.
- 549 *Грановитов В.* Усердие не по разуму // Там же. – 6 (19) марта.
- 550 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I. – С. 512–513.
- 551 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 192.
- 552 Вечернее Слово (Севастополь). – 1920. – 14 янв.
- 553 Хроника революционных событий в Крыму, 1917–1920 гг. / сост. И. П. Кондратов, В. А. Широков. – Симферополь, 1969. – С. 147–148.
- 554 Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы. – Том II. – С. 228–229.; *Макаров П. В.* В двух схватках. – Симферополь, 1956. – С. 51–68; *Макаров П. В.* Адъютант его превосходительства. Кто он? – [М.], 1992. – С. 45–50.
- 555 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 90; Крымский Вестник. – 1920. – 24 (7) мая; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Мусульманское бюро и его судьба // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 84–88.
- 556 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 102–103.
- 557 Крымский Вестник. – 1920. – 29 янв. (11 февр.), 23 февр. (7 марта).
- 558 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 58.
- 559 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. – С. 406.
- 560 *Шафир Я.* Орловщина // Антанта и Врангель: сб. статей. – М.; Пг., 1923. – Вып. 1. – С. 127.
- 561 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 58.
- 562 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1388. – Л. 73; Д. 1345. – Л. 71; Д. 1343. – Л. 10.
- 563 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 58.
- 564 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1388. – Л. 321 об. – 322.
- 565 Крымский Вестник. – 1920. – 25 янв. (7 февр.); 29 янв. (11 февр.).
- 566 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 59.
- 567 *Шафир Я.* Указ. соч. – С. 134.
- 568 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 218–219, 296.
- 569 Крымская Мысль. – 1920. – 12 февр.
- 570 Там же. – 1920. – 21 февр.
- 571 *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 69–70.

- 572 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 185.
- 573 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1388. – Л. 279.
- 574 Там же. – Л. 73–74, 88 об.
- 575 *Амельдингер В. В.* Орловщина. Крым 1920 г. – Лос-Анджелес, 1966. – С. 46. (отдельн. оттиск из журн. «Вестник Первопоходника»).
- 576 ГААРК. – Ф. 483. – Оп. 4. – Д. 1345. – Л. 64, 67, 70, 73 об.
- 577 *Накатов И.* От слова к делу // Крымский Вестник. – 1920. – 14 (27) февр.
- 578 Там же. – 13 (26) февр.
- 579 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 194.
- 580 Крымская Мысль. – 1920. – 5 февр.
- 581 Архив русской революции. – Т. IV. – С. 251. (Репр.).
- 582 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 188–189.
- 583 Крымский Вестник. – 1920. – 21 февр. (5 марта).
- 584 Там же. – 1920. – 19 февр. (3 марта).
- 585 *Оболенский В. А.* Крым при Деникине. – С. 189–191.
- 586 Крымский Вестник. – 1920. – 23 февр. (7 марта).
- 587 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 47.
- 588 Крымский Вестник. – 1920. – 13 (26) марта.
- 589 *Слащов Я. А.* Указ. соч. – С. 77–78.
- 590 Крымский Вестник. – 1920. – 13 (26) марта.
- 591 Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920 гг. – С. 149–151.
- 592 Цит. по: *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. I. – С. 531–532.
- 593 *Врангель П. Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). – М., 1992. – Ч. II – С. 18.
- 594 Там же. – С. 17.
- 595 Крымский Вестник. – 1920. – 29 марта (11 апр.).
- 596 *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле // Деникин, Юденич, Врангель: революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991. – С. 380–381.
- 597 Там же. – С. 391.
- 598 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 65.
- 599 Крымский Вестник. – 1920. – 14 (27) апр.
- 600 *Савич Н. В.* Воспоминания. – СПб. – Дюссельдорф, 1993. – С. 397.
- 601 *Крестьянников В. В.* Органы контрразведки белой армии в Крыму. – С. 152.
- 602 *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле. – С. 382, 383.
- 603 Крымский Вестник. – 1920. – 15 (28) авг.
- 604 *Зарубин В. Г.* Об аресте О. Э. Мандельштама в Крыму в 1920 г. // Евреи Крыма: очерки истории. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 86–89; *Зарубин В. Г.* Арест поэта О. Э. Мандельштама в Феодосии (1920) // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 19. – С. 147–150; *Зарубин В.* Арест Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 г. // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4 (Ч. 1). – М., 2008. – С. 133–142.
- 605 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 141.
- 606 Крымский Вестник. – 23 авг. (5 сент.); 19 сент. (2 окт.).
- 607 Там же. – 25 апр. (8 мая).
- 608 Там же. – 13 (26) авг.
- 609 *Зимица В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. – М., 2006. – С. 216.
- 610 *Громов С. Е.* Указ. соч. – С. 61–62.

- 611 *Накатов И.* Отмена цензуры // Крымский Вестник. – 1920. – 27 марта (9 апр.).
- 612 *Раковский Г.* Конец белых // Деникин, Юденич, Врангель: революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – С. 441.
- 613 *Вернадский Г.* Крым: воспоминания // Крымский архив. – 1994. – № 1. – С. 39.
- 614 *Маслов Д.* Печать при Врангеле // Антанта и Врангель: сб. статей. – М.– Пг., 1923. – Вып. 1. – С. 184.
- 615 *Апи Э.* Татарская жизнь // Крымский Вестник. – 1920. – 26 сент. (9 окт.).
- 616 *Айвазов А. С.* Указ. соч. // Восточный Свет – 2005. – № 4. – С. 31.
- 617 *Громов С. Е.* Указ. соч. – С. 57.
- 618 *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Периодические издания Крыма (март 1917 – ноябрь 1920) // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 267–288; *Фитимонов С. Б.* К вопросу о составе и содержании периодических изданий Крыма 1917–1920 годов // Там же. – 2002. – № 8. – С. 257–259.
- 619 *Григорьев (Генкер).* Татарский вопрос в Крыму // Антанта и Врангель: сб. статей. – С. 234.
- 620 Мусульманский съезд // Последние Новости (Париж). – 1920. – 8 июля.
- 621 *Айвазов А. С.* Указ. соч. – С. 35.
- 622 *Григорьев (Генкер).* Указ. соч. – С. 234.
- 623 *Исхаков С. М.* Мусульманская политика П. Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год / сост. С. М. Исхаков. – М., 2006. – С. 189.
- 624 Крымский Вестник. – 1920. – 5 (18) июля.
- 625 *Айвазов А. С.* Указ. соч. – С. 36.
- 626 *Спацов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: материалы и док. – М., 1990. – С. 197.
- 627 *Григорьев (Генкер).* Указ. соч. – С. 237; Крымский Вестник. – 1920. – 3 (16) сен.; 7(20) окт., 29 окт. (11 нояб.).
- 628 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 98.
- 629 ГААРК – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 258. – Л. 2–3.
- 630 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 87, 204, 297; *Загородских Ф. С.* Подпольная большевистская организация – вдохновитель и организатор борьбы трудящихся Крыма против интервентов и белогвардейцев (июнь 1919 г. – ноябрь 1920 г.) // Борьба большевиков за власть Советов в Крыму: сб. статей. – С.215.
- 631 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 220.
- 632 *Обопенский В. А.* Крым при Врангеле. – С. 386.
- 633 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 353.
- 634 *Лаптев Ю. Н.* Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма. – С. 84–85.
- 635 *Карпенко С.* Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками» / Свободная мысль (Москва). – 1993. – № 15. – С. 107.
- 636 *Ленин В. И.* Примечания // Полн. собр. соч. – М., 1975. – Т. 51. – С. 424.
- 637 *Ленин В. И.* Л. Д. Троцкому // Там же. – С. 191.
- 638 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 137.
- 639 *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. – Франкфурт-на-Майне, 1982. – С. 71.
- 640 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 330.
- 641 Там же. – С. 142.
- 642 Крымский Вестник. – 1920. – 29 сент. (12 окт.).
- 643 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 161.
- 644 Там же. – С. 219.

- 645 Там же. – С. 266–267.
- 646 Цит. по: *Слащов-Крымский Я. А.* Указ. соч. – С. 195.
- 647 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 175–177.
- 648 *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. – С. 87.
- 649 *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле. – С. 380.
- 650 Там же. – С. 348.
- 651 *Корновенко С.* Соціально-економічне становище населення Півдня України, Криму в 1920 р. та програма П. Врангеля із реорганізації поземельних відносин на селі // Гуржіївські історичні читання: (зб. наук. праць) / гол. ред. В. А. Смолій, А. І. Кузьмінський. – Черкаси, 2007. – С. 332.
- 652 *Калягин А. В.* Аграрная реформа П. Н. Врангеля: (к вопросу отношения крестьянства) // Крым. Врангель. 1920 год. – С. 105–106.
- 653 *Зимица В. Д.* Указ. соч. – С. 206.
- 654 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 454.
- 655 *Зарубин В. Г.* «Друге видання» Столипінської аграрної реформи П. М. Врангелем (1920 р.) // Український селянин: зб. наук. праць / за ред. А. Г. Морозова. – Черкаси, 2006. – Вип. 10. – С. 301.
- 656 Крымский Вестник. – 1920. – 24 сент. (7 окт.).
- 657 *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле. – С. 389.
- 658 *Зимица В. Д.* Указ. соч. – С. 207.
- 659 *Цветков В.* «Власть советов» в белой Таврии: (крестьянское самоуправление в реализации земельной реформы правительства Юга России 1920 г.) // Посев (Москва). – 1997. – № 2. – С. 52.
- 660 *Шафир Я.* Экономическая политика белых // Антанта и Врангель: сб. статей. – С. 101.
- 661 *Кружко Л. П.* История возникновения железнодорожной ветки Джанкой – Херсон // Крымский музей. 1994–1995 – № 1 – С. 71.
- 662 *Владимирский М. В.* М. В. Бернацкий – министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // Отечественная история – 2007. – № 1. – С. 165–169.
- 663 *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. – С. 93–97.
- 664 Крымский Вестник. – 1920. – 3 (16) окт.
- 665 *Шафир Я.* Указ. соч. – С. 107–109.
- 666 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 305.
- 667 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 341–342.
- 668 *Карпенко С. В.* Крах последнего белого диктатора. – М., 1990. – С. 35.
- 669 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 306–307.
- 670 *Карпенко С. В.* Врангель в Крыму: государственность и финансы. – С. 89.
- 671 *Шафир Я.* Указ. соч. – С. 114.
- 672 *Оболенский В. А.* Крым при Врангеле. – С. 396.
- 673 Крымский Вестник. – 1920. – 9 (22) окт.
- 674 *Шафир Я.* Указ. соч. – С. 119.
- 675 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 109.
- 676 *Бунегин М. Ф.* Указ. соч. – С. 302–303; *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. – Ч. II. – С. 230; *Росс Н. Г.* Указ. соч. – С. 208–209, 103; *Шафир Я.* Указ. соч. – С. 230–231.

- 677 Карпенко С. В. Врангель в Крыму: государственность и финансы. – С. 85.
- 678 Лавров В. В., Бобков В. В. К истории становления высшего образования в Крыму (1918–1920 гг.) // Крымский архив. – 2007 – № 10 – С. 34–46.
- 679 Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь...»: (художественная жизнь Юга России в 1917–1920 годах). – СПб., 1998. – С. 121–233.
- 680 Крымский Вестник. – 1920. – 7 (20) окт.
- 681 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 213–214.
- 682 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 319.
- 683 Акулов М. Р., Петров В. П. 16 ноября 1920. – М., 1989. – С. 54–55.
- 684 Росс Н. Г. Указ. соч. – С. 83.
- 685 На эту тему см.: Зарубин А. Г. Украинский вопрос при П. Н. Врангеле (по материалам крымской печати 1920 г.) // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы: науч. – практ. конф. Материалы. Симферополь, 24–25 мая 1996 г. – Симферополь, 1996. – С. 40–42; Зарубин А. Г. К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны // Клио: журнал для ученых. – 1998. – № 2 (5). – С. 217–218.
- 686 Крымский Вестник. – 1920. – 18(31) авг.
- 687 Там же. – 1920. – 11(24) сент.
- 688 Там же. – 1920. – 11(24) сент.
- 689 Там же. – 23 сент. (6 окт.).
- 690 Там же. – 29 окт. (11 нояб.); Росс Н. Г. Указ. соч. – С. 252–253.
- 691 Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920 год. – С. 128.
- 692 Крымский Вестник. – 1920. – 16 (29) сент.
- 693 Там же. – 24 сент. (7 окт.).
- 694 Там же. – 3(16) окт.; 6(19) окт.
- 695 Гражданская война в СССР: в 2-х т. / под общ. ред. Азовцева Н. Н. – М., 1986. – Т. 2. – С. 307.
- 696 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 402, 403.
- 697 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 53.
- 698 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 308.
- 699 Бабахан Н. Крымская Повстанческая (Зеленая) армия // Революция в Крыму. [Симферополь]. – 1924. – № 2. – С. 15.
- 700 Мокроусов А. В. В горах Крыма: записки о красно-партизанском движении в врангелевском тылу. – [Симферополь], 1940. – С. 78–79.
- 701 Ремпель Л. И. Архив крымских повстанцев («зеленых») // Крым (Москва; Ленинград). – 1929. – № 1 (9). – С. 191–192.
- 702 Брошеван В. М. Коммунисты – организаторы вооруженных завоеваний социалистической революции в Крыму (1918–1920 гг.): диссертация на соискание учен. степени кандидата ист. наук. – К., 1985. – С. 31.
- 703 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 420–422.
- 704 Цит. по: Спацов-Крымский Я. А. Указ. соч. (Предисловие А. Г. Кавтарадзе). – С. 18.
- 705 Цит. по: Ленин В. И. Примечания // Полн. собр. соч. – М., 1975. – Т. 51. – С. 452.
- 706 Цит. по: Оньдерогге В. Краткий перечень боевых действий // Разгром Врангеля. – Харьков, 1920. – С. 42.
- 707 Врангель П. Н. Указ. соч. – Ч. II. – С. 422.
- 708 Ленин В. И. Телеграмма Реввоенсовету Южного фронта // Полн. собр. соч. – М.,

1975. – Т. 52. – С. 6.

709 *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921 / под ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и др. – СПб., 2002. – С. 614–615.

710 *Тимощук А. В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 – август 1921 г.). – Симферополь, 1921. – С. 124–125.

711 Гражданская война в СССР. – Т. 2. – С. 317.

712 *Триандафитов В. К.* Ликвидация Врангеля // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 93–95; *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921. – С. 644–648.

713 *Папанин И.* Через море на помощь бойцам Перекопа // Перекоп: сб. воспоминаний / ред. О. Шекун. – М.; Л., 1941. – С. 82–93; *Папанин И. Д.* Лед и пламень. – М., 1977. – С. 39–61.

714 *Врангель П. Н.* Указ. соч. – Ч. II. – С. 430.

715 Там же. – С. 435.

716 *Ипполитов С. С., Карпенко С. В., Пивовар Е. И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов: (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. – 1993. – № 5. – С. 78.

717 Гражданская война в СССР. – Т. 2. – С. 317.

718 В Крыму после Врангеля: (рассказ очевидца) // Крымский архив. – 1996. – № 2. – С. 59–60.

719 Ревкомы Крыма: сб. док. и материалов / отв. ред. Л. Д. Солодовник. – Симферополь, 1968. – С. 21.

720 *Ишин А. В.* Становление системы органов ВЧК в Крыму (конец 1920–1921 годы) // Крымский архив. – 2001. – № 7. – С. 14–17.

721 *Ишин А. В.* К вопросу об особенностях политического развития Крыма в первой половине 1920-х годов // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 5. – С. 48–50.

722 Ревкомы Крыма. – С. 22.

723 Там же. – С. 60–61, 72.

724 *Гавен Ю.* О расслоении татарской деревни // Известия Крымского Областного Комитета РКП(б) (Симферополь). – 1922. – № 12. – С. 5.

725 ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 83.

726 *Зарубин А. Г.* О переименовании Ялты // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1996. – № 13. – С. 61–62.

727 *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев, 2012. – С. 77.

728 Ревкомы Крыма. – С. 153, 154, 156–161.

729 *Галиченко А. А.* Усадьбы Крыма в первые годы советской власти // Москва-Крым: историко-публицистический альманах. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 268–269.

730 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 110–111, 120.

731 *Купченко В. П.* Странствие Максимилиана Волошина. – С. 303–305, 316.

732 *Купченко В. П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. – С. 119.

733 ГААРК. – Ф. П-150. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 89.

734 Там же. – Д. 112. – Л. 9.

735 *Тимощук А. В.* Указ. соч. – С. 126–129.

736 *Громов С. Е.* Указ. соч. – С. 60–61.

737 *Лавров В. В., Ишин А. В.* Таврический университет в 1918–1921 годах // История Таврического университета (1918–2003) / под общ. ред. Н. В. Багрова. – Киев, 2003. – С. 43–44.

738 *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Жизнь в Красном Крыму. Крымские и московские страницы одного «ненужного дневника» (декабрь 1920 г. – апрель

1921 г.) // Крымский альбом 2003. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах / сост., предисловия к публ. Д. А. Лосева. – Феодосия; Москва. – 2004. – [Вып. 8]. – С. 138–140.

739 *Филимонов С. Б., Омельчук Д. В.* «Выслать за границу бессрочно...»: (по материалам следственного дела С. Н. Булгакова) // Крымский музей 1995–1996 гг. – 1996. – С. 84–86; *Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. – Симферополь, 2003. – С. 19–32.

740 ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1–2 об.

741 Там же. – Л. 10.

742 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму // Крымский архив. – 1996. – № 2. – С. 86, 87–88, 90–91.

743 «Изыскать пути к парализованию...»: документы карательных органов Вооруженных сил Юга России и Крымской АССР о крымско-татарском движении (1920–1923) (публ. и ком. А. В. Ефимова и Р. Н. Белоглазова) // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 156–158.

744 *Брошеван В. М., Форманчук А. А.* Указ. соч. – С. 7–13.

745 По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989: сб. док. и материалов / сост. Л. И. Васильева, И. П. Кондранов и др. – Симферополь, 1989. – С. 12–13.

746 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 88, 93.

747 *Господаренко Н. М.* Государственное устройство Крыма, национальный и социальный состав населения полуострова // Крымский архив. – 2000. – № 6. – С. 268.

748 *Зарубин А. Г.* (сост). Указ. соч. – С. 79.

749 *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Проблема статуса Крыма в конце 20–30-х годах XX века // И. С. Шмелев и духовная культура православия: IX Крымские Международные Шмелевские чтения: сборник материалов международной конференции 12–16 сентября 2000 г. – Симферополь, 2003. – С. 373.

750 *Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 82.

751 *Доненко Н.* Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович; Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. – Феодосия; М., 2005. – С. 6–7.

752 Ревкомы Крыма. – С. 23–24.

753 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 84–85.

754 Ревкомы Крыма. – С. 40, 44–45.

755 *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Указ. соч. – С. 140.

756 В Крыму после Врангеля (рассказ очевидца). – С. 61.

757 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 86.

758 *Литвин А. Л.* Указ. соч. – С. 55–56, 62.

759 *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – Киев, 2005. – С. 154–156, 183–190, 174–175, 228, 253, 256–257, 390–392, 398–399, 409–411, 421, 422, 424–432, 434–435, 441, 445–447.

760 *Доненко Н.* Указ. соч. – С. 12–23.

761 *Абраменко Л. М.* Указ. соч. – С. 442, 447–450.

762 ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 6.

- 763 Там же. – Ф. П-32. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 10.
- 764 Там же. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 142 и др.
- 765 *Павлюченков С. А.* Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 133.
- 766 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 85.
- 767 Там же. – С. 93, 86.
- 768 *Мельгунов С. П.* Указ. соч. – С. 66–71.
- 769 *Шмелев И. С.* Солнце мертвых. – М., 1991. – С. 26, 52; *Мельгунов С. П.* Указ. соч. – С. 66.
- 770 *Усов С. А.* Комментарии / Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 96.
- 771 *Петров В. П.* К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920–1921 гг. // Проблемы истории Крыма: тезисы докладов науч. конф. (23–28 сентября). – Симферополь, 1992. – Вып. второй. – С. 58–61.
- 772 *Ишин А. В.* Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 11.
- 773 *Ишин А. В.* Неизвестные страницы Гражданской войны в Крыму. – С. 17.
- 774 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 87.
- 775 *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Указ. соч. – С. 138–139, 140.
- 776 *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.* Арлекинада: дневник артистки в дни революции: главы из повести. Глава 7. Крым // Крымский альбом 2003. – С. 144.
- 777 Доклад б. члена Коллегии Наркомнаца Султан-Галиева о положении в Крыму. – С. 88.
- 778 ГААРК. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 174.
- 779 ГААРК. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 46–46об.
- 780 Там же. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 172.
- 781 Крымское Экономическое совещание: отчет Совету Труда и Обороне на 1-е апреля 1922 г. – Симферополь, 1922. – С. 4, 13; ГААРК. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1, 6, 7, 9.
- 782 ГААРК. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 173; Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 196. – Д. 206, 210.
- 783 Там же. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 173; Д. 7. – Л. 469; Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 196. – Л. 206, 210.
- 784 Крымское Экономическое совещание. – С. 16.
- 785 ГААРК. – Ф. Р-151. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 210; Д. 53. – Л. 46.
- 786 Там же. – Д. 2. – Л. 139; Д. 7. – Л. 355.
- 787 См.: *Зарубин В. Г., Зарубин А. Г.* Голод в Крыму (1921–1923) // Клио (Симферополь). – 1995. – № 1–4. – С. 34–38; *Зарубин В. Г.* Голод 1921–1923 гг. в Крыму (по сводкам ЧК/ГПУ) // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 2. – С. 68–74; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: из истории гражданской войны в Крыму. – 2-е изд. испр. и доп. – С. 696–705; *Зарубин В.* Голод в Крыму (1921–1923) и еврейское население // Научн. труды по иудаике: материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике – М., 2010. – Т. II. – С. 261–266; *Зарубин В.* Караимская община Крыма и голод 1921–1923 гг. // Научн. труды по иудаике: материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике – М., 2011. – Т. II. – С. 214–218; *Fisher H. H.* The famine in Soviet Russia, 1919–1923; the operation of the American Relief Administration. – Freeport (New York). – 1971. – P. 279; *Kirimli Nakan.* The Famine of 1921–22 in the Crimea and the Volga Basin and the Relief from Turkey // Middle Eastern Studies. – London, 2003. – Vol. 39. – No. 1. – P. 37–88.